

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

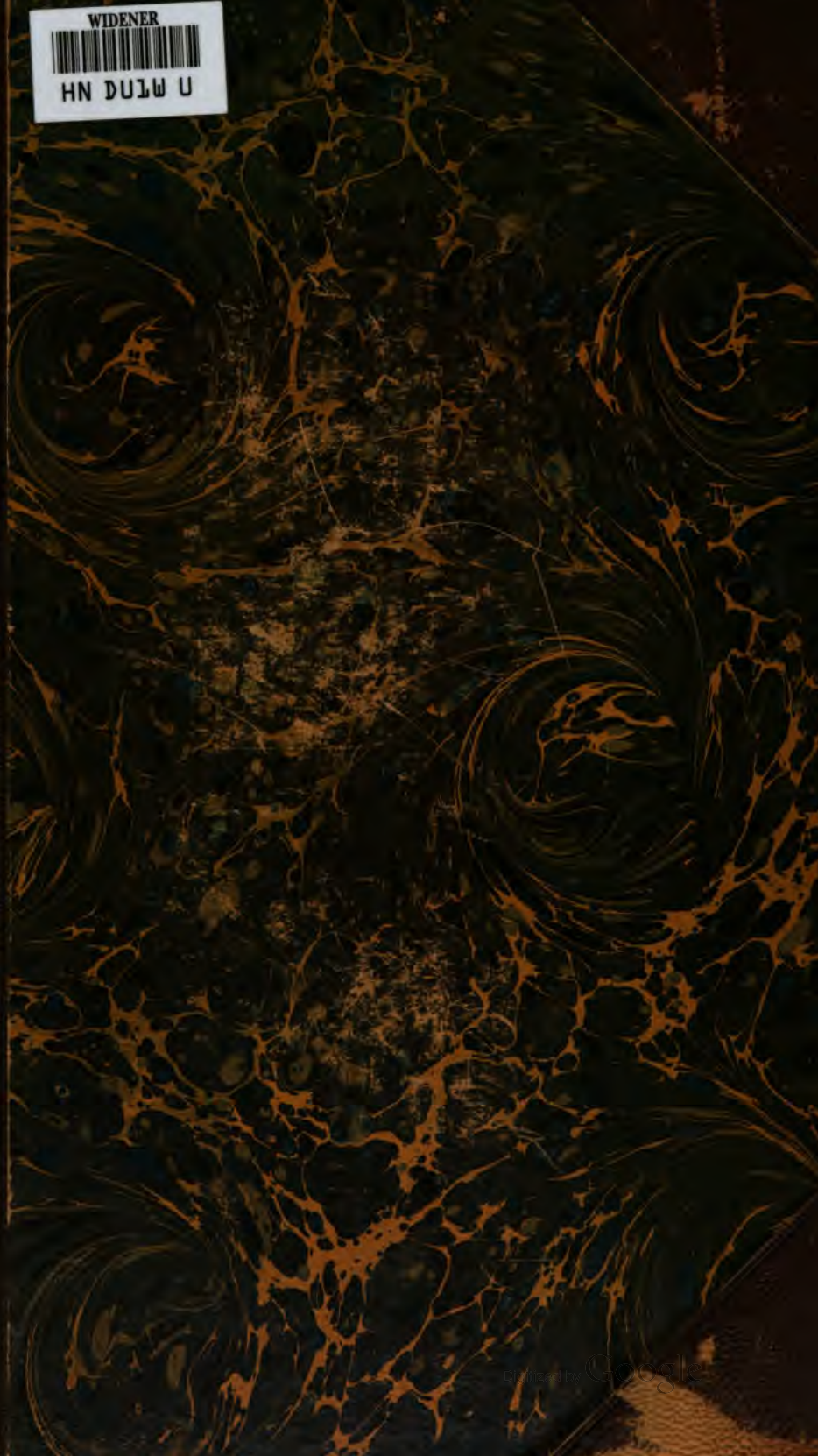
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER

HN DULW U

Slaw 4360.1

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,
OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

21 Feb., 1900

М. Н. ЗАГОСКИНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Mikhail Nikolaevich Zagorskii

М. Н. ЗАГОСКИНА

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ

ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

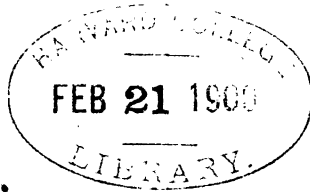
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дв., 18 | МОСКВА, Кузнечий мостъ, 12

1898

Slav 4360.1

UNIVERSITY
OF TORONTO
LIBRARY

Pierce fund

ТИПОГРАФІЯ
ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
Спб., В. О., 16 л., № 1-7.

473.

ЖЕНАТЫЙ ЖЕНИХЪ

КОМЕДІА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВЪ СТИХАХЪ

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ МОСКВѢ, ВЪ ПЕРВОМЪ, ВТОРОМЪ И ВЪ ЧЕТВЕРТОМЪ
ДѢЙСТВІИ ВЪ ДОМѢ СТАРОДУБОВОЙ, ВЪ ТРЕТЬЕМЪ—ВЪ ДОМѢ Выхиной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Марья Саввишна Стародубская, вдова лѣтъ пятидесяти.
Любенька, ея племянница.
Владиміръ, внучатый ея племянникъ, гусарскій корнетъ.
Елена Саввишна Выхова, старшая ея сестра, дѣвица шестидесяти лѣтъ.
Князь Юрій Ѳеодоровичъ Рыльскій, вочимъ Стародубской.
Марья Дмитріевна Горенская }
Арина Дмитріевна Дитрова } золовки Стародубской.
Мадамъ Грѣбушь.
Иванъ Ильичъ Пыжовъ, двоюродный братъ Стародубской.
Фома Фомичъ Башлыковъ, зять Горенской.
Графъ Сицкій.
Никаноръ, дворецкій Выхиной.
Прасковья Миншпа, экономка Выхиной.
Аксинья }
Матрѣва } горничныя дѣвушки Выхиной.
Слуга Стародубской.
Слуга Выхиной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стародубская и Владиміръ.

(Выходятъ изъ боковыхъ дверей нальво отъ зрителей).

Стародубская.

Нѣтъ, нѣтъ! и слушать не хочу!

Владиміръ.

Позвольте вамъ сказать...

Стародубская.

Пустыя оправданья!

Ужь, я-ль тебя, голубчикъ, не учу,
А все ты смотришь въ лѣсъ! Совсѣмъ безъ воспитанья,
Прямой кикимора... Мы съ Любенькой вчера
Не знали дѣлать что. Всѣ пьяны кучера,
Лакеи разошлись, и мы безъ кавалера
Поѣхали на балъ. Всему есть, сударь, мѣра—
Гуляй, да во-время.

Владиміръ.

Да я на этотъ балъ

Поѣхать, тетушка, не могъ—я слово далъ...

Стародубская.

Такому же, какъ ты, быть можетъ, верхолету
Чтобъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ трактиръ
Пить пуншъ, вино, а тамъ до самаго разсвѣту
Гулять съ цыганками? Онѣ вѣдь вашъ кумиръ!
Вамъ скучно въ обществѣ съ воспитанной дѣвицей...

Владиміръ.
Ахъ, тетушка!...

Стародубская.
А что?... я правду говорю?
Да я ужъ не сержусь! А вотъ съ твоей сестрицей,
Такъ я тебя не скоро помирю.

Владиміръ.
Кузина такъ добра, она простить...

Стародубская.
Едва-ли!...

А какъ на этомъ балѣ
Она была прелестна и мила —
Ну, просто, восхищенье!
Повѣришь-ли, мой другъ, при нашемъ появленьи
Вся зала бальная какъ будто ожила,
И даже баловень московскихъ дамъ, счастливецъ
Графъ Сицкій...

Владиміръ.
Александръ?... мой бывший сослуживецъ?..

Стародубская.
Ну, да!

Владиміръ.
Онъ съ вами былъ?... а я его искалъ
По всей Москвѣ, весь день промькался напрасно,
Измучилъ лошадей... Ну, если-бы я зналъ...

Стародубская.
Такъ ты поѣхалъ бы на балъ,
Да только не для насъ?... Вотъ это ужъ прекрасно —
И очень вѣжливо!

Владиміръ.
Я съ графомъ долженъ былъ
О дѣлѣ говорить.

Стародубская.
И ты не позабылъ?

Владиміръ.
Нѣтъ, тетушка.

Стародубская.
Такъ вы, сударь, хотѣли
О важномъ говорить съ нимъ дѣлѣ?
Не вѣрю, батюшка!

Владимірь.

А почему-же нѣтъ?

Стародубскій.

Затѣмъ, что у тебя лишь только туалеть,
Да вздоры на умѣ—хорошенькій браслеть
Купить, да щеточекъ, да вычурныхъ гребенокъ...

Владимірь.

Помилуйте!... да что я за ребенокъ?

Стародубская.

Я это говорю серьезно, не шутя.
Хотя на службѣ ты и вышелъ въ офицеры,
А все-таки ребенокъ и дитя.
Вотъ графъ—совсѣмъ не то: солидныя манеры,
Степенный видъ...

Владимірь.

Со мной онъ лѣтъ почти однихъ...

Стародубская.

А смотреть женихомъ—и нечего: женихъ!
За то и вся Москва какъ будто взбѣленилась;
Всѣ маменьки глядятъ ему въ глаза.
Ужъ какъ вчера моя золовушка срамилась
Съ своею Зеничкой; ну, сущая коза—
Вотъ такъ и прыгаетъ за графомъ!
Я запретила-бъ ей подъ самымъ строгимъ штрафомъ
На балы вывозить свою нахалку дочь:
Ее вчера при мнѣ какой-то франтикъ
Зоветь на вальсъ—куда! нейдетъ отъ графа прочь!
А мать поправить ей цвѣтокъ, приколетъ бантикъ,
И то, и се!... Ужъ какъ ее коверкала:
Поставить противъ зеркала,
Начнетъ обдергивать! а графъ-то, чай, хохочетъ,
Взглянуть на нихъ не хочетъ—
Все съ Любенькой—съ одной лишь съ нею танцовать.
Ну, будетъ же онъ помнить этотъ балъ!

Владимірь.

А что?

Стародубская.

Да кажется онъ Любенькой плѣнился,
А вѣдь отъ этого недолго до вѣнца;
У графа матери ужъ нѣтъ, и нѣтъ отца,
Такъ что ему? Задумаль и женился.
А нечего сказать, нарядный женишокъ!

Наружности пріятной,
И вовсе не такой мѣшокъ
Какъ ты, мой другъ; фамиліи презнатной,
И видно по всему—примѣрный будетъ мужъ;
Въ столицѣ станеть жить, въ московскомъ лучшемъ свѣтѣ,
А сверхъ того пять тысячъ душъ,
И только-что пятьсотъ заложены въ Совѣтѣ.

Владиміръ (*улыбаясь*).
Такъ вы ужъ знаете?

Стародубская.

А чтожъ, мой другъ—пора
Мнѣ эти вещи знать—Фома Фомичъ вчера
При мнѣ какимъ-то двумъ старухамъ
Объ этомъ говорилъ. Конечно, не всегда
Намъ должно вѣрить слухамъ...
Да вотъ не такъ давно—ты не былъ здѣсь тогда—
Я слышала, что будто-бъ на Лужницкой
Жениться хочеть графъ... Ну, вотъ, что на Мясницкой
Живеть у Покрова.
Бывало съ мужемъ все, безсрочнымъ генераломъ,
Таскается вездѣ по баламъ.
Теперь она вдова.

Владиміръ.
Чтожъ этотъ слухъ?

Стародубская.

Одно лишь пустословье.
Съ Лужницкой графъ когда-то былъ знакомъ,
А нынче даже о здоровьѣ
Не хочеть справиться и къ ней не ѣздитъ въ домъ.
Ну, можетъ быть—конечно, это хуже—
Онъ съ ней любезничалъ при мужѣ.
А вѣдь теперь не то—она вдова—такъ графъ
Взялся за умъ и держится подале
Отъ этой генеральши.
И въ этомъ онъ, конечно, правъ.
Она вѣдь чортъ! умна, хитра, а что за нравъ...
Какая наглая манера!...

Владиміръ.
Я слышаль, что она собою хороша.

Стародубская.
Такъ чтожъ отъ этого?... Хоть будь она Венера,
А мужу все бѣда. Да знаешь-ли, душа,

Что правная жена, не легче шпанской мухи—
До смерти надоѣсть. Женись-ка на вострухѣ,
На русской, батюшка, Жоржъ Занъ,
Такъ взвоешь голосомъ и милости попросишь;
Жена вѣдь не башмакъ—ее съ ноги не сбросишъ.
А, вотъ и Любенька идетъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же и Любенька.

Любенька.

Bonjour, ma tante!

Стародубская.

Куда на ласки ты, мой другъ, не таровата:
Все теткою зовешь.

Любенька.

Ошиблась, виновата!

Bonjour, maman!

Стародубская.

Ну, какъ спала ты ночь?

Любенька.

Да вовсе не спала, а только забывалась.

Владиміръ.

Bonjour, cousine!

Любенька.

Подите, сударь, прочь!

Стародубская.

И, матушка! ему ужь отъ меня досталось;
Не гнѣвайся!

Любенька.

Я вовсе не сержусь.

(Владиміру). Да не подумайте, что я безъ васъ скучала,
Спросите маменьку...

Стародубская.

Въ свидѣтели гожусь;

Немного гнѣвалась сначала,
А тамъ себя прекрасно ты вела,

Была отменно весела--
Все съ графомъ Сицкимъ танцовала,
Который отъ тебя на шагъ не отходилъ..
А что, мой другъ, вѣдь графъ...

Любенька.

Умень и очень миль.

Стародубская.

Не правда-ль, Любенька, что въ залѣ было тѣсно,
А несмотря на то—онъ танцоваль...

Любенька.

Чудесно!

Стародубская.

И все, мой другъ, съ тобой!... Однакожь, мнѣ пора...

Любенька.

Куда вы, маменька?

Стародубская.

Я ѣду со двора

Визиты сдѣлать остальные,
И надобно спѣшить. Сегодня всѣ родные
Ко мнѣ пріѣдутъ на совѣтъ.

Любенька.

Охота вамъ!

Стародубская.

Нельзя, мой другъ!—великъ отвѣтъ.
Тутъ надо поступать умно и осторожно.
Пускай поговорять.

Любенька.

А мнѣ послушать можно?

Стародубская.

Узнаешь послѣ все. Теперь, моя душа,
Ступай съ Володей въ паркъ.

Любенька.

Да я бы не хотѣла...

Стародубская.

А какъ-же ты вчера...

Любенька.

Вчера—другое дѣло.

Стародубская.

Охъ, трехъ-бунчужный мой паша!
Всегда по своему!

Любенька.

Да я-жь и не одѣта.

Стародубская.

Успѣешь, матушка!

Владимірь.

Ахъ, тетушка, она

Все сердится.

Стародубская.

Пройдетъ! (*Звонитъ въ колокольчикъ; входитъ слуга*).

Готова-ли карета?

Слуга.

Давно ужъ подана.

Стародубская.

Такъ я отправлюся—да, кстати,
Зачѣмъ вамъ ѣхать въ паркъ—тамъ очень много знати.
За то какая пыль! Ступайте лучше въ лѣсъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же безъ Стародубской.

Любенька.

Что этотъ родственнй конгрессъ
Сбираютъ для меня—оно весьма понятно,
И къ этому привыкла я давно;
Ну, чтожъ! вчера мнѣ было-бъ неприятно,
Сегодня... все равно.

Владимірь.

Ты сердисься, мой другъ—а знаешь-ли, гдѣ я
Провелъ вчерашній день?

Любенька.

Съ цыганами въ трактирѣ.

Владимірь.

Какая клевета!

Любенька.

Нѣтъ, тетюшка моя

Не лжетъ.

Владиміръ.

Она?... да есть-ли въ цѣломъ мірѣ
Такая сплетница!... Все это сущій вздоръ.
Я былъ вчера...

Любенька.

Къ чему весь этотъ разговоръ?
Конечно, я глупа. Ну, что я, въ самомъ дѣлѣ,
За что сержусь?... Отъ васъ должна я все снести;
И что тутъ важнаго? Со мной вы не хотѣли
Вчерашній вечеръ провести,
Оставили одну, покинули, забыли,
И не дивлюсь—ужъ вы ко мнѣ давно остыли;
Хотя-бъ подумали о томъ,
Что въ первый разъ я ѣду къ Сурскимъ въ домъ,
Что тамъ я сирота...

Владиміръ.

Эме, да ради Бога

Позволь сказать...

Любенька (*не слушая*).

Что тамъ бываетъ много

Любезныхъ молодыхъ людей,
Что этотъ довелась, прелестникъ, чародѣй.
Графъ Сицкій, можетъ тамъ сойтись со мной, влюбиться...
Что я сама... Нельзя вѣдь объ закладъ побиться—
Я женщина... Да нѣтъ!—вамъ это не опасно,
Вы знаете, какъ страстно,
Какъ пламенно я васъ люблю;
Такъ этимъ я себя не погублю.
Нѣтъ, нѣтъ! Вы правы, точно,
Отъ васъ должна я все сносить
И только объ одномъ просить,
Чтобъ вы позволили—и денно мнѣ, и ночью
О васъ мечтать и васъ любить—хотя заочно;
Для васъ покинуть все—родныхъ, друзей, весь міръ.
А вы, мой будущій отецъ и командиръ,
Ужъ если ваша милость будетъ,
Не брезгайте своей женой—
Хоть такъ ее любите, мой родной,
Какъ любятъ женъ у насъ, въ простонародьи.
Простите, ваше благородье!
Сердилась я по глупости одной.

Владиміръ.
Ахъ, Любенька!

Любенька.

Повѣрите-ль, мнѣ стыдно
Взглянуть на васъ.

Владиміръ.

Да это ужь обидно—
Я правъ, а вы смѣтаетесь надо мной.

Любенька.

Помилуйте! и въ мысляхъ не имѣю;
Я что? Я дѣвушка, а вы гусаръ и хватъ!
Вамъ все позволено.

Владиміръ.

Теперь ужь я не смѣю
Напомнить вамъ...

Любенька.

О чемъ?

Владиміръ.

Что внучатый вашъ братъ.
Который съ дѣтства былъ вамъ другомъ,
Сегодня долженъ быть...

Любенька.

Ну, да! моимъ супругомъ?
Отъ этого всю ночь я не спала.

Владиміръ.

Смотри-же, Любенька! Ты слово ужь дала.

Любенька.

А вѣдь сдержать его—совсѣмъ другое дѣло.
Конечно, еслибъ я теперь и не хотѣла
Съ тобою убѣжать, такъ послѣ захочу;
Быть можетъ дорого за это заплачу—
Да что съ тобою?—вѣдь ты, пожалуй, такъ завоешь,
Что вонъ бѣги?... Да нѣтъ—ты этого не стоишь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и мадамъ Грибушъ.

Мадамъ Грибушъ.

Отъ Цыхлера вамъ платье принесли.

Любенька

Отъ Цыхлера? Неужели успѣло?

Сейчасъ! (*Владимиру*). Вы слышали, о чемъ мнѣ донесли?

Такъ не прогнѣвайтесь: для женщинъ это дѣло

Важнѣй всего. (*Уходитъ вмѣстѣ съ мадамъ Грибушъ*).

Владимиръ.

Эхъ, Любенька, нашла

Ты время... погоди!... постой, мой другъ!...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Владимиръ (*одинъ*).

Владимиръ.

Ушла!

Охъ, эти женщины! Ну, вотъ, за что напала?

За что разгнѣвалась?... Я думаю, вчера

Мнѣ вовсе было не до бала—

Я долженъ былъ, чѣмъ свѣтъ, уѣхать со двора,

Туда-сюда кидаться,

Уладить все и съ Сицкимъ повидаться...

Да чтожъ не ѣдетъ онъ?... вѣдь, кажется, пора...

Хотя мой сослуживецъ ратный

Всегда былъ человекъ не очень аккуратный,

Но вѣрно ужъ теперь, товарища любя,

Забудетъ о своихъ привычкахъ...

А!... вотъ и онъ!...

Графъ Сицкій (*за кулисами*).

Владимиръ у себя?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Владимиръ и графъ Сицкій.

Графъ Сицкій (*входя*).

Фу, батюшки!... да ты у чорта на куличкахъ
Изволишь жить!... ужъ я тебя искалъ-искалъ!

Владимиръ.

Ну, что, мой другъ?

Графъ Сицкій.

Давай шампанскаго бокаль!...

Иль нѣтъ: заплачь, гусарь!... Чась горестный и слезный
Насталь ужъ для тебя—ты женишься, любезный!

Владимиръ.

Такъ все улажено?

Графъ Сицкій.

Да, милый, не тоскуй!

Вась будутъ въ паркѣ ждять—и, ятакъ, часу въ пятомъ

Сорвешь ты брачный поцѣлуй.

Я приказалъ моимъ ребятамъ

Лошадокъ не беречь. Дошло до кутерьмы,

Такъ не зѣвай!

Владимиръ.

А гдѣ-жъ вѣнчаться будемъ мы?

Графъ Сицкій.

Въ моей ближайшей подмосковной—

Всего лишь десять верстъ.

Послушай другъ: хоть я тебѣ не кровный,

Не родственникъ—да ты вѣдь здѣсь одинъ—какъ перстъ!

(*Кланяется*). Такъ ужъ позвольте мнѣ отцомъ быть поса-
женнымъ.

Владимиръ (*также кланяясь*).

Помилуйте! себя почту я одолженнымъ.

Графъ Сицкій.

Да если ужъ на то пойдёмъ,

Такъ посаженую и матушку найдёмъ—

А барыня какая!

Красавица, мой другъ!

Владимиръ.

Да кто-жъ она такая?

Графъ Сицкій.
Моя жена.
Владимірь.
Жена?... да развѣ ты женатъ?
Графъ Сицкій.
Другой ужь мѣсяць.
Владимірь.
Какъ?...
Графъ Сицкій.
Нѣтъ, милый, виноватъ!...
Сегодня ровно два.
Владимірь.
Возможно-ли?... Графъ Сицкій,
Губитель всѣхъ сердець...
Графъ Сицкій.
Женатъ, мой другъ.
Владимірь.
На комъ?
Графъ Сицкій.
На Софѣ Павловнѣ Лужницкой.
Владимірь.
На этой вдовушкѣ? и къ ней не ѣдишь въ домъ?
Графъ Сицкій.
Такъ чтожъ?
Владимірь.
И бѣдная твоя жена не плачетъ?
Графъ Сицкій.
Напротивъ—очень весела!
Владимірь.
Такъ вѣрно у тебя...
Графъ Сицкій.
Ни разу не была?
Зачѣмъ, мой другъ?
Владимірь.
Чтожъ это значитъ?
Графъ Сицкій.
А вотъ, Владимиръ, что: со мною подь вѣнецъ

Она не шла за тѣмъ, что цѣлый годъ хотѣла
Свой трауръ не снимать. Мнѣ это надоѣло.
Я къ ней присталъ, а мнѣ помогъ ея отецъ,
И Софья Павловна рѣшилась обвиняться;
Но только съ тѣмъ, чтобъ это былъ секретъ
Для всей Москвы. Чтобъ цѣлый свѣтъ
Увѣренъ былъ, что мы встрѣчаться
Другъ съ другомъ не хотимъ...

Владимірь.

Такъ ты, несчастный мужъ,
Живешь теперь въ изгнаньи?

Графъ Сицкій.

Несчастный?... Почему-жь?

Владимірь.

Помилуй, Александръ, да это наказанье!
Ну, что твоя жена?... Одинъ лишь призракъ, тѣнь,
Мечта, которую во снѣ ты обнимаешь...

Графъ Сицкій.

А если наяву?

Владимірь.

Такъ ты у ней бываешь?

Графъ Сицкій.

Ужь я сказалъ, что нѣтъ; а вижу съ каждый день!

Владимірь.

Какой же способъ ты нашель?

Графъ Сицкій.

Да такъ; секретный

Въ Москвѣ художникъ есть портретный

И живописецъ не дурной;

Онъ очень коротко знакомъ съ моей женой

И занимается теперь ея портретомъ...

Владимірь.

Такъ Софья Павловна...

Графъ Сицкій.

Бываетъ у него.

Вѣдь это, кажется, не значить ничего,

И обвинять ее не стануть въ этомъ.

Владимірь.

А что, съ художникомъ, конечно, вы друзья?

Графъ Сицкій.

Ну, да!... оно довольно вѣроятно
И даже мнѣ любить его весьма приятно:
Вѣдь этотъ живописецъ—я!

Владимірь.

Неужели?

Графъ Сицкій.

А что?—придуманно изрядно?

Квартирка у меня, не то чтобы нарядна,
Однакожь, недурна: картинки по стѣнамъ
Не хитрыя, и даже все безъ рамъ;
На мебели истертый плисець...

Да дѣлать нечего—я круглый сирота

И бѣдный живописецъ!

Въ одеждѣ у меня все та же простота;
Положенный скруткъ, пальто, довольно узкій
Шалонный картузь, съ изьянцемъ сапоги;
А ужъ объ глянцовыхъ и думать не могу!
Ну, словомъ, я художникъ русскій,
Иванъ Степанычъ Пѣтуховъ.

Владимірь.

Все это хорошо, да только не для мужа;
Хоть слякоть на дворѣ, хоть дождь, гроза, иль стужа,
А ты ступай...

Графъ Сицкій.

Я вижу, братъ, стиховъ

Ты не писалъ и не былъ вѣкъ поэтомъ;

Да знаешь-ли, что въ этомъ

Блаженство я и счастье нахожу.

Съ законною женою секретное свиданье—

Да это кладъ, очарованье!

Я тутъ минутой дорожу,

Другимъ тоска, а мнѣ что день то новый праздникъ!

Владимірь.

Ты все такой же, братъ, проказникъ,

Какимъ и прежде былъ.

Графъ Сицкій.

Я, кажется, тебѣ сказать забылъ.

Что трауръ, кончился и завтра же въ сословье

Счастливейшихъ вступаю я мужей—

Какая пища для злословья

Московскихъ сплетницъ и вралей.

Ужъ вѣрно скажутъ всѣ—«Для дѣла, знать, плохова
«Подъ именемъ скрывался Пѣтухова
«Пріѣзжій этотъ графъ»! Придумаютъ, наврутъ;
Какъ рекрута меня поставятъ въ мѣру,
Всего по жилкамъ разберутъ,
Отправятся смотрѣть мою квартиру...

Владиміръ.

А гдѣ она!

Графъ Сицкій.

Охъ, братецъ, далеко!

Дойти въ одинъ пріемъ не можно безъ снарочки.

Владиміръ.

Да гдѣ-жъ она?

Графъ Сицкій.

Между Мясницкой и Покровки!

За то не высоко

Я въ первомъ жильѣ этажѣ.
И что за домъ!... Я думаю, что гаже
Во всей Москвѣ ты не найдешь.
А, впрочемъ, домъ кирпичный
О трехъ жильяхъ и даже есть приличный
Фронтонъ съ колоннами, весь домъ биткомъ набитъ
Рабочими людьми, есть также цеховые
Сапожники, портные
И даже иногда ужасно какъ трубитъ
Какой-то тромбонистъ: отъ этого содома
Чего не можно ждать—нашлись бы удалцы,
Да есть на нихъ гроза—хозяйка дома:
Ее трепещутъ всѣ жильцы.

Владиміръ.

А кто она?

Графъ Сицкій.

Престарая дѣвица.

Владиміръ.

Дѣвица?

Графъ Сицкій.

Выхина.

Владиміръ.

Ну, такъ есть: она!

Родная тетушка и старшая сестрица,
Елена Саввишна.

М. Загоскинъ. Т. X

2

Графъ Сицкій.

Вотъ, братецъ, создана
Командовать: при мнѣ случались примѣры—
Хоть крошечку не такъ, тотчасъ долой съ квартиры.
Теперь, мой другъ, когда приходитъ все къ концу,
Позволь узнать, зачѣмъ увозишь ты кузину?

Владимірь.

Не трудно отгадать причину.

Графъ Сицкій.

Ты вѣрно сватался, и, видно, молодцу
Забрала тетушка затылокъ?

Владимірь.

Мнѣ свататься?... помилуй!... да тогда
Пришлось бы съ Любенькой разстаться навсегда.
Вѣдь тетушкѣ гожусь я только для посылокъ

И для комиссій лишь однихъ.

Таскаюсь вслѣдъ за ней, съ лорнеткой, съ опахаломъ.

Такой ли надобенъ для тетушки женихъ?

Добро бъ я былъ въ чинахъ—положимъ, генераломъ,

Но я корнетъ, бѣднякъ, безъ родственныхъ связей!

А этой мелкотой она всегда гнушалась.

Графъ Сицкій.

Такъ тетушка твоя...

Владимірь.

На знати помѣшалась.

Ей графовъ подавай! сіятельныхъ князей!

А если кто ничѣмъ не свѣтитъ,

И только-что нашъ братъ армейскій офицеръ—

Такъ онъ ей ни почемъ. Вотъ ты бы, напримѣръ...

Графъ Сицкій.

А что?

Владимірь.

Да на кого-жъ она теперь и мѣтитъ?

Графъ Сицкій.

Неужь-то на меня?

Владимірь.

Ну, да! Ты поводи даль—

Вчера ты съ Любенькой весь вечеръ танцовалъ!

Графъ Сицкій.

Такъ чтожь?

Владиміръ.

Потомъ, когда она устала,
Ты къ ней подѣлъ, на шагъ не отходилъ,
И, вѣрно, подъ-руку по комнатамъ водилъ.

Графъ Сицкій.

Такъ чтожь изъ этого?

Владиміръ.

Да развѣ это мало?
Да это: знаешь-ли, ужъ дѣло на пути.
Нѣтъ, батюшка! у насъ ты этимъ не шути.
Такое, сударь, поведенъе,
По-нашему, почти-что предложенъе.
Вотъ я, такъ ничего, я—бѣдный Еремей;
А ты съ дѣвицами любезничать не смѣй!

Графъ Сицкій.

Что дѣлать, виновать!... на балѣ я плѣнился
Твоей невѣстою. Я съ ней заговорился.
Ну, прелесть какъ умна! Какой веселый нравъ!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Гв-же и Стародубская (*входитъ и останавливается позади*)

Владиміръ (*не замѣчая тетки*).

Не правда-ли?

Стародубская.

Что вижу!... Графъ?

Графъ Сицкій.

Головка у нее изъ Грезовой картины.
А что за талія!... да отъ твоей кухни
Я вовсе безъ ума!

Стародубская.

О-го!...

Владиміръ (*увидѣвъ Стародубскую*).

А вотъ и тетюшка сама!

(*Подводитъ къ ней графа*). Графъ Сицкій, тетюшка!

Стародубская.

Я съ графомъ ужъ знакома...

Графъ Сицкій (*клянясь*).

Давно хотѣлъ имѣть я честь...

Стародубская.

Володя, потрудись. (*Владимиръ подвигаетъ кресла*). Прошу покорно сѣсть!

Какъ рада я, что вы меня застали дома!

(*Всѣ садятся*). А что, вы долго, графъ, пробудете въ Москвѣ?

Графъ Сицкій.

Мнѣ надобно недѣли черезъ двѣ

Отправиться въ Тамбовъ; а, впрочемъ, я увѣренъ,

Что скоро ворочусь. Я здѣсь пожить намѣренъ,

Не знаю, долго-ли...

Стародубская.

И долго не бѣда.

Графъ Сицкій.

А можетъ-быть останусь навсегда!

Стародубская.

Останьтесь, графъ!... въ Москвѣ живутъ не скучно

Особенно зимой. Въ жары немного душно,

Да кто жъ вамъ можетъ помѣшать

На дачѣ жить, въ Петровскомъ паркѣ

Открытымъ воздухомъ дышать,

Гулять, пить чай, курить сигарки...

А дачи—преlestь всѣ; одна другой милѣй!

Не даромъ же Москва слыветъ столицей.

Пожалуй, говорятъ, что будто за границей

Живутъ гораздо веселѣй...

По мнѣ такъ нѣтъ—я это испытала:

Сначала весело, а тамъ скучать я стала;

Конечно, много тамъ всего: цѣлебныхъ водъ,

Картинныхъ галлерей, и разныхъ любопытныхъ

Предметовъ всякихъ и вещей—

Тамъ квасъ не пьютъ, и нашихъ сытныхъ

Не подадутъ вамъ щей,

За то живутъ такъ чисто и опрятно,

Что всякій кажется богатымъ;

А сверхъ того какой климатъ!

Вотъ это, признаюсь, отменно какъ пріятно!

Пойдешь гулять—не лѣтомъ, а зимой—

Накинешь на себя косынку,

Тепло!... а все тоска; все хочется домой.

Повѣрите-ль — вотъ такъ и тянетъ на Ордынку!

Вы скажете, что я стара,
Люблю покой. Прійдетъ и ваша, графъ, пора;
Теперь вамъ скука неизвѣстна;
Вась все на свѣтѣ веселить;
Живете вы чудесно—

Къ вамъ каждый день толпа пріятелей валить.
Вы, вѣрно, любите художества, искусства...
Но вѣчно одному нельзя же, графъ, прожить.
Захочете себя семействомъ окружить,
Найдете по-сердцу жену—вѣдь это чувство...

Графъ Сицкій.

Весьма понятное...

Стародубская.

Оно у насъ въ крови.

Графъ Сицкій.

Конечно, иногда бывають неудачи,
Но еслибъ всё женились по любви...

Стародубская.

У насъ въ Москвѣ не женятся иначе.

Графъ Сицкій.

Жениться надобно; а если кто богатъ,
Такъ это даже долгъ.

Стародубская,

И я того же мнѣнья.

Женатый человѣкъ достоинъ уваженья
Ужь потому, что онъ женатъ.

Графъ Сицкій.

Замѣйте, добрый мужъ всегда здоровъ и тучень,
А это потому, что онъ благополучень.

Стародубская.

Вы правы, графъ!

Графъ Сицкій.

Вѣдь въ жизни лишь одно

Блаженство намъ дано:

Подруга милая, семья, родныя дѣти...

Стародубская.

Другого счастья нѣтъ на свѣтѣ.

Графъ Сицкій.

Они всегда при мнѣ, всегда со мной.
А эта жизнь...

Стародубская.

Да просто рай земной!

Графъ Сицкій.

И что за жизнь, скажите, холостого?
Съ кѣмъ задушевное подь часъ промолвить слово,
Кого онъ другомъ назоветъ?
Онъ круглый сирота...

Стародубская.

А если онъ, сердечный,
До старости глубокой доживетъ?
Такъ что тогда?

Графъ Сицкій.

Да, просто—адъ кромѣшный.

Стародубская.

Ахъ, графъ, какой у васъ глубокой умъ,
Какія правила, какое разсужденье!

Графъ Сицкій.

Все это слѣдствіе моихъ сердечныхъ думъ.

Стародубская.

Всѣ женщины отъ васъ должны быть въ восхищеньи!
Да съ вами не кого поставить на ряду!
Володинька, учись! Конечно, въ твой лѣта
Жениться я тебѣ не дамъ совѣта,
А это, такъ, для переду.
Вѣдь надобно служить при состояньи маломъ—
Я эту пѣсенку давнымъ давно тяну:
«Служи, мой другъ!» а вотъ какъ будешь генераломъ,
Такъ мы тогда найдемъ тебѣ жену.

Владимірь.

Да развѣ оберъ-офицеромъ
Нельзя жениться никогда?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Ть-же и Любенька (*графъ встаетъ и кланяется*).

Стародубская.

А, Любенька!... тебя съ вчерашнимъ кавалеромъ
Знакомить нечего. Садись, мой другъ, сюда!

(*Любенька садится подлѣ графа*).

Мы съ ней вчера съ большими головами
Пріѣхали домой.

Графъ Сицкій.

А я такъ не усталъ;

Я вслѣдъ отправился за вами
На раутъ къ Лидинымъ, и все еще засталъ
Премножество гостей; а это поздно было—
Часу ужъ во второмъ...

Стародубская.

Ахъ, Вольдемаръ, забыла
Спросить тебя: ты ѣздилъ ли въ Совѣтъ?

Владиміръ.

Въ Совѣтъ?... Зачѣмъ?

Стародубская.

Одинъ билетъ

Перемѣнить, другой взять новый.

Владиміръ.

Билетъ?

Стародубская.

Ну, да! Вѣдь тамъ проценты не дарятъ.
Позвольте, графъ! (*Графъ привстаетъ и кланяется;
Стародубская отводитъ къ сторонѣ Владиміра*). Какой
ты безтолковый!

Пускай поговорятъ.

(*Начинютъ говорить шопотомъ*).

Графъ Сицкій (*Любенькѣ*).

Я васъ вездѣ искалъ, старался ежедневно
Васъ встрѣтить гдѣ-нибудь.

Любенька.

Меня?

Графъ Сицкій.

Ну да, Любовь Сергѣевна.

Стародубская (*громко Владимиру*).
Смотри, въ Уѣздный Судъ заѣхать не забудь.

Графъ Сицкій

На это есть преважныя причины.
На балѣ съ вами я бесѣдовать не могъ;
Насъ слушали со всѣхъ сторонъ—у вашихъ ногъ
Лежали всѣ мужчины;
За мной всѣ маменьки измучились въ ходьбѣ;
Теперь могу я вамъ сказать о томъ участьи,
Которое беру я въ вашемъ счастьи
И вашей будущей судьбѣ.

Стародубская (*громко Владимиру*).

Уѣздный Судъ совсѣмъ что-ль вымеръ?
Найдешь кого-нибудь.

Графъ Сицкій.

Просиль ли васъ Владимиръ
Не отвергать моихъ услугъ?

Любенька.

Ахъ, Боже мой!... такъ вы тотъ другъ...

Графъ Сицкій.

Который долженъ быть отцомъ на вашей свадьбѣ.
Сегодня въ пять часовъ, иль въ шесть въ моей усадьбѣ
Вы обвѣнчаетесь и къ вашей я роднѣ
Поѣду самъ просить за васъ прощенье.

Любенька.

Ахъ! что должны вы думать обо мнѣ!
И какъ рѣшилась дать Владимиру я слово—
Что будетъ мнѣ отъ всѣхъ родныхъ!

Графъ Сицкій.

Такъ вы для нихъ
Должны губить себя? И что-же тутъ дурного?
Да почему же Владимиръ не женихъ?

Любенька.

Предметомъ сталъ злословья,
Насмѣшекъ, клеветы...

Графъ Сицкій.

Да это вѣдь удѣлъ ума и красоты.

Любенька.

Москва начнетъ кричать...

Графъ Сицкій.

Такъ что-же? На здоровье,
Пускай кричитъ!... Устанетъ подъ конецъ.

Любенька.

А тетушка?

Графъ Сицкій.

Она проститъ.

Любенька.

Что подъ вѣнецъ
Осмѣлилась идти противъ ея я воли?
— О, вѣчно не проститъ!...

Графъ Сицкій.

Прощаютъ и врагу;

А вы для тетушки своей—злодѣйка, что ли?

Любенька.

Нѣтъ, нѣтъ!... На это я рѣшиться не могу!

Графъ Сицкій.

Ахъ, что вы!... Ради Бога!...

Да этимъ можно-ли шутить—

Владиміръ любить васъ, такъ долго-ль накутить
Ему? Подумайте пемного!

Его отчаянье не будетъ знать границъ.

Да послѣ этого, отъ здѣшнихъ всѣхъ дѣвицъ,

И бѣдныхъ и богатыхъ,

Должны всѣ мы

Бѣжать какъ отъ чумы

И вамъ оставить лишь женатыхъ,

Затѣмъ, что вѣрнаго нѣтъ съ вами ничего;

То солнышко у васъ, то вдругъ, глядишь, ненастье.

Вы все Владиміру:—его кумиръ и счастье,

Блаженство, радость, жизнь, и это у него

Вы разомъ все отнять хотите!

Бѣдняжка былъ такъ счастливъ и такъ радъ!

За чтожъ вы рай ему земной сулите,

Когда готовите такой ужасный адъ!

Стародубская (*тихо Владиміру*).

Фу, батюшки! съ какимъ онъ жаромъ

Съ Любовью говоритъ!... Ну, это ужъ не даромъ:

Онъ по-уши въ нее влюбленъ.

Графъ Сицкій.

Вамъ было надобно объ этомъ думать прежде...

Теперь обманутый въ надеждѣ
На все рѣшится онъ.

Стародубская (*тихо*).

Голубушка моя! Смотри, какъ покраснѣла!
Потупила глаза!... Ну, видно дѣло
Идетъ на ладъ.

Графъ Сицкій.

Что онъ не можетъ жить безъ васъ,
Не вы-ль причину?

Стародубская (*тихо Владимиру*).

На этотъ первый разъ
Довольно, кажется... (*Подходитъ потихоньку къ графу*).

Графъ Сицкій.

Вина во всемъ не ваша-ль!
Онъ вѣрилъ вамъ, а вы... (*Стародубская кашляетъ,
графъ оглаживается*).

У васъ, я вижу, кашель?

Стародубская.

Особенно при времени сухомъ. (*Садится подлѣ графа*).
До смерти надобсть. Что, графъ, вы чай нерѣдко
Гуляете?... у васъ кабріолетка
Ужъ вѣрно есть?

Графъ Сицкій.

Я ѣзжу все верхомъ.

Стародубская.

И Любенька моя большая амазонка.
Верховая ѣзда у ней теперь въ ходу;
У насъ подымется подчасъ такая гонка,
Что мы домой приѣдемъ какъ въ чаду;
Да это ничего—мы завтра ѣдемъ снова
Въ Царицыно, въ Останкино, въ Кусково;
Гдѣ чай мы пьемъ, гдѣ сливки, молоко.
Сегодня Любенька не ѣдетъ далеко—
Въ Петровскій паркъ.

Графъ Сицкій.

И я хочу туда-же

Отправиться верхомъ.

Стародубская.

Вы ѣдете, когда—

Ужъ вѣрно вечеромъ?

Графъ Сицкій,

Нѣтъ, въ три часа—и даже
Пораньше иногда. Вѣдь модный свѣтъ примѣромъ
Не служить мнѣ, по мнѣ верховая ѣзда
Пріятнѣй поутру.

Стародубская.

Хотите-ль кавалеромъ

Вы быть у Любеньки?

Графъ Сицкій.

Я очень буду радъ. (*Встаетъ*).

Стародубская (*также встаетъ и говоритъ въ сторону*).

Вотъ этакъ то скорѣй добьемся мы развязки!
(*Любенькѣ*). Съ тобою, Любенька, верхомъ поѣдетъ братъ,
За вами вслѣдъ мадамъ Грибушъ въ коляскѣ.

Графъ Сицкій.

Я кой-куда еще съ визитомъ забѣгу.

(*Любенькѣ*). Такъ въ три часа?

Стародубская.

Ее вамъ сдаться руками

Володенька.

Графъ Сицкій (*откланиваясь*).

Я не прощаюсь съ вами!

Стародубская.

Да, этого сама терпѣть я не могу—
Прошу всегда безъ всякаго прощенья;
Когда знакомствомъ мы взаимно дорожимъ,
Такъ надо говорить: «до скорого свиданья!»

Графъ Сицкій.

О, я надѣюсь быть вамъ вовсе не чужимъ.

Стародубская (*Любенькѣ*).

Ты слышишь?.. не чужимъ!... Хорошее словечко!
А онъ вѣдь графъ, мой другъ—умень, пять тысячь душъ!...

Графъ Сицкій (*уходя, Владимиру, который его провожаетъ*).

Съ какой вы ѣдете гулять мадамъ Грибушъ?

Владиміръ.

Француженка—не волкъ, а сущая овечка.

Я съ ней ужъ порѣшилъ—прощай!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ-жъ, безъ графа Сицкаго.

Стародубская.

Вчера влюбился онъ, а нынче хоть вѣнчай!
Ну, этотъ графъ—женихъ примѣрный!
А что, Володенька, скажи: каковъ мой глазъ?
Тотчасъ замѣтила!

Владиміръ.

На этотъ счетъ у васъ
Всегда былъ взглядъ отлично вѣрный.

Стародубская.

О, въ этихъ случаяхъ я вовсе не глупа.
И опытъ такъ-же мнѣ полезенъ.

Любенька.

И, полноте, татап!

Стародубская.

Да развѣ я слѣпа!
Онъ былъ съ тобой такъ милъ и такъ любезень...
На первый разъ нельзя-же быть смѣлѣй.

Любенька.

Такъ милъ!... съ Лужницкою онъ былъ еще милѣй.

Стародубская.

Кто?... графъ?... съ Лужницкою?... Откуда это взяли?
Кто вамъ сказалъ?.. когда и гдѣ?

Любенька.

Вчера, на балѣ
Объ этомъ говорилъ...

Стародубская.

Ужъ не Фома-ль Фомичъ?
Охъ, этотъ Башлыковъ! Онъ вѣчно поретъ дичь—
Болтунъ, дуракъ, рассказчикъ безконечный...

Любенька.

Нѣтъ, маменька, не онъ.

Стародубская.

А кто-жъ?

Любенька.

Иванъ Ильичъ.

Стародубская.

Почтенный братецъ мой, Пенькова другъ сердечный?
Ну, такъ и есть! Да онъ готовъ оклеветать
Не только Сицкаго—отца, родную мать!
Лишь только-бы тебя за этого Пенькова
Просватать какъ-нибудь.

Любенька.

Но графу стыдно-бы забыть
Лужницкую—ему на ней жениться должно.

Стародубская.

Ну, вотъ еще! на всѣхъ жениться невозможно!
Да мало-ли кого изъ дамъ онъ посѣщаль,
Такъ и женись на всѣхъ...

Любенька.

А если обѣщаль?

Стародубская.

И, матушка!... мужскія обѣщанья
Подчасъ не стоятъ ни гроша.
Лужницкая была когда-то хороша,
Теперь ей тридцать лѣтъ—вдова, безъ состоянья...
Да это бы для всѣхъ престранный былъ сюрпризъ.
И прежде-то болтали все напрасно!
Какая тутъ любовь?—дурачество, капризъ!
А вѣдь тебя, мой другъ, онъ любить страстно.

Любенька.

Кто разъ клялся въ любви, тому влюбиться вновь
Не слѣдуетъ, шамап,—онъ чести измѣняетъ.

Стародубская.

И, Любенька! чего не извиняетъ
Такая страстная любовь!
Вѣдь графъ въ тебя влюбленъ, какъ сумасшедшій.

Любенька.

И этимъ вы его хотите оправдать?

Стародубская.

А какъ же, душенька? Вотъ то-то, нападать
Вы любите на вѣкъ прошедшій.
А сами что?... Въ нашъ вѣкъ, хоть не было дѣвицъ.

Ученыхъ, какъ теперь—какихъ-то львовъ, да львицъ;
Въ профессоры не шли, не бредили искусствомъ,
Хоть были и тогда отличные умы,
За то мы знали страсть! Съ какимъ, я помню, чувствомъ
Прелестнѣйшій романсъ пѣвали мы:

„Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви,
Но кто, о сердце, можетъ
Противиться тебѣ“.

Вы нынче скажете, что это не резонъ,
Что страсть должна покорна быть разсудку,
За то любовь теперь считаете за шутку.
А, кстати, Любенька, сегодня амазонъ
Какой надѣнешь ты?

Любенька.

Я думаю зеленый.

Стародубская.

Да развѣ у тебя другого платя нѣтъ?
У этого какой-то грязный цвѣтъ,
Ни то, ни се—ну, точно запыленный.
Твой синій амазонъ и лучше, и новѣй,
Да этотъ же и цвѣтъ прятнѣй и живѣй
Зеленаго.

Любенька.

Я въ немъ не такъ свободна—
Онъ узокъ мнѣ... а, впрочемъ, какъ угодно.

Стародубская.

Что за узокъ—ничего!... за то къ тебѣ идетъ;
Да не пора-ль тебѣ заняться туалетоми?
Чу? слышишь-ли! двѣнадцать бьетъ...
Пора, мой другъ, что толку будетъ въ этомъ,
Когда нашъ графъ съ тоски умретъ.
Вѣдь безъ тебя ему Петровскій паркъ—пустыня!

Любенька.

Такъ я пойду, тапан.

Стародубская.

Ступай, моя графиня! (*Любенька уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тъ-же, безъ Любеньки.

Стародубская.

Ну что, Володенька, послалъ ли ты въ манежь?

Владимірь.

Давно ужь, тетушка.

Стародубская.

А лошади?

Владимірь.

Все тѣ-жь,

Что въ прошлый разъ—я такъ уговорился.

Стародубская.

Такъ чтожь ихъ не ведутъ? Теперь ужь первый часъ.

Владимірь.

Да, тетушка, пора.

Стародубская.

Такъ ты бы потрудился

И съѣздить самъ, мой другъ; а то, пожалуй, васъ

Продержать три часа и ихъ пришлютъ къ обѣду.

Ступай, Володенька, скорѣй.

Владимірь.

Сейчасъ поѣду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Стародубская одна.

Стародубская (*звонитъ въ колокольчикъ, входитъ слуга*).

Чужимъ всѣмъ говори, Федотъ, что дома нѣтъ,

А всѣхъ родныхъ проси въ большой мой кабинетъ.

(*Уходитъ нальво отъ зрителей*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Кабинетъ Стародубской).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Стародубская и слуга (*разсталавливаетъ кресла*).

Стародубская.

Не такъ!... подвинь впередъ!... всё рядомъ ставь...

Чтобъ мѣста не было пусто!...

Большія кресла тутъ!... а столикъ здѣсь оставь!

Ступай!... (*Слуга уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Стародубская и Любенька (*въ синемъ амазонѣ и круглой шляпѣ*).

Стародубская.

А, Любенька! ужь ты, мой другъ, готова?

Любенька.

Готова, маменька.

Стародубская.

А что же Вольдемаръ?

Любенька.

И онъ готовъ... какой сегодня жаръ.

Стародубская.

Да, время хорошо и дома оставаться

Теперь грѣшно... Позволь тобой полюбоваться!

Какъ этотъ амазонъ къ тебѣ, мой другъ, присталь!

Ну, жаль, что въ немъ нельзя отправиться на балъ.—

Ужъ вѣрно-бъ, Любенька, ты всёхъ заполонила...

Однако, вамъ пора, ужъ часъ давно пробило.

Послушай, Любенька: ты съ графомъ все была

Вчера любезна и мила.

Такъ будь же и теперь. Дѣвицу украшаетъ

Улыбка, взглядъ, пріятный разговоръ,
Подчасъ одинъ удачный взоръ
Ея судьбу на вѣкъ рѣшаетъ.
Вѣдь въ этихъ случаяхъ сноровочка нужна.

Любенька.

Такъ съ графомъ я кокетничать должна?

Стародубская.

Ну, чтожь, мой другъ, — немножко не мѣшаетъ.

Любенька.

Да знаете-ль, татап, и ѣхать не хочу.

Стародубская.

Вотъ новости?... Опять за то-же?

Помилуй, матушка, на что это похоже?

Я за тебя какъ дура хлопочу,

А ты все поперекъ!

Любенька.

Да близко ли до парка,

А на дворѣ такая духота.

Стародубская.

Пустое, вздоръ!... совсѣмъ не жарко!

Любенька.

Да я жъ не выспалась, устала...

Стародубская.

Вѣ твои лѣта

Не устають.

Любенька.

Нельзя-ль до будущей недѣли...

Стародубская.

Да чтожь ты хочешь, въ самомъ дѣлѣ,

Компрометировать меня?

Вѣдь графа про тебя не я ль просила лично

Съ тобою ѣхать въ паркъ, а онъ вѣдь не родня

Прокамѣсть намъ—его, надѣюсь, неприлично

Мальчишкой трактовать.

Любенька.

А если я больна?

Стародубская.

Капризомъ, матушка, ты этимъ нездорова

Сегодня цѣлый день. Мы дали графу слово
И взять его назадъ теперь ты не вольна.

Любенька.

А почему-жь не взять?

Стародубская.

Куда какъ благородно!

Ужь то-то будешь ты примѣрная жена!

Любенька.

Ну, вотъ, подумаешь: моя-ль теперь вина?
Хоть плачь, а поѣзжай.

Стародубская.

Чтожь, ѣхать вамъ угодно?

Любенька.

Да, дѣлать нечего — пришлось!

Стародубская.

одайте календарь, я запишу на память,

Что нынче мнѣ переупрямить

Любовь Сергѣевну удалось.

Да этакъ я себя совсѣмъ замаю —

Что шагъ, то новый споръ:

Я лажу къ лучшему, а ты наперекоръ!

Любенька.

Послушайте, маман: я очень понимаю,

Что ваши планы всѣ отлично хороши,

Что вы отъ всей души

Устроить счастье хотите

Своей племянницы родной;

Все это хорошо, да вы ее спросите,

Согласна-ли она быть Сицкаго женой?

Стародубская.

Согласна-ли?... Ну, это ужъ забавно!

Да чтожь ты, матушка, смѣешься надо мной?

Любенька.

Нѣтъ, маменька.

Стародубская.

Не ты-ль сама недавно

Твердила мнѣ, что графъ отлично милъ,

Что онъ тебя вчера обворожилъ

Своей любезностью, умомъ и знаньемъ свѣта.

Любенька.

А если, несмотря на это,
Я выйти за него, быть можетъ, не хочу

Стародубская.

П, чай, за то, что ты ему не по плечу?
Онъ только графъ? какого жъ сана
Быть долженъ твой супругъ?
Китайскаго тебѣ, что-ль, надо Богдыхана...

Любенька.

О, нѣтъ!

Стародубская.

Да ты здорова-ли, мой другъ?
Не спрыснуть ли тебя водицею отъ глазу?
Пль это такъ, нашелъ недобрый стихъ?

Любенька.

Ахъ, маменька! любить нельзя-же по заказу.

Стародубская.

Графъ знатенъ и богатъ, чудеснѣйшій женихъ...

Любенька.

А если-бъ я влюбилась въ человѣка
Не знатнаго и даже бѣдняка?

Стародубская.

Такъ чтожъ, сударыня, на это есть опека.

Любенька.

Такъ безъ нее моя рука...

Стародубская.

Да, ей располагать еще не получили
Вы права, матушка.

Любенька.

Такъ вы-бъ насъ разлучили?

Стародубская.

Да, милая, дурачиться не дамъ.

Любенька.

А страсть то, маменька?

Стародубская.

Тутъ вовсе не у мѣста.

Помилуй, Любенька, да это былъ-бы срамъ!

Ты первая московская невеста—

Три тысячи неуступно душъ,
Да тысяча моихъ, такъ будущій твой мужъ
Быть долженъ по тебѣ, съ богатымъ состояньемъ,
Иль графъ, иль князь...

Любенька.

Нѣтъ, мысль моя совсѣмъ не та,
Мы счастливы своимъ не можемъ быть названьемъ
И безъ любви богатство—нищета.

Стародубская.

Вотъ вздоръ какой!... Да ты, я вижу, поглупѣла?

Любенька.

Что если-бы, татап, я вамъ теперь запѣла
Любимый вашъ романсъ:

„Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви..“

Стародубская.

Такъ я сказала-бы, что ты поешь фальшиво,
И даже не въ кадансъ.
А такъ-какъ я на это прихотлива,
Такъ повезла-бъ тебя во Францію, иль въ Римъ
Учиться музыкѣ—вѣдь мы не разоримъ
Себя поѣздкой за границу.

Любенька.

Нѣтъ, маменька, зачѣмъ такъ далеко
Возить плохую ученицу,
Поѣду лучше въ паркъ.

Стародубская.

Охъ, ладить, не легко
Съ тобой!... насилу согласилась.
Ступай-же поскорѣй!

*(Любенька идетъ, потомъ останавливается
въ нерешимости и возвращается назадъ.)*

Зачѣмъ ты воротилась?

Любенька *(бросается къ ней на шею и целуетъ)*.
Прощайте, маменька!

(Скоро уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Стародубская (одна).

Стародубская (*глядя вслѣдъ за Любенькой*).

Ну, съ Богомъ! въ добрый часъ!

...Куда, подумаешь, какъ все на свѣтѣ чудно!

Графъ Любеньку вчера увидѣлъ въ первый разъ,

А ужъ влюбленъ, и какъ влюбленъ, повѣрить трудно!

Вотъ такъ признаемъ и спѣшить.

Хоть страстная любовь теперь совсѣмъ не въ тонѣ,

А я увѣрена, что въ этомъ амазонѣ

Она его совсѣмъ ужъ сокрушить.

(*Слышнень стукъ каретъ.*)

Вотъ, кажется, съѣзжаться стали!...

(*Входитъ слуга.*)

Слуга.

Елена Саввишна.

Стародубская (*идя на встрѣчу къ Выхиной*).

Пожалуйте сюда!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Стародубская и Елена Саввишна Выхина.

Выхина.

Охъ, эта скорая ѣзда!...

И я, мой другъ, и лошади устали.

(*Цѣлуются и садятся.*)

Стародубская.

Зачѣмъ спѣшили вы?

Выхина.

Да какъ-же не спѣшить;

Я думала, что мнѣ пришлось пожаръ тушить.

«Пожалуйте скорѣй—преважное есть дѣло!»

А путь-то, матушка, далекъ:

Я мопса накормить порядкомъ не успѣла,

Дала, голубчику, одинъ лишь кренделекъ,

А онъ, вѣдь, не привыкъ, мой другъ, къ сухому хлѣбу—

Я молочкомъ всегда кормлю его.

Теперь позволъ спросить: нужна я для чего

И на какую ты изволила потребу
Сегодня выписать меня?

Стародубская.

Ко мнѣ сейчасъ сберется вся родня.

Выхина.

Зачѣмъ?

Стародубская.

Я ихъ просла для совѣта.

Выхина.

Что это вздумалось тебѣ?

Стародубская.

Мы будемъ говорить о будущей судьбѣ
Моей племянницы. Вы знаете, что это
Преважный шагъ.

Выхина.

Да, нынче молодежь

Не прежняя—кого теперь найдешь,
Чтобъ видомъ походилъ на ловкаго мужчину?
Надѣли на себя угрюмую личину,
Одѣлись всѣ какъ пастухи,
Въ какихъ-то ходять балахонахъ
И каются въ грѣхахъ, а тѣже все грѣхи.
Лишь только ни въ одной не видишь ихъ гостиной—
Одинъ все пьетъ, другой картежникъ записной—
Изъ клуба, матушка, не выгонишь дубиной—
Такъ гдѣ ему прожить въ ладу съ женой.

Стародубская.

Вы судите ужъ слишкомъ строго:
Когда-же молодость бываетъ безъ грѣхозъ.
Конечно, молодыхъ людей въ Москвѣ немного,
И мало, вообще, хорошихъ жениховъ...

Выхина.

Хорошихъ въ Петербургъ отсюда посылають.

Стародубская.

Однако-жъ, двухъ давно мнѣ предлагаютъ,

А третій у меня въ вѣду.

Эме и прежде-то, съ ума весь свѣтъ сводила,
А ужъ теперь въ такомъ ходу!...

Выхина.

Кого-жъ ты на совѣтъ сегодня пригласила?

Стародубская.

Да будет вотчимъ мой

Выхина.

Сіятельнѣйшій князь?

Смотри, сестра! вѣдь онъ лицомъ ударить въ грязь
И дастъ такой совѣтъ...

Стародубская.

Помилуйте! мой вотчимъ?

Выхина.

Ну, да! онъ только-что упрямъ и очень глупъ,
Ужасно скупъ,
Отмѣнно гордъ, а, впрочемъ.
Прекрасный человекъ.

Стародубская.

Не всё, однако-жъ, такъ
О князѣ говорятъ...

Выхина.

Да онъ совсѣмъ дуракъ.

Родился отъ отца-урода,
И мать была глупа—такая ужъ порода.

Стародубская.

Что это вы такъ рубите съ плеча,
Вѣдь онъ въ чинахъ и князь...

Выхина.

А все бы не мѣшало
Занять ума. Кого-жъ еще ты приглашала?

Стародубская.

Да брата нашего, Ивана Ильича.

Выхина.

Вотъ этотъ поумнѣй, смышленъ и очень ловокъ.
Кого-жъ еще?

Стародубская.

Мои хъ заловокъ,

Арину Дмитревну...

Выхина.

Эхъ, матушка, къ чему!

Стародубская.

Да, Марью Дмитревну...

Выхина.

Зачѣмъ? Напрасно!

Стародубская.

Нельзя-жъ ихъ не позвать.

Выхина.

Не должно, потому,

Что судять обо всемъ они всегда пристрастно,
Что Любенька и такъ давно у нихъ
На маковкѣ сидитъ. Добро-бъ одинъ женихъ,
А, вѣдь, тебѣ о трехъ сказать придется...

Стародубская.

Такъ желчь въ нихъ разольется?

Ну, чтожъ? пускай себѣ.

Выхина.

Ихъ надо пощадить,

Сестра.

Стародубская.

Щадить? за что? За то, что имъ завидно
На Любеньку смотрѣть?

Выхина

Ну, да! вѣдь имъ обидно

Ихъ дочки начали немного походить
На зрѣлыхъ дѣвъ. На что ужъ лучше свата
Какъ нашъ Иванъ Ильичъ Пыжовъ, и тотъ, мой другъ,
Давно рукой махнулъ.

Стародубская.

Да чѣмъ я виновата,

Что Зенечка не сходитъ съ рукъ
У Марьи Дмитриевны?

Выхина.

А все таки досадно,

И ей на Любеньку не весело смотрѣть.
Арина Дмитриевна не очень также ладно
Ведетъ свои дѣла: чай въ дѣвкахъ умереть
Придется Феничкѣ. И то сказать: ужъ слишкомъ
Изволитъ разбирать! Ну, гдѣ съ ея умишкомъ

Сортировать, какъ слѣдуетъ, людей.

Тотъ, подлинно, сама себѣ злодѣй!

Тотъ гордъ и слишкомъ избалованъ,

А этотъ плохо образованъ,

Одинъ ужасно скупъ, другой великій мотъ
Иль жизнь ведетъ ужь слишкомъ удалую...
Бракуеть всѣхъ на пропалую.

Стародубская.

Арина Дмитревна?

Выхина.

Ну, да! Днѣпрова.

Стародубская.

Лжетъ.

Выхина.

Какъ, матушка? такъ эти всѣ отказы?...

Стародубская.

Лганье и хвастовство! За Феничку одинъ
Какой-то сватался прѣзкій господинъ,
И больше никого.

Выхина.

Скажите! вотъ проказы!...

Стародубская.

Проказы?... Нѣтъ!... по-мнѣ такъ тяжкіе грѣхи.
Лишь только съ Феничкой кто скажетъ два-три слова,
Такъ тотчасъ-же его запишутъ въ женихи;

Не хочетъ онъ—давай другова,

А этому отказъ.

Выхина.

Да почему-жъ отказъ,

Коль онъ не сватался?

Стародубская.

Не сватался, такъ вѣрно

Хотѣлъ посвататься—замѣтила изъ глазъ.

Выхина.

Ахъ, срамъ какой!...

Стародубская.

Да, это очень скверно.

Зато и молодежь не стала ѣздить къ ней.

Нельзя!... насильно всѣхъ хватаетъ.

Вотъ Марья Дмитревна умнѣе поступаетъ.

Выхина.

Конечно, поумнѣй,

Да только вдвое хуже:

Она ужь не срамить, а ловить жениховъ.

Пашета, дочь ея, теперь давно при мужѣ;

А знаешь ли, какъ этотъ Башлыковъ
Женатъ на ней?

Стародубская.

Я думаю, влюбился...

Посватался, потомъ женился.

Выхина.

Женили, матушка! Вотъ дѣло было какъ:
Ты знаешь, Башлыковъ, Фома Фомичъ, дуракъ,
Болтунъ и грусь.

Стародубская.

Да кто-жъ не знаетъ это.

Выхина.

За нимъ давно охотилась Пашета.

Однажды поздно вечеркомъ

Нейдетъ она изъ залы—

Все ходить съ этимъ дуракомъ,

А онъ ей точить балы.

Они вдвоемъ, а въ залѣ темнота;

Вотъ вдругъ съ Пашетой дурнога,

Истерика, и слезы, и волненье—

А маменька и тутъ! Откуда не взялись

Родные всѣ—тотчасъ вопросы начались:

«Да что?... да какъ?...» Да вотъ мнѣ сдѣлалъ предложенье

Фома Фомичъ... а онъ не думалъ, не гадалъ—

Какъ во щи куръ попалъ!

Пошли объятья, поздравленья,

Шампанскаго бокалы поданы...

Стародубская.

Какая дерзость!

Выхина.

Ну, да!—такой подвохъ, конечно—дерзость!

Да дѣлать нечего—хоть тресни, а молчи!

Вѣдь братцы на лицо—гусары, усачи—

Тотчасъ бы вышли изъ порядка;

А нашъ Фома Фомичъ не храброго десятка!

Вотъ видишь-ли, сестра, какъ ловятъ дураковъ.

Стародубская.

Ну, этакъ въ старину, бывало, не ловили

Да это травля жениховъ.

Выхина.

И нечего сказать—удачно затравили.

Вѣдь этотъ Башлыковъ, конечно, красный звѣрь—

Богать и глупь. Ей Зеничку-бъ теперь
Просватать какъ-нибудь!

Стародубская.

Ну, это трудновато:

Собой нехороша и вовсе не богата;
Развязна черезъ-чуръ, къ тому-жь языкъ востеръ.—

Она, вѣдь, хуже всѣхъ сестеръ.

Надѣньте на нее солдатскую вы каску,

Такъ что твой гренадеръ!

А какъ дерзка!... Да вотъ хоть, напримѣръ:

Въ послѣдній маскарадъ съ нее сорвали маску.

(*Впомолоса*). Я даже слышала, какой-то молодецъ. .

Выхина.

И, матушка! прикроетъ все вѣнецъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же, Горенская и вслѣдъ за ней Днѣпрова.

Стародубская.

А, Марья Дмитриевна!

Горенская.

Чѣмъ свѣтъ сегодня встала—

Спѣшила къ вамъ.

Днѣпрова.

И я не опоздала.

Стародубская.

Арина Дмитриевна!

(*Цѣлуются, обѣ гостыи подходятъ также къ Выхиной.*)

Горенская.

Къ вамъ долженъ быть сейчасъ

Князь Юрій Федорычъ—онъ былъ теперь у насъ.

Стародубская (*Днѣпровой*).

Что ваша Феничка?

Днѣпрова.

Здорова, слава Богу.

Стародубская (*Горенской*).

А ваша Зеничка?

Горенская.

Вчера зашибла ногу.

Стародубская.

И очень?

Горенская.

Да!... ступить не может безъ труда,
А, впрочемъ, все прошло безъ дальняго вреда.
И боли нѣтъ большой; да скучно только—
И день и ночь мерещится ей полька,
А танцовать нельзя; хотѣла съ-горяча
Попробовать, да нѣтъ!...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же и князь Юрій Федоровичъ Рыльскій.

Князь Рыльскій.

Я вѣчно опоздаю!

Стародубская.

А, князь?

Князь Рыльскій.

Что, всё у насъ?

Стародубская.

Я только ожидаю...

Князь Рыльскій.

Чай, брата вашего, Ивана Ильича?...

Стародубская.

Да, вотъ и онъ!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же и Иванъ Ильичъ Пыжовъ.

Стародубская (*Пыжову*).

Ну, это не годится—

Зачѣмъ опаздывать.

Пыжовъ.

Простите, виноватъ!

Меня позадержалъ двоюродный мой братъ

Иванъ Лукичъ.

Стародубская.

Прошу покорнѣйше садиться!

(*Всѣ садятся въ слѣдующемъ порядкѣ: съ краю направо отъ зрителей въ большихъ креслахъ Выхина, подлѣ нее Стародубская потомъ князь Рамскій, Горенская, Пажовъ и Днѣпровъ.*)

Стародубская.

Я пригласила васъ сегодня на совѣтъ,
Мои почтенные и милые родные,—
Совѣты принимать, не жалуютъ иные,
А я такъ нѣтъ—люблю. Вотъ скоро двадцать лѣтъ
Ужъ минетъ Любенькѣ—и какъ душѣ ни больно,
А надобно разстаться съ ней;
И то сказать, я ей потѣшилась довольно,
И жить не для себя, намъ должно, для дѣтей.
Вотъ дѣло истинно святое!
Нашъ долгъ заботиться о нихъ,
Устроить ихъ судьбу...

Горенская.

Такъ есть у ней женихъ?

Стародубская.

И даже не одинъ.

Горенская.

А много-ли?

Стародубская.

Да трое.

Горенская.

Вотъ какъ! А Любенькѣ ужъ скоро двадцать лѣтъ—
Ну, это счастливо!... Такой-ли нынче свѣтъ—
Три разомъ жениха!...

Днѣпровъ.

А развѣ это много?

Да вотъ хоть у меня—отбою вовсе нѣтъ;
Ну, точно, матушка, проѣзжая дорога:
Одинъ женихъ съ двора, другой тотчасъ на дворъ.
Придется подъ-конецъ ворота на запоръ.
А Феничка моя, вы знаете, шалунья—
Ей это весело!...

Выхина (*тихо Стародубской*).

Ахъ, батюшка!... вотъ лгунья!

Стародубская.

Теперь позвольте мнѣ назвать вамъ жениховъ.

Горенская.

Да! Это очень любопытно.

Стародубская.

Одинъ давно ужъ любить скрытно
Племянницу...

Выхина.

А кто онъ, матушка, такový?

Князь Рыльскій (*привставая*).

Графъ Лидинскій—собой мужчина видный,
Почтенный человекъ.

Днѣпрова.

И очень пожилой.

Князь Рыльскій.

Однако-жъ не старикъ, а человекъ солидный;
Отличнаго ума...

Днѣпрова.

Не много отсталой.

Князь Рыльскій.

Нѣтъ, онъ всегда за вѣкомъ шель,
Да, у кого въ Москвѣ такой роскошный столъ,
Такой комфортъ во всемъ изысканный, блестящій?
Онъ европеецъ настоящій,
Помилуйте!

Выхина.

Постой-ка мой отецъ:
Вѣдь этотъ графъ, мнѣ кажется, вдовець?

Князь Рыльскій.

Вдовець, сударыня.

Выхина.

Такой худой и длинный,
Андрей Андренчемъ зовуть?

Князь Рыльскій.

Да, точно такъ.

Выхина.

Онъ жилъ, я помню, на Неглинной,
Противъ Кремля?

Князь Рыльскій.

Теперь живетъ не тутъ.

Выхина.

Не такъ чтобы давно графъ ѣздилъ на Плющиху
Почти что каждый день—онъ сваталъ тамъ купчиху...

Горенская.

Неужто за себя?

Князь Рыльскій.

Кто это вамъ сказалъ?

Выхина.

Да тотъ, кто графу отказаль—
Отець ее. Знать графствомъ не плѣнился:
На дочери его простой купецъ женился.

Днѣпрова.

Вотъ какъ! такъ графъ...

Выхина.

Хотѣлъ изподтишка

Поправиться. Ну, князь! нашель ты женишка!
Я обращусь къ тебѣ съ вопросомъ.
Скажи по совѣсти: ему который годъ?
Помилуй, мой отецъ, да онъ почти уродь!
Святошный пугало—съ огромнымъ краснымъ носомъ,
А сверхъ того и человекъ пустой.

Князь Рыльскій (*обидясь*).

Елена Саввишна!

Выхина.

Нѣтъ, батюшка, стой!

Я все скажу; его-бы надо высѣчь:
Онъ платить въ годъ чумичкѣ, дураку
Французу повару, безъ малаго пять тысячъ,
А нечѣмъ заплатить цѣлковый мяснику;
Да къ этому въ прибавокъ
Пороги онъ обиль у всѣхъ мѣняльных лавокъ—
Скупаеть всякое тряпье,
Медали, мозаики,

Дрянныя статуи, да разные антики.
Тутъ купить древній щитъ, тамъ старое копье,
А наши торгаша куда на это хваты
И богатырскіе сейчасъ найдутъ вамъ латы,
И вмѣсто булавы изломанный безмѣнь
Вамъ продадутъ, а тамъ пойдетъ промѣнь
Съ придачею; да вотъ и домѣнялся

Богатый баринъ до того,
Что вовсе безъ куска остался!

Князь Рыльскій.

Кто вамъ сказалъ—и взяли вы съ чего?...

Выхина.

А вотъ съ чего: онъ вѣкъ моталь и билъ баклуши,
Имѣнье прожилъ все покойницы жены...

Князь Рыльскій.

Да у него семьсотъ есть душъ...

Выхина.

Что эти души?

Чай, всѣ давно заложены?

На долго-ли ему семьсотъ душонокъ станеть!...
Шесть тысячъ прожилъ душъ—мотать не перестанеть!

Теперь еще онъ страстью зараженъ...

Забыла я къ чему... охъ, больно я старѣю.

А! вспомнила: я слышала, что онъ

Картинную заводитъ галерею

И залу для нее совсѣмъ отдѣлалъ вновь.

Горенская.

Его понятна мнѣ къ художеству любовь—

Онъ въ Римѣ былъ.

Выхина.

И папу видѣлъ.

Такъ какъ ему не собирать картинъ!

Вѣдь онъ не кто другой: умоюъ Господь обидѣлъ,

Зато онъ знатный дворянинъ!

Князь Рыльскій.

И графъ, сударыня.

Выхина.

А все въ мѣшкѣ, вѣдь, шила

Не утаишь—дуракъ!

Князь Рыльскій.

Чтожъ, это, наконецъ,—

Ругательство и брань?

Выхина.

Что дѣлать, согрѣшила—

Сказала правду, мой отецъ.

Пыжовъ.

Ну, бѣдный графъ—попался!

Горенская.

А мнѣ такъ жаль его—не самъ онъ промотался;

Его по откупамъ поддѣлъ какой-то грекъ,
Запуталъ все, а онъ прекрасный человѣкъ.
Быль вреденъ для себя...

Выхина.

И вовсе не полезеть

Другимъ.

Горенская.

А какъ любезень!

Днѣпрова.

Да, нечего сказать, отменно миль,
На Феничку мою имѣлъ онъ виды
И этимъ графъ меня, признаться, изумилъ.
Для Фенички тутъ не было обиды,
А все-таки я съ нимъ разсталась навсегда.

Горенская!

За что?

Днѣпрова.

Отказывать не стану безъ причины:

Ему за пятьдесятъ...

Горенская:

Такъ что-же за бѣда?

И больше этого для виднаго мужчины
Не значить ничего. Мы такъ ужъ созданы,
Что долженъ мужъ всегда быть старѣ жены.

Выхина.

Однакоже, не втрое!

Горенская.

Да что года!—повѣрьте мнѣ—пустое!
Лишь былъ-бы человѣкъ.

Выхина.

А если онъ, какъ графъ,
Ужасный мотъ и прожилъ все имѣнье?

Горенская.

У знатныхъ баръ на это свой уставъ,
Елена Саввишна; нельзя-жъ свое рожденье
И графскій санъ ничѣмъ не поддержать:
Большому барину нельзя не задолжать.

Выхина.

Такъ ты бы, матушка, ему не отказала.

Горенская.

Конечно, нѣтъ.

Выхина.

Зачѣмъ же дѣло стало—

А Зеничка твоя?—она по немъ какъ разъ...

Въ лѣтахъ...

Горенская (*вспыхнувъ*).

Прошу покорно васъ

Оставить Зеничку въ покоѣ:

У васъ другихъ рѣчей со мною нѣтъ...

Все Зеничка...

Выхина.

Да чтожь такое?

Я только что даю совѣтъ.

Горенская.

Въ лѣтахъ!—Дѣвица вашихъ лѣтъ

Ей въ бабушки годится..

Днѣпрова (*тихо Горенской*):

Сестра!

Горенская.

У васъ все злость на языкѣ.

Днѣпрова (*тихо Горенской*).

Охота же тебѣ сердиться!

Горенская (*тихо Днѣпровой*).

А что прикажете?... иль подойти къ рукѣ

И ножки цѣловать у этой мнѣ старухи?

Стародубская.

И, полноте! (*тихо Выхиной*). У васъ какой-то даръ

Сердить ее. (*Громко*). Положимте, что слухи

О графѣ—клевета; а все онъ слишкомъ старъ.

Вотъ жениха нашель и также предлагаетъ

Двоюродный мой братъ, Иванъ Ильичъ.

Днѣпрова (*тихо Горенской*).

По всей Москвѣ, чай, кликнулъ кличъ!

Выхина.

Кто, батюшка, такой?

Пыжовъ.

Мой искренній пріятель,

Андрей Андреевичъ Пеньковъ.

Князь Рыльскій.

Ахъ, мой создатель!

Вотъ имѣю!... Пенъковъ!

Пыжовъ.

Не лицемѣрь,

И очень онъ богатъ.

Выхина.

Какого чина?

Пыжовъ.

Да какъ бы вамъ сказать!... Онъ оберъ-офицеръ...

Выхина.

Ну!! — вѣрно прапорщикъ.

Пыжовъ.

Прекраснѣйшій мужчина,

Въ Парижѣ былъ и тамъ успѣлъ кой-что занять,
Ему тридцатый годъ.

Днѣпровъ.

Побольше; тридцать-пять.

Пыжовъ.

А развѣ у него вы были на крестинахъ?

Днѣпровъ.

Для этого я слишкомъ молода.

Пыжовъ.

Позвольте знать ужъ мнѣ его года. (*Обращаясь снова къ
Выхиной*).

Онъ принять въ лучшихъ здѣсь гостиныхъ,
И связи есть.

Князь Рыльскій.

Ну, можно-ль безъ стыда

Какимъ-нибудь Пенъковымъ называться?
Пенъковъ!...

Пыжовъ.

Помилуйте! чему тутъ удивляться!

Пенъковыхъ много есть.

Князь Рыльскій.

Не слышалъ никогда!

Пенъковъ!...

Пыжовъ.

Мой другъ не княжескаго дома,
Не графъ и не баронъ.

Однакожь, дворянинъ.

Выхина.

Фамилія знакома...

Пеньковъ?... военный, что-ль?

Пыжовъ.

Теперь въ отставкѣ онъ.

Выхина.

Съ мундиромъ?

Днѣпрова.

Нѣтъ! съ одними лишь усами.

Стародубская (*Выхиной*).

На-дняхъ онъ у меня обѣдалъ вмѣстѣ съ вами.
Ну, помните—вотъ тотъ, что ищетъ все невѣсть.

Выхина.

Такъ это онъ?... такой прямой какъ шесть?

Ну, точно проглотилъ полѣно!

Съ косматою головою—усищи по колѣно,
И за версту разить пресквернымъ табакомъ!...
Ни дать, ни взять, мой кучеръ Сенька!

Пыжовъ.

Хорошій человекъ!...

Выхина.

А онъ служилъ въ какомъ

Полку?...

Пыжовъ.

Не помню хорошенько.

Днѣпрова.

Въ гусарахъ, кажется, но только не служилъ,
А все гулялъ, да дома жилъ.
И, наконецъ, оставленъ по неявкѣ
Въ свой полкъ...

Пыжовъ.

Такъ чтожь?... Не жалко ли его?

Онъ боленъ былъ.

Выхина.

Такъ вотъ онъ для чего
И къ носу припустилъ такія двѣ пѣвкѣ,
А я вѣдь думала, что это для красы
Онъ оттянулъ себѣ аршинные усы.
Ну, Любенька нашла бы въ этомъ мужѣ
Не много радости! Да онъ и графа хуже.
А ты хотѣлъ съ такимъ пострѣломъ
Насъ, грѣшныхъ, породнить!... Спасибо, мой отецъ!

Пыжовъ.

Онъ въ возрастѣ теперь давно ужъ зрѣломъ
И сталъ совсѣмъ другой.

Выхина.

Такой же сорванецъ.

Пыжовъ.

О, нѣтъ!... въ его года...

Выхина.

Года!... Не въ этомъ сила!

Горбатаго исправить лишь могила.
Да я бы отъ него все пряталась за стулъ...

Пыжовъ.

Помилуйте!

Выхина.

Кричала-бъ карауль!

Пыжовъ.

Позвольте вамъ сказать, вѣдь это ужъ нападки.

Выхина.

Что дѣлать, мой отецъ,—винюсь!
Я этихъ усачей до смерти какъ боюсь;
У нихъ всегда прескверныя повадки...

Стародубская.

Да что тутъ говорить—

Получше есть женихъ—ужъ этого корить
Не станете. Собой весьма не дурень
И обвинять его не можно въ удалствѣ.
Родство отличное—со всѣми онъ въ свойствѣ
Первѣйшими людьми. Отцу его былъ шуринъ
Князь Вихринскій, племянникъ онъ родной
Графинѣ Дулиной...

Выхина. Да Любенька женой
Не будетъ всей роднѣ; родня—пустое дѣло.
Его бы знать короче я хотѣла.

Стародубская.
И самъ онъ также графъ.

Днѣпрова (съ безтокойствомъ).

Какой-же это графъ?

Стародубская.
Онъ молодежь и умень, а что за милый нравъ—
Двухъ словъ не скажетъ онъ безъ ласки и привѣта...

Выхина.
Богатъ?

Стародубская.

Пять тысячъ душъ.

Горенская.

Ахъ, Боже мой!... такъ это...

Стародубская.
Графъ Сицкій.

Выхина.

Жениховъ московскихъ всѣхъ краса?
Я слышала объ немъ.

Горенская.

Да это чудеса!

Вчера онъ въ первый разъ на балъ
Увидѣлъ Любеньку. Они протанцовали
Одну кадрили...

Стародубская.

Нѣтъ, цѣлыхъ три.

Горенская.

Да если бы и триста—
Такъ что изъ этого?... Хоть Любенька рѣчица,
А вдругъ свести съ ума...

Выхина.

На это не смотри:
Влюбиться долго-ли, подчасъ одна минута.
Вотъ, помнится, твоя меньшая дочь Анюта...

Горенская.
Опять!... прошу моих не трогать дочерей!

Выхина.
Да чѣмъ я трогаю?... Я только для примѣра
Хотѣла вамъ сказать...

Горенская. Уѣду поскорѣй!
(*Встаетъ, естъ также встаетъ*).

Выхина.
Куда ты, матушка, спѣшишь?

Горенская. Всему есть мѣра,
Елена Саввишна.

Стародубская (*Горенской*).
Ахъ, Боже мой! да вы
Никакъ ужь сердитесь?

Горенская. Всю ночь отъ головы
Страдала я. Adieu ma chère!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Ть-жѣ, везъ Горенской.

Выхина (*тихо Стародубской*).
Она не хочетъ

Племянницу твою графиней называть,
И графа, кажется...

Стародубская.
Для Зенички все прочить.

Выхина (*громко*).
Вотъ этого нельзя забраковать—
Женихъ!... Не правда-ль, князь?

Князь Рыльскій.
Помилуйте—мальчишка!

Стародубская.
Онъ молодежь по лѣтамъ, да старъ ужь по уму...

Князь Рыльскій.

А я такъ думаю, ребячій въ немъ умишка.
Ему любовную завестъ бы только связъ.
На что ему жена?

Днѣпрова.

Вы, точно, правы, князь.
Графъ любитъ заводить—всегда стоялъ на томъ.
Онъ, ради Фенички, ко мнѣ втирался въ домъ...

Стародубская (*улыбась*).

Да вы ему, конечно, отказали?

Днѣпрова.

Тотчасъ!

Пыжовъ (*Стародубской*).

Теперь въ Москвѣ живетъ вдова—
На графа у нея большія есть права..

Стародубская.

Все это вздоръ!

Пыжовъ (*вполголоса Стародубской*).

Да этотъ безпорядокъ

Извѣстенъ всѣмъ.

Стародубская.

Пустыя все слова!

Пыжовъ.

Смотрите, матушка, чтобъ не было оглядокъ.

Стародубская.

Такихъ, какъ вашъ Пеньковъ, найдется на Руси
Довольно жениховъ—за этимъ бы не стало;
А этакихъ, какъ графъ...

Выхина.

Конечно, очень мало.

А все-таки объ немъ порядкомъ разспроси;
А тамъ, какъ все узнаешь напоследокъ,
Такъ легче будетъ для самой.
Прощай!

Пыжовъ.

Вы ѣдете домой?

Выхина.

Да, батюшка.

Пыжовъ.

А что, застану васъ я этакъ
Часа хоть въ два?

Выхина.
Покорнѣйше прошу!
(Стародубской). Прощай, мой другъ!
(Уходитъ; Пыжовъ клянется и уходитъ вслѣдъ за нею).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Пыжова и Выхиной.

Днѣпрова.
И я спѣшу—
Уроки Феничка моя беретъ въ манежѣ.

Стародубская.
И часто?

Днѣпрова.
Каждый день.

Стародубская.
Не падаетъ?

Днѣпрова.
Порѣже,
Чѣмъ прежде падала. Вѣдь учится пять лѣтъ
И править мастерски—балансу только нѣтъ,
А удалство и смѣлость въ ней все тѣ-же.
Хотѣла я кой-что о графѣ вамъ сказать,
Да пользы въ этомъ нѣтъ: вы графу, вѣроятно,
Надежду подали, такъ какъ вамъ отказать?
Оно же, признаюсь, ужасно неприятно!
Спросите у меня!... Прощайте!

Стародубская.
До свиданья!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Стародубская и князь Рыльскій.

Князь Рыльскій.
Ну, Марья Саввишна, сестрица хороша
У васъ!... Какъ вѣжлива! какое воспитанье!
И что за тонъ!

Стародубская.
За то предобная душа.

Князь Рыльский.

И это, кажется мнѣ, ложно;
Вотъ съ вами говорить и спорить даже можно,
А съ ней нельзя—ну, такъ и лѣзетъ съ кулакомъ!
Позвольте завернуть сегодня вечеромъ—
Мнѣ васъ одну застать бы надо;
Да только ужь для всѣхъ закройте вашу дверь.

Стародубская.
Я буду очень рада.

Князь Рыльский.
Такъ можно мнѣ отправиться теперь.

Стародубская.
Прощайте, князь!

(Князь Рыльский уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Стародубская *(одна)*.

Стародубская *(идя вслѣдъ за княземъ)*.

Нѣтъ, батюшка! Повѣрь,
Что ты хлопочешь изъ пустого:
Твой старый графъ не стоитъ молодого.

(Уходитъ нальво отъ зрителей).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Комната въ домѣ Выхиной).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

(Съ лѣвой стороны отъ зрителей Выхина сидитъ на диванѣ, передъ нею столъ, на которомъ она гадаетъ въ карты. Прасковья Минишна сидитъ въ двухъ шагахъ отъ нея на табуретѣ и вяжетъ чулокъ; съ правой стороны отъ зрителей сидятъ за плечами Матрена и Аксинья; подлѣ Выхиной на диванѣ лежитъ моська).

Выхина (раскладывая карты).

Что это у меня престранно какъ выходить...

Все трефовый король одинъ,

А графъ, я слышала, блондинъ...

Да это ни на что ужъ вовсе не походить.

(Мнѣмаетъ карты).

Возьми-ка, Минишна, сними:

Не лучше-ли пойдетъ!

(Прасковья снимаетъ. — Выхина опять начинаетъ раскладывать).

Опять! — Ну, правѣ, тошно!...

Проклятыя! (Бросаетъ карты). Какъ будто-бы нарочно!...

Аксютка! карту подыми!...

Ну, что ты, мопсенька?... Мопсурушка... бѣдняжка!...

Прасковья Минишна... что это онъ такъ тяжело

Сегодня дышать и хрипить?

Прасковья.

Да жирень, матушка, — и день и ночь все спитъ.

Выхина.

Гдѣтъ, плохо ужъ его становиться здоровье...

Матрешка, подними платокъ!

Вотъ третій день, сама ты видѣла, Прасковья,

Хлебнетъ лишь молочка, и то одинъ глотокъ...

Всѣ карты прибери, Аксютка, въ шифоньерку!

...Съ тѣхъ поръ, какъ у него ушиблена нога,

Онъ вовсе исхудалъ. (Хочетъ открыть табакерку). Что это какъ тутъ!

Терпѣнья нѣтъ!... Откройте табакерку!...

Ну, что? оглохли, что-ль?

(*Матрена открывает табакерку, Выхина молчит*).

— Давно ужъ говорю,

Отдать ее поправить токарю.

А, встати, нашъ токарь: ну что, съ женой своею

Теперь живетъ въ ладу?

Прасковья.

Вчера большой былъ ладъ—

Въ Сокольники мужъ ѣздилъ съ нею;

Приѣхали веселые назадъ.

А вотъ мнѣ вѣсточку дала ихъ дочь меньшая —

Опять была у нихъ баталія большая.

Такую подняли возню и кутерьму...

Выхина.

За что?

Прасковья.

Да такъ!... Господь ихъ знаетъ!

Чай, все за хлѣбника Фому.

Выхина.

Ревнивецъ этакій!... за что онъ обижаетъ

Свою несчастную жену!

Она всегда вела себя прекрасно.

Да онъ злодѣй!

Прасковья.

Нѣтъ, матушка, напрасно!

Пресмирный человекъ и точно въ полону

У этой злющей бабы,

Выхина.

Неужели Федосья зла?

Прасковья.

Да такъ-то зла, что я бы

На мѣстѣ Тихона давно-бъ съ ума сошла!

Вотъ съ мужемъ у нея была недавно схватка,

Ужъ какъ она его изволила таскать!

А знаете-ль за что?—смѣшно сказать—

За то, что у него большого нѣтъ достатка.

И нищій онъ, и лапотникъ, бобыль...

Такую, матушка, при мнѣ пустила пыль,

Что Воже упаси!... Ее, вишь, погубили—

Конечно, за свои грѣхи—

Отецъ и мать. «За мной, дескать, ходили

Такие-ль женихи!

Ко мнѣ вѣдь сватался одинъ богатый купчикъ,
А выдали меня за мужика,
Борноволока, дурака!..»

Выхина.

Чтожь мужъ?...

Прасковья.

Ни живъ, ни мертвъ, молчите себѣ, голубчикъ!
Мнѣ стало жаль его—вотъ я и говорю:
«Федосья Карповна!... окно я затворю,—
Народъ на улицѣ; вѣдь это неприлично,
Зазорно, матушка! По мнѣ твой мужъ грѣшить,
Что волю далъ тебѣ... Хоть онъ и лыкомъ шить,
А все-таки твой мужъ! Ты лучше-бъ помирилась
Съ нимъ.»

Выхина.

Ну, чтожь?

Прасковья.

Да пуще прежняго озлилась—
Вотъ такъ бѣлугой и реветъ!
Старуха теща слѣзла съ печи,
Кричитъ: «Уймись!» Куда!—и мечетъ все и рветъ!
И стала говорить при мнѣ такія рѣчи,
Что я скорѣе вонъ—меня возьметъ въ допросъ,
Да мужу съ ней дай Богъ остаться только живу;
На эту, матушка, крапиву
Такой-ли надобенъ морозъ!

Выхина.

Скажите ради Бога!...

Прасковья.

Ее держать-бы надо строго,
А онъ добрякъ!...

Выхина.

Ну, вотъ узнать прошу!
Какъ съ мужемъ я ее мирила,
Ты помнишь, что она со мною говорила?
«Ужь это по грѣхамъ я крестъ такой ношу;
Я таю, матушка, какъ свѣчка.
Насланье Божіе!...» Ни дать, ни взять, овечка!
Да плачетъ какъ!... Скажите, какъ хитра!

Прасковья.

Коль наца, матушка, сестра
Художницей родится,
Такъ гдѣ мужьянѣ съ ней возиться!

Выхина.

Конечно, такъ!—Ужь если зла, такъ зла!
Да только не узнаешь сразу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тв-же и Никаноръ.

Выхина (*Никанору*).

Ну, что? Купилъ ли ты козла?

Никаноръ.

Купилъ, сударыня—по вашему приказу
Стоить ужъ съ лошадьми.

Выхина.

Ходилъ-ли по жильцамъ?

Никаноръ.

Ходилъ, сударыня.

Выхина.

Что?... платятъ всё исправно?

Никаноръ.

Не всё-съ. Вотъ я зашелъ къ двумъ братьямъ кузнецамъ,
У нихъ деньжонокъ нѣтъ.

Выхина.

А, кажется, недавно

Гуляли цѣлый день.

Никаноръ.

Да есть одинъ жилецъ—

Давно не платитъ за квартиру.

Выхина.

А кто?

Никаноръ.

Иванъ, портной... Позвольте, для примѣру...

Выхина.

Не тронь его!... Онъ бѣденъ и вдовецъ.

Никаноръ.

Поблажка и другихъ пожалуй приохотить
Ни гроша не платитъ.

Выхина.

Когда-нибудь заплатитъ;
Да я-жь чуланчикомъ его не дорожу—
Пускай живетъ!

Никаноръ.

Еще-жь вамъ доложу.
Не худо постращать фалетора Аброську—
Онъ пьетъ.

Выхина.

Пугни его порядкомъ, Никаноръ!
Аксюшка!... слышишь-ли?... возьми отсюда моську
И вынеси на дворъ.
(Никанору). Ну, что еще?

Никаноръ.

Купилъ два пуда мыла
И гречневой крупы кулекъ.

Выхина.

А, кстати, Никаноръ!... совсѣмъ было забыла!
Ты къ частному ходилъ?

Никаноръ.

Да онъ въ постелю слегъ—
Больнехонекъ; а нашъ квартальный надзиратель
Изволить говорить: нельзя, дескать, жильца
Согнать тотчасъ съ двора.

Выхина.

Нельзя?... Ахъ, мой Создатель!
Такъ этому не будетъ и конца?

Никаноръ.

Скажи, дескать, чтобъ день, другой пообождали.
«Хоть барыня твоя,—примолвилъ онъ,—
И первый человекъ во всемъ моемъ кварталѣ,
А дѣлать нечего—на это есть законъ.»

Выхина.

У нихъ все пѣсня та-же—
Законъ.

Прасковья.

А васъ какой жилецъ
Прогнѣвалъ, матушка?

Выхина.

Вотъ этотъ сорванецъ.

П р а с к о в њ я .

Что въ нижнемъ, кажется, изволить жить этажѣ?

В ы х и н а .

Ну, да!... Мужикъ, невѣжа, грубиянъ!
И вѣрно пьяница.

Н и к а н о р ь .

Бываетъ часто пьянь.

В ы х и н а .

Избавь меня скорѣй отъ этого пьянюшки!

Н и к а н о р ь .

Зимой-бы какъ-нибудь спровадили съ двора;
Велѣлъ бы изъ печей я всѣ выбрать вьюшки,
Иль выставить окно. Теперь не та пора—
Не скоро выживешь.

В ы х и н а .

Да это нестерпимо!

Ходить всегда должна я мимо,
А онъ какъ тутъ!... Ну вотъ, на-дняхъ
Иду садиться я въ карету,
Гляжу—стоитъ пострѣлъ въ сѣняхъ,
Спиной ко мнѣ, а рожей къ свѣту;
Одѣтъ по модному, коротенькій сюртукъ,
Совсѣмъ изношенный, ну, точно паутина—
Вотъ такъ и лѣзетъ врозь. Я, чай, изъ третьихъ рукъ
Купилъ. Добро-бъ собой красивый былъ дѣтина,
А то вѣдь не на что взглянуть
Плюгавецъ, дрянъ! а вѣдь туда-жъ, съ усами!
И смотреть козыремъ.

П р а с к о в њ я .

Неужто передъ вами!

В ы х и н а .

И шею не хотѣлъ нагнуть!
Пошелъ къ себѣ въ жилетку,
Пошарилъ, вытащилъ лорнетку,
Воткнулъ ее какъ разъ
Въ свой правый глазъ
И смотреть на меня, какъ-будто-бъ я картина!

П р а с к о в њ я .

Ахъ онъ дуракъ!

Выхина.

Животное, скотица!

Сегодня поутру
Я ѣду навѣстить сестру,
Карету мнѣ подать замѣшкались немножко—
Я, гляди—стоитъ проклятый у окошка,
Да какъ? совсѣмъ почти раздѣтъ:
 Разстегнутый жилетъ,
Ермолка набекрень, безъ галстука, въ халатѣ,
Да и какой халатъ: заплата на заплатѣ!
Другой бы спрятался—и тутъ бы на него
Могла сердиться я за вѣтренность такую;
А этотъ дуралей какъ будто-бъ ничего!
 Куришь свою сигарку грошевую
И прямо смотреть мнѣ въ глаза!

Прасковья

На этихъ неучей ужъ вы ли не гроза?!
Такъ какъ онъ смѣлъ, дуракъ, забыть къ вамъ уваженье!

Выхина.

Вотъ то-то, Никаноръ, твое все несмотрѣнье!
 Такому можно-ли жильцу
Квартиру отдавать.

Никаноръ.

Узнать-то по лицу
Нельзя, сударыня.

Выхина.

Въ тебѣ нѣтъ вовсе смѣтки;
Вѣдь стоитъ лишь взглянуть, такъ видно, что подлець!

Никаноръ.

А гдѣ найдешь, чтобъ былъ такой жилецъ,
Какъ живописецъ нашъ—такіе люди рѣдки.

Выхина.

Да, этотъ Пѣтуховъ совсѣмъ не такъ глядитъ;
 Такой пріятный видъ!
Мы съ нимъ встрѣчались очень близко,
 Всегда поклонится такъ низко!...
Прекрасный человекъ!... вотъ тотъ, какъ взглянешь, срамъ—
Одѣтъ лоскутникомъ!.. У этого въ нарядѣ
Все чисто, хорошо!... Вѣдь онъ лишь по утрамъ
Бываетъ здѣсь?

Н и к а н о р ь.

Живеть на хлѣбахъ онъ у дяди,
А къ намъ приходитъ рисовать;
У дяди можетъ онъ лишь только ночевать—
Тамъ некуда ему дѣваться съ инструментомъ;
Ему же надобенъ и чистенькій покой;
Вѣдь онъ не то, чтобы маляръ какой—
Онъ въ школахъ разныхъ былъ и выпущенъ съ патентомъ.
У дяди-жъ, говорить, семья, народъ всегда,
А къ намъ вѣдь ходятъ господа;
Они не жалуютъ подчасъ публичность эту,
Вотъ и теерь, дескать, снимаю по секрету
Съ одной я барыни портретъ...

В ы х и н а.

Къ чему же тутъ секретъ?
Ужъ нѣтъ ли тутъ дурной причины?

Н и к а н о р ь.

Желаешь мужа въ именины
Потѣшить, матушка.

В ы х и н а.

По-нашему—сюрпризъ.

Что эта барыня, не та-ли,
Что въ черной ѣздитъ все вуали?

Н и к а н о р ь.

Та самая.

В ы х и н а.

Сойди теперь же внизъ
И если здѣсь она...

Н и к а н о р ь.

Ея давно карета
Стоитъ у насъ.

В ы х и н а.

Узнай, кто дама эта.

Н и к а н о р ь.

Я вчера пыталъ, да онъ какой-то сытъ —
Молчитъ себѣ!

В ы х и н а.

Попробуй, поднеси —
Авось заговоритъ. (*Входитъ слуга*). Ну, что?...

С л у г а.

Иванъ Ильичъ.

Выхина.
Ступайте, Никаноръ. (*Служит*). Прости! (*Слуга и Никаноръ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ТЪ-ЖЕ БЕЗЪ НИКАНОРА.

Выхина.

Едва-ли по секрету станетъ
Для мужа свой портретъ писать жена.
Не тѣ ужъ времена —
Она какъ-разъ, голубушка, устанетъ
Вставать для этого чѣмъ свѣтъ...
А развѣ есть какой-нибудь предметъ...
Ужъ вѣрно такъ! — Должно-быть озорница!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ-ЖЕ И ПЫЖОВЪ.

Пыжовъ.

Я, кажется, сестрица.
Явился къ вамъ въ урочный часъ?

Выхина.

Садись, мой другъ! (*Пыжовъ садится*).

Пыжовъ.

Ну, что у васъ—
Здорово ль все?... У вашей фаворитки
Я слышалъ—корь?

Выхина.

И такъ сильна,
Что жизнь ея была на ниткѣ.

Пыжовъ.

Бѣдняжка!... А мопсинька здоровъ?

Выхина.

И онъ ужъ плохъ.

Пыжовъ.

Для васъ другой готовъ,
Да и какой!... уродъ—претолстый, какъ подушка—
Почти не видно ногъ—ну, сушая лягушка!
Я безобразнѣе не видѣлъ ничего.
Чудесный мопсъ!... я къ вамъ пришлю его.

Выхина.

Спасибо, другъ сердечный

Пыжовъ.

О графѣ Сидкомъ я хочу поговорить;
Мнѣ нужно васъ, сестрица, предварить.
Вѣдь Марья Саввишна не надо быть поспѣшной —
Не долго обвинчать, а тамъ и плачь весь вѣкъ

Выхина.

Да развѣ этотъ графъ?..

Пыжовъ.

И даже, говорятъ, опасный.
Бѣдовый человѣкъ!

Выхина

А что?

Пыжовъ.

Во первыхъ, мотъ неслыханный, ужасный...

Выхина.

Кто молодежь не бывалъ — и ты, чай, въ старину
Поматывалъ, а какъ завелъ жену,
Такъ началъ жить примѣрно.

Пыжовъ.

Картежникъ записной, бунянь...

Выхина.

Вотъ это скверно!

Пыжовъ.

Четрезвый человѣкъ!..

Выхина.

Такъ онъ еще и пьетъ?

Пыжовъ.

Конечно, не всегда, а если пить начнетъ,
Такъ нѣтъ конца. Онъ пьетъ запоемъ!

Выхина.

Такъ этакъ-то судьбу мы Любеньки устроимъ!

Какіе нынче женихи!...

Ну, послѣ этого не лучше-ль быть дѣвицей?...

Пыжовъ.

Да, это что?... за нимъ такіе-ль есть грѣхи.

Я слышалъ, будто за границей

Онъ былъ на трехъ женахъ женатъ.

Выхина.

Живыхъ?

Пыжовъ.

Ну, да!

Выхина.

Чтожъ, эти жены?

Я, чай, и тамъ на это есть законы.

Пыжовъ.

Помилуйте—богаты!... къ тому-жъ

И счастливо случилось;

У первой, говорятъ, нашелся прежній мужъ;

Одна жена, я слышалъ, утопилась—

Недолго съ нимъ жила;

Другая съ горя умерла,

А третья, кажется...

Выхина.

Довольно!

Ты этакъ четырехъ начтешь... Хоть мнѣ и больно

Въ глаза тебѣ сказать, а все-таки скажу —

Пересолил!

Пыжовъ.

Не я—я также нахожу,

Что эта дерзость непонятна!

Конечно, графъ разбойникомъ глядить...

А все невѣроятно.

Однакожъ, говорятъ...

Выхина.

Но кто же говоритъ?

Пыжовъ.

Никто и всѣ. Вотъ я теперь на сцену вышелъ,

А гдѣ и отъ кого о графѣ слышалъ —

Рѣшительно забылъ!... Намъ Любенька родня,

Такъ мы должны...

Выхина.

На свой аршинъ всёхъ мѣрять,
И что ни скажутъ намъ, тотчасъ всему повѣрить?

Пыжовъ.

Да развѣ дымъ бываетъ безъ огня?
Ужъ если говорить, такъ видно есть причина.

Выхина.

Конечно, какъ не быть. Вотъ у тебя кручина—
Твой другъ Шеньковъ.

Ты былъ совсѣмъ готовъ
Его пристроить къ мѣсту—
Нашель богатую невѣсту,

А графъ какъ-тутъ—души его!

Пыжовъ.

Такъ вы не вѣрите?

Выхина.

Не вѣрю оттого,
Что графа слишкомъ ты позорилъ—
Картежникъ, пьяница, негодный ни къ чему...

Пыжовъ.

Да если онъ...

Выхина.

Ужъ какъ бы ты ни спорилъ,
А это клевета...

Пыжовъ.

Повѣрьте хоть тому,
Что графъ въ Лужницкую влюбленъ; что онъ жилъ въ Ригѣ
Два года для нея; что свель ее съ ума;
Что здѣсь она теперь и съ нимъ въ интригѣ.

Выхина.

Не вѣрю, батюшка,—я слышала сама,
Что эта барыня ведетъ себя отлично.
Хоть я ее не знаю лично,
А знаю, что объ ней и сплетникъ промолчить...

Пыжовъ.

Помилуйте! Да вся Москва кричить...

Выхина.

Москва?... Кого Москвой-то вы зовете?

Чай, вашъ приходъ?

Глядишь—десятка два людей и наберешь.
Чего-жъ еще?—и это вѣдь народъ!
Найдутся сплетницы-старухи,
Которыя давно ужъ бредятъ наяву.
Начнутъ выдумывать, потомъ распустятъ слухи
И свалятъ все на матушку Москву.
А бѣдная Москва ни въ чемъ не виновата.
Вотъ ваша-то Москва, такъ сплетнями живетъ—
Она людьми хоть не богата,
За то съ утра до вечера плететь...

Пыжовъ.

Позвольте доложить, сестрица...

Выхина.

Да, нечего сказать, такая кружевница,

Что Боже упаси!

(Входитъ слуга).

Слуга.

Фома Фомичъ.

Выхина.

Проси!

(Пыжову). Предобрый человекъ, да только очень нравень —
То ѣздитъ каждый день, то вдругъ не видишь годъ.
А надобно сказать—забавень!
И только что раскроетъ ротъ...

Пыжовъ.

Такъ глупости рѣкой польются.

Выхина.

И новости, мой другъ,—со всѣми онъ знакомъ.

Пыжовъ.

И всѣ надъ нимъ смѣются.

Выхина.

Онъ знаетъ все, къ нему всѣ ѣздятъ въ домъ.

Пыжовъ.

Къ нему—отмѣнно рѣдко;
А ѣздить всѣ къ его женѣ—она кокетка,
Умѣетъ нравиться, сводить мужчинъ съ ума...

Выхина.

У матери ея была замашка та-же.

Пыжовъ.

А этотъ Башлыковъ, смѣшно и жалко даже —
Не вѣрить ничему, не видитъ ничего...

Выхина.
Да! въ верхнемъ то этажѣ
Пустенько у него.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Башлыковъ.

Выхина.
А! рѣдкій гости!
Башлыковъ.
Что дѣлать! Виноватъ,
Елена Саввишна,—дѣла!...

Выхина.
Башлыковъ (раскланиваясь съ Пыжовымъ).
Иванъ Ильичъ!
Прощу садиться.
(Садится).

Выхина.
Съ тобой нельзя не побраниться:
Добро-бъ чужой, а ты мнѣ свать.
Вотъ скоро о тебѣ шесть мѣсяцевъ нѣтъ слуху;
Не стыдно-ль, батюшка, забылъ
Совсѣмъ меня, старуху!

Башлыковъ.
Я все въ разъѣздахъ былъ,
Три мѣсяца я ровныхъ
Въ Саратовѣ провель; былъ въ разныхъ подмосковныхъ;
Съ полдюжины отпраздновалъ крестинъ;
Посредникомъ я былъ при трехъ дворянскихъ спорахъ;
На свадьбахъ былъ—на двухъ сговорахъ...
Вчера отъ Троицы...

Выхина.
Что, ѣздилъ ты одинъ?

Башлыковъ.
О, нѣтъ, насъ ѣздила хорошая семейка—
Двѣнадцать человѣкъ господъ и поваръ нашъ...

Выхина.
А въ чемъ вы ѣздили?

Башлыковъ.

Прекрасный экипажъ!

Аеріенъ.

Выхина.

Что, что?

Башлыковъ.

Французская линейка.

Куда на все французы мастера.

Намъ это перенять давно-бы ужъ пора

Что наши всѣ дорожныя коляски?

Онѣ не такъ, конечно, тряски,

Да это ничего. А вотъ что жаль,

Что стѣнки вамъ мѣшаютъ

Спокойно сѣсть;—и если ѣдешь въ даль,

Такъ ноги очень затекаютъ—

Никакъ нельзя ихъ протануть;

Трудненько и заснуть—

Для этого нужна особая сноровка;

А сверхъ того и то не очень ловко,

Что вовсе нѣтъ мѣстечка для поклажи,

Да худо въ дождь, за то въ хорошую погоду

Ужасно весело—премножество народу...

Да! нечего сказать, пріятный экипажъ!

Выхина.

И только, батюшка! Ну, чѣмъ тутъ восхищаться!

За этотъ экипажъ я двухъ грошей не дамъ!

Скажи-ка лучше намъ,

Что слышно новаго?

Башлыковъ

Да нечѣмъ утѣшаться—

Такія новости..

Выхина.

А что?

Башлыковъ.

Хопровыхъ дочь вѣнчалася вчера.

Выхина.

Ну, что-же, батюшка? пора—

Ей тридцать лѣтъ!

Башлыковъ.

Да съ кѣмъ?

Пыжовъ.

Какой-то иностранецъ.

Выхина.

Французскій, кажется, баронт.

Башлыковъ.

А знаете-ль, что онъ
Мошеникъ, воръ и вѣрно самозванецъ!

Пыжовъ.

Возможно-ли?

Башлыковъ.

Ну, да! я это докажу.
Онъ, точно, воръ!

Выхина.

Скажите Бога ради!

Башлыковъ.

Послушайте: я все вамъ расскажу.
Мы были прошлый годъ съ Пашетою въ Карлсбадѣ.
Извѣстно, на воды всегда со всѣхъ сторонъ
Найдутъ шулера и плуты,
И если вы хотите быть надуты—
Тотчасъ потѣшутъ васъ, и этотъ плуть-баронъ
Былъ также тамъ. На немъ всегда перчатки
И шляпа модная, отличный палето,
И золотой лорнетъ, а что то все не то—
Такия странныя ухватки!
Вотъ такъ и смотреть подлецомъ.
Собою очень занять—
Все вмѣстѣ съ дамами, ужасно кургизанить,
Особенно съ моей женой;
За это бы сердиться сталъ иной,
А я такъ нѣтъ!—съ Пашетою не много
На этотъ счетъ возьмешь—
Она ведетъ себя отмѣнно строго.
А если любить молодежь,
Такъ это такъ—для танцевъ, для забавы,
Вѣдь наши женщины—у насъ такіе нравы—
Толпою волокитъ всегда окружены.
Однажды нашъ московскій баринъ,
Князь Дмитрій Юрьевичъ Казаринъ,
Который былъ тогда въ Карлсбадѣ для жены,
Зоветь меня на вистъ и ужинъ.
Я былъ съ нимъ очень друженъ
И мы видались каждый день.
Ученый человекъ—онъ написалъ два тома
И прозы; и стиховъ. Жена осталась дома:

У ней ужасный был мигрень
И нервные припадки.
Вотъ я велѣлъ за мной приѣхать на лошадаѣ,
А самъ пошелъ пѣшкомъ—съ хозяиномъ втроемъ
Играетъ съя въ вистъ. Со мной онъ партнеромъ..
Гляжу: мы взятки отдаемъ—
Играетъ страннымъ онъ манеромъ—
Въ инвйтъ не ходитъ мнѣ; совсѣмъ игра не та,
Ренонсы дѣлаетъ... Вотъ вдругъ съ нимъ дурнота—
Упалъ безъ чувствъ. Пошла тревога,
И крикъ и суета,
Жена реветъ. Хотѣлъ я подождать немного,
Да нѣтъ—скорѣй домой! Какой тутъ вистъ!
Ночь лунная была, тепло и воздухъ чистъ,
А городъ вѣдь не лѣсъ и въ немъ живутъ не звѣри—
Боятся нечего—да сверхъ того мой домъ
Близехонько. Иду себѣ шагкомъ.
Пришелъ домой, стучаться началъ въ двери..
Вдругъ слышу шумъ... и кто-то изъ окошка,
Прыгъ—прямо на меня. Кричу: «Держите, воръ!»
Куда!... Кому держать! ну, точно кошка,
Махнулъ черезъ заборъ,
Сбилъ съ ногъ какую то прохожую дѣвчонку,
И ну бѣжать! а я за нимъ вдогонку!
И думаю: задамъ-же я трезвонъ
Мошеннику! Догналъ, схватилъ,
Съ разбѣгу оба повалились.
Я, глядъ ему въ лицо—ахъ, батюшки, барон!

Пыжовъ.

Ну, что-же вы?

Башлыковъ.

Да руки опустились.

Помилуйте! съ ума сойдешь!

Возможно-ль, чтобъ баронъ пустился на грабежъ?

Какіе есть мошенники на свѣтѣ!

Пыжовъ.

Такъ онъ ушелъ?

Башлыковъ.

Ушелъ, а я къ моей Пашетѣ

Бѣдняжечка—чуть-чуть жива!

Да какъ не испугаться?

У ней, вы знаете, болѣла голова,

Однако-же, она хотѣла дожидаться,

Какъ я приду. «Сижу, дескать, одна

«За книжкою, вдругъ лѣзетъ изъ окна
«Ко мнѣ пристрашный мужичина,
«Аршина въ три, съ ужасной бородой;
«Ну, думаю, пришла моя кончина...
«Онъ прыгнулъ въ комнату: гляжу—мужикъ съдой».

Пыжовъ.

Съдой?...

Башлыковъ.

Да это ей со страху показалось,
А можетъ быть онъ былъ и въ парикѣ.
Пашета говорить, что у него въ рукѣ
Былъ длинный ножъ.

Пыжовъ.

Она, конечно, закричала?

Башлыковъ.

Куда кричать!... безъ памяти упала.

Пыжовъ.

Ну, что-же, вамъ сошло счастливо съ рукъ?

Башлыковъ.

Да, кажется, что воръ услышалъ стукъ,
А это я стучалъ—вотъ онъ пустился

Скорѣе на утекъ,

А видно очень торопился—

Не тронулъ ничего и даже кошелекъ
Мой удѣлѣлъ, браслетъ, жемчужное сердечко,
И серьги и часы; пропало лишь колечко,
И то не важное, бездѣлка, сущій вздоръ!

Пашета очень не хотѣла,

Чтобъ плута этого я вывелъ на позоръ,
Затѣмъ, что онъ баронъ; а мнѣ какое дѣло!
Хоть будь онъ князь иль графъ, а все-таки онъ воръ!
Однихъ честныхъ людей не слѣдуетъ порочить,
А вора надобно пугнуть.

Вотъ я пошелъ къ судѣ—и слушать онъ не хочетъ!

Вы, вѣрно, говорить, ошиблись какъ-нибудь.

Охота вамъ ко мнѣ соваться съ этимъ вздоромъ!

Баронъ извѣстенъ всѣмъ—не можетъ быть онъ воромъ.

Я говорю ему: вотъ такъ, и такъ, и такъ...

А онъ свое несетъ! Не могъ, сударь, никакъ

Я толку отъ него добиться.

Помилуйте, кричу, нельзя мнѣ ошибиться,

Вѣдь ночь была свѣтла какъ день...

Пыжовъ.

Ну, чтожъ судья?

Башлыковъ.

Молчить, какъ пень

И только зубы скалить.

Мошенникъ этакій! А былъ вѣдь на чайхъ

Не разъ онъ у меня...

Выхина

Эхъ, батюшка! объ этомъ бы молчать

Тебѣ.

Башлыковъ.

Молчать?... Нѣтъ, надобно кричать!

Выхина.

Ну, вотъ еще! И что за утѣшенье!...

Подумай, мой отецъ, онъ молоде и баронъ.

Башлыковъ.

Такъ чтожъ? Его помиловаль законъ,

Такъ общее пуцай накажетъ мнѣнье!

Пыжовъ (*встаетъ и въ сторону*).

Дуракъ! (*подходитъ къ окну*). Мнѣ кажется, что къ вашему
крыльцу

Подѣхала четверкою карета,

Она на улицѣ стоитъ давно.

Выхина.

Тагъ это

Должна быть барыня, что ѣздитъ все къ жильцу.

Башлыковъ.

Какой жилецъ?

Выхина.

Художникъ онъ портретный,

И дѣлаеть съ нея портреть.

Башлыковъ.

А кто таковъ?

Выхина.

Иванъ Степанычъ Пѣтуховъ.

Пыжовъ.

И, чай, портреть какой-нибудь секретный,

А то бы ей зачѣмъ себя трудить?

Вѣдь этотъ Пѣтуховъ художникъ не извѣстный

И могъ бы на домъ къ ней ходить. (*Смотритъ въ окно*).

А экипажъ чудесный!

Я, помнится, не разъ его видалъ.

Мнѣ кажется, что онъ походить...

Да вотъ и барыня выходитъ...

Ну, такъ и есть! Я это ожидалъ.

Фома Фомичъ? Подите-ка, взгляните!

Башлыковъ (*глядитъ въ окно*).

Лужницкая!

Выхина.

Вдова? Неужто та?

Пыжовъ.

Та самая.

Выхина.

Скажите!

Такъ дайте я взгляну. (*Подходитъ къ окну и смотритъ*).

Ну, прелесть! красота!

Пыжовъ.

Не даромъ же ее графъ Сицкій обожаетъ.

Выхина.

И, полно, батюшка!

Башлыковъ.

Она кого то ждетъ.

Выхина.

А вотъ и мой артистъ идетъ!

Башлыковъ.

Такъ это Пѣтуховъ?

Выхина.

Да какъ онъ разодѣтъ!

Башлыковъ.

Хорошъ артистъ!...

Пыжовъ.

И онъ съ нея портретъ

Рисуетъ по секрету?

Выхина.

Ахъ, батюшки! да онъ садится къ ней въ карету!

Пыжовъ.

А почему же нѣтъ?

Выхина.

Да потому, что это неприлично,

Она вѣдь барыня.

Пыжовъ.

А вашъ художникъ—графъ!

Выхина.

Какъ графъ?...

Пыжовъ.

Фома Фомичъ? Вы съ нимъ знакомы лично.

Прошу сказать!

Башлыковъ.

Иванъ Ильичъ, конечно, правъ—

Вѣдь это Сицкій.

Выхина.

Графъ?... возможно-ли?... тотъ самый?

Пыжовъ.

Другого нѣтъ.

Выхина.

Вотъ, что поѣхалъ съ этой дамой?

Башлыковъ.

Да это что? за нимъ не первый ужъ грѣшокъ.

Выхина.

Очнуться не могу!

Пыжовъ.

Каковъ?... и въ вашемъ домѣ!

Выхина.

Ахъ онъ, злодѣй!

Пыжовъ.

Хорошій женишокъ!

Выхина.

И я жива въ такомъ содомѣ?

Ахъ, батюшки!

Башлыковъ (*въ сторону*).

Ну, есть кой-что поразсказать!

Елена Саввишна! Прощайте! до свиданья!

(*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же безъ Башлыкова.

Выхина.

Куда теперь глаза мнѣ показать?

Пыжовъ.

Пора мнѣ въ клубъ—у насъ тамъ совѣщанье;
Большой обѣдъ на дняхъ даемъ.

(Кланяется и, уходя, въ сторону).

Авось теперь мы графа ототремъ!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ-же безъ Пыжова.

Выхина.

Какое посярмленье!

Какой позоръ!

Прасковья.

Елена Саввишна! Осмѣлюсь, съ позволенія,
Вамъ доложить—вѣдь это сущій вздоръ!

И что васъ это беспокоитъ!

Все дѣло то гроша не стоитъ!

Да плюньте вы на дурака!

Выхина.

Объ этомъ завтра же во всей Москвѣ узнаютъ!

Прасковья.

Такъ чтожъ, сударыня,—Москва-то велика,
Такія-ль въ ней okazji бываютъ?

Выхина.

Эхъ, полно враты!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ-же и Никаноръ.

Никаноръ.

Я все, сударыня, узналъ.
Она вдова, а мужъ ея былъ генераль
Иванъ Андреевичъ Лужницкій.
Живетъ-же на Мясницкой—
Близехонько отъ насъ.

Выхина.

Да, нужно мнѣ!... пошелъ!... постой!... ступай сейчасъ
И живописца всѣ пожитки
И мебель всю его—что-бъ не осталось нитки—
Все выброси на дворъ, а двери на замокъ!

Никаноръ.

Ему не вышеть срокъ.

Выхина.

Какой тутъ срокъ!
Кидай все изъ окна; да все! бутылки даже!

Никаноръ

Помилуйте! хоть онъ и въ нижнемъ жилъ этажѣ,
А все-таки...

Выхина (*опускаясь въ кресла*).

Молчи!... Вотъ я и дожидла!
Подъ старость въ эти лѣты!...
Вѣдь этотъ Башлыковъ—ходячія газеты!...
И братецъ мой хорошъ!... ударитъ въ колокола,
И скажутъ, можетъ быть, что я изъ снисхожденья,
Чтобъ сдѣлать графу одолженье—
Терпѣла этотъ срамъ!
Вездѣ начнутъ шептать, и въ клубахъ, и на балахъ.

А тамъ

Я жду всего—напишутъ и въ журналахъ
Про этотъ грѣхъ!.. Анютка!—Порошокъ!
Воды... (*Вскакиваетъ*). Отличный женишокъ!
Да съ нимъ бы заживо жена похоронилась!

Какіе съ нимъ лады!

Разбойникъ этакій! Ну! къ сердцу подкатилось!

(*Опускается опять въ кресла.*)

Охъ, тошно!... приперло!... воды, скорѣй воды!

(*Встаетъ около нея суетятся. Занавѣсь опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Въ домѣ Стародубской—комната перваго дѣйствія).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Стародубская (одна).

Стародубская (выходитъ изъ боковыхъ дверей направо отъ зрителей).

Шестой ужь часъ!... (Смотритъ на часы). Нѣтъ, скоро
шесть,

Чтожь это Любенька?... Пора-бы воротиться...

Охъ, эти барышни!... Имъ только-бъ веселиться...

Пожалуй веселись себѣ, да знай и честь!...

Поѣхала съ утра и вдругъ засѣла!

Она-жь и ѣхать не хотѣла...

Нѣтъ, съ молоду не такъ держали насъ!

Хоть вѣкъ и старый былъ, да въ этомъ вѣкѣ старомъ...

(Входитъ слуга).

Слуга.

Елена Саввишна.

Стародубская.

Въ другой сегодня разъ!

Ну, это ужь не даромъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Стародубская и Выхина.

Выхина.

Фу, батюшки! едва держусь я на ногахъ!

Хорошъ денекъ!... Совсѣмъ я выбилась изъ мочи...

Стародубская.

Садитесь поскорѣй! (Садятся).

Выхина

Меня братъ началъ страхъ.

Я думала, что вплоть до самой ночи

Проѣду на моихъ одрахъ,

Да, я же парочкой—фалеторъ съ перепоею

Сошелъ съ ума. Хочу поговорить съ тобою,

Ты ухо-то остро держи!

Твой Сицкій хотъ и графъ, а гнусное творенье!

И если сдѣлаешь тебѣ оное предложенье,

Такъ, Бога ради, откажи?

Стародубская

Помилуйте, за что? Фамили оное знатной.

Богать, хорошея собой.

Выхина.

За то, что оное развратный

И низкій человекъ!

Стародубская

Да, чтожъ узнали вы?

Выхина.

Безъ совѣсти, безъ чести!

Хоть постыдился-бы Москвы—

Да что ему Москва—мордовская деревня!

А честный, благородный домъ—

Кабакъ, сударыня—харчевня!

Ну, вѣрю я, что пьеть бутылками оное ромъ?

Ему-бы, матушка, суму да ранецъ!

Въ солдаты-бы его—проклятый самозванецъ!

Стародубская.

Да развѣ оное не графъ?

Выхина.

Съ него бы надо штрафъ

Взыскать, за то, что оное природный русскій графъ,

А хуже, чѣмъ какой-нибудь фигляръ французскій!

Стародубская.

Однакожъ, оное въ Москвѣ изъ первыхъ жениховъ.

Выхина.

Такъ слушай же! Одинъ художникъ русскій,

Иванъ Степанычъ Пѣтуховъ,

Живеть въ моемъ дому; какая-то ѣзжала

Къ нему все барыня—писала свой портретъ.
И поздно вечеромъ бывала,
А иногда ранехонько, чѣмъ свѣтъ.
И чтожь? Хоть изъ Москвы бѣжать пришлось отъ срама?
Ну, отгадай, кто эта дама?
Лужницкая!... А живописецъ кто?
Графъ Сицкій, матушка!

Стародубская.

Какъ, графъ? Да это сказки!
Ужъ вѣрно что-нибудь не то.

Выхина.

Я вышла, душенька, давно изъ-подъ указки
И вѣрю лишь тому, что видѣла сама.
Твой графъ не только дрянъ—въ немъ даже нѣтъ ума!
Ну, можно-ль быть такимъ шальнымъ повѣсой?
Хоть онъ бы дуру-то немного пожалѣлъ—
А то средь бѣла дня при мнѣ въ карету сѣлъ
Съ своей возлюбленной метресой!
Народъ вездѣ кругомъ,
Всѣ къ окнамъ подбѣжали...

Стародубская.

Графъ Сицкій съ вами незнакомъ
И врядъ-ли вы Лужницкую видали.
Такъ, кто-же вамъ сказалъ?

Выхина.

Иванъ Ильичъ.

Стародубская.

Ну, такъ и есть!

Выхина.

Не онъ одинъ, Фома Фомичъ

Быль также у меня.

Стародубская.

И оба согласились

Морочить васъ.

Выхина.

Меня?... помилуй!... для чего?

Стародубская.

Пыжовъ для друга своего.

Выхина.

А Башлыговъ?

Стародубская.

Да так! быть можетъ, для забавы
Вѣдь онъ дуракъ... Когда былъ графъ у васъ
Съ Лужицкою?

Выхина.

Да въ три часа.

Стародубская.

А въ этотъ часъ

Онъ у Петровской былъ заставы,
Чтобъ ѣхать съ Любенькой верхомъ!
Ну, видите!

Выхина.

Чтожь это значить?

Стародубская.

Хотѣли васъ поссорить съ женихомъ,
И больше ничего.

Выхина.

И этакъ смѣть дурачить!

Кого?... Меня?... Нѣтъ, шуточка стара!
Да я ихъ не пушу къ себѣ на поль-двора!
Вотъ дура имъ досталась!
Да гдѣ твоя Любовь?

Стародубская.

Ея еще все нѣтъ.

Выхина.

Чего-же смотришь ты?

Стародубская.

Да ей ужъ двадцать лѣтъ
И всѣ совѣты ей противны какъ лѣкарство—
Такой ужъ нравъ.

Выхина.

И, чай, гусарскій твой корнетъ

Поѣхалъ съ ней?

Стародубская.

А что?

Выхина.

Мнѣ это фамиллярство

Куда не по-сердцу.

Стародубская.

Помилуйте, онъ братъ!

Выхина.

Какой? . въ двѣнадцатомъ колѣнѣ?

Стародубская.

Ужь и въ двѣнадцатомъ!

Выхина.

Да нѣтъ родства и тѣни.
На этакой сестрѣ онъ можетъ быть женатъ.

Стародубская.

Жениться?... этому мальчишкѣ?

Выхина.

А чтожь? Вѣдь эти всѣ гусары ребятишки
Пречасто женятся—и даже не спросясь.

Стародубская.

Да Вольдемаръ дитя...

Выхина.

Всѣ нынче стары!
И эти братцы всѣ—Леоны, Вольдемары,
Такая, матушка, чума... (*Входитъ слуга*).

Стародубская.

Ну, что ты?

Слуга.

Князь.

Стародубская.

О, Боже мой!... проси!... Ну, право, это гадко—
Вѣдь знаетъ, что его не нравится женихъ..
Такъ нѣтъ!... Присталъ, какъ лихорадка!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и князь Рыльскій.

Стародубская.

А, князь!...

Князь Рыльскій.

Я васъ застать надѣялся однѣхъ.

Выхина.

Что батюшка? Я, видно, вамъ мѣшкаю?

Князь Рыльскій.

Я послѣ говорить готовъ при всей роднѣ,
Но Марья Саввишнѣ одной хотѣлось мнѣ
Сказать теперь словъ, пять...

Стародубская.

А я васъ приглашаю
Сказать ихъ при сестрѣ—у насъ секретовъ нѣтъ.

Выхина.

Мы къ этому привыкли съ малыхъ лѣтъ.

Князь Рыльскій.

Я шель пѣшкомъ и очень быстро
Усталъ—позвольте сѣсть...

Стародубская.

Локопѣйше прошу! (*Садятся*).

Князь Рыльскій.

Я, Марья Саввишна, васъ очень насмѣшу,
И смѣйтесь надо мной!... Престранная ошибка!
Графъ Лидинскій съ восторгомъ говорил
О васъ—и вашу онъ племянницу хвалилъ.
Все это въ головѣ моей перемѣшалось,
Не знаю, какъ и отчего.
А знаю только то, что мнѣ сейчасъ досталось
Порядкомъ отъ него:
Онъ мнѣ пенялъ—и даже очень гнѣвно—
«Помилуй»—говорить—«да что я за дуракъ?
Да развѣ за меня пойдетъ Любовь Сергѣевна?
Я ей въ отцы гожусь. А если-бы и такъ?...
Положимъ, что она сама-бы захотѣла,
Такъ я бы, сударь, прочь!... Жениться я хочу,
Да мнѣ жена должна быть по плечу.
Вотъ этакъ женщина, достоинствъ очевидныхъ,
Съ любезностью, съ умомъ, въ лѣтахъ солидныхъ.

Выхина.

Такъ дѣло-бы тогда какъ разъ у нихъ сошлось?

Князь Рыльскій.

Такую бы жену почелъ онъ за находку.

Выхина.

Резонь!... съ племянницей ему не удалось,
Такъ онъ прислалъ посватать тетку.

Князь Рыльскій.

А почему-же нѣтъ?

Вѣдь Марья Саввишна почти однихъ съ нимъ лѣтъ.

Выхина.

Ну да, не далеко—а все-таки отстала.

Стародубская.

Вотъ этого ужъ я никакъ не ожидала!

Князь Рыльскій.

Да, Марья Саввишна, графъ Лидинскій хотѣлъ

Давно вамъ сдѣлать предложенье,

Онъ далъ мнѣ это порученье,

А я его исполнить не сумѣлъ!

И такъ ошибся грубо,

Попалъ въ такіе дураки!

Мой другъ черезъ меня просилъ у васъ руки,

А я...

Выхина.

Что, матушка?... чай, любо?

Какого женишка Господь тебѣ послалъ!

Ужъ то-то, чай, бѣдняжка страдалъ!

Послушала-бъ его стenanія и вздохи—

Вѣдь онъ, я думаю, безъ памяти влюбленъ!

Князь Рыльскій.

Вы шутите, а я такъ въ этомъ убѣжденъ.

Выхина.

Ну, видно ужъ дѣла его отъменно плохи!

Какую штуку отпустилъ!

Влюбленъ!... а самъ въ хирагрѣ весь—тришца—

Изношенный старикъ!

Стародубская.

И, полноте, сестрица!

Графъ вовсе не таковъ, онъ даже очень миль.

Выхина.

И дѣлаетъ тебѣ большое одолженье...

Стародубская.

Конечно, это предложенье...

Выхина.

Смѣшно тебѣ?... и я смѣюсь,
Да только вовсе не дивлюсь—
Дневная всякому нужна, мой другъ, потреба,
Такъ онъ на все пойдетъ.

Стародубская.

На все?... Да это ужь обидно!
Такъ я поэтому чудовище, уродъ!

Выхина.

Ахъ, Марья Саввишна! Ну, какъ тебѣ не стыдно!

Стародубская.

Да чѣмъ-же я должна себя считать?

Выхина.

Тебѣ бы надо хохотать,
А ты разгнѣвалась!

Стародубская.

Тутъ вовсе нѣтъ смѣшного,
Напротивъ, я должна благодарить.

Выхина.

И дать скорѣе слово?

Стародубская.

Объ этомъ буду я сейчасъ-же говорить (*князю*)—
Мнѣ жаль, что графъ себя и васъ трудилъ напрасно.

Князь Рыльскій.

Какъ, Марья Саввишна!... такъ мой несчастный другъ...

Стародубская.

Вы знаете, какъ страстно
Любилъ меня покойный мой супругъ;
Все счастье мое давно взяла могила
И эту рану я ничѣмъ не залѣчу.
Теперь для Любеньки всю жизнь я посвятила—
Я съ нею жить и умереть хочу.

Князь Рыльскій.

Зачѣмъ-же такъ спѣшить?... Подумайте немного!

Стародубская.

Да развѣ для меня другая есть дорога?

Князь Рыльскій.

Такъ вы сказали мнѣ...

Стародубская.

Рѣшительный отвѣтъ.

Князь Рыльскій.

А я надѣялся, что кончится иначе...

Графъ любить васъ—вы равныхъ лѣтъ.

Выхина.

Да, батюшка, большія неудачи.

У насъ въ Москвѣ вакантныхъ много мѣстъ,

А онъ лишь сунется куда—отказъ, какъ шесть!

Князь Рыльскій.

Ну, нѣтъ, ужъ извините—

Такого жениха съ руками оторвут!

И если вы хотите,

Такъ вамъ съ полсотни назовутъ

Невѣсть...

Выхина.

Чай, счету нѣтъ Анютамъ и Парашамъ...

Князь Рыльскій.

Смѣяться нечему—я правду говорю...

Выхина.

Да я вѣдь графа не корю.

Онъ только-что въ семействѣ нашемъ

Не можетъ завестись женой.

Кидался онъ изъ мѣста въ мѣсто—

Вездѣ болтуны! А есть одна еще невѣста.

Князь Рыльскій.

Невѣста?... Кто?

Выхина.

Да очередь за мной.

Князь Рыльскій.

Избави Боже!

Выхина.

А что, вѣдь графъ едва-ль меня моложе?

Мнѣ только надобно спроситься у сестры.

Князь Рыльскій.

Какъ эти шуточки и милы и остры!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ть-же и Днѣпрова.

Стародубская.

Арина Дмитревна!

Днѣпрова.

А я къ вамъ прискакала
Безъ памяти—хотѣла видѣть васъ.

Стародубская,

А что?

Днѣпрова.

Да такъ! Миѣ нужно-бы сначала
Кой что узнать. Я отъ сестры сейчасъ.

У ней карета ужь готова,
Сестра прїѣдетъ къ вамъ съ Иваномъ Ильичемъ.
Позвольте васъ спросить..

Стародубская.

О чемъ?

Днѣпрова.

Что ваша Любенька, здорова?

Стародубская.

А развѣ съ ней случилось что-нибудь?
Упала съ лошади она?... разбила грудь?...

Днѣпрова.

О, нѣтъ, совсѣмъ не то! а только очень чудно—
Повѣрить даже трудно...

Стародубская.

Да что?...

Днѣпрова.

Она вѣдь, кажется, съ утра
Поѣхала гулять—и вѣрно съ Вольдемаромъ?

Стародубская.

Такъ чтожъ?

Выхина (съ стороны).

Ну, видно я пророчила не даромъ!

Днѣпрова.

Да вотъ ужь лучше все расскажетъ вамъ сестра.

Стародубская.
Охъ, сердце такъ и ноетъ!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Ть-же, Горенская и Пыжовъ.

Стародубская (*бѣжитъ навстрѣчу къ Горенской*).
Что съ Любенькой?

Горенская. А дома нѣтъ ея?

Стародубская. Вотъ это-то меня и беспокоитъ.

Горенская. Такъ видно, что извѣстiе мое
Довольно справедливо.

Стародубская.
Да что съ ней сдѣлалось?

Горенская. Надѣюсь, ничего.

Стародубская.
Но что вы слышали?... о чемъ? и отъ кого?

Горенская.
Да! дѣло-то немножко щекотливо!
И еслибъ былъ у Любеньки отецъ,
Иль братъ...

Стародубская.
Ахъ, Боже мой! узнаю-ль, наконецъ?...

Горенская.
Возьмите же терпѣнье!
Я все перескажу. Приказчикъ мой, Федотъ,
Изъ нашего отправился имѣнья
Сегодня поутру. Тамъ есть у насъ заводъ;
Отъ графа Сицкаго селенья
Верстахъ въ семи—его тамъ знаютъ всѣ.
Вотъ видите мой Федотъ, что мчится по шоссе
Коляска-четверней, и въ этомъ экипажѣ

Съ Любовь Сергѣвную сидитъ племянникъ вашъ.
Федотъ замѣтилъ даже,
Что этотъ экипажъ
На ваши не походить,
И долженъ быть чужой.

Стародубская.

Чужой?

Горенская.

Приказчикъ мой къ вамъ очень часто ходитъ,
Такъ какъ ему не знать.

Стародубская.

Ахъ, Боже мой!

Горенская.

Какъ Любенька увидѣла Федота,
Такъ, говорить, ее вотъ такъ и повело!
Накинула вуаль—да вдругъ у поворота
Свернули въ сторону, и въ графское село,
Какъ будто-бы шальные,
Во всю пустились прѣть.

Пыжовъ.

Ну, нечего сказать, постушки удалые!

Стародубская.

Возможно-ль? къ Сицкому?..

Горенская.

Къ нему.

Стародубская.

Не можетъ быть!

Горенская.

Конечно, это очень смѣло,
А, впрочемъ, почему-жъ?
Вѣдь съ Любенькой какая то сидѣла
Въ коляскѣ госпожа—я, чай, мадамъ Грибушъ.

Пыжовъ.

Нѣтъ, Марья Дмитревна, скажу вамъ безъ ошибки,
Что это не она. Сегодня невзначай
Попалъ я въ паркъ—гляжу, вонъ тамъ, гдѣ пьютъ всѣ чай,
Ну, знаете—растутъ гдѣ липки,
Сидитъ мадамъ Грибушъ и вяжетъ кошелекъ.

Коляска же стоитъ въ аллеѣ,

А кучеръ и лакеи

Сидятъ подъ липками, да такъ-то пьютъ чаекъ.

(Входитъ слуга.)

Слуга.

Графъ Сицкій.

Стародубская.

Графъ? Его-то намъ и надо!
Проси скорѣй!... Авось узнаемъ, наконецъ.

Выхина.

Я также очень рада.

(*Пыжову.*)

Коль этотъ графъ не мой жилецъ,
Такъ вы меня, Иванъ Ильичъ, не осудите—
За вами, кажется, довольно есть грѣховъ,
Я разомъ всё сочту.

Пыжовъ.

Да вотъ и онъ—смотрите!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же и графъ Сицкій.

Выхина.

Ахъ, батюшки! Иванъ Степанычъ Пѣтуховъ!

Стародубская (*встрѣчая графа*).
Скажите, графъ..

Выхина (*прерывая*).

Нѣтъ, матушка, сестрица
Рѣчь впереди твоя! (*Графу*). Осмѣлюсь васъ спросить:
Вы кто, сударь?... Не знаю, какъ честить
Я васъ должна. Вѣдь я не мастерица
Подъ маской узнавать людей.

Стародубская.

Елена Саввишна.

Выхина (*не слушая*).

Вы, вѣрно, чародѣй,
Волшебникъ и колдунъ? У насъ вы, на Мясницкой,
Художникъ Пѣтуховъ, а здѣсь вы кто?

Графъ Сицкій (*кланяясь*).

Графъ Сицкій.

Выхина.

Такъ вы, сударь, маляръ и графъ?

Пыжовъ (*Горенской*).

Ну, если-бъ дать теперь ей палку,
Такъ худо-бы ему.

Графъ Сицкій.

Я вамъ кажусь не правъ.

Выхина..

Да вамъ-бы на театр! Ужь то-то бы русалку
Сыграли вы!

Стародубская (*Выхиной*).

Сказать позвольте съ нимъ

Пять словъ...

Выхина (*не слушая*)

Да это, вся Москва единогласно
Со мною повторить.

Графъ Сицкій.

Вы сердитесь напрасно.

Выхина.

Стыдитесь, графъ! не вы-ль, подъ именемъ чужимъ,
Забывши честь и ваше званье,
Осмѣлились давать любовныя свиданья...

Графъ Сицкій.

Даваль, сударыня, такъ чтожь?

Выхина.

Какъ, что? Вопросъ хорошъ!
Да вы, сударь, налецъ!

Графъ Сицкій.

Угодно

Вамъ гыслушать меня?...

Выхина.

Въ моемъ дому

Свиданья назначать!

Графъ Сицкій.

Да знаете-ль. кому?

Выхина.

Лужницкой, батюшка—я это всенародно
На площади скажу.

Графъ Сицкій.

Ударьте хоть въ набать—
Мнѣ все равно; вѣдь я на ней женатъ!

Выхина.

Что, что?

Горенская.

Возможно-ли?

Пыжовъ.

Ну, свахи все и сваты
Сойдутъ съ ума теперь!

Стародубская.

Такъ вы, сударь, женаты?

Выхина.

Эхъ, матушка, не вѣрь:
Онъ выдумалъ нарочно сказку эту;
Гдѣ видано, чтобъ мужъ видался по секрету
Съ своей законною женою!

Графъ Сицкій.

Когда не вѣрите, такъ вы женѣ позвольте
Пріѣхать къ вамъ за мной.

Выхина.

Зачѣмъ, сударь?

Графъ Сицкій

Прошу васъ—удостойте.

Я этимъ буду одолженъ.

Выхина.

Нѣтъ, батюшка, увольте!
Я этакихъ не принимаю женъ.
Нахаль!

Графъ Сицкій.

Мнѣ жаль, что этой чести
Мы будемъ лишены.

Стародубская (*графу*).

Спросить позвольте васъ,
Съ племянницей моею вы были нынче вмѣстѣ?

Графъ Сицкій.
Весь день, сударыня. Я отъ нея сейчасъ,
И къ вамъ имѣю порученье.

Стародубская.
Какое, графъ?
Графъ Сицкій.
Любовь Сергѣевна въ сокрушеньи.

Стародубская.
Да гдѣ она?
Графъ Сицкій.
Теперь съ моей женой;
Мы въ ней, какъ въ истинной родной,
Участіе беремъ—и съ нею вмѣстѣ тужимъ.

Стародубская.
О чемъ?
Графъ Сицкій.
Ужь, видно, такъ угодно небесамъ!...
Позвольте ей пріѣхать къ вамъ!...

Стародубская.
Ко мнѣ?
Графъ Сицкій.
Да только вмѣстѣ съ мужемъ.

Стародубская.
Съ какимъ?
Графъ Сицкій.
Съ ея.

Стародубская.
Какъ, мужъ?... Какой?...
Графъ Сицкій.

Владиміръ Ладогинъ.
Стародубская.
Что, что?... Племянникъ мой.
Не можетъ быть!... чтобъ Любенька досталась
Мальчишкѣ этому!...

Графъ Сицкій.
Она сейчасъ вѣнчалась
Въ деревнѣ у меня.

Стародубская.

Помилуйте! да кто вѣнчалъ?... Они—родня!

Выхина.

И матушка, такихъ родныхъ всегда вѣнчаютъ!
Какое тутъ родство!

Пыжовъ (*въ сторону*).

Ну, это сватовство
Получше нашего.

Графъ Сицкій.

Они васъ умоляютъ.

Простите ихъ!

Стародубская.

Во вѣки не прощу!

Пыжовъ (*въ сторону*).

На первыхъ-то порахъ задорна,
А тамъ уходится!

Стародубская.

На дворъ ихъ не пущу!

А васъ я, графъ, прошу покорно
Оставить навсегда мой домъ.

Графъ Сицкій.

Такъ вы меня считаете врагомъ!

Стародубская.

Нѣтъ, вы пріятель мой, но съ вами я знакомство
Желаю прекратить. Обманъ и вѣроломство
Я ненавижу, графъ!

Графъ Сицкій.

Я къ вамъ явлюсь, когда

Пройдетъ вашъ гнѣвъ.

Стародубская.

О, этого труда
Прошу не брать. Любовь пристроена ужъ къ мѣсту,
Ей тетка не нужна!

(*Графъ клянется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Т в - ж е б е з ъ г р а ф а С и ц к а г о .

П ы ж о в ъ (*Горенской*).

Каковъ?

Горенская.

Лихой гусары!

Князь Рыльскій.

Какую подхватили невѣсту!

Корнетъ!

Выхина (*Стародубской*).

Ну, вотъ тебѣ и Вольдемаръ!

Что, матушка? Я даромъ говорила?

А дѣлать нечего—придется ихъ простить.

Стародубская.

Простить? Да есть-ли въ мірѣ сила...

Выхина.

Которая могла твой гнѣвъ-бы укротить?

А что твой гнѣвъ, и что слова твои всё значуть?

Къ чему тебя все это поведеть?

Вѣдь, снявши голову, о волосахъ не плачуть!

Стародубская.

Имъ это даромъ не пройдетъ!

Выхина.

Да чтожъ ты сдѣлаешь?

Стародубская.

Для этого я средство

Сейчасъ найду.

И если надобно, такъ я на все пойду!

Лишу племянницу наслѣдства

И навсегда рѣшусь ее забыть.

Дѣвчонка глупая! Она могла-бы быть

И генеральшей и княгиней,

А вышла за кого?... И нищій, и корнетъ!...

...Такъ буду-жъ я графиней!

(*Князю Рыльскому.*)

Пойдемте, князь, со мною въ кабинетъ!

Выхина.

Ахти, бѣда!... Сестрица!... Господь съ тобою!
Опомнись, матушка! Да ты съ ума сошла!
Постой, мой другъ!...

*(Стародубская подаетъ руку князю и уходитъ вмѣстѣ съ нимъ
нальво отъ зрителей.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ТѢ-ЖЕ БЕЗЪ КНЯЗЯ РЫЛЬСКАГО И СТАРОДУБСКОЙ.

Выхина.

Ушла.

Да нѣтъ, ее не уступлю безъ бою
И графа этого начну рубить съ плеча,
А то она, пожалуй, съ горяча
И слово дастъ.

(Уходитъ вслѣдъ за Стародубской.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ БЕЗЪ ВЫХИНОЙ.

Днѣпрова.

Вотъ это очень мило!

Ушли и насъ оставили однихъ.

Горенская.

А Марья Саввишна и князя утащила.

Пыжовъ.

Ну что, богатый вашъ женихъ?
Скажите, изъ чего всѣ бились?
Въ кого всѣ маменьки влюбились?
Морочить такъ честныхъ людей!

Днѣпрова.

Да онъ чудовище!

Горенская.

Злодѣй!

Днѣпрова.

Развратный человѣкъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Т Ъ - ж е и Б а ш л ы к о в ъ .

Башлыковъ (*увидя Горенскую*).

Вы здѣсь? И очень радъ!

Злѣхаль невзначай, а кажется, впопадъ—

Здѣсь быть должна какая-то тревога;

Карета Сицкаго стояла у крыльца.

Сейчасъ отѣхала; на людяхъ нѣтъ лица.

Хотѣлъ я разспросить немного—

Молчать! Ни да, ни нѣтъ!

У всѣхъ одинъ отвѣтъ:

«Не знаемъ ничего», а всё въ большомъ смущеньи.

Д н ѣ п р о в а .

Ну, да! Здѣсь было приключенье

Весьма забавное.

Б а ш л ы к о в ъ .

Когда?

Д н ѣ п р о в а .

Да вотъ сейчачъ.

За чванство здѣсь была достойная награда...

Горенская (*тихо Днѣпровой*)

Зачѣмъ—не говори!

Д н ѣ п р о в а .

А почему-жъ?

Г о р е н с к а я .

Не надо!

Онъ всёмъ расскажетъ прежде насъ.

Поѣдемъ, милая!

Б а ш л ы к о в ъ .

Ну, вотъ заторопились!

Д н ѣ п р о в а .

Намъ некогда, Фома Фомичъ.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тъ-же везъ Горенской и Днѣпровой.

Башлыковъ.

Скажите мнѣ хоть вы, Иванъ Ильичъ,

Пыжовъ.

Да двѣ исторіи пречудныя случилсь;
На это сочинить не худо бы стихи—
Вѣдь это-бы нашли весьма замысловатымъ.
Гонялсь маменьки за женихомъ женатымъ,
И сватали невѣсту женихи...

Башлыковъ.

Замужнюю?

Пыжовъ.

Почти!

Башлыковъ.

Да это непонятно,

Скажите пояснѣй.

Пыжовъ.

Мнѣ было-бы пріятно

Все это вамъ подробно разсказать,

Да ѣхать мнѣ пора...

Башлыковъ (*останавливая Пыжова*).

Прошу васъ, погодите!

Ну, сами разсудите—

Нельзя-жъ мнѣ этого не знать.

Пыжовъ.

Узнаете!

Башлыковъ.

Когда?

Пыжовъ.

Я думаю, что скоро

Объ этомъ все заговорять.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Башлыковъ (однѣ).

А я то что? Останусь заурядъ!
Всѣ будутъ говорить, а мнѣ и разговора
Нельзя объ этомъ повести.
И что онъ мнѣ за дичь изволилъ наплести?...

Женихъ женатый...

Невѣста замужемъ.. Ну да, сюжетъ богатый
Для стиховъ.

Да кто женихъ таковъ?

И что за сватовство такое?...

Постой!... Неужели?... Нѣтъ, кажется, пустое!

У Лидиныхъ публичный былъ сговоръ!...

Не можетъ быть!... Да чтожъ я голову ломаю!...

Вотъ это что!... Охъ, нѣтъ—и это вздоръ!...

Тѣфу пропасть! хоть убей, никакъ не понимаю!

(Занавѣсъ опускается.)

•
К О Н Е Ц Ъ .

ДЕНЬ ПЕРВАГО ПРЕДСТАВЛЕНІЯ НОВОЙ ПЬЕСЫ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Кабинетъ Сурскаго. (*Входитъ Людмилъ*).

Сурскій. А! здравствуй, мой другъ! Что такъ рано?

Людмилъ. Мнѣ нельзя было заѣхать къ вамъ позднѣе: сегодня я все утро былъ занятъ.

Сурскій. Я такъ давно у васъ не былъ. Что? Всѣ твои здорovy?

Людмилъ. Слава Богу!—Сегодня дають въ первый разъ...

Сурскій. Воротился-ли изъ деревни батюшка?

Людмилъ. Нѣтъ еще.—Сегодня въ первый разъ...

Сурскій. Мнѣ сказывали, что вы купили домъ?

Людмилъ. Да-съ!—Сегодня въ первый разъ...

Сурскій (*умбаясь*). Дають твою комедію? Знаю, мой другъ, и, можетъ быть, завтра поздравлю тебя съ успѣхомъ.

Людмилъ. Я надѣюсь, публика будетъ снисходительна къ первому опыту.

Сурскій. Да, если этотъ *первый опытъ* доставитъ ей удовольствіе.

Людмилъ. Но я имѣю право надѣяться... Мнѣ кажется... Я думаю...

Сурскій. Ты думаешь, что твоя комедія не можетъ упасть: не правда-ли?

Людмилъ. О, нѣтъ! я никогда этого не думалъ: легко быть можетъ, что первое представленіе моей комедіи будетъ и послѣднимъ.

Сурскій. И эта мысль тебя не пугаетъ?

Людмилъ. Ни мало. — Расинова Федра и Мольеровъ Ми завтропъ не имѣли успѣха.

Сурскій. Понимаю! Потомство отдастъ тебѣ справедливость; не спорю, эта мысль утѣшительна для старика, который не живетъ уже въ здѣшнемъ мірѣ; но ты еще молодъ и долженъ, можетъ быть, въ ожиданіи лавровъ, коими нѣкогда украсить твою гробницу, переносить съ терпѣніемъ всѣ неприятыя послѣдствія неудачнаго опыта. Положеніе автора освистанной

пьесы ужасно. Представь себѣ радость глупыхъ насмѣшниковъ, которые могутъ шутить насчетъ твоей комедіи; обидные отзывы журнальныхъ критиковъ; совѣты безграмотныхъ любителей словесности и торжество соперниковъ, *которые въ глубокомъ траурѣ, но съ радостной душою* пріѣдутъ утѣшать несчастнаго своего собрата,—и чрезъ нѣсколько дней напишутъ на него дюжины двѣ эпиграммъ.

Людмилъ. А я выучу ихъ наизусть, если онѣ будутъ остры и забавны.

Сурскій. Въ самомъ дѣлѣ? Очень радъ, мой другъ. Признаюсь, я боялся, что ты не перенесешь съ благоразумною твердостью неудачу, которая тебя ожидаетъ.

Людмилъ. Возможно-ли? Моя комедія?

Сурскій. Не будетъ имѣть успѣха.

Людмилъ. Но почему вы это думаете?

Сурскій. Такъ! Я имѣю причины опасаться. Комедія твоя многимъ не нравится.

Людмилъ. Неужели?

Сурскій. Говорятъ о какихъ-то личностяхъ.

Людмилъ. Личности?—Въ моей комедіи?

Сурскій. Увѣряютъ, что всѣ дѣйствующія лица твоей пьесы списаны съ натуры, и что ты не пощадишь даже твоего благодѣтеля графа Знатова.

Людмилъ. Какаа клевета!

Сурскій. Больше всѣхъ сердится на тебя Лидинъ; онъ увѣряетъ, что глупый нѣмецкій баринъ твоей комедіи, какъ двѣ капли воды, походить на искренняго его друга барона Штейнкопфа.

Людмилъ. Помилуйте! Я въ первый разъ слышу объ этомъ баронѣ.

Сурскій. Извѣстные литераторы, Теоровъ и Кастальскій, также не очень хвалятъ тебя и твое сочиненіе. Они говорятъ, что комедія скучна, безъ связи, наполнена общими мѣстами, что ты упряма, самолюбивъ, не принимаешь ничьихъ совѣтовъ.

Людмилъ. Да знаете-ли, что они мнѣ совѣтовали? Теоровъ убѣждалъ меня прибавить нѣсколько любовныхъ сценъ, а Кастальскій требовалъ, чтобы я выкинулъ всю любовь изъ моей комедіи. Ну какъ-же я могъ послушаться ихъ обоихъ?

Сурскій. А за то, что не послушался ни того, ни другого, они оба противъ тебя.

Людмилъ. Злодѣи!...

Сурскій. Ты знаешь, что мнѣнія ихъ весьма уважаются, у нихъ много пріятелей, друзей.

Людмилъ. Боже мой! зачѣмъ я читалъ имъ мою комедію!

Сурскій. Да! лучше, если-бы ты этого не дѣлалъ.

Людмилъ. Но кто-бы могъ подумать? Впрочемъ, что за

бѣда? Если я написалъ хорошую комедію, то рано или поздно... и вы точно слышали, что она многимъ не нравится?

Сурскій. Да, мой другъ.

Людмилъ. И послѣ этого трудись, пиши для этихъ варваровъ! Но я докажу имъ, что для человѣка съ талантомъ мнѣніе безсмысленной толпы ничего не значить; что онъ находитъ награду трудамъ своимъ въ самомъ себѣ; что онъ... Но неужели вы думаете, что зрители станутъ шикать?

Сурскій. Можетъ быть.

Людмилъ. Въ самомъ дѣлѣ? Такъ я же васъ увѣряю, что этого не будетъ. Прощайте!

Сурскій. Куда ты, Людмилъ?

Людмилъ. Въ театръ. Я потребую назадъ мою комедію и ничто въ свѣтѣ не заставитъ меня согласиться... Злодѣи!...

Сурскій. Пстой, мой другъ.

Людмилъ. Нѣтъ, нѣтъ! рѣшено, ее играть не будутъ.

Сурскій. Да успокойся! не всѣ возстанутъ противъ твоей комедіи; у тебя найдутся и защитники.

Людмилъ. Но Лидинъ и его пріятели?...

Сурскій. Я доказалъ имъ, что ты никогда не видалъ барона, слѣдовательно не могъ вывести его на сцену.

Людмилъ. А Теоровъ и Кастальскій?...

Сурскій. Оба не будутъ въ театрѣ.

Людмилъ. Бойтесь-ли вы Бога? За чтожь вы меня перепугали?

Сурскій (*улыбаясь*). Извини, мой другъ! Я хотѣлъ полюбоваться твоимъ философическимъ равнодушіемъ и испытать, не сильнѣе-ли подѣйствуетъ на тебя моя проза, чѣмъ стихи общаго нашего пріятеля?

Людмилъ. Который убѣждалъ меня не писать для театра? Но вы говорите не шутя, а посланіе къ Людмилу одна только шутка *).

Сурскій. Въ самомъ дѣлѣ. И такъ всѣ неприятности и досады, коимъ подвергается драматическій писатель: несправедливыя критики журналистовъ, зависть соперниковъ и неблагодарность публики, описанныя въ посланіи нашего пріятеля, есть ничто иное, какъ пѣстическій вымыселъ?

Людмилъ. Я не говорю этого. Конечно, драматическій сочинитель долженъ запасть большимъ терпѣніемъ, одни совѣты заботливыхъ пріятелей сведутъ его съ ума; одинъ находитъ, что его экспозиція слишкомъ сжата, другой, что она растянута, третій предлагаетъ перемѣнить весь ходъ пьесы, то-есть, хочетъ доказать, что онъ въ полчаса обдумалъ планъ комедіи гораздо

*) Посланіе къ Людмилу напечатано въ Трудахъ Общества Любителей Рос. Словесности и въ послѣднемъ томѣ „Образовыхъ Сочиненій“.

лучше, чѣмъ авторъ, который нѣсколько лѣтъ надъ нею трудился, — словомъ, каждый думаетъ, что замѣчанія его справедливы, и что онъ одинъ не можетъ ошибаться. Все это весьма неприятно, но за то какая награда ожидаетъ сочинителя! Авторъ пьесы, заслужившій общее одобреніе, можетъ смѣло сказать, что онъ произвелъ чудо; заставивъ двухъ человѣкъ мыслить совершенно одинаковымъ образомъ есть уже дѣло весьма трудное; но согласить мнѣніе двухъ тысячъ особъ, увлечь силою своего таланта всѣ сердца, слить помышленія и чувства всѣхъ зрителей въ одну и ту же душу, въ одинъ и тотъ же восторгъ: о, это такое торжество!... такая блаженная минута!

Сурскій. Потихе мой другъ — не горячись! Ты забылъ, что мы живемъ не въ Афинахъ и что у насъ большая часть зрителей прѣзжаютъ въ театръ совсѣмъ не для того, чтобы слушать и восхищаться. Во первыхъ одинъ раекъ имѣтъ привилегію приходитъ въ восторгъ, а люди *порядочные* должны въ русскомъ театрѣ или зѣвать, или, по крайней мѣрѣ, не слушать, что говорятъ актеры, и находить почти все дурнымъ. Впрочемъ, крики, вызовы и хлопанье зрителей, сидящихъ подъ самымъ плафономъ, должны столь мало льстить самолюбію автора, сколь мало огорчать его всегдашнее равнодушіе тѣхъ, которые сидятъ внизу. Одни по невѣжеству вызываютъ одинаковымъ образомъ и автора хорошей комедіи и переводчика посредственнаго водевиля; другіе изъ шалости, или по привычкѣ дѣлаютъ тоже самое, — словомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей драматическаго искусства, нашу театральную публику можно раздѣлить на два рода посѣтителей: одни совершенно равнодушны ко всему русскому, слѣдовательно *должны* находить все посредственнымъ или дурнымъ, а другіе хлопаютъ и кричатъ *браво*, потому что это не запрещено, и стали-бы свистать, еслибы это было позволено, для того, чтобы надѣлать болѣе шума.

Людмилъ. Мнѣ кажется, вы очень строго судите нашу публику.

Сурскій. Быть можетъ, завтра сужденіе мое покажется тебѣ слишкомъ умѣреннымъ.

Людмилъ. Какъ бы то ни было, а я надѣюсь, что это равнодушіе...

Сурскій. Не устоитъ противъ твоей комедіи? Желаю, мой другъ, чтобы ты былъ вторымъ Пигмалиономъ.

Людмилъ. Смѣйтесь, смѣйтесь! А я между тѣмъ отправлюсь на репетицію; надобно какъ можно лучше сладить послѣднее дѣйствіе, и тогда мы увидимъ. Прощайте.

К О Н Е Ц Ъ .

СТОЛИЧНЫЕ ЖИТЕЛИ ВЪ ПРОВИНЦИИ

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Наташа (*входитъ изъ боковыхъ дверей, за ней служанка выноситъ чайный приборъ*).

Поставь сюда! Да тише, не разлей!

Придвинь-же столъ къ дивану!

Ахъ, какъ ты не ловка! Впередъ сама я стану

Готовить чай. Спроси московскихъ кренделей.

Ступай! Вотъ здѣшнія служанки:

Безъ толку, безъ ума; ну, сущія крестьянки!

А слуги... Боже мой!

Въ Москвѣ и нищія красивѣй ихъ одѣты;

На все прегрубые отвѣты!

Зовутъ тебя то теткой, то кумой,

Въ лакейской спать, дерутся отъ бездѣля,

И каждый день съ похмѣлья;

Ахъ, мой Творецъ!

И надобно-жъ случиться

Въ то время, какъ въ Москвѣ хотѣлъ на мнѣ жениться

Преловкій молодець,

Чтобъ барышня...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Наташа и Иванъ.

Иванъ (*входя*).

Извините!

Въ лакейской нѣтъ людей! прошу васъ, доложите

Матренѣ Саввишнѣ; князь Холмскій, баринъ мой,

Прислалъ... узнать... Кой чортъ! Не можетъ статься!

Наташа.

Что вижу? Это онъ!

М. ЗАГОСИЯНЪ. Т. X.

8

Иванъ (*въ сторону*).

Она! боюсь вкленаться.

(*Громко*).

Мнѣ кажется въ Москвѣ, прошедшею зимой,
Въ угольномъ домѣ...

Наташа.

На Петровкѣ?

Иванъ.

У модной помнится торговки..

Наташа.

Мадамъ Легро?..

Иванъ.

Возможно-ль, это вы?

Наташа.

Такъ точно, это я-съ.

Иванъ.

Вы здѣсь? Я вмѣстѣ съ вами!

Ахъ, Боже мой! какими-же судьбами
Въ губернскаго городъ вы попали изъ Москвы?

Наташа.

Чтожъ дѣлать? по неволѣ.

Иванъ.

Да ваши господа рехнулись что-ли?
Увестъ въ провинцію такую красоту!

Наташа

И полноте.

Иванъ.

Вы здѣсь съ тоски умрете:

Вѣдь здѣсь не кинули еще носить фату,
Шумунъ, коты..

Наташа.

И! что вы врете?

Хоть моды здѣшнія не очень хороши...

Иванъ

Чему и быть въ такой глуши?

Народъ порядочный живетъ въ столицахъ.
А здѣсь? помилуйте!... Кунсткамера вся въ лицахъ

Наташа.

Что дѣлать? Барышня... семейныя дѣла...

Иванъ.

Давно вы изъ Москвы?

Наташа.

Вотъ мѣсяцевъ ужъ восемь
Живемъ у тетушки и скуку переносимъ,
Она съ ребячества въ провинціи жила.

Иванъ.

Да пусть она, а вы зачѣмъ сюда забились?
Вѣдь вы московскія?

Наташа.

Ахъ нѣтъ, мы здѣсь родились,
А были съ барышней въ Москвѣ.
Я слишкомъ годъ жила въ французскомъ магазинѣ,
А Софья Дмитревна недѣли двѣ
Гостила у своей кузины.

Иванъ.

Да! то-есть у своей двоюродной сестры?

Наташа.

Вы все по прежнему, такъ смѣтливы, остры.

Иванъ.

Со мною говорить прошу васъ смѣло.
Мы все поймемъ, столичное вѣдь дѣло!
Потерлись кое-гдѣ: къ пріятелямъ, къ друзьямъ,
То въ рестораціяхъ, то тамъ, то сямъ..
Къ тому-же просвѣщенье..
Вы сами знаете.

Наташа.

Слыхала иногда.

Но вы какъ здѣсь?

Иванъ.

Намъ здѣсь досталось имѣнье:

Такъ мы пріѣхали сюда
Кой что на первый разъ устроить:
Одно продать, другое заложить,
Поправить мужичковъ, оброки всѣ удвоить;
Хоть этой мелочью намъ стыдно дорожить,
Но баринъ мой, скажу вамъ по секрету,
Имѣетъ здѣсь преважныя дѣла.

Наташа.

Преважныя?

Иванъ.

Я вамъ открою тайну эту:
Меня плѣнили вы, его-жъ съ ума свела...

Наташа.

Неужто барышня?

Иванъ.

Такъ точно. Отгадали...

Наташа.

Но какъ и гдѣ?

Иванъ.

Въ Москвѣ у князя есть родня:
Они тамъ встрѣтились, другъ друга увидали
И князь въ четыре дня
Успѣлъ...

Наташа.

Понравиться?

Иванъ.

Безъ памяти влюбиться.

Наташа.

А барышня?

Иванъ.

Объ этомъ изъясниться

Онъ время не имѣлъ.

Наташа

А стоило-бъ труда.

Вѣдь барышня невѣста хоть куда:
Пять тысячь душъ...

Иванъ.

Такъ чтожъ такое?

Пять тысячь душъ. .

Наташа.

Какъ что?

Иванъ.

Да если-бы и вдвое,

Насъ этимъ не прельстишь. А сверхъ того
Душенки здѣшнія не стоятъ ничего;
Вѣдь только по нуждѣ, и то ужъ самой кровной,
Поѣдетъ кто-нибудь въ такую глушь...

Наташа.

Однакоже, пять тысячь душъ...

Иванъ.

Одной не стоять подмосковной;

И если оцѣнить нашъ петербургскій домъ...

Наташа.

Но всё кричать и очень громко,
Что барышня...

Иванъ

Да дѣло не о томъ:

Я думаю, что вы, какъ старая знакомка,
Рѣшитесь намъ...

Наташа

Помочь?

Иванъ.

И можно безъ грѣха.

Мой князь влюбленъ, груститъ, тоскуетъ;
Къ тому жъ такого жениха,
Какъ баринъ мой, никто не обракуетъ.
Князь знатный человѣкъ, уменъ, богатъ,
И если иногда бываетъ онъ безъ денегъ,
За то ужъ какъ живетъ! Немножечко сѣденекъ,
А право молодецъ! я бьюся объ закладъ,
Онъ здѣшнихъ всѣхъ невѣстъ съ ума сведетъ формально.

Наташа.

А сколько лѣтъ ему? лѣтъ сорокъ.

Иванъ.

Аккуратъ.

Наташа.

Такъ можетъ нравиться.

Иванъ.

И какъ-же... натурально.

Не даромъ мы рѣшились перенестъ
Дорогу скверную, безъ отдыха скакали
И день, и ночь.

Наташа.

А все немного опоздали.

Иванъ.

Какъ такъ?

Наташа.

Да такъ! У васъ соперникъ есть.

Иванъ.

Соперникъ? Здѣсь? И! что вы, кстати-ль!
Какойнибудь уѣздный засѣдатель
Иль долгій недоросль?

Наташа.

О нѣтъ! Онъ не похожъ
На здѣшнихъ жениховъ, собою очень видень.

Иванъ.

Помилуйте! Да кто-жь?

Наташа.

Андрей Степановичъ Лидинъ.

Иванъ.

И только-то? такъ онъ не графъ, не князь?

Наташа.

Полковникъ отставной.

Иванъ.

И смѣть съ этимъ чиномъ
Тягаться, съ кѣмъ? Добро-бъ съ такимъ же дворяниномъ;
А то... да мы его тотчасъ затопчемъ въ грязь
И если баринъ мой порядкомъ все затѣетъ,
Такъ ваша барышня очнуться не успѣетъ,
Онъ женится на ней, а я на васъ;
Пять тысячъ душъ въ ломбардъ, полковника въ отставку
Ее въ четвертый классъ,
Вамъ модный магазинъ, а мнѣ съ товаромъ лавку;
Васъ будутъ звать мадамъ; меня Иванъ Ильичъ,
Ужь то-то-бъ зажили!

Наташа.

И какъ-бы веселились,

Тотчасъ въ Москву..

Иванъ.

Зачѣмъ? Мой баринъ не москвичъ.
Нашъ городъ Петербургъ, мы съ княземъ тамъ родились;
И вѣрно ужъ въ Москвѣ не станемъ жить.
Но баринъ безъ меня не кончить туалета,
И мнѣ-бы надобно... Прошу васъ доложить
Матренѣ Саввишнѣ...

Наташа.

Она совсѣмъ одѣта,
И въ эту горницу придетъ сейчасъ,
Матрена Саввишна здѣсь чай изволить кушать,
Приказы отдавать и рапорты всѣ слушать.

Иванъ.

Какъ рапорты?

Наташа.

Да такъ, своя полиція у насъ.
Сосѣдъ повздорить-ли съ сосѣдомъ,
Иль кто нибудь помолвить дочь:
Иль выпьетъ лишнее за дружескимъ обѣдомъ,
Иль въ карты проиграетъ ночь,
Съ женою мужъ-ли побранится,
Иль кто задумаетъ жениться,
Кому отказъ, кому успѣхъ,
И горе всякое, и всякій смѣхъ,
И словомъ все, что въ городѣ случится,
Мы знаемъ прежде всѣхъ.

Иванъ.

Ну нечего, дворянская забава!
По этому вашъ домъ...

Наташа.

Ни дать, ни взять—управа;
Отъ нашихъ сыщиковъ никакъ не ускользнешь:
Весь домъ на томъ стоять, а пуще два лакея!
Нигдѣ шпионовъ не найдешь
Противъ Афоньки и Михея.
Но тише! Вотъ она: _____

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Линская.

Линская.

Гостиняя совсѣмъ неубрана;
Въ присадникѣ потоптаны всѣ грядки,
Дневальныхъ нѣтъ, садовникъ пьянъ.
Ну вотъ какіе безпорядки!
Держи людей! отъ нихъ убытки да изьянъ,
А проку ни на грошъ! Одинъ неблагодаренъ,
Другой лѣнивъ, тотъ пьяница, тотъ воръ...
Да вотъ постой! Лишь только-бы наборъ,
Въ солдаты всѣхъ. Ахти! да это что за баринъ?

Наташа.

Не баринъ, а слуга.

Линская.

Слуга! скажи-жь ему
Что слуги никогда не входятъ безъ доклада.

Иванъ (*клянясь*).

Осмѣлюсь доложить...

Линская.

Зачѣмъ пришелъ? къ кому?

Иванъ.

Князь Холмскій, баринъ мой...

Линская.

Пріѣхалъ? Очень рада.

Старинный мой сосѣдъ по деревнямъ
Бывало въ свой пріѣздъ по цѣлымъ днямъ
Охотился съ моимъ покойнымъ мужемъ.
Теперь мы вмѣстѣ съ нимъ потужимъ.
Не стало ужь его. Онъ князя почиталъ,
И ласкою его отмѣнно былъ доволенъ.
Ну что, здоровъ-ли князь?

Иванъ.

Нельзя сказать, что боленъ.

А страхъ измученъ и усталъ;
Но если дома вы изволите обѣдать,
То князь сего-же дня..

Линская.

Покорнѣйше прошу

Его сіятельство мой хлѣбъ и соль отвѣдать;
Съ тѣхъ поръ какъ трауръ я ношу,
Самой себѣ дала честное слово
Обѣдковъ не давать, но для него готова
Весь городъ пригласить и даже позову
Хоть все дворянское сословье:
Дай Богъ ему здоровье!
Спасибо не забывъ несчастную вдову!

Иванъ.

Онъ въ два часа пріѣдетъ аккуратно.
Князь именно отдать изволятъ мнѣ приказъ,
Что онъ желалъ-бы, такъ сказать, приватно...
Обѣдать запросто у васъ.

Линская.

Ну такъ и быть. На этотъ разъ
Не будетъ у меня народно;
И если князю не угодно,
Такъ я лишь позову родныхъ моихъ
И больше никого. Всего-то на все ихъ:
Алена Дмитревна, природная московка,
Она мнѣ по мужѣ золовка;
Да съ нею дочери меньшія, только двѣ,
А старшія остались въ Москвѣ.
Мой кумъ, Степанъ Кондратьевичъ Климовъ,
Да, можетъ быть, Иванъ Андреевичъ Фатимовъ,
Двояродный мой братъ и Софьинъ опекунь.
Ну вотъ и все. Ступай! мы будемъ дожидаться
Его сіятельства...

Иванъ (*раскланиваясь*).

Счастливо оставаться.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Линская и Наташа.

Линская.

Смотри, какой шаркунъ!
Туда-жь кобенится—какъ-будто благородный!

Наташа.

Онъ челоѣкъ свободный
И можетъ скоро быть купцомъ

Линская.

Такъ онъ не крѣпостной?

Наташа.

Онъ князевымъ отцомъ
Отпущенъ былъ на волю.

Линская.

Чай, этой вольницей набита вся Москва.
Нѣтъ, матушка, покуда я жива,
Племянницѣ и думать не позволю
На волю отпускать: Пожалуй, незамай!
Распускать всѣхъ, а тамъ и нанимай.
Все это мотовство, все глупость, пустодомство...
Да ты объ этомъ какъ изволила узнать?

Н а т а ш а.

Кто? я-съ?.. его въ Москвѣ случилось мнѣ видать

Л и н с к а я.

Ну то-то-же смотри! я эти знакомства
Не очень жалею.

Н а т а ш а.

Но барышня моя

Изволить знать... что онъ... что я...

Л и н с к а я.

Добро! я знаю васъ, московскія красотки!
Ступай, голубушка! буфетчику скажи,
Чтобъ подаль къ завтраку графинъ имбирной водки,
Къ столу хрусталь, да новые ножи
Въ оправѣ изъ слоновой кости,
Сервизъ серебряный и зеркальный плато,
Скажи, что ровно въ два часа прѣдутъ гости,
И тотъ же часъ за столъ, не то...
Онъ знаетъ вѣдь меня! Ступай-же поскорѣй,
Да позови ко мнѣ Афоньку и Михея.

*(Наташа уходитъ въ боковыя двери, а Линская садится за столъ
и наливаетъ себѣ чай).*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Линская и вскорѣ Афонька и Михей. *(Афонька и
Михей входятъ изъ боковыхъ дверей, становятся рядомъ и низко
кланяются Линской, которая ихъ сначала не замѣчаетъ).*

Л и н с к а я.

Охъ эти знатные! Въ нихъ вовсе толку нѣтъ,
Большая честь обѣдать съ нимъ приватно!
Да вздоръ! когда въ Москву поѣдетъ онъ обратно,
Такъ я прощальный дамъ обѣдъ
И всю губернію соберу. Вы здѣсь! Ну чтожъ вы стали?
Что видѣли вчера, о чемъ узнали?
Начни хоть ты, Михей.

М и х е й.

По вашему господскому приказу
Я былъ у Фрындиной. Она больна.

Линская.

И вѣрно съ глазу?

Куда глупа, Богъ съ ней!

Михей.

Не съ глазу, матушка, а развѣ отъ досады;
На всѣхъ прогнѣвалась, позорить безъ пощады,
А пуще барина и дочь.

Линская.

За что?

Михей.

Да такъ! Мусье французъ отходить прочь.

Линская.

Неужели?

Михей.

Его Бирюлькины сманили.

Линская.

Ну такъ! я знала напередъ:

Ужъ то-то чай ему и то и се сулили!
Да съ ними онъ не долго наживетъ!
У нихъ вѣдь каждый годъ обновка:
То нѣмецъ, то французъ. Ну что моя золовка?

Михей.

Алена Дмитревна? Здорова, говорятъ.

Линская.

И вѣрно весела?

Михей.

Охъ, матушка, наврядъ.

Она смѣется вслухъ, а плачетъ въ тихомолку.

Линская.

Вотъ то-то-же! Все лѣзли въ знатный кругъ,
Имѣнье прожили безъ толку...

Михей.

А свой товаръ не сходить съ рукъ.

Линская.

Да дочки у нея ужъ взрослые дѣвицы;
Не даромъ изъ столицы
Изволили пріѣхать къ намъ.
По ярмаркамъ повозятъ ихъ, а тамъ

На выборы, да къ Липецкимъ водамъ
Затѣютъ вечера, театры, фанты;
А наши-то всѣ франты
Гурьбою къ нимъ, и вдругъ глядишь изподтишка...
Да дай, Господь, имъ женишка!

Михей.

Дай, Господи.

Линская.

Не знатнаго хоть родомъ,

Лишь только-бъ былъ богатъ.

Михей.

Я нынче мимоходомъ

Кой-что повывѣдалъ: дней пять тому назадъ
Они ужъ ѣхали совсѣмъ, и въ путь не ближній.

Линская.

Куда?

Михей.

На ярмарку собирались въ Нижній.

Линская.

Такъ, чтожъ?

Михей.

Отдумали.

Линская.

Зачѣмъ?

Михей.

Имъ по сердцу пришелъ, какъ видно, всѣмъ,
Андрей Степанычъ Лидинъ.

Линская.

Да этотъ женишокъ завиденъ,
Но только не для нихъ.

Михей.

Такъ свадьбы не бывать?

Линская.

Ни свадьбы, ни сговору.

Михей.

Осмѣлюсь доложить, по мнѣ такой женихъ
Хоть Софья Дмитревнѣ такъ въ пору;
И слухъ было прошелъ, да что-то стихъ...

Линская.

Молчи, дуракъ! заврался.
Ну что сегодня ты справлялся,
Здоровъ-ли братъ?

Михей.

Ходилъ чѣмъ свѣтъ.

Линская.

О князѣ знаетъ онъ, иль нѣтъ?

Михей.

Изволить знать, я тотчасъ догадался,
Лишь только что взошелъ къ нему:
Какъ въ новый годъ одѣтъ: въ мундирѣ шитомъ,
При шпагѣ, въ башмакахъ, и видно по всему,
Къ его сіятельству отправился съ визитомъ.
А въ домѣ-то идетъ такая кутерьма,
Биткомъ набито все: заводчикъ, управитель,
Два лѣкаря, бурмистръ, учитель,
И всякаго народа тьма,
Ну словомъ свѣту представленья.

Линская.

Къ чему такая сцена?

Пора-бы, кажется, въ его лѣта
Смиренно жить.

Михей.

Свои онъ хочетъ заведенья

Показывать.

Линская.

Показывать. Кому?

Не князю-ли?

Михей.

Да, матушка, ему.

И школу, и заводъ, машинную теплицу!
А пуще-то всего больницу.

Линская.

Ну этимъ хвастаться не вижу я причинъ.
Народъ вездѣ приставленъ вольный,
Заводъ построенъ изъ лучинъ,
Больница изъ застойной...

Михей.

Нѣтъ, матушка, изъ двухъ оранжерей,
И стараго каретнаго сарая.

Линская.

Небось мой братецъ умирая
Своихъ не спросить лѣкарей.
Я гроша-бъ не дала всѣмъ этимъ объѣдаламъ:
Одинъ изъ нихъ былъ гдѣ-то коноваломъ,
Другой... да что тутъ говорить,
Спасибо некого морить.

Михей.

Конечно такъ! Охотниковъ немного.
Хоть лѣчуть иногда.

Линская.

И полно ради Бога!

Гдѣ русскимъ лѣкарямъ лѣчить.
Ну ихъ-ли это дѣло?
Пожалуй, и меня племянница хотѣла
Увѣрить, что въ Москвѣ умѣютъ ихъ учить;
Да вздоръ! Умны ужъ больно стали,
Объ этомъ въ старину слыхомъ мы не слышали.
Ну что? не видѣль-ли еще кого-нибудь?
Не слышалъ-ли чего? Смотри, не позабудь.

Михей.

Кой-что, сударыня. все сущія бездѣлки:
У Ольгиной въ дому большія передѣлки:
Кирбитова послѣдняго слугу
Въ солдаты отдала—Панкратыча, гуслиста,
Да два семпнариста,
Ушиблись на бѣгу.

Линская.

И ништо имъ: они всѣ хваты.

Михей.

Атуевъ промѣнялъ трехъ гончихъ и псаря
На двухъ борзыхъ; еще-жъ подьячій изъ палаты
Мнѣ сказывалъ, что ихъ секретаря
Со свѣту гонить предсѣдатель,
За взятки будто-бы...

Линская.

Ахъ, мой Создатель!

Каковъ-же онъ! Другимъ ворами
Потачки нѣтъ, а самъ-то, мой кормилецъ,
Безсовѣстный! Къ нему, чай, съ заднихъ крылецъ
Просители не ходягъ по утрамъ?

Вотъ такъ-то всё: къ чужимъ грѣхамъ
Въ насъ нѣтъ нимало снисхожденья.
О, Господи, прости намъ прегрѣшенья!
Мы всё на томъ стоимъ,
Другихъ ругаемъ и бранимъ,
А насъ самихъ, попробуй, тронь-ка?
Такъ, Боже, упаси! Ну, что молчишь, Аеонька?
Разсказывай, что новаго узналъ?
Гдѣ былъ?

Аеонька.

У Волгиныхъ въ гостяхъ, и такъ былъ встрѣченъ,
Что еле живъ теперь, насилу всталъ.

Линская.

Что сдѣлалось съ тобой?

Аеонька.

Я вовсе изувѣченъ
И какъ еще на Божій свѣтъ гляжу!

Линская

Но кто, и какъ?

Аеонька.

Я все въ подробность доложу;
Вчера послали вы меня узнать отъ Брянской,
Поѣдетъ-ли она въ Москву на этихъ дняхъ;
Вотъ я иду по улицѣ дворянской,
Гляжу, у Волгиныхъ весь домъ горитъ въ огняхъ.
Какой банкетъ они справляютъ,
Подумалъ я, не худо-бъ заглянуть,
Взойти нельзя: меня въ дому ужъ знаютъ;
А окна высоки, самъ чортъ никакъ шепнуть
Мнѣ вздумалъ на ухо! За лѣстницей бѣгомъ;
Сыскалъ, принесъ... Взглянулъ кругомъ:
Прохожихъ нѣтъ. Я ну-ка по маленьку
Тихонько, да ползкомъ,
Придвинулъ лѣстницу, поставилъ подъ окномъ,
И только лишь шагнулъ на первую ступеньку
Какъ двери хлопъ! И Волгинъ самъ какъ тутъ.
«Ага! ты здѣсь? попался плутъ!
Постой!» Вотъ я туда, сюда, не тутъ-то было.
Народу куча привалила,
Схватили молодца.
«Зачѣмъ стоишь у нашего крыльца?»
Я мимо шелъ, увидѣлъ плошки
И только-что взглянулъ... «Зачѣмъ смотрѣлъ въ окошки?»

Вы видите, какая грязь,
Я шель сторонкою. «Вотъ я тебя». Позвольте!
Сказалъ я прибодрясь,
Хоть я никто другой, а драться не извольте.
«Ты тутъ, шпіонъ!»... Анъ нѣтъ, сударь, совсѣмъ не то!
Какъ вдругъ онъ, матушка, съ насоку,
Брякъ въ щеку!
Послушайте! За что?
«А вотъ за что», да хлысть въ другую..

Линская.

Ахъ, батюшка! Съ чего онъ волю взялъ такую?
И какъ онъ смѣлъ?

Аеонька.

Ужъ онъ меня—каталь, каталь!

Натѣшился, усталъ,
Людишки приняли... Ну вѣрите-ль, не знаю,
Какъ вырвался, какъ до дому добрель..

Линская.

Ужъ я-жъ его мерзавца доканаю!
Съ ума что-ль онъ сошелъ?
Кого онъ смѣлъ обидѣть?
Лишь только-бъ Богъ привелъ
Его хоть гдѣ-нибудь увидѣть,
Все разомъ отпою. Смотри, какой буянъ!
И кто онъ самъ таковъ? Давно-ль завелъ крестьянъ?
Давно-ли дворянномъ?
Вѣдь дѣдушка его былъ здѣшнимъ мѣщаниномъ,
А мать купчихою; хоть это не порокъ,
А нечѣмъ хвастаться; онъ самъ антикъ ходячій,
Воришка, взяточникъ, подьячій;
И братцы хороши: меньшей игрокъ,
А старшій пьяница—жена его болтуня,
Невѣстка сплетница, золовка лгуня,
Изъ двухъ зятьевъ
Одинъ дуракъ, всѣ дочери—кривляки;
А сыновья—невѣжи, забіяки.

Аеонька.

Да у него нѣтъ, вовсе сыновьевъ.

Линская

Какъ нѣтъ? Да все равно! лишь только-бъ родились,
А то ужъ будутъ сорванцы!
За это я берусь...

КОНЕЦЪ

ПАНЪ ТВАРДОВСКІЙ

РОМАНИЧЕСКАЯ ОПЕРА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ХОРАМИ И ТАНЦАМИ

М. ЗАГОСКВЪ. Т. X.

9

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Панъ Твардовскій.

Болеславскій, отецъ Юліи.

Юлія, невѣста Твардовскаго.

Красицкій, влюбленный въ Юлію.

Марія, подруга Юліи.

Янъ, служитель Твардовскаго.

Артуръ, старый конюшій Твардовскаго.

Гикша—цыганъ.

Привидѣніе.

Злой духъ.

1-й крестьянинъ.

2-й крестьянинъ.

1-я крестьянка.

2-я крестьянка.

Цыгане и цыганки, крестьяне и крестьянки, слуги Твардовскаго, духи.

Дѣйствіе происходитъ въ Галиціи въ 16-мъ столѣтіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Ночь, театръ представляетъ дремучій лѣсъ. Буря, — при свѣтѣ молніи видны съ лѣвой стороны отъ зрителей пещера, у входа которой древняя гробница.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Красицкій, Гикша и толпа цыганъ и цыганокъ
(входятъ съ правой стороны на сцену).

№ 1-й.

Х О Р Ъ.

Громы бушуютъ,
Вихри режутъ,
Клонятъ деревья,
Скалы трещать.
Нѣтъ намъ пріюту
Всюду бѣда.
Черныя тучи
Скрыли луну;
Ливень рѣкою
Топить поля;
Нѣтъ намъ пріюту.
Всюду бѣда.

Гикша. Ай да гроза — я не трусливаго десятка, а признаюсь...

Красицкій. Мы сбились съ дороги!

Гикша. Въ этомъ дремучемъ лѣсу и днемъ заплутаешься... ухъ! Помилуй Господи! что за молнія!

Красицкій. Товарищи! не переждать-ли намъ здѣсь грозу, а то не равно забредемъ въ какой-нибудь оврагъ...

Гикша. Ну, нечего сказать—я природный цыганъ и люблю кочевую жизнь, а еще двѣ или три такія ночи, такъ я навсегда распрощаюсь съ нашимъ таборомъ. Нѣтъ! Чортъ возьми и волку, когда въ такую бурю придется ночевать подъ открытымъ небомъ.

Цыганъ (*входитъ съ правой стороны*). Эй! товарищи, сюда!

Гикша. Что ты? нашель дорогу?

Цыганъ. Нѣтъ, не дорогу, а пустую избу, мы можемъ въ ней переночевать.

Гикша. И то хорошо! пойдете, ребята!

Цыганъ. Сюда! сюда! налѣво! (*всп, кромѣ Красицкаго, уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Красицкій (*одинъ послѣ кратко молчанія*). Все кончено!... послѣднее утѣшеніе несчастнымъ надежда! и ты меня покидаешь! (*осматриваясь кругомъ*) какая мрачная пустыня... Что я вижу? Гробница!... Пещера! и такъ, вотъ то мѣсто, гдѣ я въ первый разъ поклялся Юліи въ вѣчной любви!... и въ этомъ страшномъ жилищѣ духовъ, котораго убѣгаютъ всѣ здѣшніе жители—у самой этой гробницы, она обѣщала не принадлежать никому, кромѣ меня; счастливыя минуты! Вы протекли, какъ сонъ... Юлія... невѣста богатаго вельможи, а я... я принадлежу къ шайкѣ презрѣнныхъ цыганъ!

№ 2.

А Р І Я.

О, дни счастливыхъ заблужденій,
Безпечной юности моей!
Когда надежды свѣтлый геній
Сулилъ мнѣ счастье и друзей!
Тогда со мной не разставались
Любовь и дружба прिवѣтъ;
Но вы какъ бурный токъ промчалесь,
И я погибъ во цвѣтъ лѣтъ.
Увы! любовь мнѣ измѣнила,
Въ однихъ мечтахъ я былъ счастливъ,
Друзей похитила могила,
И я одинъ остался живъ,
И жду, скитаюсь сиротою,
Когда убьетъ меня тоска,
И кости странника землею
Покроетъ чуждая рука.
Ихъ вьюга занесетъ сугробомъ,
О нихъ и память пропадетъ,
И надъ моимъ забытымъ гробомъ
Нѣто поплакать не придетъ!...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Красицкій и Гикша.

Гикша. Эй! товарищ! товарищ! гдѣ ты? Насилу я тебя нашель!... Что ты здѣсь дѣлаешь? Мы разведи огонь, ступай обогрѣйся!...

Красицкій. Мнѣ не холодно.

Гикша. Такъ поѣшь что-нибудь... ужинъ готовъ.

Красицкій. Я не хочу ѣсть.

Гикша. Послушай, товарищ! мнѣ давно хотѣлось тебѣ сказать: ты присталъ къ нашему табору, а похожь-ли ты на цыгана?... Мы всегда веселы, пляшемъ, поемъ, а ты?...

Красицкій. Если-бъ ты зналъ, какъ я несчастливъ!

Гикша. Расскажи, такъ узнаю.

Красицкій. Когда я присталъ къ вамъ, вы даже не спросили какъ меня зовутъ.

Гикша. Мы народъ не любопытный.

Красицкій. Я природный дворянинъ—Красицкій.

Гикша. Вотъ-те на! какая честь нашему табору.

Красицкій. Я здѣшній уроженецъ. Отецъ не оставилъ мнѣ ничего, кромѣ честнаго имени.

Гикша. Не завидное наслѣдство.

Красицкій. Къ несчастію, не одни цыгане такъ думаютъ. Я влюбился въ дочь моего сосѣда Болеславскаго; отецъ ея, человекъ также не богатый, но жадный къ богатству, не хотѣлъ никакъ выдать ее за бѣдняка. Межъ тѣмъ турки намъ объявили войну, тысячи моихъ единоземцевъ гибли, но нѣкоторые возвращались съ богатой добычею. Я рѣшился искать смерти или богатства. Война кончилась и несчастный Красицкій возвратился на родину съ нѣсколькими ранами и прежней бѣдностію. Въ отчаяніи, не зная куда приклонить голову,—я повстрѣчался съ вами, ваша беззаботная, кочующая жизнь, дикіе нравы и даже самая нищета, мнѣ полюбились. Я присталъ къ вамъ... Переходя изъ мѣста въ мѣсто, мы пришли вчѣра на мою родину; сегодня я узналъ отъ одного крестьянина, что Болеславскій живъ и что Юлія выходитъ за знатнаго пана Твардовскаго.

Гикша. Котораго замокъ выстроены не далеко отсюда; на берегу большого озера... говорятъ, онъ очень богатъ.

Красицкій. Говорятъ также, что онъ обязанъ за несчетныя свои богатства чародѣйству.

Гикша. Да, эта молва о немъ идетъ.

Красицкій. Я не очень вѣрю суевѣрнымъ слухамъ но если это правда...

Гикша. Тсъ! тише!... я слышу шорохъ... Смотри, смотри,

вотъ блеснулъ огонекъ! ужь не дозорь-ли обходитъ здѣшній лѣсъ...

Красицкій. Такъ чтожь? Мы не разбойники.

Гикша. Оно такъ! Да время ночное—теперь и честнаго человека схватятъ какъ вѣра, и здѣсь, говорятъ, такой обычай, прежде отколотятъ палками, а тамъ стануть разбирать... Не лучше-ли по добру по здорову...

Красицкій. Нѣтъ! Я останусь здѣсь.

Гикша. Ну, какъ хочешь... (*уходитъ*).

Красицкій. Точно, сюда идутъ... и только двое.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Красицкій, Янъ (*несетъ ящикъ*) и Твардовскій *въ черномъ плащѣ съ фонаремъ*).

Янъ (*показываясь изъ-за куста, кричитъ робкимъ голосомъ*).
Панъ Твардовскій! Панъ Твардовскій!

Твардовскій. Я здѣсь!

Красицкій. Возможно-ли? Твардовскій?... ночью въ этомъ дремучемъ лѣсу!... какая мысль!... Постараемся проникнуть эту тайну (*прячется за кустъ*).

Янъ. Ай, ай, а!

Твардовскій. Да замолчишь-ли ты?

Янъ. Ухъ, батюшки! это пенекъ, а я думаю, что лѣшій.

Твардовскій. Трусъ!

Янъ. Помилуй, государь!... да какъ не трусить! Эги Божіей не видно... въ этомъ захолустѣ чертямъ да лѣшіймъ вѣдьмо и водиться.

Твардовскій. Если ты скажешь еще одно слово!... Стой здѣсь и молчи! (*поднимаетъ кверху фонарь и смотритъ кругомъ*). Такъ точно! Я не ошибся! Вотъ древняя гробница!

Янъ. Какъ? Что?... Гробница? Ну, пропали мы! (*хочетъ бросать*).

Твардовскій. Ни съ мѣста.

Янъ. Ухъ! Батюшки! Помилуй! Здѣсь притонъ всѣхъ нечистыхъ духовъ! Добрые люди не смѣютъ и днемъ сюда заходить.

Твардовскій. Да, такіе-же трусы, какъ ты. Подой ящикъ!

Янъ (*подаетъ ему ящикъ и осматриваясь кругомъ*). Нѣтъ силъ! (*садится на камень*). Ноги подкосились.

Твардовскій (*вынимаетъ изъ ящика магическій жезлъ и книгу въ черномъ переплетѣ*). Теперь ты болѣе не нуженъ! (*Двигается до него жезломъ*). Спи!

Я нѣ. Какъ? Чтобъ я заснулъ?... ахти! и впрямь меня сонъ клонитъ! *(звѣсть)*. Такъ точно, я хочу... *(Звѣсть)*.

Твардовскій *(раскрываетъ книгу и кладетъ ее на землю. Молчаніе)*. Еще одинъ шагъ и всѣ мечты мои исполнились. *(Молчаніе)*. Желаніе стать выше законовъ природы наполняетъ всѣ мои помышленія—оно, какъ неотступный призракъ, преслѣдуетъ меня повсюду! Переступить черту, отдѣляющую меня отъ міра, невестественную разорвать завѣсу, скрывающую отъ меня тайны природы, вотъ что требуетъ, жаждетъ душа моя! *(молчаніе)*. Какая неизъяснимая тоска гложетъ мое сердце! Такъ мнѣ душно, мнѣ тѣсно въ здѣшнемъ мірѣ? Презрѣніе ко всему земному, стремленіе къ чему-то неизвѣстному, все говоритъ мнѣ, что я не рожденъ для того, чтобъ пресмыкаться, подобно другимъ. Сама любовь не можетъ заглушить сихъ таинственныхъ призывовъ души, желающей проникнуть мракъ, ее окружающій *(молчаніе)*. Но если я погибну въ сей ужасной борьбѣ? Твардовскій! ты знаменитый вельможа, сокровища твои несметны и завтра Юлія будетъ твоею...

№ 3.

А Р І Я.

Чего-жъ о, сердце, ты желаешь?
 Какихъ еще ты ищешь благъ?
 О чемъ тоскуешь и страдаешь?
 Чего ты хочешь, бредяный прахъ?
 Что жизньъ твоя? Одво мечтанье,
 Мигуточный призракъ, тяжкій сонъ!
 Зачѣмъ высокая позванья
 Тому, кто къ смерти обреченъ?

(Молчаніе—музыка изображаетъ волненіе души его и переходитъ въ другой мотивъ.)

Нѣтъ, нѣтъ! ничто въ водлуяномъ мірѣ
 Моей тоскѣ не утолитъ;
 На пышномъ тронѣ и порфирѣ
 Она мнѣ сердце изсушитъ!
 Смѣлѣй! Земли ничтожный житель!
 И будь изъ смертныхъ ты одинъ
 Духовъ незримыхъ повелитель
 И всей природы властелинъ.

Такъ! мой жребій брошенъ! или ничтожество, или то, о чемъ тоскуетъ душа моя! Начнемъ!... *(обращается къ гробницѣ)*. О ты, чей прахъ покоится въ сей древней гробницѣ—мудрецъ, котораго могущественный голосъ заставляетъ трепетать незримыя существа, наполняющія всѣ стихіи силою словъ, рукой твоей въ сей книгѣ начертанныхъ — заклинаю тебя явиться предо мною! *(молчаніе)*. Повинуйся!

№ 4.

Х О Р Ъ *(невидимыхъ духовъ)*.

Мощный голосъ отозвался
Въ мрачной области духовъ;
Стонъ погибшихъ перервался,
Онъ спѣшитъ на грозный зовъ.

Твардовскій *(сильный)*. Повинуйся!

Х О Р Ъ.

Сонъ непробудный
Прочь отлетѣлъ,
Прахъ оживился,
Мертвый встаетъ...

(Ударъ грома — трюмница распадается надвое и посреди ея является старецъ съ длинной, сѣдою бородою въ бѣлой одеждѣ, отоясанной золотой змѣею, въ правой рукѣ онъ держитъ кубокъ.)

Привидѣніе. Чего ты отъ меня требуешь?

Твардовскій. Я хочу быть твоимъ преемникомъ.

Привидѣніе. Несчастный! ты стремишься къ собственной гибели.

Твардовскій. Я томлюсь желаніемъ познать тайны чародѣйства. Одно оно можетъ утолить тоску души моей.

Привидѣніе. Безмысленный! обратись къ Тому, Кто положилъ предѣлы власти человѣческой, и спокойствіе сойдетъ на твою душу.

Твардовскій. Я не имѣю нужды въ твоихъ совѣтахъ; отдай мнѣ сей сосудъ, въ немъ заключается предметъ моихъ желаній.

Привидѣніе. Остановись, Твардовскій! Еще время!... Получивъ сей драгоценный сосудъ, ты можешь вызвать повелителя духовъ изъ мрачнаго его жилища, но тебя ожидаетъ гибель...

Твардовскій. Умолни и повинуйся!...

Привидѣніе. Я долженъ повиноваться!... Возьми *(отдаетъ ему кубокъ)*, но знай...

Твардовскій. Если въ минуту твоихъ заклинаній ты колеблешься!... Если страхъ проникнетъ въ твою душу, то временная гибель твоя неизбежна, призванный тобою духъ будетъ не рабомъ, но повелителемъ твоимъ, наполнитъ бѣдствіями всю здѣшнюю страну и прежде, чѣмъ солнце вторично взойдетъ на небеса, ты сдѣлаешься жертвою его злобы, не собственнаго своего отчаянія. *(Ударъ грома, привидѣніе исчезаетъ)*.

Твардовскій. Все свершилось—я достигъ моей цѣли... но та же тоска тѣнитъ мое сердце... Неужели предчувствіе говорить мнѣ?... Малодушный!... тебѣ-ли трепетать, когда весь адъ тебя трепещетъ! исчезни мрачное предчувствіе! (*подходитъ къ Яну и допрашивается жезломъ*). Пробудись!...

Янъ (*вскакивая*). Чуръ меня! Чуръ меня! Гдѣ я? Что со мною было?

Твардовскій (*отдавая ему книгу*). Возьми и ступай за мною!

Янъ. Такъ я еще живъ?

Твардовскій. Дѣлай то, что я тебѣ приказываю.

Янъ. Но позволь спросить...

Твардовскій. Молчи!... (*Беретъ фонарь и уходитъ вмѣстѣ съ Яномъ*).

Красицкій (*выбѣгая изъ-за куста*). Что я видѣлъ?... Что я слышалъ?... Боже мой! и этотъ чернокожничникъ будетъ супругомъ Юліи! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! я погибну или спасу ее... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Готическая зала въ замкѣ Твардовскаго.

Юлія и Марія (*входятъ, впереди слуга съ факеломъ*).

Слуга. Панъ Твардовскій возвращается, пожалуйста сюда... Здѣсь окна въ садъ и не такъ видна молнія. (*Уходитъ*).

Марія. Я не помню такой ужасной бури! (*Юліи*). Для тебя все равно... ты ничего не боишься?

Юлія. Я люблю слушать громъ.

Марія. И ты не боишься, что тебя убьютъ?

Юлія. Не беспокойся, мой другъ! кто желаетъ смерти, къ тому она придетъ.

Марія. Ты все еще грустишь о Красицкомъ.

Юлія. И никогда не перестану грустить о немъ.

Марія. Но, кажется, наканунѣ твоей свадьбы, съ богатымъ и знатнымъ паномъ Твардовскимъ, ты могла бы быть по-веселѣе.

Юлія. Отецъ мой требуетъ, чтобы я отдала ему руку мою... но еслибъ я могла располагать собою...

Марія. То не пошла-бы ни за кого замужъ?... Полно, Юлія, не вѣкъ же тосковать о твоёмъ прежнемъ любовникѣ. Чтожъ дѣлать, отецъ—твой ему отказалъ, онъ пошелъ на войну, его убили, все это очень грустно, не спорю, но...

Юлія. Батюшка увѣрялъ меня, что онъ убить, но, можетъ быть, это одна хитрость.

...Марія. Ты напрасно надѣешься, Юлія. Вотъ ужъ третій годъ, какъ война кончилась, и о Красицкомъ нѣтъ никакого извѣстія,—гдѣ же онъ,—въ плѣну? но говорятъ, что турки въ плѣнъ не берутъ... и такъ, нѣтъ сомнѣнія...

Юлія. Несчастный! отказъ моего отца причиною его смерти... Но я увѣрена, что Красицкій, умирая, простилъ моего родителя.

№ 5-й.

ДУЭТЪ.

Юлія.

Онь погибъ на полѣ чести,
Примирайсь съ моимъ отцомъ.

Марія.

Но прилично-ли невѣстѣ
Такъ грустить передъ вѣнцомъ?

Юлія.

Съ нимъ прошла моя вся младость,
Съ нимъ мы жили и росли,
Вѣстѣ съ нимъ погибла радость
И все счастье на землѣ.

Марія.

Полно думать о бываломъ,
Завтра будешь ты съ другимъ
Подъ вѣнчальнымъ покрываломъ.

Юлія.

Иль покровомъ гробовымъ!

Марія.

Перестань, мой другъ, напрасно
Душу горестью тожить,
И что пользы ежечасно
О прошедшемъ говорить.

Юлія.

Ты стараешься напрасно
Горесть сердца утолить.
И могу-ль, любивши страстно,
Вѣчно слезъ о немъ не лить.

Марія. Полно! Перестань! ты и на меня тоску наводишь.
Но слезы идутъ! вѣрно твой женихъ.

Юлія. Нѣтъ, это батюшка!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же и Болеславскій.

Болеславскій. Твардовскій еще не воротился... онъ пригласилъ насъ сегодня и вотъ уже болѣе четырехъ часовъ, какъ мы въ его замкѣ.

Марія. Его сокольничій сказалъ мнѣ, что онъ за нѣсколько минутъ до нашего прихода вышелъ изъ замка и хотѣлъ скоро воротиться.

Болеславскій. Если эта ужасная буря застала его въ лѣсу...

Марія. Онъ вѣрно нашелъ отъ нея какойнибудь пріютъ и дожидается, пока она совсѣмъ пройдетъ.

Болеславскій. Я самъ тоже думаю. *(Юлія)*. Неужели ты съ этимъ грустнымъ лицомъ встрѣтишь своего жениха?

Юлія. Ахъ, батюшка!

Болеславскій *(сурово)*. Юлія! я надѣюсь, что эта печаль пройдетъ?..

Юлія. Но могу-ли я забыть...

Болеславскій. Ты должна забыть и имя того, къ кому отецъ твой поклялся въ вѣчной ненависти.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тъ же, четыре слуги *(входятъ съ факелами)*, за ними Твардовскій и Янъ *(позади еще нѣсколько слугъ, Твардовскій безъ плаща въ простомъ платьѣ)*.

Твардовскій. Прекрасная Юлія! прости, что я заставилъ тебя дожидаться... Извини меня и ты, почтенный другъ мой! Буря застала меня въ лѣсу, я запутался и едва нашелъ опять дорогу къ моему замку.

Болеславскій. Твое долгое отсутствіе начинало насъ тревожить.

Твардовскій. Я потерялъ болѣе всѣхъ васъ... вмѣсто того, чтобы провести съ вами сегодняшній вечеръ, я провелъ его, плутая въ дремучемъ лѣсу,—и теперь не смѣю васъ болѣе удерживать. Надѣюсь, прелестная Юлія, что мы расстаемся въ послѣдній разъ и что завтра восходящее солнце освѣтитъ счастливѣйшій день въ моей жизни.

№ 6.

Ф И Н А Л Ъ.

Т в а р д о в с к і й.

Теперь прощайте, до свиданья!

(въ сторону.)

Наступитъ скоро страшный часъ.

Б о л е с л а в с к і й.

Мы всё уходимъ въ ожиданья,
Что завтра будешь ты у насъ.

Т в а р д о в с к і й.

И завтра-жъ Юліи прекрасной
Я клятву въ вѣрности приму.

Ю л і я.

Увы! Мой стонъ напрасный
Не вятеиъ никому.

Т в а р д о в с к і й.

Я обогашу деревню вашу.

М а р і я.

А я подругъ моихъ сберу,
Цвѣтами домъ украшу.

Ю л і я.

Нѣтъ! нѣтъ! я въ горести умру

Т в а р д о в с к і й.

Но сонъ смыкаетъ ваши очи,
Вамъ время и отдохнуть.

(въ сторону.)

Пора!.. Ужь близокъ часъ полночи!..

Ю л і я.

Когда-бъ сномъ вѣчнымъ мнѣ уснуть!..

Т в а р д о в с к і й *(слугамъ).*

За ними вслѣдъ ступайте,
Мою невѣсту охраняйте!

Х О Р Ъ.

За ними вслѣдъ пойдемъ,
Огни съ собой возьмемъ
И мракъ разсвѣмъ ночи.

Т в а р д о в с к і й *(въ сторону).*

Пора!.. ужь близокъ часъ полночи!

(Всѣ уходятъ, кромѣ Твардовскаго и Яна.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ТВАРДОВСКІЙ (*даётъ знакъ ему, чтобъ онъ удалился*).

Янъ. Какъ, государь! Развѣ ты сегодня не ляжешь спать?
Твардовскій. Нѣтъ! Оставь меня. (*Онъ уходитъ*).

МЕЛОДРАМА.

Твардовскій (*прислушивается*). Все умолкло!... Полночь!...
(*часы бьютъ*). Что представляетъ мнѣ унылый звонъ колокола?
Торжество или погибель? (*задумывается и вдругъ рѣшительно*).
Иду! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Театръ представляетъ подземные своды, по обѣимъ сторонамъ
ряды гробницъ, прямо стѣна, сложенная изъ крупныхъ камней,
посреди ея изображена мертвая голова, напротивъ—родъ жерт-
венника изъ дикаго камня, на немъ стоитъ жаровня. Посреди
свода виситъ лампада, которая слабо освѣщаетъ все подземелье,
съ правой стороны отъ зрителей другая лѣстница, ведущая
вверхъ. Твардовскій показывается на верху лѣстницы,—въ одной
рукѣ у него фонарь, въ другой золотой кубокъ, онъ медленно
сходитъ внизъ, ставитъ фонарь на-земь, беретъ съ жертвенника
жезлъ, прикасается имъ къ жаровнѣ,—изъ нея показывается пламя.

ХОРЪ (*дугою*).

Ну, раздался вѣщій громъ.
Потрясались подземные своды.
Адскій духъ взмахнулъ крыломъ:
Близокъ часъ его свободы.

(*Твардовскій высыпаетъ въ огонь составъ изъ кубка, отъ котораго
пламя увеличивается,—потомъ отступаетъ къ лѣвой сторонѣ отъ
зрителей, очерчиваетъ около себя кругъ и начинается заклинаніе.*)

МЕЛОДРАМА.

Верховный вождь существъ незримыхъ,
Духовъ начѣмъ неукротимыхъ,
Но вѣсть и рабовъ, бессмертныхъ чадъ земли,
Словамъ таинственнымъ съ покорностью внемли.

Х О Р Ъ.

Онъ спѣшитъ сюда могучій,
Вкругъ его палящій зной,
Онъ летитъ одѣтый въ тучи,
Вихри вьются надъ главою.

(Средній сводъ и стѣна принимаютъ видъ раскаленной жезла, Твардовскій останавливается, потомъ продолжаетъ голосомъ нѣсколько твердымъ.)

Оставь подземныхъ странъ туманную обитель,
Тебя зоветь твой грозный повелитель!

(Пламя на жертвенникѣ исчезаетъ.)

Въ покровъ эфирный облекись,
Прими прелестный видъ!

(Молчаніе.)

Покорствуй мнѣ, явись!

(Въ стѣнѣ дѣлается отверстіе, изъ-за призрачныхъ тумановъ является существо въ видѣ прелестнаго ченя; въ продолженіе заклинанія оно дѣлается постепенно виднѣе и какъ будто-бы приближается.)

Заклинанія мои дѣйствуютъ,
Но ужасъ доселѣ мнѣ неизвѣстный...
Ободришь, Твардовскій!

(продолжаетъ медленнѣе.)

Отнынѣ гордый духъ мой послушный волѣ
Ты будешь мнѣ служить догола.

(Грозой подземный громъ.)

Колелется земля!... мой голосъ трепещетъ.

(Продолжаетъ прерывающимся голосомъ.)

Ты будешь... мнѣ... служить догола,
И съ трепетомъ... мой... велѣнія исполнять.

(Громъ усиливается и всѣ поднимаются тѣни.)

Пока... пока, я самъ...

Я изнемогаю!... уста мои нѣмѣютъ...

О! ужасъ! я не могу продолжать болѣе.

(Ударъ грома; отверстіе въ стѣнѣ исчезаетъ и въ то же мгновеніе является передъ Твардовскимъ злой духъ въ видѣ ужаснаго страшилища, — онъ показываетъ ему свитокъ, на которомъ начертано крупными словами: «Ты поибъ»!)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ дикое мѣстоположеніе въ лѣсу, съ правой стороны отъ зрителей высокія, поросшія кустарникомъ, скалы, на одной изъ нихъ большая сосна; съ лѣвой стороны—полуразвалившаяся изба, подлѣ которой дерево съ дикими плодами, изъ одной скалы бьетъ ключъ, на авансценѣ съ правой стороны камень; при поднятіи занавѣси, цыгане и цыганки плясуютъ подъ хоръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Гикша, цыгане и цыганки.

ХОРЪ ЦЫГАНЪ.

Гей, ребята! На лужокъ!
Выпьемъ круговую.
Ну-ка, други, всѣ въ кружокъ,
Грянемъ плясовую!

(По окончаніи хора цыгане садятся въ кружокъ и пьютъ).

Гикша *(подыгрывая на бандурѣ).*

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ;
Но счастливы, веселы
Всѣхъ вельможъ могучихъ;
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
И цыгане молоды
Ни о чемъ не тужатъ.
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо веселѣ!

Мы на горе не глядимъ,
Все съ весельемъ сносимъ,
Хоть по суткамъ не ѣдимъ,
Но ни жнемъ, ни косимъ.
Вмѣстѣ съ солнцемъ не встаемъ
Для дневной работы.
Лишь проснувшись поѣдимъ,
Нѣтъ у насъ заботы:
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣ!

У цыганогъ круглый годъ—
Праздникъ, вѣселье,
Имъ покровъ—небесный сводъ;
А земля постелью,
Зимній холодъ не бѣда,
Вкругъ огня заплѣли,
И не страшны намъ тогда,
Вьюга и метели.
Гей, цыгане! Гей, цыганки!
Живо, веселѣ!

Гикша. Славно, ребята! Славно! мы распотѣшимъ пана Твардовскаго; сегодня онъ женится — и вѣрно захочетъ позабавить себя и гостей своихъ.

Цыганъ. Да, братъ,—не ровны гости: какъ онъ поκληчетъ ихъ съ того свѣта, такъ и намъ будетъ не до плясокъ.

Гикша. Неужели ты думаешь, что онъ въ самомъ дѣлѣ колдунъ?...

Цыганъ. Послушай-ка, что о немъ говорятъ.

Гикша. Не всякому слуху вѣрь — мало ли что говорятъ; и вчера слышалъ презабавную о немъ штуку.

Нѣкоторые изъ цыганъ. Расскажи, пожалуйста!

Гикша. Пожалуй, расскажу! (*Цыгане движутся около него кружкомъ*). Надобно вамъ сказать, что ясновельможный панъ Твардовскій узналъ чрезъ свое колдовство, такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, что если онъ прїѣдетъ въ Римъ, то злые духи утащатъ его въ преисподнюю. Вотъ Твардовскій живетъ да живетъ, а въ Римъ ни ногою; однажды, на охотѣ, отбился отъ своей свиты и захвѣлъ отдохнуть въ корчму; лишь только принялся за первую кружку вина, глядь, а потолка на корчмѣ какъ не бывало и не чистая сила, словно рой, гудитъ и вьется надъ комнатою. Какъ зовутъ эту корчму? закричалъ Твардовскій. «Ее зовутъ,—отвѣчалъ хозяинъ,—Римомъ».

Цыганъ. Ахти бѣда! какъ-же онъ вывернулся?

Гикша. А вотъ какъ: пока сатана съ причетомъ изволилъ церемониться, да придумывать, какъ-бы ловчѣе за него взяться, Твардовскій схватилъ уголекъ, начертилъ на мѣстѣ лошадь и вспрыгнулъ на нее, порхнулъ въ окно и поминай какъ звали! (*Злой духъ показывается на скаль, потомъ исчезаетъ*).

Цыганъ. А злые духи?

Гикша. Остались въ корчмѣ съ предлинными носами.

Цыгане (*смѣются*). Ай да молодецъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же и Красицкій (*постынно входитъ*).

Красицкій. (*Гикитъ*). Одно слово. (*Отводитъ его къ сторуонъ*). Хочешь ли ты мнѣ доказать свою дружбу?

Гикша. Говори!

Красицкій. Я сейчасъ былъ въ деревнѣ, гдѣ живетъ Болевский, но не могъ никакъ видѣться съ Юлей, пойдемъ со мною.

Гикша. Зачѣмъ?

Красицкій. Мнѣ нуженъ товарищъ.

Гикша. Что ты заѣваешь?

Красицкій. Я долженъ говорить съ нею.

Гикша. Да что тебѣ за охота говорить съ невѣстою пана Твардовскаго! Послушай, братъ...

Красицкій. Хотя-бы мнѣ стоило жизни — а я долженъ и буду говорить съ нею, дорогою я расскажу тебѣ все.

Гикша. Смотри... чтобъ намъ не досталось.

Красицкій. Я за все отвѣчаю... Идешь-ли ты?

Гикша. Ну, дѣлать нечего, пойдемъ, товарищъ! Мы идемъ поразвѣдать, будетъ-ли намъ сегодня пожива, — а вы между тѣмъ пляшите, чтобъ знать хорошо свое дѣло, должно почаще зады повторять... (*Уходитъ съ Красицкимъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же безъ Гикши и Красицкаго.

Цыганъ. Ну-ка, красныя дѣвицы, подь мою бандуру! (*Играетъ, цыгане и цыганки пляшутъ. Злой духъ снова ползаетъ на скалы, смотритъ на танцующихъ и потомъ бросаетъ въ нихъ большими камнями; танцы прерываются*).

Цыганъ. Кой чортъ! кто это швыряетъ въ насъ такими камешками? (*Цыгане съ удивленіемъ смотрятъ на скалу, но не видятъ ничего. Злой духъ переламываетъ сосну и она съ трескомъ падаетъ на сцену*).

ХОРЪ ЦЫГАНЪ.

Смотрите, глядите, вѣтъ бури, все тихо,
А сосны ломаютъ и камни летятъ!

(*Духъ бросаетъ въ нихъ осколкомъ скалы, который пролетаетъ по верхъ ихъ головъ черезъ всю сцену*).

Х О Р Ъ.

Бѣгите, спасайтесь
Здѣсь духи живутъ!

(Уходятъ съ безпорядкѣ. Музыка продолжается).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТВАРДОВСКІЙ *(вбѣгаетъ съ правой стороны, лицо его блѣдно, волосы растрепаны).*

Оставь меня, злой духъ! исчезни, удались.

А ты, природы всей краса,
О, солнце ясное, затмися!...
Покройтесь мракомъ небеса!
Вашъ видъ для всѣхъ прекрасный, —
Несносенъ для меня!

(Бросается на камень, злой духъ появляется позади его, Твардовскій вскакиваетъ).

Онъ здѣсь! О, духъ ужасный!
Слажи! Средь страшнаго огня
Среди мученій ада—
Избѣгнуть твоего мертвящаго я взгляда,

(Духъ исчезаетъ).

Исчезъ! Но ахъ! какъ тѣнь,
Онъ слѣдуетъ за мною;
Мнѣ мука—свѣтлый день
И ночью нѣтъ покою.

(Духъ показывается на скамъ).

Онъ здѣсь опять! греми, небесный громъ,
Рази!... мнѣ смерть одна отрада.
Ливуйте духи, ада!
Я вашнѣ сталь рабомъ!

Такъ жизнь становится для меня неснсною. Этотъ неподвижный адскій взглядъ преслѣдуетъ меня повсюду! Онъ исчез но, его ужасный образъ тутъ! Въ душѣ моей! Силы меня оставляютъ... Я томлюсь жаждою. Вотъ ручей! Ахъ, еслибъ онъ потушилъ пламя, пылающее въ груди моей *(подходитъ къ ручью, вода перемѣняетъ теченіе)*. Что я вижу, вода исчезла... Несчастный! все въ природѣ противъ тебя! Вотъ дикіе плоды! быть можетъ они освѣжатъ изсохшія уста мои! *(Подходитъ къ дереву, оно перемѣняется въ огромный сухой пенъ, изъ дупла котораго по-*

казывается злой духъ). Ты здѣсь! такъ преслѣдуй, губи меня, я вызвалъ тебя изъ страшнаго жилища твоего, я заразилъ тобою здѣшній воздухъ! пусть я одинъ и погибаю. (*Духъ исчезаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТВАРДОВСКІЙ, ЯНЪ и нѣсколько СЛУГЪ.

Янъ. Ты здѣсь, государь? Вотъ ужѣ цѣлый часъ какъ мы тебя ищемъ, ты хотѣлъ идти къ твоей невѣстѣ.

Твардовскій. Къ моей невѣстѣ?... такъ это одно средство... въ объятіяхъ невинной и добродѣтельной супруги я найду то, что искалъ такъ тщетно. Найду погибшее мое спокойствіе, — она умолитъ небеса за преступнаго своего супруга, и адскій духъ не посмѣетъ нарушить спокойствія нашего. Пойдемъ! (*Одному слугѣ*). А ты ступай и чтобъ все было готово къ брачному торжеству. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ веселое мѣстоположеніе, на аванценѣ съ лѣвой стороны отъ зрителей домъ Болеславскаго, напротивъ его хижины поселянъ, изъ-за которыхъ видно обширное озеро.

(*Марія выходитъ съ правой стороны, за нею крестьяне и крестьянки съ шляндами, сѣнками и букетами цвѣтовъ*).

Марія. Ну, друзья! принимайтесь за работу; межъ тѣмъ, какъ вы будете украшать домъ цвѣтами, я пойду и посмотрю, что дѣлаетъ Юлія (*входитъ въ домъ*).

ХОРЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Мы невѣстѣ домъ цвѣтами
Весь украсимъ поскорѣй;
Ей не жить ужъ вѣстѣ съ нами,
Мы должны разстаться съ ней!

(*Во время хора входятъ Гикша и Красицкій*).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Тъ-же, Гикша и Красицкій.

Красицкій. Вотъ домъ Болеславскаго.

Гикша. Такъ поэтому-то около него такъ и хлопчуть? Сегодня свадьба?

Красицкій. Нѣтъ!—сегодня свадьбы не будетъ.

Гикша. Тсъ! тише! что ты кричишь.

1-я крестьянка. Это, кажется, цыгане?

Гикша. Да, красная дѣвица! Хочешь поворожеть?

1-я крестьянка. Нѣтъ, не хочу!

Гикша. Да небось, даромъ, я съ красавицъ ничего не беру.

2-я крестьянка (*подавая ему руку*). Ну-ка поворожи:

Гикша (*смотря на руку*). Ага!

2-я крестьянка. Что такое?

Гикша. Да ты еще красавица молода, тебѣ семнадцать, во-семнадцать, девятнадцать лѣтъ.

2-я крестьянка. Отгадаль! девятнадцать.

Гикша. Ого!

2-я крестьянка. Ну, что?

Гикша. У тебя въ сердцѣ есть зазнобупка.

2-я крестьянка. Неправда.

Гикша. Погляди-ка на меня, чернобровая! Ты любишь молодого парня!

2-я крестьянка (*1-й крестьянкѣ*). И это отгадаль.

Гикша. А скоро-ли свадьба?

2-я крестьянка (*печально*). Ахъ! не знаю.

Гикша. Ей, постой, постой, вотъ-те разъ; старики ваши не ладятъ.

2-я крестьянка. Ахти! да онъ колдунъ! Все знаетъ

Нѣсколько крестьянъ. Поворожи намъ.

Гикша. Пожалуй! да чуръ за правду не сердиться! (*Подходитъ къ нимъ, около него становятся кружкомъ, во все это время Красицкій смотритъ съ безпокойствомъ на окна дома*).

Красицкій. И нигдѣ-ей не вижу!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же, Марія и Юлія.

Марія. Да выдѣ хоть на минуту.

Красицкій. Это она, но какъ ей показаться? Еслибы, можно было ее пригостовить! (*Прячется за уголъ дома*).

Юлія. Не знаю, отчего-то сердце мое предчувствует что-то необыкновенное!

Марія. Ужь не дурно-ли тебѣ опять, сядемъ здѣсь! (*Садятся у дверей*).

Юлія. Ахъ! какъ тоска моя увеличивается безпрестанно... Посмотри, какъ бьется мое сердце... ахъ! мой другъ, точно такъ-же оно билось и замирало всякій разъ, когда я должна была видѣть Красицкаго! Это чувство никогда меня не обманываетъ и еслибъ я не была увѣрена, что его нѣтъ на свѣтъ...

Красицкій. Она не забыла меня?

Марія. Послушай, Юлія! говорятъ, что тоска отъ пѣнія проходитъ, спой что-нибудь, хоть этотъ романсъ, который ты такъ любишь.

Юлія. Пожалуй! если ты хочешь... какъ часто я пѣвала его вмѣстѣ съ Красицкимъ... а теперь...

№ 12.

РОМАНСЪ.

Я иду противъ невѣрныхъ,
Клятвы выслушай мои,
Такъ, съ любезной разставаясь,
Юный витязь говорил:
Если я тебя забуду,
Пусть безъ славы я паду.
Пусть увижу, умирая,
Супостатовъ торжество.
Пусть ихъ жены надѣваются
Мой поруганный доспѣхъ,
И мечомъ монимъ булатнымъ
Станутъ дѣти ихъ играть;
Пусть живой отдамъся въ руки
Я отечества врагамъ,
И рѣшусь въ постыдномъ рабствѣ
Жизнь окончить старикомъ.

Марія. Ты мнѣ сказывала, что есть третій куплетъ, для чего же ты никогда не поешь его?

Юлія. Этотъ куплетъ сочинилъ Красицкій, прощаясь со мною. Онъ умеръ и никто въ цѣломъ мірѣ не услышитъ и не будетъ пѣть его.

Красицкій (*начинаетъ пѣть*).

Я еще прибавлю клятву,
Всѣхъ ужаситъ она,
Если я хотя минуту
Позабуду о тебѣ!

Юлія.

Боже мой!

Красицкій.

Пусть тогда, покрытый славой,
Возвращуся я домой
И въ объятіяхъ другого
Мою Юлію найду!

Юлія.

Онъ жгетъ. онъ здѣсь?

Красицкій (*показываясь*). Юлія! я умру, или спасу тебя!
Марія. Сюда идутъ! Твой отецъ! (*Красицкій прячется*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же и Болеславскій.

Болеславскій. Ты здѣсь, дочь моя?

Марія. Ей сдѣлалось дурно, и мы вышли на воздухъ...

Болеславскій. Женихъ твой скоро будетъ здѣсь... ступай въ свою комнату, постарайся успокоиться, и не забывай, что невѣста пана Твардовскаго не можетъ и не должна грустить.

Юлія. Батюшка!...

Болеславскій. Повинуйся!

Юлія (*Маріи*). Боже мой! Красицкій здѣсь... что съ нимъ будетъ!

Марія. Положись во всемъ на Бога (*уходятъ въ домъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же безъ Юліи и Маріи.

Болеславскій (*крестьянамъ*). Благодарю васъ, добрые люди, за ваше усердіе, мнѣ весьма пріятно видѣть, что вы все принимаете участіе въ моей радости. (*Увидя Гикшу и Красицкаго*). Вы вѣрно цыгане? Кстати пожаловали сегодня, у насъ большое веселье...

Гикша. А гдѣ веселье, тамъ и мы. Не прикажешь-ли себя позабавить и спѣть что-нибудь?

Болеславскій. Хорошо, посмотримъ, знаешь-ли свое дѣло.

Гикша. А вотъ увидишь! (*Болеславскій садится у дверей, крестьяне, крестьянки окружаютъ Гикшу, который начинаетъ пѣть, акомпанируя себя на штарфъ*).

БАЛЛАДА.

Въ древнемъ замкѣ жилъ боляринъ
Знаменитый Ритаборъ,
Шла о немъ молва худая—
Черношнпикомъ онъ слылъ.
Люди добрые боялись
Близко къ замку подходить,
И вокругъ въ лѣсу дремучемъ
Не охотился никто.
Вотъ задумалъ онъ жениться
На Свѣтланѣ молодой;
Онъ прельстилъ отца богатствомъ
И согласье получилъ.
Но родные отступились,
И никто изъ всѣхъ подругъ
У рыдающей Свѣтланы
Русу косу не расплесть.

Болеславскій. Какая вздорная пѣсня!
Гикша. Конечъ-то хорошъ (*продолжаетъ пѣть*).

Тихо ночью обвѣнчались
Безъ свидѣтелей они,
И какъ вихрь помчались кони,
Мигомъ къ замку принеслись.
Вотъ взошли и чтожъ Свѣтлана
Видитъ вдругъ передъ собой:
За столомъ ея подруги
И родные всѣ сидятъ;
Но ихъ буйное веселье
Не походить ни на что:
Громкій хохотъ ихъ ужасенъ,
Что-то дикое въ глазахъ.
Вотъ Свѣтлана по привычкѣ
Крестно знаменье творить,
Хочетъ съѣсть и, вдругъ, о! ужасъ!
Свѣчи тухнуть—страшный вой!
Гдѣ подруги? Гдѣ родные?
Вдругъ сидятъ лишь мертвецы;
Чтожъ Свѣтлана? Помертвѣла,
Сердце кровью облилось
И ея прелестны очи...
(*останавливается*).

Крестьянинъ. Чтожъ ты не допѣваешь?
Гикша. Забылъ конечъ... а помню какъ сквозь сонъ, покойный мой дѣдушка разсказывалъ, что бездушный отецъ, который прельстился на богатство, сгубилъ дочь свою, умеръ отъ отчаянія и никто не пожалѣлъ о его участи.
Болеславскій. Какой вздоръ!... ты говоришь какъ будто бы это въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь случилось.
Красицкій (*выступая впередъ*). Нѣтъ! но можетъ случиться!...

Болеславскій (*оскакивая*). Что это значить?

Красицкій. А то, что гнусный чернокнижник не бояринъ Ратиборъ, но панъ Твардовскій!

Крестьяне (*съ ужасомъ*). Твардовскій!

Красицкій. А ты тотъ бездушный отецъ, который продалъ, погубилъ дочь свою.

Болеславскій (*съ бѣшенствомъ*). Дерзкій цыганъ! Возьмите его!...

Красицкій. Остановитесь! ты ошибаешься, Болеславскій! Кровь благородныхъ предковъ течетъ въ моихъ жилахъ—и я съ оружіемъ въ рукахъ готовъ доказать Твардовскому, что обвиненіе мое справедливо,—узнаешь-ли ты меня?

Болеславскій. Какое сходство! Возможно ли?

Красицкій. Такъ! Я Красицкій!

Ф И Н А Л Ъ.

Хоръ крестьянъ.

Красицкій живъ, онъ возвратился,
Его-ль мы видимъ предъ собой?

Болеславскій.

Красицкій живъ, онъ возвратился,
Его-ль мы видимъ предъ собой?

Красицкій.

Давно я съ родной простился,
Гонимый свѣтомъ и судьбой;
Я смерть искалъ на полѣ чести!...

Болеславскій.

Ты здѣсь ее найдешь!

Хоръ крестьянъ.

Бѣги, Красицкій! Ты умрешь.

Болеславскій.

Моей правдивой мести
Тебя я въ жертву принесу!

Красицкій.

Умру, но Юлію спасу,
Иль я погибну отъ злодѣя,
Или супругой чародѣя
Она не будетъ никогда

Болеславскій.

Уми-жь! исчезни навсегда!

(Бросается на него съ обнаженной саблею, крестьяне его удерживаютъ.)

Хоръ крестьянъ (*Красицкому*).
Бѣги, спасай себя скорѣй!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТѢ-ЖЕ П ТВАРДОВСКІЙ (*въ великолѣпномъ платьѣ, за нимъ
служители и воины*).

Твардовскій.
Что я вижу! Кто дерзкій сей пришлецъ?
Тебѣ-ли оскорбить о, Юліи отецъ,
Посмѣлъ сей рабъ презрѣнный?

Красицкій.
Ты здѣсь, соперникъ мой надменный!

Твардовскій.
Соперникъ мой! Что слышу я!

Красицкій.
Узнай, что Юлію, душою всей любя,
Ее отъ гибели спасаю,
И въ чародѣйствѣ я тебя
Передъ всѣми обвиняю!

Хоръ служителей Твардовскаго.
Что слышимъ мы? О страхъ!
Какое дерзновенье!

Болеславскій.
Что слышу я? О страхъ!
Какое дерзновенье!

Твардовскій.
Соперникъ мой въ моихъ рукахъ
И нѣтъ ему спасенья!

Хоръ крестьянъ.
Бѣги, его ужасно мщенье!

Красицкій.
Нѣтъ, нѣтъ! Пусть судитъ providѣнье
Меня, о, лютый врагъ, съ тобой!
Тебя зовутъ на смертный бой!

(*вынимаетъ саблю.*)

Твардовскій (*воинамъ*).
Въ темницу мрачную злодѣя заключите!
(*Воины схватываютъ и обезоруживаютъ Красицкаго.*)

Красицкій.

О, небеса! Несчастную спасите!

Гикша (*въ сторону*).

Ахти! попался онъ въ бѣду!

Хоръ служителей Твардовскаго.

Скорѣй, скорѣй его влеките!

(*Воины уводятъ Красицкаго.*)

Гикша.

Завидя во слѣдъ пойду,
Ласкѣ спасу, во чтобъ ни стало! (*уходитъ*).

Хоръ крестьянъ.

Погибло все, пропало,
Въ оковахъ онъ умретъ,
Его ничто ужъ не спасетъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ-же, Юлія и Марія.

Болеславскій.

Приди о, дочь моя!.. Тебя вручаю
Супругу твоему.

Юлія (*въ сторону*).

Увы! прибѣгну я къ кому?

Твардовскій.

Тебѣ быть вѣрнымъ обещаю,
Тебя клянусь я вѣкъ любить...

Юлія (*Маріи*).

Но я нигдѣ Красицкаго не вижу!

Марія.

Молчи!.. Его ты можешь погубить.

Твардовскій.

Скорѣй себя возненавижу,
Чѣмъ клятвамъ измѣню моимъ,
Пусть буду я судьбой гонимъ,
Когда минутную разлуку
Съ тобой рѣшусь я перенести.

Болеславскій.

Приблизься, дочь! Подай мнѣ руку!
Клянись, что предковъ славныхъ честь
Поддержится тобою.

Юлія.

Ахъ! сжался надъ моею судьбою,
И дочь свою ты пощади!

Твардовскій.

Любовь мою согласемъ награди,
И замокъ мой укрась собою!

Хоръ слугителей Твардовскаго.

Любовь согласемъ награди,
И замокъ нашъ укрась собою!

Марія и хоръ крестьянъ.

Ахъ, сжался надъ ея судьбою
И дочь свою ты пощади!

Юлія.

Ахъ, сжался надъ моею судьбою
И дочь свою ты пощади!

Болеславскій.

Нѣтъ, нѣтъ! Напрасно все!

Юлія.

Родитель мой!

Болеславскій. Иди! *(подводитъ ее насильно къ Твардовскому, онъ хочетъ взять ея руку. Ударъ въ тапталъ—между Твардовскимъ и Юліею является злой духъ, въ одной рукѣ держитъ онъ свитокъ, на которомъ написано: «ты погибъ!» другою показываетъ на эти слова).*

Твардовскій. О, небеса!... Это сонъ! Чудовище! чего ты хочешь отъ меня?

Болеславскій. Что съ тобою сдѣлалось?

Твардовскій. Вы видите его?...

Янъ. Кого, государь? Мы ничего не видимъ.

Твардовскій. Ахъ, куда скрыться, отъ адскаго убійственнаго взгляда? Несчастный! Кто спасетъ меня!... *(Закрываетъ руками лицо и постыжно уходитъ, вся свита за нимъ-же уходитъ. Духъ исчезаетъ).*

Хоръ крестьянъ.

Отъ кого ему спастись?

Тамъ невѣста съ нимъ одна;

Нѣтъ сомнѣнья! тутъ скрыватьсѣ

Таина страшная должна!

Болеславскій. Что это значить? Неужели въ самомъ дѣлѣ... *(Юліи и Маріи).* Ступайте за мною *(входитъ въ домъ).*
Крестьянинъ *(вбѣгаетъ запыхавшись).* Что вы здѣс.

стойте! Посмотрите, что дѣлается на озерѣ... (*Злой духъ появляется на плотинѣ*).

Крестьяне. Что такое?

Крестьянинъ. На дворѣ тихо, а озеро надулось и волнуется, какъ въ страшную бурю, того и гляди, что изъ береговъ выйдетъ.

(*Злой духъ вырываетъ часть плотины*). Ахти! Посмотрите, какъ коверкаетъ плотину! (*Вода прорывается, съ ужаснымъ шумомъ стремится черезъ плотину и въ одну минуту залижаетъ всю сцену, хижинны, подымая водою, заливаются, Болеславскій выходитъ на балконъ своего дома*).

Болеславскій. Какой ужасный шумъ! Боже мой, что я вижу!

Хоръ крестьянъ (*вода захватываетъ со всѣхъ сторонъ*).

Ахъ, спасите, погибаетъ!
Волны хлынули рѣкой,
Нѣтъ надежды никакой,
Помогите, утонаетъ!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ часть замка Твардовскаго; съ лѣвой стороны отъ зрителей огромная круглая башня съ однимъ окномъ, укрѣпленнымъ желѣзною рѣшеткою; съ правой стороны и въ глубинѣ театра лѣсъ,—лунный свѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Г и к ш а (*съ толпой цыганъ входитъ съ правой стороны*).

Г и к ш а (*втомолося*).

Тихе, тихе, не шумите!
Ближе къ башнѣ подходите!

Хоръ цыганъ (*втомолося*).

Мы луной освѣщены,
Здѣсь укрыться невозможно.

Г и к ш а.

Потихоньку, осторожно
Пробирайтесь вдоль стѣны.

Хоръ.

Потихоньку, осторожно
Проберемся вдоль стѣны.

Гикша и хоръ.

Тише, тише, не шумите,
Ближе къ башнѣ подходите!...

Гикша. Стойте тутъ, товарищи! да тише, не шевелиться.

1-й цыганъ. Точно-ли ты знаешь, что онъ въ этой башнѣ?

Гикша. Кажется въ этой; когда Красицкаго схватили и повели въ замокъ, я шель вслѣдъ за нимъ до самыхъ воротъ, тутъ меня замѣтили, и я чуть-чуть успѣлъ наострить лыжи, идя мимо этой башни; я остановился на минуту, въ ней не было огня, вдругъ она освѣтилась, я сталъ присматриваться, зазвенѣли цѣпи, застучали запоры, потомъ все утихло и свѣтъ пропалъ... Изъ всего этого я заключаю...

1-й цыганъ. Положимъ, что такъ, но для чего мы подвергаемъ себя опасности?

Гикша. Какъ для чего? Для того, чтобъ спасти Красицкаго!

1-й цыганъ. Да что такое этотъ Красицкій? Добро-бъ онъ былъ нашъ братъ!

Гикша. Не стыдно-ли тебѣ?... Если онъ не цыганъ, такъ достоинъ быть цыганомъ: не раздѣлялъ-ли онъ съ нами холодъ, голодъ и нужду? Не отдалъ-ли онъ въ артель всѣ свои деньги?

1-й цыганъ. Что правда, то правда.

Гикша. И если ему не посчастливилось родиться цыганомъ, такъ развѣ онъ въ этомъ виноватъ?

1-й цыганъ. Конечно такъ! не спорю.

Гикша. Тсъ! тише! мнѣ слышалось... точно такъ... (*Подходитъ къ окну*), смотрите, никто ни гугу!...

Красицкій (*у окна*). И такъ; я долженъ умереть въ темницѣ и смерть моя не спасетъ Юлію? О, мысль ужасная!

А Р І Я

Все погиб...ло! И спасенья
Нѣтъ для Юліи моей!
Я готовъ среди мученья
Провести остатокъ дней.
И въ оковахъ здѣсь, страдая,
Смерть ужасную снести,
Если-бъ только, погибая,
Могъ тебя, мой другъ, спасти!

Гикша. Такъ точно! Это онъ! давайте лѣстницу... Живѣй, ребята!... (*Подставляютъ лѣстницу. Гикша по ней влзаетъ къ окну*). Красицкій!

Красицкій. Что я вижу!

Г и к ш а. Твоихъ друзей и товарищей. (*Подаетъ ему пилу*). Возьми и помогай мнѣ перепилить рѣшетку (*цыганамъ*). А вы глядите по сторонамъ и если кто-нибудь покажется...

1 - й цыганъ. Такъ мы попросимъ его остаться здѣсь и по-бесѣдовать съ нами... (*Половина цыганъ, составляющихъ второй хоръ, отходитъ въ глубину театра, другая остается подмъ башии*).

ПЕРВЫЙ ХОРЪ ЦЫГАНЪ.

Не слышенъ-ли шорохъ,
Не идетъ-ли доворъ?
Чу! тише!... тамъ шелестъ
Раздался въ лѣсу.

ВТОРОЙ ХОРЪ ЦЫГАНЪ.

Не бойтесь, все тихо
Спокойно кругомъ,
Лишь совы летаютъ
И филины кричатъ.

Г и к ш а. Ну, братъ, проворнѣй! подбери цѣпь и выльзай въ окно. (*Красицкій и Гикша спускаются внизъ по лестницѣ*).

К р а с и ц к і й. Возможно-ли? я свободенъ!

(*Цыгане сбиваютъ съ него цѣпь*).

Г и к ш а (*нѣкоторымъ изъ цыганъ*). Ступайте впередъ... и если наткнетесь на дозорныхъ, такъ подайте условный знакъ.

К р а с и ц к і й. Говори скорѣй! Юлія замужемъ?

Г и к ш а. Ты все еще бредишь любовью? Подумай, вѣдь твоя жизнь была на волоскѣ.

К р а с и ц к і й. Что мнѣ въ жизни и свободѣ, если она погибла.

1 - й цыганъ. Сегодня свадьбы не было.

К р а с и ц к і й. Не было... Отдыхаю!

Г и к ш а. Ахъ! ты, полоумный!... да развѣ тебѣ отъ этого легче?... Не сегодня, такъ завтра... Эхъ, братецъ! полно думать объ этомъ вздорѣ! Пойдемъ! (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ мѣстоположеніе послѣдняго явленія второго дѣйствія, плотина до половины починена. въ двухъ мѣстахъ льется вода, наверху пролома положено нѣсколько досокъ, по нѣкоторымъ ходятъ рабочіе, — кругомъ толпа крестьянъ, занятыхъ починкою плотины.

1 - й крестьянинъ (*второму крестьянину*). Ну, выдался денекъ... Еще Богъ помиловаль, дешево отдѣлались.

2-й крестьянинъ. Да, если-бъ не захватили, то вою-бъ плотину своротило.

1-й крестьянинъ. Гдѣ-бъ намъ сладить... когда-бъ не пустынный, — знаешь, вотъ, что живетъ въ лѣсу по ту сторону озера, говорятъ, лишь только онъ подошелъ къ берегу, такъ вода и начала сбывать.

2-й крестьянинъ. Охъ худо, братъ! во всей здѣшней сторонѣ только и слышишь, что бѣда за бѣдой: у арендатора Яна, — градомъ весь хлѣбъ выбило, у пана Казимира Тарантая — табунъ и всѣ лошади разбѣжались, въ ближнемъ селѣ вдругъ въ пяти мѣстахъ загорѣлось; мы всѣ чуть-чуть не потонули, ну, словомъ, какъ будто-бъ вся нечистая сила опрокинулась на нашъ окологокъ!...

1-й крестьянинъ. А что ты думаешь? Подлинно нечистая сила, а гнѣздо-то ее вотъ тамъ въ замкѣ, понимаешь?

2-й крестьянинъ. Тсъ! тише! что ты кричишь! Вѣдь панъ Твардовскій шутить не любитъ.

1-й крестьянинъ. Да и шутки-то его хороши, не даромъ говорятъ, что тотъ, кто съ чертями сведетъ дружбу...

2-й крестьянинъ. Полно! полно! перестань, пойдемъ мы лучше, примемся за работу опять. (*Подходятъ къ другимъ крестьянамъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же, Красицкій и Гикша (*выходятъ съ правой стороны*).

Гикша. Что тебя какъ магнитомъ сюда тянетъ! Ей, Красицкій!...

Красицкій. Можетъ быть мнѣ удастся еще разъ ее увидѣть!

Гикша. Да что ты, головы что-ль моей ищемъ? и какой чортъ привязалъ меня къ этому сумасброду!... того и гляди, что вмѣстѣ съ нимъ повѣсятъ на первой осинѣ! Слушай, братъ! если ты о двухъ головахъ, такъ у меня только одна, — и хотя она подъ-часъ не лучше твоей, а все еще мнѣ нѣ надоѣла.

Красицкій. Ахъ, другъ мой! позволь еще разъ увидѣть Юлю, проститься съ нею и тогда...

Гикша. Я, братъ, знаю эти прощанья!... сегодня ты простишься, а завтра опять захочешь прощаться. Между тѣмъ всѣ наши товарищи собрались въ дорогу, — ты вздумаешь остаться, я не захочу тебя покинуть...

Красицкій. Оставь меня одного!

Гикша. Вотъ то-то и бѣда, что не могу! Тѣфу ты пропасть,

видно уже мнѣ на роду написано пропадать вмѣстѣ съ тобою!..
Постой, постой! Смотри, двери отворяются, спрячемся за кусты!
(Гитица и Красицкій прячутся).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же, Юлія и Марія.

Марія. Слава Богу! кажется, вся опасность миновалась.

Юлія. Что случилось съ Красицкимъ?

Марія. Онъ вѣрно недалеко отсюда (съ сторону), несчастная, она не знаетъ...

Юлія. Для чего-жъ онъ не старается увидаться со мною!
(Красицкій показывается, изъ дому выходитъ Болеславскій. Красицкій прячется опять.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же и Болеславскій.

Болеславскій. Вы здѣсь? Зачѣмъ вы вышли изъ дому?

Марія. Мы боялись разговоромъ нашимъ помѣшать тво-
ему сну.

Болеславскій. Ахъ! Сонъ бѣжить отъ глазъ моихъ! Непонятный страхъ Твардовскаго, его виданный ухоть, ужасное обѣдствіе, насъ постигшее, все заставляетъ меня думать, что народная молва справедлива.

Юлія. Ахъ, позволь мнѣ надѣяться?

Болеславскій. Успокойся, Юлія. Если я буду убѣжденъ въ ужасной истинѣ, то скорѣй рѣшусь умереть, чѣмъ видѣть дочь мою супругой чародѣя! Но ты также не должна ласкать себя надеждой — Красицкій никогда не будетъ моимъ зятемъ, теперь прощайте! я иду въ замокъ...

Юлія. Что я слышу?... Ночью въ замокъ?...

Болеславскій. Я хочу и долженъ говорить съ Твардовскимъ.

Марія. Но развѣ ты не можешь подождать до утра!

Болеславскій. Нѣтъ! Участь дочери моей должна рѣшиться сегодня. Не бойтесь ничего, чрезъ часъ я буду опять съ вами. (Идетъ къ плотинѣ. Когда онъ взходитъ на нее, на противоположномъ краю показывается злой духъ. Въ ту самую минуту, какъ Болеславскій проходитъ по доскамъ, которыя служатъ мо-

стомъ, злой духъ дѣлаетъ знакъ рукою, доски съ трескомъ ломаются и Болеславскій падаетъ въ воду. Духъ исчезаетъ).

Хоръ крестьянъ.

Бѣгите, спѣшите,
Спасайте его!

Юлія. Онъ погибъ. *(Падаетъ безъ чувствъ въ объятія Маріи. Красицкій и Гикша выбыгаютъ на сцену и бросаются съ плотины въ воду).*

Хоръ крестьянъ.

Несчастный погибъ!
Волнами покрытый,
Въ пучинѣ кипящей
Онъ скрылся на вѣкъ.

(Красицкій и Гикша выносятъ на сцену Болеславскаго.)

Красицкій. Онъ живъ!

Юлія. Онъ живъ! родитель мой! *(Бѣжитъ къ нему на встрѣчу, крестьяне помогаютъ Красицкому и Гикшу положить Болеславскаго на скамью передъ его домою).*

Болеславскій *(приходя въ себя)*. Какое чудо спасло меня? Гдѣ мой избавитель?

Гикша *(показывая на Красицкаго)*. Вотъ онъ! передъ тобою.

Болеславскій, Юлія и Марія. — Красицкій!

Красицкій, Благодарю Провидѣніе! мнѣ удалось спасти тебя.

Болеславскій. Но ты самъ былъ во власти твоего соперника?...

Красицкій. Вотъ вѣрный другъ, который, презирая смерть, разорвалъ мои оковы; я обязанъ ему болѣе чѣмъ жизни: если-бъ не возвратилъ мнѣ свободу, то я не могъ-бы спасти отца моей Юліи...

Болеславскій. Великодушный юноша!... Я искалъ твоей гибели, а ты...

Гикша. А онъ чуть самъ не утонулъ, вытаскивалъ тебя изъ воды.

Болеславскій. Чѣмъ могу я доказать тебѣ мою благодарность?

Красицкій. Болеславскій! Не губи своей дочери... вотъ одна награда, которой я требую; я обещаюсь навсегда мою родину покинуть. Пусть Юлія отдастъ другому свою руку, — пускай забудетъ обо мнѣ. Ахъ! видѣть ее спокойной и счастливой — вотъ все, чего я желаю; но гнусный чернокожничекъ, злодѣй Твардовскій... достоинъ-ли быть ея супругомъ?

Болеславскій. Я и самъ начинаю тоже думать! Послеъ долгой разлуки, я приглашаю тебя, какъ прежде, взойти въ

мой домъ.—Красицкій! Я не общаю тебѣ ничего. Но вотъ рука моя, что отнынѣ вѣчная благодарность и дружба замѣняютъ въ душѣ моей ненависть, которую столь долго я питалъ къ благороднѣйшему изъ людей! (*Всѣ уходятъ изъ дома*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Театръ представляетъ готическую комнату въ замкѣ Твардовскаго.

Твардовскій (*выходитъ съ твоей стороны отъ зрителей*). Наконецъ, успѣхъ увѣнчалъ мои надежды! Заклинанія мои подействовали, а могущественный голосъ мой заставляетъ трепетать злого духа! Ты смирился передъ своимъ повелителемъ, гордый духъ! исчезъ грозный твой образъ и одно мое слово, одно помышленіе, и ты въ видѣ прелестнаго существа являешься съ покорностію раба исполнять всѣ мои желанія! Я одержалъ побѣду, но силы мои истощились, мнѣ нужно подкрѣпить себя. Послѣдній изъ рабовъ моихъ, ты долженъ отгадывать всѣ мои желанія! Повинуйся! (*Является богато убранный столъ, подлѣ котораго стоитъ злой духъ, въ образъ молодого гения съ помянутой головой и видомъ величайшей покорности*). Ты трепещущій злобный духъ? Трепещи! Ты дорого заплатишь за минутное торжество твое! Исчезни! (*Исчезаетъ; входитъ служитель*) Я не звалъ тебя!

Служитель. Государь! твой старикъ-конюшій, Артуръ, проситъ позволенія взойти къ тебѣ.

Твардовскій. Чего хочеть отъ меня этотъ дряхлый старикъ? Пусть онъ взойдетъ?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Твардовскій, Артуръ и служитель.

Артуръ. Государь! Прости усердію твоего вѣрнаго слуги; я долженъ говорить съ тобою наединѣ. (*Служитель, по знаку Твардовскаго, уходитъ*).

Твардовскій. Говори?

Артуръ. Я служилъ вѣрой и правдой отцу твоему; нанчилъ тебя на рукахъ моихъ и привыкъ, не прогнѣвайтесь, государь! привыкъ любить тебя, какъ родного сына!

Твардовскій. Къ чему все это?

Артуръ. Ахъ! Если-бъ мой слабый голосъ, если бѣ слезы мои могли тронуть твое сердце.

Твардовскій. Говори скорѣй, старикъ! чего ты отъ меня хочешь?

Артуръ. Ты знаешь пустынника, который живетъ въ лѣсу на томъ концѣ озера?

Твардовскій. Да! я слышалъ о немъ.

Артуръ. Съ полчаса тому назадъ я повстрѣчался съ нимъ у воротъ замка.

Твардовскій. Ночью подлѣ моего замка?

Артуръ. Да, государь! Онъ пришелъ для того, чтобъ сказать мнѣ... Ахъ! и теперь еще сердце мое замираетъ отъ ужасныхъ его словъ...

Твардовскій. (*Смотря съ презрѣніемъ на Артура*). Жалкое созданье!

Артуръ. «Ступай!...—сказалъ мнѣ сей праведный мужъ,—скажи своему господину, что правосудіе небесное не дремлетъ, что близокъ часъ бесплоднаго раскаянія, скажи, что въ гордости своей, обольщенный преступною надеждой, онъ не видитъ пропасти, готовой поглотить его».

Твардовскій. И тебя испугали слова этого безумца.

Артуръ. «Скажи ему, погибающему, — продолжалъ пустынникъ,—скажи ему, чтобъ онъ не отвращалъ своего слуха отъ гласа милосердыхъ небесъ, призывающихъ его къ покаянію. Еще время, пусть Твардовскій откажется на всегда отъ преступныхъ своихъ замысловъ; пускай, смирясь въ душѣ своей передъ Тѣмъ, Кто одинъ всемогущъ и всесильнъ, онъ сознается въ своихъ ничтожествахъ, и я примирю его съ небесами»...

Твардовскій. Онъ примиритъ меня съ небесами!... Меня?... Продолжай.

Артуръ. «Но горе несчастному!—прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Горе ему! если онъ отвергнетъ сей послѣдній призывъ Того, Кто простираетъ свои объятія кающемуся грѣшнику и казнить гордаго нечестивца, вѣчная гибель его неизбежна, раскаяніе не коснется ожесточенной души его; безсильная злоба и отчаяніе наполнятъ его сердце и минутный повелитель духовъ содѣлается на всегда послѣднимъ изъ рабовъ ихъ». Государь! вотъ слова пустынника—они ужасны, но вмѣстѣ и справедливы.

Твардовскій. Поди, добрый Артуръ! успокойся—я знаю, что долженъ дѣлать.

Артуръ. Государь! позволь мнѣ привести къ тебѣ пустынника.

Твардовскій. Старикъ! я не охотно повторяю мои приказанія. Оставь меня! (*Артуръ медленно уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ТВАРДОВСКІЙ (*одинъ*).

Твардовскій. И такъ, я могу еще примириться съ небесами, но могу-ли я забыть прошедшее? Могу-ли снова задержать завѣсу, которая скрывала отъ глазъ моихъ тайства природы, и съ равнодушіемъ раба, привыкшаго къ своимъ оковамъ, ожидать спокойно конца ничтожной моей жизни. Какой внутренній голосъ повторяетъ мнѣ слова пустытника, онъ напоминаетъ мнѣ о будущемъ, онъ говоритъ о душѣ моей. Несчастный! Еще одна минута, и ничто уже не спасетъ тебя! Кто шепчетъ мнѣ, Твардовскій, ты властелинъ всей природы, всѣхъ стихій, и хочешь снова пресмыкаться въ толпѣ людей обыкновенныхъ. Ахъ! зачѣмъ я не могу вопрошать будущее и для чего оно закрыто отъ глазъ моихъ? такъ душа моя жаждетъ спокойствія,—но признаться въ моемъ ничтожествѣ, заключить свой умъ въ тѣсные предѣлы рабскаго повиновения и могущества, на всегда отъ нихъ отказаться... (*Рѣшительно*). Нѣтъ! нѣтъ... никогда! (*Ударъ грома. Столъ превращается въ гробницу, на которой написано блестящими буквами имя Твардовскаго. Злой духъ, въ прежнемъ своемъ видѣ, стоитъ подлѣ гробницы, въ одной рукѣ онъ держитъ свернутую рукопись, другою показываетъ надпись* Что я вижу! моя гробница!

Невидимый хоръ (*за кумсами*).

Небесъ отвергнуто призванье,
Отъ нихъ ты взоръ свой отвратилъ!

Твардовскій. Все свершилось! Я погибъ!

Невидимый хоръ.

Пришла минута покаянья,
Твой часъ, Твардовскій, наступилъ!

Твардовскій. Ты обольстилъ меня ложной покорностью, коварный духъ! Несчастный, я могъ спасти себя!... (*Злой духъ развертываетъ свитокъ и показываетъ слова: Ты погибъ!*)

Невидимый хоръ.

Пришла минута покаянья,
Твой часъ, Твардовскій, наступилъ!

Твардовскій. Такъ—мой часъ наступилъ! Исчезни! а слѣдую за тобою (*мгнѣнъ и гробница исчезаютъ*). Сердце мое ка-

менѣть, какъ бурный потокъ,—адское отчаяніе врывается въ мою душу! Ты наступаешь для меня; безнадежная вѣчность, ахъ! какая непреоборимая сила увлекаетъ меня! Я гибну! Но участь моя останется неизвѣстною... пусть вихри буйные развѣютъ мой прахъ по воздуху! Внимайте мнѣ, послушныя стихіи! Разорвите свои оплоты! Потрясись земля. Разруштесь, стѣны! А ты пройди съ небесъ, всепожирающее пламя... истреби жилище злодѣя и вмѣстѣ съ нимъ память о Твардовскомъ! (*Ужасный трескъ; буря и громъ усиливаются*).

1-й слугитель (*входитъ постыжно*). Государь! Весь замокъ въ тревогѣ, по всемъ переходамъ раздается дикій хохотъ, въ воздухѣ слышны ужасные крики, всѣ слугители твои бѣгутъ вонъ изъ замка.

2-й слугитель. Государь! Молнія упала на западную башню, она обрушилась и увлекла съ собою большую часть стѣны.

Янъ (*убѣгаетъ*). Спасайся, государь! замокъ горитъ!

Твардовскій. О, радость! послѣдняя воля моя исполняется.

Янъ. Спасай себя! Еще нѣсколько минутъ—и ты погибнешь.

Твардовскій. Ты обманулся въ своей надеждѣ, злобный духъ! Твардовскій торжествуетъ! такъ! Я иду и на развалинахъ моего замка умру твоимъ повелителемъ (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Театръ представляетъ дикое мѣстоположеніе, съ правой стороны въ глубинѣ театра по берегу озера видна башня и часть стѣны, за которой пылаетъ пламя. Замокъ Твардовскаго — ближайшая часть озера къ замку—отсвѣчиваетъ зарево пожара, крестьяне и цыгане выбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ на сцену; прежде окончанія перваго хора выходятъ

Марія, Юлія, Болеславскій, Красицкій и Гикша.

ФИНАЛЬ.

Хоръ крестьянъ.

О, ужасъ, смотрите,
Весь замокъ въ огнѣ,
Пылаютъ всѣ стѣны
И башни горять.

Болеславскій. Что я вижу!

Красицкій.

Небесный судъ
Надъ извергомъ свершился...

Гикша.

Съ духами злыми онъ дружился,
Такъ пусть они его спасутъ.

Хоръ.

Онъ Провидѣніе злословилъ,
Онъ чернокожничилъ и злодѣй!

Болеславскій.

Какую участь я готовилъ
Несчастной дочери моей.

(Ужасный ударъ грома, башня разваливается. Злой духъ вылетаетъ изъ нея, держа Твардовскаго и, поднявшись надъ серединою озера, бросаетъ его въ воду, изъ которой показывается пламя.)

Болеславскій. О небо, Твардовскій.

Юлія и Марія. Какой ужасъ!

Красицкій. Вѣчное правосудіе! Кто избѣгнетъ Твоего мщенія!

Общій хоръ.

Страшенъ гнѣвъ небесъ правдивыхъ,
Грозенъ судъ Твой о, Творецъ!
Ты карашь нечестивыхъ,
Злодѣяньямъ есть конецъ.

(Буря утихаетъ, тихая, очаровательная мелодія раздается въ воздухъ. Сцена освѣщается.)

Красицкій! Какой свѣтъ разливается повсюду.

Юлія. Какіе очаровательные звуки раздаются въ воздухѣ!

Болеславскій. Сами небеса возвѣщаютъ, что бѣдствія наши прекратились! Твардовскій погибъ и спокойствіе возвратится снова въ здѣшней странѣ. Приди въ мои объятія, Красицкій, ты спасъ мнѣ жизнь, сдѣлай еще и болѣе—замѣни для меня потерю сына, котораго я столь долго оплакивалъ.

Хоръ крестьянъ.

Наше горе прекратится,
Мы спокойно станемъ жить.

Красицкій *(Юліи)*.

Могутъ ли я надеждой льститься
Твою руку получить!

Марія.

Ваши дни въ счастливой долѣ
Среди веселья пролетятъ.

Хоръ.

Духи адскіе ужь болѣ
Нашъ покой не возмутятъ.

Болеславскій (*Красицкому*).

Судебъ исполняется желанье
Въ тебѣ найду я сна вновь.

(*Подводитъ къ Юліи*).

Прими Красицкій, воздаянье
За безкорыстную любовь!

Марія и хоръ.

Прими, Красицкій, воздаянье
За безкорыстную любовь!...

Общій хоръ.

Напрасно кичливый въ безумствѣ мечтаетъ
Небесъ раздраженныхъ избѣгнуть суда,
Творецъ Всемогущій, защитникъ невинныхъ...
Онъ милуетъ добрыхъ, злодѣевъ казнить.

(*Занавѣсь*).

К О Н Е Ц Ъ .

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА

РОМАНИЧЕСКАЯ ОПЕРА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Представлена въ первый разъ въ Большомъ Петровскомъ театрѣ
15 сентября 1835 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Неизвѣстный.

Таропка-голованъ, гудочникъ.

Всеславъ, княжескій отрокъ.

Алексѣй, старый рыбакъ.

Надежда, дочь его.

Вышата, княжескій ключникъ.

Фрелатъ, варяжскій мечникъ.

Стемидъ, княжескій стреманный.

Простѣнь, княжескій гридня.

Якунъ,

Икморъ,

Руальдъ,

Эрикъ,

Арнульфъ,

Остроміръ, княжескій сокольничій.

Фенкаль, варяжскій скальдъ.

Вахрамѣевна, кievская вѣдма.

Садко,

Юрка,

Пленко,

Чурила,

Старуха.

Буслаевна, нянюшка.

Любаша, молодая кievлянка.

Часовой.

1-й

2-й

рыбаки.

Кievляне и кievлянки.

Славянская и варяжская дружины князя Святослава, слуги и служители
ницы въ селѣ Предиславинѣ, рыбаки и хоръ адскихъ духовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Разсвѣтъ. Дикое мѣстоположеніе на берегу Днѣпра, который занимаетъ большую часть глубины сцены; вдали, по всей нагорной сторонѣ рѣки, живописные холмы, усѣянные зданіями, изъ середины которыхъ подымается дворецъ великокняжескій съ высокими теремами. Съ правой стороны отъ зрителей, рыбацья хижина съ навѣсомъ. Кругомъ развѣшаны невода.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАДЕЖДА (*выходя изъ хижины*).

Вотъ скоро солнышко проглянетъ, а милаго все нѣтъ!... Какъ чисты небеса!... Какъ свѣжъ, прсхладенъ вѣтерокъ!... О! какъ прекрасенъ Божій свѣтъ!... Чу!... Что за шорохъ тамъ въ кустахъ? Ужли Всеславъ? Ахъ, нѣтъ!...

А Р І Я.

Гдѣ ты, женихъ мой ненаглядный;
Всеславъ, мой вѣрный, милый другъ?
Всеславъ, души моей любимецъ!
Спѣши, спѣши обрадовать меня!
Мы вмѣстѣ каждый день съ тобою
Встрѣчаемъ солнечный восходъ
И вмѣстѣ надъ Днѣпромъ широкимъ
Внимаемъ громкимъ пѣснямъ соловья.

* *
*

Но ты неидешь—я жду напрасно...
Изныло сердце все во мнѣ!
Приди, приди, мой ненаглядный!
Спѣши, спѣши обрадовать меня!
Въ тебѣ одномъ мое все счастье,
Въ тебѣ всѣ радости мои!
Приди, приди ко мнѣ скорѣ,
Всеславъ, мой нѣжный, милый другъ.

Но вотъ, кажется... О! какъ забилось мое сердце! Такъ точно... это онъ! это Всеславъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Надежда и Всеславъ.

Надежда (*идя на встрѣчу къ Всеславу*). Какъ ты опоздалъ сегодня, мой суженый! Ужь я ждала, ждала!...

Всеславъ. Прости меня, Надежда! Я давно-бы ужь былъ здѣсь, но со мной на берегу Днѣпра повстрѣчался какой-то неизвѣстный... Ахъ! если-бы ты знала, что говорилъ со мною этотъ таинственный незнакомецъ!... И теперь еще вся кровь волнуется въ моихъ жилахъ! Онъ сказалъ мнѣ... Но я поклялся молчать объ этомъ.

Надежда. О, мой другъ! слова твои приводятъ меня въ ужасъ!

Всеславъ. Не бойся, Надежда! тайна, которую я узнаю сегодня, быть можетъ, сдѣлаетъ меня, безроднаго сироту, счастливейшимъ человѣкомъ въ мирѣ... Но что говорить объ этомъ! Я вмѣстѣ съ тобою, я твой суженый, твой Богъ будетъ скоро моимъ Богомъ—чего же мнѣ желать еще болѣе?

Надежда. Да, Всеславъ; скоро всѣ христіане станутъ звать тебя своимъ братомъ, а я моимъ супругомъ и повелителемъ. Но ты и теперь ужь не язычникъ: ты молишься вмѣстѣ съ нами и не любишь боговъ своихъ. Не правда-ли, Всеславъ, ты будешь жить съ нами въ этой хижинѣ? Здѣсь такъ хорошо... такъ весело!... Да чтожъ ты молчишь и смотришь все на меня?

Всеславъ. А на что-же мнѣ и смотрѣть, какъ не на тебя, мой безцѣнный, милый другъ?

Надежда. Какъ на что? Видишь-ли ты тамъ, на зеленомъ лугу, словно снѣжокъ бѣлѣются душистые ландыши?

Всеславъ. Ты во сто разъ бѣлѣе ихъ, моя ненаглядная!

Надежда. А вонъ, посмотри, тамъ на полянѣ, какіе яркіе малиновые цвѣты!

Всеславъ. Твои алыя уста милѣ ихъ!

Надежда. А эти свѣтлыя, лазурныя небеса?

Всеславъ. Они темнѣ твоихъ голубыхъ очей, моя суженая!

Надежда. Да полно меня хвалить, Всеславъ!... Мнѣ, право, стыдно!

Всеславъ. Ты краснѣешь!... Краснѣй, моя радость! О, какъ ты хороша, Надежда! Заговоришь-ли ты — словно горlinkа застонетъ! Улыбнешься — словно солнышко проглянетъ!... Да по-

смотри на меня, радость дней моихъ! Скажи: любишь-ли ты меня?

Надежда. Люблю-ли я тебя! О, Всеславъ, Всеславъ! и ты можешь меня объ этомъ спрашивать!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Ть-же и Алексѣй.

Алексѣй (*выходя изъ хижины*). Здравствуйте, дѣти!

Всеславъ. Здравь ли ты, добрый Алексѣй?

Алексѣй. Слава Богу, молодець! Брожу еще, пока Господь грѣхамъ терпитъ. Я думалъ, Надежда, что ты ужь давно ушла навѣстить твою больную крестную мать.

Надежда. Я дожидалась его, батюшка; онъ меня проводить.

Всеславъ. Да, Алексѣй, я провожу ее; вѣдь это не близко отсюда.

Алексѣй. Да не такъ чтобы очень, близъ самой Кучинской горы Ты пробудешь у свой крестной матери цѣлый день, Надежда, да смотри, не выходи на улицу—вѣдь сегодня весь Кіевъ сойдегъ съ ума.

Всеславъ. Въ самомъ дѣлѣ! Кажется, сегодня Усладовъ праздникъ.

Алексѣй. Вотъ то-то и есть! Ступайте-же скорѣе, пока толпы народа и ратные люди не высыпали за городъ, чтобъ предаваться своимъ буйнымъ забавамъ и потѣхамъ.

Всеславъ. Прощай, Алексѣй! Пойдемъ, Надежда! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Алексѣй и вскорь рыбаки.

Алексѣй. Бѣдные кіевляне! Доколѣ вы будете въ слѣпотѣ вашей величать богами бездушныхъ истукановъ? Сегодня вы станете весь день гнѣвить Господа; а мы, христіане, будемъ всю ночь молить его, да просвѣтитъ Онъ души ваши свѣтомъ истинныхъ вѣры!... О! доживемъ-ли мы когда-нибудь до того времени, когда наша родина, нашъ великій Кіевъ огласится свитыми пѣснями въ честь истиннаго Бога! (*Задумывается. За кулисами начинается хоръ рыбаковъ*). А! вотъ, кажется, и мои ребята!...

Большая лодка съ рыбаками показывается на самомъ дальнемъ планѣ рѣки, пропжжаетъ черезъ всю сцену, исчезаетъ за кулисами, потомъ снова появляется на ближнемъ планѣ рѣки и, доплывъ до рыбацкой избушки, причаливаетъ къ берегу.)

Хоръ рыбаковъ.

Гой ты Дѣвѣрь-ли мой широкій!
Лейся быстрою волной!
Дѣвѣрь широкій и глубокій!
Ты кормилецъ нашъ родной!
Я забылъ свою кручину
На волнахъ твоихъ сѣдыхъ;
Горемыку—сиротину
Ты укачивалъ на нихъ!

* * *

Безпріютный, одинокій
Я живу однимъ тобой!
Гой ты Дѣвѣрь-ли мой широкій!
Ты кормилецъ мой родной!

По окончаніи хора, рыбаки выходятъ на берегъ. Одни изъ нихъ начинаютъ снимать невода, а другіе подходятъ къ Александру):

Александръ. Здравствуйте, дѣтушки! Что такъ поздно выѣхали сегодня на работу?

Первый рыбакъ. Да что, дѣдушка, изъ чего биться-то? Бывало, не успеешь вытащить невода, мигомъ всю рыбу заберутъ для княжескаго стола; а теперь, продавай по мелочи горожанамъ!

(Незнакомый появляется на челнокъ; причаливаетъ къ берегу и, облокотясь на весло, вслушивается въ разговоръ рыбаковъ.)

Второй рыбакъ. Да что это, въ самомъ дѣлѣ, ребята! Вотъ ужъ близко десяти дней, какъ нашего великаго князя видомъ не видать, слыхомъ не слышать? Ужъ здоровъ-ли онъ, нашъ батюшка? Бывало, не пройдетъ двухъ дней безъ пированія и всякихъ потѣхъ: то пиръ горой, то игрушки богатырскія...

Александръ. Не все пировать, дитятко! И княжескія яства приѣдаются и сладкій медъ припивается.

Первый рыбакъ. Мнѣ-бы, дѣдушка, не припился.

Александръ. Да и то сказать, нельзя-же каждый день быть подъ хмѣлькомъ. Дѣло его княжеское: надо рядить, судить, давать всѣмъ расправу. Тутъ варягъ ограбилъ руссина; тамъ, глядишь, нашъ братъ кiezлянинъ.

Неизвѣстный *(прерывая)*. Что?... Чай, обидѣлъ варяга? *(Всѣ рыбаки олядываются и смотрятъ съ удивленіемъ на неизвѣстнаго, который, оставивъ весло въ челнокъ, выходитъ на берегъ.)*

Второй рыбакъ. Ахъ, лѣшій его побори! Какъ онъ подкрался!

Александръ. Что тебѣ надобно, молодецъ? Не хочешь-ли рыбки кушать?

Неизвѣстный. Спасибо, старинушка!

Первый рыбакъ. Иль не прикажешь-ли на твое счастье закинуть?

Неизвѣстный. Нѣтъ, любезный! Я такъ присталъ къ берегу, чтобъ отдохнуть немного. Да о чемъ вы здѣсь, ребята, растабарывали?

Первый рыбакъ. Такъ, кой о чемъ.

Неизвѣстный. Кажись, рѣчь шла о Святославѣ?

Алексѣй. О какомъ Святославѣ? Если ты говоришь о нашемъ государѣ, молодецъ, такъ его не зовутъ просто Святославомъ, а величаютъ великимъ княземъ кievскимъ.

Неизвѣстный (*насмѣливо*). Кievскимъ! Кievскимъ!... Отецъ его былъ когда-то и княземъ древланскимъ, да вѣдь недолго на княжилъ. Слыхаль-ли ты, старикъ, пословицу «что чужое добро въ прокъ нейдетъ»?

Алексѣй. Чужое добро?... Что ты что ты, молодецъ! Развѣ Кievъ не отчина великаго князя? развѣ мы всѣ не его?

Неизвѣстный. А ваши-то отцы и дѣды служили кому? То-то и есть! Недаромъ говорятъ, что у народа память коротка; а, кажись, есть чѣмъ старину вспомнать. То ли дѣло, подумаешь: теперь намъ отъ однихъ варяговъ житья нѣтъ.—эти поморяне того и нарываютъ, чтобъ послѣднюю одежку съ насъ стащить: «мы, дескать, великокняжеская дружина—такъ, что его, то наше». Нѣтъ, братцы, не то было при старыхъ князьяхъ вашихъ! Довольство-то какое во всемъ было! Житье-то какое привольное! Ну, что вы, ребята, на меня такъ уставились? Коли вы сами не видали этихъ временъ, то вѣрно слышали объ нихъ отъ отцовъ и матерей?

Первый рыбакъ. Слыхать-то слыхали: въ пѣсняхъ поется, что въ старину и рѣки текли сытою, а берега были кивсельные,—да вѣдь это давно ужъ было.

Неизвѣстный. Не такъ что-бы давно. Знаете-ли вы, братцы, кто былъ Аскольдъ?... Что?... видно, нѣтъ? Да неужли-то вамъ и отцы никогда не говаривали о вашемъ прежнемъ законномъ государѣ?

Алексѣй. Что ты, что ты, господинъ честной!... Не слушайте его, ребята! Нашъ законный государь князь Святославъ Игоревичъ... Эхъ, молодецъ, молодецъ! Чести твоей мы не порочимъ: Богъ вѣсть, кто ты такой; а не пригоже ни тебѣ говорить такія рѣчи, ни намъ ихъ слушать!

Неизвѣстный. Ой-ли, старинушка? Ну, коли нельзя говорить, такъ чай пѣть можно? Хотите-ли, братцы, я вамъ спою пѣсенку?... Да не бойся, дѣдушка, въ ней о вашемъ князѣ и рѣчи не будетъ. Слушайте-ка, братцы!

П Ъ С Н Я.

Въ старину живали дѣды
Веселѣй своихъ внучатъ:
Какъ простую пили воду
Медъ и крѣпкое вино!
Веселились, потѣшались,
Шировали круглый годъ;
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!

Хоръ рыбаковъ.

Ну вотъ, слышите-ль, ребята,
Какъ живали въ старину?

Неизвѣстный.

Люди ратные не смѣли
Брать все даромъ на торгу,
И лишь грековъ обижали
И заѣзжихъ поморянъ;
Въ поясъ кланялись народу
И честили горожанъ;
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!

Хоръ рыбаковъ.

Ну вотъ, видите-ль, ребята,
Какъ живали въ старину?

Неизвѣстный.

Безъ варяговъ управлялись
Съ печенѣгской мы страной,
И Византию громили,
И съ косоговъ брали дань;
И всѣхъ били киевляне,
Какъ ихъ бьютъ теперь самихъ;
Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы!

Хоръ рыбаковъ.

Ну вотъ, слышите-ль, ребята,
Какъ живали въ старину?

Неизвѣстный. Ну что, товарищи! Люба-ли вамъ моя пѣсенка?

Алексѣй. Пѣсня хороша, молодець, да слова то не ладны; пѣль бы ты ее про себя! Ну что вы, дурачье, рты-то разинули? мало-ли что было въ старину—всего не переслушаешь!...

Первый рыбакъ. Да о какомъ это, ребята, онъ все толкуеть Аскольдѣ?

Второй рыбакъ. Неужли не знаешь? Ну вотъ, что по хороненъ тамъ, близъ мѣста Угорскаго, надъ самой рѣкою.

Первый рыбакъ. А кто онъ былъ таковъ?

Второй рыбакъ. Прахъ его знаетъ! Такъ, какойнибудь

ледащій княжица! Чай, при немъ лѣнливый не обижалъ Кіева... То-ли дѣло теперъ! и подумать-то никто не смѣетъ! Вотъ недавно, завозились было ятвиги и радимичи—много взяли! Лишь только нашъ удалой князь усомъ повелѣлъ, такъ они мѣста не нашли!... Что тутъ говорить! Да бываль-ли когда на Руси такой могучій государь? Да леталь-ли когда по поднебесью такой ясный соколъ, какъ нашъ батюшка, князь Святославъ Игоревичъ?

Первый рыбакъ. А какъ выѣдетъ нашъ кормилецъ на борзомъ конѣ своемъ, впереди своихъ витязей—что за молодецъ такой! Такъ, глядя на него, сердце и запрыгаетъ отъ радости.

Алексѣй. Да какъ сердцу и не радоваться? Вѣдь онъ нашъ родной; ему честь—намъ честь!

Второй рыбакъ. Вѣстимо! Чего-жъ намъ еще. Живи только, да здравствуй нашъ батюшка великій князь, наше красное солнышко!

Неизвѣстный. Хорошо, солнышко! Лѣтомъ печетъ, а зимой не грѣетъ.

Первый рыбакъ. Дѣдушка, а дѣдушка! что это онъ пострѣлъ говорить? Ужъ не ятвиги-ли подослали его мутить народъ?

Второй рыбакъ. Да не диво, братъ, станется!

Алексѣй. Вотъ то-то и есть, дѣтунки! Чтобъ и намъ съ нимъ въ бѣду не попасть... Эй, ребята, будетъ растабарывать, пора на работу! *(Рыбаки начинаютъ убирать невода и усаживаться на лодку).*

Хоръ рыбаковъ.

Ну-те, братцы, поскорѣе
Забирайте невода!
Мы, при помощи Перуна,
Лодку рыбой нагрузимъ,
И наловимъ для продажи
Золотистыхъ осетровъ..
Ну-те, братцы, поскорѣе
Забирайте невода!

(По окончаніи хора, Алексѣй и всѣ рыбаки, помѣстясь въ лодку, уѣзжаютъ нальво.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Неизвѣстный и вскорѣ Таропъ.

Неизвѣстный. Глупое стадо! Вотъ, посмотримъ, что-то вы заговорите тогда, какъ съ одной стороны печенѣги, а съ дру-

гой греки приступятъ къ Кіеву и бранный крикъ сей безчислен-
ной рати сольется въ одно общее восклицаніе: «да погибнетъ
Святославъ и да княжить въ Великомъ Кіевѣ потомокъ знамени-
таго Аскольда!» (*Задумывается, съ правой стороны слышна хоро-
довая пѣсня и голосъ поющего Таропа*). Но, мнѣ кажется... Такъ
точно! это голосъ моего слуги Таропа!

Таропъ (*выходя на сцену и продолжая пѣть*).

Свѣтель, свѣтель мѣсяцъ во полночи,
Ясно, ясно солнышко въ весенній день;
А яснѣ чиста мѣсяца,
А свѣтлѣ ясна солнышка
Нашъ Великій Князь!...

Неизвѣстный (*идя къ нему на встрѣчу*). Таропъ! при-
стало-ли тебѣ пѣть такую пѣсню и величать нашего злодѣя!

Таропъ. А! это ты, бояринъ?... Не погнѣвайся! Я вечеръ
перенялъ эту пѣсенку у Соловья Будимировича, любимаго пѣвца
Великокняжескаго. Ахъ, бояринъ, что за пѣсня такая! По-
слушай-ка...

Неизвѣстный. Молчи!... Развѣ ты для того живешь въ
Кіевѣ, чтобъ перенимать глушыя пѣсни?

Таропъ. А чтожъ, бояринъ? Таропка-голованъ пѣсенки по-
нѣваетъ, а дѣла не забываетъ, вѣдь я все провѣдалъ, что тебѣ
было надобно. Ну, что, говорилъ ты сегодня со Всеславомъ?

Неизвѣстный. Да, говорилъ; но не открылъ ему тайну
его рожденія; онъ узнаетъ ее сегодня, когда, по обѣщанію сво-
ему, придетъ въ полночь на могилу Аскольда.

Таропъ. Но точно-ли ты, бояринъ, знаешь, что княжескій
отрокъ Всеславъ тотъ самый безродный сирота, котораго ты
отыскивалъ?

Неизвѣстный. Да, это точно онъ. Золотая гривна, ко-
торую Всеславъ носить на груди своей; его собственный раз-
сказъ, какъ онъ найденъ былъ воинами Игоря въ дремучемъ
лѣсу, въ избушкѣ, въ которой я скрывался отъ преслѣдованій
враговъ моихъ—все подтверждаетъ эту истину. О, если-бъ боги
помогли мнѣ свершить заповѣданное мнѣ отцомъ и дѣдомъ! Если-бъ
я могъ отомстить за смерть ихъ государя и возвратить правнуку
Аскольда его законное наслѣдіе!... Но я опасаюсь, Таропъ: при-
вязанность этого юноши къ Святославу, его любовь къ какой-то
христіанкѣ...

Таропъ. А! знаю, знаю, бояринъ!... Это дочь стараго ры-
бака Алексѣя; ее зовутъ Надеждою, она живетъ вотъ здѣсь, въ
этой избушкѣ.

Неизвѣстный. Здѣсь?

Таропъ. Да, бояринъ. Я шелъ къ ней, когда мы повстрѣ-
чались. Всеславъ раза три приводилъ меня съ собою, чтобъ по-

забавить ее моими пѣсенками. Я, опомнясь, обѣщала ей принести росписное веретено моего рукодѣля—вотъ оно. Да только, кажется, ни ея, ни Алексѣя дома нѣтъ... Ну, такъ и есть!—двери заперты.

Неизвѣстный. А хороша-ли собою эта дѣвушка?

Таропъ. Да такъ-то хороша, бояринъ, что я надивиться не могу, какъ она до сихъ поръ не попала въ село Предиславино. Тамъ много есть пригожихъ, а ни одной нѣтъ такой красавицы, какъ она.

Неизвѣстный. А развѣ ты бывалъ въ селѣ Предиславинѣ?

Таропъ. Какъ-же!... Бояринъ Вышата не разъ приказывалъ меня туда, чтобъ потѣшить моими пѣснями тамошнихъ затворницъ. Вѣдь онъ отъ Великаго Князя поставленъ надъ ними наибольшимъ.

Неизвѣстный. Вышата?... Ближній ключникъ Великокняжескій?

Таропъ. Ну, да! вотъ тотъ самый, который ѣсть за десятирьхъ, а домочадцевъ своихъ морить голодомъ. Не даромъ про него сложена пѣсенка:

А и тучевъ нашъ Вышата господинъ,
А и тощи его слуги вѣрные!
Ужь какъ примется нашъ батюшка
Онъ глотать по дѣлому быку...

Неизвѣстный. Да перестанешь-ли ты пѣть! Скажи мнѣ, Всеславъ очень любить эту Надежду?

Таропъ. Какъ-же!... Вѣдь онъ хочетъ на ней жениться.

Неизвѣстный. Жениться?... Ну, а если-бъ кто-нибудь похитилъ его невѣсту?

Таропъ. Да сохранить Перунъ всякаго и подумать объ этомъ! Говорятъ, у Всеслава рука тяжела; а что она подыметъ на каждаго, кто только осмѣлится разлучить съ Надеждою, за это, бояринъ, я тебѣ порукою.

Неизвѣстный. Въ самомъ дѣлѣ!... Такъ... если слова мои не подѣйствуютъ... Таропъ, повидайся съ бояриномъ Вышатою и скажи ему, что сегодня, около полуденъ, будутъ его дожидаться на Подолѣ, близъ Велесовой божницы, чтобъ открыть ему одну важную тайну.

Таропъ. Слушаю, бояринъ!... Чу!... Ну, такъ и есть!

Неизвѣстный. Что такое?

Таропъ. Сюда идетъ цѣлая ватага молодыхъ кievлянокъ; я обогналъ ихъ не такъ чтобъ далеко отсюда. Вѣдь сегодня Усладовъ праздникъ: такъ съ утра до самой ночи народъ будетъ веселиться за городомъ... Э!... да никакъ за ними увязался Стемидъ!... Знатный дѣтина! Гуляка, весельчакъ!

Неизвѣстный. Кто этотъ Стемидъ?

Таропъ. Любимый стреманный великаго князя и задушев-
ный другъ Всеслава... Ого! да онъ не одинъ! Кто это съ нимъ?
Что за воронье пугало!... Ну, такъ и есть Фрелафъ!

Неизвѣстный. Какой Фрелафъ?

Таропъ. Варяжскій мечникъ, такой задоришка, да само-
хваль, что и сказать нельзя! Не только Стемидъ, да и товарищи-
то его, варяги, всё надъ нимъ смѣются.

Неизвѣстный. Я усталъ и мнѣ далеко еще надо ѣхать,
такъ я прилягу за этой избой, да отдохну; быть можетъ, послѣ
полудень, я опять ворочусь сюда и, если застану дома эту На-
дежду... Таропъ, отдай мнѣ свое веретено, — я скажу, что при-
несъ отъ тебя.

Таропъ (*отдавъ веретено, которое не-
известный кладетъ за пазуху*).

На, бояринъ, вотъ оно.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Множество горожанъ и горожанокъ, Стемидъ, Фре-
лафъ, Таропъ и Незвѣстный (*на авансценѣ за избой.*
Когда хороводная пѣсня кончится, дѣвушки начинаютъ играть въ
разныя игры).

Фрелафъ. Да что мы, Стемидъ, ходимъ за ними разиня
ротъ? Кто намъ заказалъ подойти поближе къ этимъ красавицамъ?

Стемидъ. Въ самомъ дѣлѣ, подойдемъ!

Пожилой киевлянинъ. Нѣтъ, молодець, не трогайте на-
шихъ дѣвушекъ: вы ихъ распугаете.

Фрелафъ. Распугаемъ! Ахъ, ты, старый дуракъ! Да что
мы, печенѣги, что-ль?

Пожилой киевлянинъ (*кланяясь*). Кто говоритъ, госпо-
динъ милостивый! Вы, господа честные, витязи великокняжескіе,
да не пригоже нашимъ сестрамъ и дочерямъ водиться съ людьми
ратными.

Фрелафъ. А съ кѣмъ-же?—Чай съ вашей братьею, торго-
шами киевскими?

Таропъ. Да не во гнѣвъ будь сказано твоей милости, съ
торгашами-то киевскими водиться прибыльнѣе, чѣмъ съ вами, го-
спода, храбрые витязи. Недаромъ сложена пѣсенка:

Ой ты гой еси, богатый гость,
Ты богатый гость, сыщъ купеческій!
Не красивъ, не пригожь ты, мой батюшка,
А красивы, а пригожи твои денежки!

Стеמידъ. Ба, ба, ба! Таропка-голованъ! Зачѣмъ сюда пожаловаль? Ужь не хочешь-ли отбить у меня красныхъ дѣвушекъ?

Таропъ. И, ваша милость, гдѣ намъ! Правда, если и у тебя въ карманѣ-то не побрякиваетъ, такъ не много же и ты возьмешь, бояринъ!

Фрелафъ. Да чтожь ваши красавицы такія не податливыя? Ну, сторонка! Нѣтъ! на моей родинѣ, не только дѣвушки, да и жены молодья не походятъ на вашихъ киевлянокъ. У насъ по всему Поморью только и житье, что ратнымъ людямъ. Клянусь Офономъ! бывало ни одна красавица не повстрѣчается съ молодцомъ Фрелафомъ безъ того, чтобъ не взглянуть на него умильно, иль не промолвить слова ласковаго.

Стеמידъ. Ну, чтожь ты, Фрелафъ, расхвастался! Послушай-ка, братъ, случилось-ли тебѣ когда-нибудь въ тихую погоду припадать лицомъ къ рѣкѣ, чтобъ напиться водицы?

Фрелафъ. Какъ не случаться!...

Стеמידъ. Такъ вспомни-ка хорошенько: чай, всякій разъ тебѣ казалось, что самъ дѣдушка водяной выглядывалъ на тебя изъ омута. Ну, съ твоимъ-ли краснымъ носомъ и рыжими усами пригнаться молодой дѣвушкѣ!...

Фрелафъ. Такъ чтожь? — Развѣ надобно витязю походить на дѣвчонку, какъ товарищу твоему Всеславу?

Стеמידъ. Всеславу?... Да, Фрелафъ, онъ покрасивѣе тебя и помоложе; а попытайся-ка съ нимъ схватиться!... Всеславъ и не такихъ молодцовъ, какъ ты, за поясъ затыкалъ.

Фрелафъ. Какъ!... Чтобъ этому мальчишкѣ неудалому досталось помѣриться съ такимъ молодцомъ, какъ я!... Да знаешь-ли, что я—Фрелафъ, сынъ Руслана, внукъ Руальда и правнукъ Ингелота, поборника себѣ не знаю; что я...

Стеמידъ. Постой, постой, храбрый витязь! вонъ, кажется, дѣвушки собрались въ кружокъ: вѣрно какаля-нибудь красавица хочетъ спѣть пѣсенку. Послушаемъ.

Фрелафъ. А я клянусь Гелюю, что если эта пѣвуныя будетъ стоять Фрелафова поцѣлуя, такъ я ее поцѣлую.

Стеמידъ. А если она чья-нибудь невѣста?

Фрелафъ. Такъ чтожь! Пусть онъ смотритъ да облизывается.

Стеמידъ. А если у нея женихъ малый плечистый и не любить, чтобъ невѣсту его цѣловали?

Фрелафъ. Да мнѣ-то какое до этого дѣло?

Стеמידъ. Полно хвастать, Фрелафъ. Ты только боекъ на словахъ, а какъ дойдетъ дѣло до кулаковъ, такъ первый за кусть спрячешься.

Фрелафъ. Кто?... Я?... Я, природный варягъ, побоюсь вашихъ русскихъ кулаковъ?... Такъ я же тебѣ покажу, какъ у часъ за моремъ цѣлуютъ красныхъ дѣвушекъ!

Ф И Н А Л Ъ.

Хоръ.

При долинушкѣ береза
Бѣлая стояла,
При березушкѣ дѣвица
Плакала, рыдала.
Ай, калина!
Ай, малина!

Одна изъ кievлянокъ.

Для кого-жъ я садъ садила,
Берегла, ходила!
Не для кого иного—
Для друга милого.
Ай, калина!
Ай, малина!

* * *

Для чего-жъ въ моемъ садочкѣ
Пташки распѣвають?
Все объ немъ, дружечкѣ,
Мнѣ воспоминають!
Ай, калина!
Ай, малина!

* * *

Залеталъ мой соколъ ясный,
Молодецъ прекрасный,
Запропалъ въ кручинѣ,
Безъ вѣсти въ чужбинѣ!
Ай, калина!
Ай, малина!

Хоръ.

Я посю молоденька
Цвѣтиковъ маленько,
Стану съ зоренькой вставати
Цвѣты поливати.
Ай, калина!
Ай, малина!

(Фрелафъ подходитъ къ той, которая тѣла и цѣлуетъ ее.)

Дѣвушка.

Ахъ, что ты! отвяжися!
Да полно! не балуй!

Фрелафъ.

Буда? Не торопись!
Хоть разикъ поцѣлуй!

Хоръ кievлянокъ.

Эй, витязь! Не пригбже!
Пусти ее, отстань!

Дѣвушка.
Я закричу!
Фрелафъ.

Такъ что-же?—

Хоръ кievлянокъ.

На что это похоже!
Эй, витязь, перестань!

Дѣвушка вырывается и бѣжитъ къ избѣ. Фрелафъ догоняетъ ее и схватываетъ опять за руку.)

Фрелафъ.
Постой! Тебя возьму я съ бою.

Неизвѣстный.
А вотъ посмотримъ, какъ возьмешь!
(Выходитъ на сцену.)
Оставь ее, иль я съ тобою
Управлюся, буянъ!

Фрелафъ.
Кто ты?—И какъ ты, дерзкій, смѣешь
Такъ грубо говорить? Ты врешь!

Неизвѣстный *(освобождая дѣвушку).*
(Фрелафу). Коль ты желаніе имѣешь
Узнать, кто я—такъ знай: Сступай!

* * *

Широкій Днѣпръ—моя постеля
И вся святая Русь—мой домъ.
Я всѣхъ варяговъ ненавижу,
Надъ ними вслухъ всегда смѣюсь,
Угрозъ ихъ не боюсь
И не люблю точить имъ баловъ,
А цѣлый вѣкъ стою на томъ,
Чтобы заморскихъ всѣхъ нахаловъ
Знакомить съ русскимъ кулакомъ.

Хоръ.
Чтобы заморскихъ всѣхъ нахаловъ
Знакомить съ русскимъ кулакомъ.

Стеמידъ.
Ну что, братъ, твой любовный пламень
Погасъ?

Таропъ.

Нашла коса на камень!

Фрелафъ.

Что я остался не причемъ!

(*Вынимая мечъ.*)

Постой...

Неизвѣстный (*вырывая у него мечъ*).

Тебѣ-ль владѣть мечомъ!

Пошелъ, седи за прялкой!

(*Уходитъ.*)

Хоръ кievлянъ.

О, витязъ жалкій!

Ступай, седи за прялкой!

Фрелафъ

Онъ ушелъ съ моимъ мечомъ!...

Ловите! Держите!

Кievляне и Таропъ.

Онъ ушелъ съ его мечомъ!

Фрелафъ

Ловите! Держите!

Подайте его!

Разбойникъ! буянъ

Узнаешь Фрелафа,

Узнаешь, кто я,

Вориска проклятый!

Ищите, ловите,

Подайте его!

Неизвѣстный (*появляясь на своемъ челмоукъ*).

Я здѣсь!

Хоръ.

Онъ здѣсь!

Фрелафъ.

Буянъ проклятый!

Отдай мой мечъ

Неизвѣстный.

Твой мечъ? Изволь!

Я мечъ отдамъ, тебя достойный...

Вотъ онъ, возьми его! Прощай!

(*Бросаетъ на берегъ веретено и утѣжасеть.*)

Фрелафъ (*подбывая*).

Мой мечъ!... Что вижу!... Веретено!

Хоръ.

Такъ точно, веретено!

Таропъ (*поднимая его*).

Да какъ раскрашено оно!

Хоръ.

О, витязь жалкій!

Ступай, сиди за прялкой!

Фрелэфъ.

Вотъ, я васъ палкой!

Чему смѣетесь, дурачье?—

Таропъ (*подавая веретено Фрелэфу*).

Свершилъ ты подвигъ ратный—

Убилъ злодѣя своего...

Возьми свой мечъ булатный!

Фрелэфъ.

Молчи!

Стемпдъ.

И, полно! Ничего!

Не ты, такъ я возьму его!

(*Беретъ веретено.*)

Скажи, что ты дрался съ русалкой

И съ боя взялъ его—Пойдемъ! (*Уходитъ*).

Хоръ.

Прощай, нашъ витязь жалкій!

Ступай, сиди за прялкой!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляет внутренность обширнаго терема; большой накрытый столъ, за которымъ сидятъ и пируютъ витязи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Простѣнъ, Всеславъ, Фенкаль, Остроміръ,
Якунъ, Фрелафъ, Икморъ и множество дру-
гихъ варяжскихъ и русскихъ воиновъ.

Хоръ.

Медь искрометный
Въ кубахъ шипи!
Въ чаши рѣкою
Лейся вино!

Фенкаль.

Мы пьемъ въ честь Улада,
Въ честь русской земли,
За здравье красавицъ,
На радость друзьямъ,
На гибель крамольнымъ,
Врагамъ на бѣду!

Хоръ.

На гибель крамольнымъ,
Врагамъ на бѣду!

Фенкаль.

Кто пьетъ, не пьянѣетъ,
Кто любитъ добро,
Кто счастливъ съ красоткой,
Безстрашенъ въ бою—
Тотъ истинный витязь,
Тотъ другъ намъ и братъ!

Хоръ.

Тотъ истинный витязь,
Тотъ другъ намъ и братъ!

Простѣнъ. Вотъ такъ, друзья! За мной! кубки къ верху!
Въ честь Улада, въ честь русской земли!

Фрелафъ (*вытывая свой кубокъ*). И во славу варяжскихъ
витязей!

Остромиръ. Ага! заговорилъ и ты, Фрелафъ! А я ужь думалъ, что у тебя языкъ огня.

Якунъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ что-то сегодня не больно поговариваетъ... Да и у тебя, Всеславъ, лицо-то совсѣмъ не праздничное.

Всеславъ. Мнѣ что-то нездоровится.

Простѣнъ. И, полно! Повеселись-ка съ нами до утра, такъ все пройдетъ.

Всеславъ. Нѣтъ, товарищи, вы обѣщали отпустить меня прежде полуночи.

Простѣнъ. Да, если Стемидъ придетъ тебѣ на смѣну.

Фрелафъ. Да что вамъ дался этотъ Стемидъ? Иль безъ него намъ и пировать не можно? И что въ немъ хорошаго? Мальчишка! взглянуть не на что! Ни росту, ни дородства, въ щекахъ дѣвичій румянецъ, а въ головѣ бабій разумъ!

Простѣнъ. Да въ рукахъ-то, братъ, у него не веретено.

Фрелафъ. Веретено?... Что за веретено?... Какое веретено?...

Простѣнъ. Какое? Вѣстимо, какое! Стемидъ съ лица только походить на красную дѣвушку, а въ ратномъ дѣлѣ такой молодецъ, что и сказать нельзя!

Остромиръ. Я самъ видалъ, какъ одинъ на медвѣдя ходитъ.

Фрелафъ. Эко дѣло!... Удалось когда-то этому мальчишкѣ пропороть рогатиной соннаго медвѣдя, такъ вы надивоваться не можете! Я не говорю про себя, а мой прадѣдъ Ингелотъ схватился однажды съ медвѣдемъ-то бороться!...

Якунъ. И одолѣлъ?

Фрелафъ. Вотъ диковинка... Одолѣтъ ничего — я знаю по себѣ.

Простѣнъ. Такъ что-же онъ сдѣлалъ?

Фрелафъ. Что сдѣлалъ?... Съ живого шкуру снялъ?

Простѣнъ. И медвѣдь не пикнулъ?

Фрелафъ. Ну вотъ, ужь и не пикнулъ! Вѣстимо ревелъ, да не отревѣлся!

Якунъ. Полно, братъ, потѣшаться надъ нами! (*Входитъ Стемидъ и становится, никѣмъ не примѣчаемый, за Фрелафомъ*).

Фрелафъ. Чтожъ ты думаешь, я лгунъ? Да у меня и теперь еще шкура-то цѣла; она вмѣстѣ съ мечомъ досталась мнѣ отъ прадѣда по наслѣдству. А знаете-ли вы, товарищи, что это за мечъ такой?... И теперь еще на моей родинѣ поговорка: «не бойся ни моря бурнаго, ни грома небеснаго, а меча Ингелова». Бывало, хоть два закаленные шелома надѣнь, какъ хвачу по маковкѣ, такъ до самага пояса; а на мечѣ—повѣрите-ли, братцы,—ни зазубринки!

Стемидъ. Какъ не повѣрить! Вѣдь ты въ мечахъ толкъ знаешь.

Фрелафъ. А! это ты, Стемидъ?

Простѣнъ. Милости просимъ!... Садись, товарищъ!...

Стемидъ. Постойте, братцы! У васъ шла рѣчь о какомъ-то мечѣ; хотите-ли, я вамъ покажу такой диковинный мечъ, какого средясь вы и не видывали?

Витязи. Покажи, покажи!

Стемидъ. А ты что, Фрелафъ, молчишь? Иль не хочешь полюбоваться моимъ мечомъ-самосѣкомъ?

Фрелафъ. Полно, Стемидъ! Что за шутки такія!

Стемидъ. Я не шучу... Ну что, показывать что-ль?

Фрелафъ (*вставая*). Э, братъ! Постой-ка! Мнѣ надо еще съ тобой словца два перемолвить. (*Отводя къ сторонѣ Стемида*). Пожалуйста, не рассказывай никому объ этомъ проклятомъ веретенѣ!

Остроміръ. О чемъ вы тамъ перешептываетесь?

Стемидъ. Такъ, ничего! Вотъ, видите, товарищи, прежде, чѣмъ я покажу вамъ этотъ диковинный мечъ, мнѣ должно рассказать, какъ онъ попался въ мои руки.

Фрелафъ (*тихо*). Да полно, братецъ!

Стемидъ (*не слушая его*). Сегодня по-утру пошли мы вмѣстѣ съ Фрелафомъ смотрѣть на хороводъ красныхъ дѣвухъ...

Фрелафъ. Эй, Стемидъ! Я терпѣливъ, но если ты осмѣлишься...

Стемидъ. Ужь не хочешь-ли ты запугать меня? Полно, братъ! вѣдь Ингелотовъ-то мечъ у меня за пазухой.

Фрелафъ. Да чтожь ты, въ самомъ дѣлѣ!... Смотри, краснобай! У меня какъ разъ язычекъ прикусилъ!...

Стемидъ. Ой-ли?... Такъ слушайте-же, товарищи...

Фрелафъ (*хватаясь за ручку своего меча*). Вынимай свой мечъ, зубоскаль проклятый!

Стемидъ (*выхватывая изъ-за пазухи веретено*). Изволь! (*Всѣ витязи смѣются*).

Простѣнъ. Ахъ, онъ балагуръ!... Смотрите-ка, братцы, веретено!

Остроміръ. Дайте поле молодцамъ! Да чуръ драться не на животь, а на смерть.

Стемидъ. Ну, чтожь, могучій богатырь, выходи!

Всѣ. Выходи, Фрелафъ!

Фрелафъ (*сидясь опять на скамью*). Ты не стоишь, молокососъ, что-бъ я мараль объ тебя мой булатный мечъ! Говори, говори, мальчишка! болтай, забавляй честную бесѣду, хвастунишка проклятый! Гуслляръ! Скоморохъ!

Стемидъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, не мѣшало-бы намъ залучить сюда какого-нибудь гусляра; здѣсь и позабавить-то насъ некому. У Фенкала, чай, языкъ ужъ плохо пошевеливается,

да и Фрелафъ-то скоро на ногахъ стоять не будетъ... Э!... по-стойте-ка!

Таропъ (*поетъ за кулисами*).

Ахъ, ты море, море синее!..

Стеמידъ. Такъ точно, это онъ! Погодите, товарищи, будетъ и намъ потѣха! (*Ублаетъ*.)

Фрелафъ. Въ кого еще онъ тамъ возрился? Мальчишка! На кифарахъ-бы ему играть, а не съ мечомъ ходить, поганому судочнику!

Всеславъ. И, Фрелафъ, не стыдно-ли тебѣ за шутку сердиться? Ну, чѣмъ онъ тебя обидѣлъ?

Фрелафъ. Еще-бы обидѣлъ!... Нѣтъ, братъ, не досталось обижать орла приморскаго ни ясному соколу, ни бѣлому кречегу, такъ этой-ли воронѣ разнокрылой обидѣть меня, молодца? Дай-ка, братъ, Простѣнъ, эту флягу съ виномъ. (*Пьетъ*). Не хочется только себя срамить; а посажу на одну ладонь, другой прихлопну—такъ и поминай какъ звали!

Простѣнъ. Ну что, братецъ, нынче день Усладовъ—ссориться не должно.

Фрелафъ. Да что мнѣ за дѣло до вашего Услава? Я и знать-то его не хочу!... А ужъ коли на то пошло, такъ проучуже этого буянишку! (*Пьетъ*). Хотите-ли, ребята, я сей-же мигъ при васъ сверну ему шею! (*Пьетъ*). Изковеркаю!... Въ бараній рогъ согну!... Узломъ завяжу!... (*Вскакиваетъ*). Хотите-ли?... (*Стеמידъ входитъ; Фрелафъ садится опять*). Ну, счастливъ ты! Благодаря боговъ, что мнѣ вставать-то не хочется!

Стеמידъ (*оборотясь къ дверямъ*). Ну, чтожъ ты?... Войди!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТѢ-ЖЕ И ТАРОПЪ.

Остроміръ. Что это за Полканъ-богатырь?... Эка рожа! Ну, братъ, красивъ ты!

Таропъ (*кланяясь*). И красныя дѣвушки тоже говорятъ, добрый молодецъ.

Стеמידъ. Прошу любить да жаловать! Этотъ парень задушевный мой пріятель, и хоть не въ такой чести, какъ нашъ вѣщій баянъ Соловей Будиміровичъ, а пропоетъ и проиграетъ на кифарахъ не хуже его.

Фрелафъ. Эка образина!... А голова-то, голова-то... словно добрый чанъ!

Таропъ. Какова ни есть, молодецъ, а покрѣпче твоей буйной головушки держится на плечахъ.

Фрелась. Что это?... Ахъ, ты тмутараканскій болванъ! да развѣ я пьянъ?

Простѣнъ. Полно, Фрелась! Пей и молчи. А ты, Таропъ, чего хочешь: вина, или меду?

Таропъ. И вина хлебнемъ, господинъ честной, и отъ меду не откажемся... Прикажете поднести, такъ мы станемъ пить, а хозяину слава! (*Ему подносятъ кубокъ*). Веселаго пира, молодцы! Легкаго похмѣлья! (*Пьеть*). Вамъ веселиться, а намъ крошки подбирать.

Стеמידъ. Ну-ка, Таропушка, повесели насъ!

Таропъ. Что позволишь, батюшка!... Радъ потѣшить вашу милость. Да не въ угоду-ли вамъ будетъ, я расскажу вамъ сказочку съ припѣвомъ о томъ, что подѣлалось однажды съ добрымъ молодецъ, въ лѣсу, за горой Щековицею? Это было въ Русалкинъ день, давнымъ давно, еще при князьяхъ Аскольдѣ и Дирѣ.

Простѣнъ. Такъ это не сказка?

Таропъ. Какъ-бы вамъ сказать, господа честные, да только не промолвиться: сказка не сказка, былъ не былъ, а старухи говорятъ, что правда.

Всѣ. Рассказывай, рассказывай!

Таропъ (*откланивается и начинаетъ*). Не забывать-бы добру молодцу часъ полуночный, не ходить-бы ему по лѣсу дремучему въ Русалкинъ день! Жиль-бы храбрый витязь Звѣниславъ, по прозванію Безстрашный; любилъ онъ красную дѣвицу—ее звали Милосвѣтою. Вотъ, однажды, весною, въ Русалкинъ день, промолвился онъ своей суженой, что идетъ въ дремучій лѣсъ потѣшиться охотою. Милосвѣта ахнула, да и было отъ чего—кого въ Русалкинъ день заставала полночь въ лѣсу, тотъ ужъ назадъ не приходилъ. «Если ты не придешь прежде полуночи», сказала дѣвица, «то ищи меня на песчаномъ днѣ озера Долобскаго!» Приду, шепнулъ Звѣниславъ, и отправился въ путь-дороженьку.

БАЛЛАДА.

Ужъ солнца поздняго лучами
Позолотился край небесъ,
А Звѣниславъ все шель полями...
И вотъ—предъ нимъ дремучій лѣсъ...
И что-же онъ въ лѣсу находитъ?...
Подъ дыбомъ дѣвица сидитъ;
Она встаетъ, къ нему подходитъ
И за собой его манить...
И Звѣниславъ, въ мечтахъ влюбленныхъ,
Русалки въ ней не узнаетъ;
Не видитъ онъ волосъ зеленыхъ...
И вслѣдъ за дѣвицей идетъ...

Помни, витязь, часъ урочный!
Помни, помни часъ полночный!...

* * *

И вотъ надъ самую рѣкою
Чертоги пышныя стоятъ;
Изъ нихъ красавицы толпою
На встрѣчу витязю слѣшать.
И всѣ онѣ его засеаютъ
И въ свѣтлый теремъ свой ведутъ,
Виномъ и медомъ угощаютъ
И пѣсни сладкія поютъ...
Давнымъ давно ужъ солнце сѣло,
А витязь ухомъ не ведеть...
Вдругъ... вѣтеръ свистнулъ... загремѣло...
Раздался хохотъ... полночь бьетъ!...

Помни, витязь, часъ урочный!
Помни, помни часъ полночный!...

* * *

Проходить день, прошла недѣля,
Ужъ началъ блекнуть въ полѣ цвѣтъ,
Прошелъ день Лады и Полея...
А Звънислава нѣтъ какъ нѣтъ!
И вотъ ужъ осень на исходѣ,
Давно съ деревьевъ листь опалъ...
Давно ужъ слухъ идетъ въ народѣ,
Что витязь безъ вѣсти пропалъ...

И вотъ... однажды... поселяне
Идутъ и видятъ: подъ кустомъ
Лежить Безстрашный на полянѣ
И спать онъ непробуднымъ сномъ...

Помни, витязь, часъ урочный!
Помни, помни часъ полночный!...

Простѣнъ. А съ невѣстой-то его что сдѣлалось?

Таропъ. А вотъ что, господинъ честной. Старики рассказываютъ, что она кинулась въ Долобское озеро... Говорятъ, съ той поры, по ночамъ, это озеро реветъ, какъ дикій звѣрь, и въ самую полночь изъ омута выходитъ дѣва въ бѣломъ покрывалѣ, садится на берегъ и вопить такъ, что земля дрожить... Говорятъ также, что будто-бы она приговариваетъ: «веселился бы ты, добрый молодецъ, да не забывалъ бы часъ полуночный!» (*Всеславъ встаетъ*).

Остроміръ. Что ты, Всеславъ? Куда?

Всеславъ. Мнѣ что-то нездоровится.

Стеמידъ. И подлинно! У тебя и глаза-то вовсе не людскіе!... Не троньте его, братцы! Пусть себѣ идетъ отдохнуть. Да выпей что-нибудь на сонъ грядущій.

Всеславъ. Нѣтъ, Стеמידъ, не хочу! Прощайте, товарищи! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же, безъ Всеслава.

Простѣнъ. Видно онъ въ самомъ дѣлѣ прихворнул! Сидѣлъ все молча, какъ убитый, а въ винѣ-то и усовъ не обмочилъ.

Фрелафъ (*поглаживая свои усы*). Усовъ? А гдѣ-бы онъ ихъ взялъ? Не доросъ еще, молоденецъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и Вышата.

Простѣнъ. А, гость нежданный! Г. ключникъ Вышата, милости просимъ.

Вышата. Хлѣбъ да соль, добрые молодцы! Ну, что подѣльваете? Всѣмъ ли довольны? Не подкатить-ли вамъ еще боченокъ-другой медку?

Фрелафъ. Давай сюда, бояринъ! Много-ли только у тебя въ погребу-то? А за нами дѣло не станетъ!

Вышата. Полно, такъ-ли?... Не знаю, какъ другіе, а въ тебя Фрелафушка, я вижу, и воронкой ужъ немного нальешь.

Остроміръ. Гдѣ, бояринъ, погулялъ сегодня?

Вышата. Мало-ли гдѣ! Былъ на Подолѣ; смотрѣлъ, какъ наши горожане и горожанки справляли Усладовъ день. Охъ, дѣтушки, не старья времена; подобрались всѣ кievскія красавицы!—Повѣрите-ль! Ни одного смазливаго личика не видалъ! Обѣщаль мнѣ одинъ молодецъ показать какую-то красавицу, да плохо вѣрится... Э! Таропка-голованъ! И ты, братъ, здѣсь? Послушай-ка, любезный! Ты вездѣ шатаешься,—не видалъ-ли хоть ты какой-нибудь красоточки? Потѣшь, скажи! А то, право, горе беретъ! Неужели-то онѣ вовсе перевелись?

Таропъ (*кланяясь*). Гдѣ намъ, государь, знать объ этомъ! Мы люди темные; вотъ твоя милость—дѣло другое: ты на томъ стоишь.

Вышата. А ты на чемъ стоишь, дурацкая чучела? Что-бъ чужаго винца хлѣбнуть, да пѣсенку спѣть?

Таропъ. Вѣстимо, батюшка!

Вышата. Э!... Знаете-ли что, дѣтушки? Мнѣ сейчасъ сказывали, что христіане собрались также справлять по своему Усладовъ день въ старой своей божницѣ, вотъ, что близъ мѣста Угорскаго, подлѣ самой Аскольдовой могилы.—Да видно они помышленѣ васъ, ребятушки: пируютъ всѣ вмѣстѣ—и мужья и

холостые, и жены, и красныя дѣвушки. Ну что, молодцы?... Не отправятся-ли намъ къ нимъ въ гости?... Ась?...

Фрелафъ. Въ самомъ дѣлѣ, пойдемте, братцы!

Остроміръ. А что ты думаешь? и впрямь! Идемте, ребята!

Всѣ (*кроль Стемида*). Идемъ!

Стеидъ. Что вы, что вы, товарищи! Иль забыли, что намъ заказано отъ великаго князя обижать простой народъ?

Фрелафъ. Да то народъ, а вѣдь это христiane!...

Остроміръ. Вѣстимо! Они злодѣи нашего государя.

Простѣнъ. Рабы хитрыхъ грековъ.

Якунъ. Не чтятъ ни вашего Перуна, ни нашего Одена.

Таропъ. Не любятъ ни пѣть, ни веселиться.

Вышата. И держать въ заперти своихъ дочерей.

Фрелафъ. А вотъ мы ихъ пораземотримъ!

Вышата. Слушайте, дѣтушки! Зайдемте-ка прежде ко мнѣ; я васъ поподчую такимъ винцомъ, какого вы сродясь не пивали; а тамъ всей гурьбой на Аскольдову могилу. Ну, что? Любо что-ль! такъ?

Всѣ. Любо! любо!

Вышата. Да пойдемте съ пѣснями ребята! Эй, Таропка-головань! Затягивай Усладову пѣсню, а мы тебѣ подтянемъ. Ну, чтожъ ты переминаешься? Начинай!

Таропъ. Сейчасъ, бояринъ, дай горло промочить!

(*Беретъ кубокъ съ виномъ, пьетъ, и держа его въ руки, начинаетъ*):

1.

Богамъ во славу, князю въ честь!

Въ честь богу радости—Усладу!

Мы цѣлый день гулять, и ѣсть,

И пить всѣ станемъ до упаду.

Кто пить вино не будетъ радъ?

Друзья! вино не злое зелье.

Да здравствуетъ веселье!

Да здравствуетъ Усладъ!

Хоръ.

Да здравствуетъ веселье!

Да здравствуетъ Усладъ!

Таропъ.

2.

Всѣ наши дѣды и отцы

Обрядъ сей свято сохраняли—

Такъ пейте-жъ больше, молодцы,

Чѣмъ ваши прадѣды пивали!

Сегодня мы свершимъ обрядъ,

А завтра будемъ пить съ похмѣлья.

Да здравствуетъ веселье!

Да здравствуетъ Усладъ!

Хоръ.

Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладь!

(*Постъ тѣсни Усладовой, когда всѣ уходятъ, Вышата остается
вмѣстѣ Простѣна.*)

Вышата. Постой-ка, Простѣнушка! мнѣ надо съ тобою
словечко перемолвить.

Простѣнъ. О чемъ, бояринъ?

Вышата. А вотъ что, дитячко: я не даромъ васъ веду на
Аскольдову могилу. Почему знать? можетъ статься, какая-ни-
будь изъ этихъ полунощницъ кинется мнѣ въ глаза. Худо, Про-
стѣнушка, худо! Нашему великому князю все не по нраву стало!
Кабы приглянулась ему теперь какая ни есть новая красотка, —
такъ дѣло-то было-бы ладнѣе. Возьми-ка съ собой на всякій слу-
чай человѣкъ пять — шесть воиновъ изъ дворцовой стражи: не-
равно придется отправить кого-нибудь въ село Предиславнино,
такъ было-бы съ кѣмъ.

Простѣнъ. Слушаю, бояринъ!

Вышата. Ну, такъ ступай-же, Простѣнушка. Я позадержу
гостей у себя, а ты сдѣлай свое дѣло да и приходи скорѣй рос-
пить съ нами красного медку. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ берегъ Днѣпра. Въ глубинѣ, съ правой сто-
роны отъ зрителей, сквозь рѣдкія деревья, на самомъ берегу рѣки,
виднѣются развалины христіанскаго храма. Большая часть его
почти совсѣмъ разрушена. На ближайшемъ планѣ, съ лѣвой сто-
роны, высокій холмъ; кругомъ дичь, за рѣкой луговая сторона
Днѣпра. Полный мѣсяцъ отражается въ водѣ. При поднятіи за-
навѣса Неизвѣстный стоитъ у подошвы кургана и смотритъ вдаль.
Въ глубинѣ, по берегу рѣки, робко пробираются мужчины въ про-
стыхъ одеждахъ, а женщины въ покрывалахъ; они исчезаютъ въ
развалинахъ церкви. Въ продолженіи аріи Неизвѣстнаго, окна
разрушеннаго храма освѣщаются.

Неизвѣстный (*облокотившись на скиру*).

Скоро, скоро, мѣсяцъ ясный,
Твой потухнетъ чистый свѣтъ...
Скоро полночь—часъ ужасный!
А Всеслава вѣтъ, какъ вѣтъ!

(*Остается.*)

Хоръ (*едва слышимый въ развалинѣ*).

Боже! Боже милосердый!
Ты храни своихъ дѣтей!

Неизвѣстный.

Вотъ ужь скоро разольется
Яркимъ заревомъ разсвѣтъ,
Скоро Кіевъ весь проснется,
А Всеслава нѣтъ, какъ нѣтъ!

Хоръ.

Будь, Всевышній, намъ покровомъ
И прибѣжищемъ отъ бѣды!

Неизвѣстный.

Умолкни сердца вѣщей голосъ!
Зачѣмъ грозить ты мнѣ бѣдой?
Зачѣмъ вливаешь ты сомнѣнье
Въ мою истерзанную грудь?
Нѣтъ, нѣтъ! Скорѣе Днѣпръ широкій
Струится будетъ ручейкомъ,
Скорѣе средь дня померкнетъ солнце
И звѣзды на землю падутъ,
Чѣмъ правнучекъ храбраго Аскольда
Захочетъ вѣчно быть рабомъ!

Чу!... Кто-то идетъ!... Такъ точно, это Всеславъ!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Неизвѣстный и Всеславъ.

Неизвѣстный (*идя къ нему на встрѣчу*). Насилу и дождался тебя! Ну, молодецъ, не очень-же ты торопишься знать, кто были твои родители!

Всеславъ. Я не могъ придти ранѣе; но если-бы ты зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ...

Неизвѣстный (*прерывая*). Ты желаешь знать родъ, отъ котораго происходишь? О, Всеславъ, Всеславъ! было время — и твой древній родъ, какъ гордый дубъ, красовался предъ всей землей русской; злодѣи подсѣкли его у самаго корня; онъ палъ — и вѣтви буйные разметали по свѣту его изломанныя вѣтви!

Всеславъ. Ну кто-жь я?

Неизвѣстный. Покаместъ слуга и рабъ Святослава... Слуга и рабъ!... Но, погоди, Всеславъ! Скорѣе свѣтлый Донъ покатытъ вспять серебряныя струи свои и станутъ мощнаго орла называть синицею, чѣмъ величать тебя слугою Святослава!... Ты знаешь, надъ кѣмъ насыпанъ сей высокій курганъ?

Всеславъ. Это могила, Аскольда.

Неизвѣстный. А знаешь-ли ты, что онъ былъ княземъ великаго Кіева? Что убитый измѣною, онъ палъ подъ ударами гнусныхъ предателей, и что неоплаканная и не отомщенная тѣнь его требуетъ крови? Всеславъ! сей несчастный князь твой пра-дѣдъ, а его убійцы отецъ и дѣдъ твоего государя и повелителя.

Всеславъ. Возможно-ли?...

Неизвѣстный. Да! ты единственная отрасль сего знамени-таго рода, и я, внукъ вѣрнаго слуги твоего пра-дѣда, первый привѣтствую тебя, Всеславъ, законный государь и князь великаго Кіева!

Всеславъ. Несчастный! Что ты говоришь? Мнѣ быть княземъ великаго Кіева! Мнѣ возстать противъ моего государя и благодѣтеля!...

Неизвѣстный. Твоего благодѣтеля?

Всеславъ. Да! моего благодѣтеля! Не Святославъ-ли при-рѣлъ меня въ младенчествѣ? Не онъ-ли вспоилъ и вскормилъ безроднаго сироту?

Неизвѣстный. Безмысленный! Называй благодѣтелемъ того, кто, похитивъ законное твое наслѣдіе, бросаетъ тебѣ, какъ голодному псу, кусокъ хлѣба, омоченный въ крови твоихъ пред-ковъ! О, Всеславъ, Всеславъ! О, дитя несчастія, взлеянное на рукахъ моихъ! Неужели разгнѣванные боги обрекли въ тебѣ одною на вѣчное рабство весь родъ Аскольдовъ?... Нѣтъ, нѣтъ! И вижу, въ этихъ благородныхъ взорахъ вспыхнулъ огонь мще-нія!... такъ, Всеславъ! Часъ мести наступилъ, твой мечъ зане-сень... Гибель за гибель! Кровь за кровь!

Всеславъ. Нѣтъ! никогда!

Неизвѣстный. Никогда!... О! да будетъ проклять часъ, въ который ты сталъ слугою Святослава! Да будутъ прокляты воспитавшіе тебя подлымъ рабомъ!... Да будутъ прокляты сами боги, ожесточившіе твое сердце!... Да! я проклинаю ихъ!

Хоръ (*въ развалинахъ*).

Благословенъ Господь, когда караетъ!

Благословенъ, когда спасаетъ насъ!

Неизвѣстный. Что это?...

Всеславъ. Развѣ не слышишь?... Ты проклинаешь своихъ боговъ, а они благословляютъ своего Господа — это христіане!

Голосъ Надежды.

Благословенъ Господь, когда караетъ!

Благословенъ, когда спасаетъ насъ!

Всеславъ. Такъ точно! Это голосъ Надежды! (*бѣжитъ къ развалинамъ*).

Неизвѣстный. Безумный! куда ты?

Всеславъ.. Оставь меня, демонъ-соблазнитель! Здѣсь, предъ храмомъ истиннаго Бога, я отказываюсь навсегда отъ правъ моихъ и клянусь служить вѣрой и правдой моему благодѣтелю и быть супругомъ Надежды... Вотъ все, чего жаждетъ душа моя... Прощай! (*уходитъ въ развалины*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Неизвѣстный и вскорѣ Вышата.

Неизвѣстный. Онъ ушелъ!... Недостойный сынъ злоплучной Судиславы! И такъ нѣтъ другаго средства!... Хорошо! Мы посмотримъ, назовешь-ли ты благодѣтелемъ и захочешь-ли остаться вѣрнымъ слугою того, кто похититъ твою невѣсту. (*Подходитъ къ развалинамъ и смотритъ въ окно*. Вотъ она!... Подлѣ него... въ голубомъ покрывалѣ... О, какъ она прекрасна!

Вышата (*обращаясь назадъ*). Сюда, ребятюшки, сюда! Экъ они отстали! А народъ, кажется, молодой!... Ба, ба, ба!... это кто? Постой ка! Да это никакъ тотъ самый дѣтина, что сегодня у Велесовой божницы общалъ мнѣ... такъ точно! Это ты, молодецъ?

Неизвѣстный. Я, бояринъ.

Вышата. Ну, что, голубчикъ? когда же ты сдержишь свое слово и покажешь мнѣ это диво-дивное, передъ которымъ всѣ наши предиславинскія красавицы, какъ звѣзды, потухнутъ передъ краснымъ солнышкомъ?

Неизвѣстный. Когда?... Да если хочешь, такъ сейчасъ-же.

Вышата. Какъ не хотѣть!... Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Да гдѣ-жъ она?

Неизвѣстный (*показывая на развалины*). Вотъ здѣсь.

Вышата. А, а! Такъ она христіанка?

Неизвѣстный (*подводя его къ развалинамъ*). Видишь-ли эту дѣву, въ голубомъ покрывалѣ?

Вышата. Вижу, вижу! Ну, братъ, въ самомъ дѣлѣ нещечко! Ай-да красавица! Да чтожъ нейдутъ мои молодцы!

Ф И Н А Л Ъ.

Хоръ (*въ развалинахъ*).

Хвала, хвала Тебѣ, Всевышній!
Защита наша и покровъ!
Хвала Тебѣ, о, Вседержитель!
Творецъ и неба и земли!

Хоръ воиновъ (*за кулисами*).
Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладь!

Вышата (*идя къ нимъ на встрѣчу*).
Ступайте поскорѣ!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Всѣ дѣйствующія лица перваго явленія, исключая
Стемида.

Таропъ.

Сегодня мы свершимъ обрядъ,
А завтра будемъ пить съ похмѣлья.

Хоръ воиновъ.

Да здравствуетъ веселье!
Да здравствуетъ Усладь!

Хоръ (*въ развалинахъ*).

Хвала, хвала Тебѣ Всевышній!
Защита наша и покровъ!

Фрелафъ.

Я всѣхъ васъ удаче,
За мною всѣ впередъ!
А тотъ, кто отстаеъ,
Тому да будетъ стыдно!

Хоръ.

А тотъ кто отстаеъ,
Тому да будетъ стыдно!

Фрелафъ.

А чтобы не было завидно,
Мы разомъ всѣ пойдемъ...
За мной, друзья, ступайте смѣло!

Вышата.

Куда?... Испортите все дѣло!
Мы этакъ пташечекъ спугнемъ.

Фрелафъ.

За мной, друзья, ступайте смѣло,
Отъ насъ красотки не уйдутъ!

Хоръ.

За нимъ, друзья, пойдемте смѣло,
Отъ насъ красотки не уйдутъ!

(Изъ развалинъ показываются мужчины и женщины.)

} вмѣстѣ.

Вышата.

Да тише! Не шумите!
Ну, вот ужь посмотрите
Услышали, бѣгутъ!

Хоръ и Фрелафъ.

Ребята, смотрите!
Смотрите, бѣгутъ!...
Скорѣ въ погоню,
Ловите, ловите!

(Фрелафъ и половина воиновъ убѣгаютъ на берегъ Днѣпра за удилами изъ храма.)

Вышата (про себя).

А мы сторонкой обойдемъ;
Авось, что ищемъ, то найдемъ.

(Вошамъ.)

Тише, тише! Не шумите!
Потихоньку обходите!

Хоръ.

Тише, тише! Не шумите!
Потихоньку обходите!

Вышата (тихо Простѣну).

Тебѣ при всѣхъ отдамъ приказъ
И ты хватай ее сейчасъ!

Общій хоръ.

Тише, тише! Не шумите!
Потихоньку обходите!

(Уходятъ нагнво и скрываются въ развалинахъ.)

Неизвѣстный (выходя изъ-за кургана, за которымъ онъ скрывался).

Они ушли!... Теперь посмотримъ, молодецъ,
Какое имя дашь ты князю Святославу!

Простѣнъ (въ развалинахъ).

По волѣ князя...

Всеславъ (тамъ-же).

Прочь!

Неизвѣстный.

Я слышу звукъ мечей
Вотъ такъ!... Дерись, Всеславъ, дерись!

Всеславъ (въ развалинахъ).

Уми злодѣй!

Хоръ воиновъ *(тамъ-же)*.
Хватайте убійцу!
Держите Всеслава!

Хоръ женщинъ *(тамъ-же)*.
Сбѣшите! Бѣгите!
Спасенья вамъ нѣтъ!

Всеславъ *(выбѣгаетъ изъ развалины
съ мечомъ въ руку)*.
Убійца я!... Мою невѣсту увлекли!
Погибло все!...

Неизвѣстный *(схвативъ его за руку)*.
Не все!... Ты живъ—и мы Надежду
Спасемъ!

Всеславъ.
Возможно-ли?

Неизвѣстный.
Да, да! *(Въ сторону)*. Теперь ты мой!

Таропъ *(вбѣгая поспѣшно)*.
Спасайтесь! Спасайтесь!
Бѣгите скорѣй!

(Всеславъ и Незвѣстный уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Всѣ прежнія дѣйствующія лица.

Вышата.

Ступайте направо,
Бѣгите налево,
Ловите злодѣя,
Ищите его!

Хоръ.

Убійцу Простѣна
Отыщемъ, друзья,
И къ князю, не медля,
Представимъ его!

Фрелэфъ.

Разбойникъ! мальчишка!
Буянъ! сорванецъ!

Вышата.

Отыстимъ мы за Простѣна,
Убійцу мы найдемъ...
Что-бъ завтра-жъ на плахѣ
Онъ умеръ чѣмъ свѣтъ!

Хоръ.

Отмстимъ мы за Простѣна,
Убийцу мы найдемъ...
Что-бъ завтра-жъ на плахѣ
Онъ умеръ чѣмъ свѣтъ!

Занавѣсъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ внутренній дворъ села Предславина. Въ глубинѣ сцены огромное зданіе съ теремами, крытыми переходами и вышками. Почти все протикабельно. Съ лѣвой стороны протикабельный домъ на первомъ планѣ: одна сторона его выходитъ въ рошу, отдѣленную отъ двора каменной стѣною, по которой ходитъ часовая. При открытіи занавѣса, въ одномъ изъ среднихъ зданій, на помостѣ, сидятъ и стоятъ множество дѣвушекъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Дѣвушки, вскорѣ Буславна и Надежда.

Хоръ.

Ахъ, подруженьки, какъ грустно
Круглый годъ жить въ заперти!
Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля!...
Намъ и пѣсни не веселье:
Отъ тоски мы ихъ поемъ!

* * *

Къ оди́мъ горестямъ привычнѣ,
Мы скучаемъ съ юныхъ лѣтъ!
И зачѣмъ мы, горемычныя,
Родились на бѣлый свѣтъ!
Намъ и пѣсни не веселье:
Отъ тоски мы ихъ поемъ!

(Выходятъ изъ передняго дома Буславна и Надежда.)

Буславна. Ступай-же, моя лебедь бѣлая, ступай! провѣтрѣй немножко!... Да полно кручиниться-то, моя касаточка! Говорятъ, что государь великій князь скоро сюда пожалуетъ потѣшиться соколиною охотою, и какъ онъ тебя увидитъ, такъ ужъ навѣрно ты его, моя красавица, совсѣмъ заполонишь.

Надежда. Какъ! вы покажете меня князю Святославу?

Буславна. А ты думала, что мы станемъ тебя отъ него прятать? Ахъ, ты простота, простота! да развѣ тебя затѣмъ привезли сюда, въ село Придиславино, чтобы никому не пока-

зывать? Нѣтъ, моя радость! Клады въ землю закапываютъ, да только не такіе.

Надежда. Милосердный Боже!

Буслаевна. Что ты, что ты, дитятко!... въ умѣ-ли ты!... Плакать о томъ, что тебя хотятъ показать великому князю!... Полно, моя лапушка! Почему ты знаешь, ну какъ въ самомъ дѣлѣ ты придешь по сердцу нашему государю, и онъ удостоитъ наименовать тебя своей супругой?... Если прикажутъ называть тебя нашей великой княгиней...

Надежда. О! я не хочу ничего! Матушка, матушка! возьми меня къ себѣ!

Буслаевна. Послушай, моя красавица! Если ты хочешь, такъ мы и матушку твою сюда привеземъ... скажи только, гдѣ она?

Надежда. Она?... О! она тамъ, гдѣ нѣтъ ни горести, ни плача, ни страданій... гдѣ никто не помѣляетъ мнѣ любить Всеслава!...

Буслаевна. Всеслава!... Смотри пожалуй! Всеслава!... Ахъ, ты, вранная дѣвчонка! Да долго-ли мнѣ тебѣ говорить, чтобъ ты не смѣла и думать объ этомъ сорванцѣ, который осмѣлился поднять руку на десятника дворцовой дружины и дерзнулъ противиться—да еще кому?... первому сановнику великаго князя—нашему боярину Вышатѣ!... Слушай ты, блажняя! коли ты не уймешься ревѣть, да будешь впередъ говорить такія непригожія рѣчи, такъ мы упрячемъ тебя, моя голубушка, знаешь куда? На поварню, или прачешную. Не хочешь сама быть боярыней, такъ мы сдѣлаемъ тебя холопкой.

Надежда. О! будь милостива! исполни свое обѣщаніе: сошли меня куда хочешь, заставь служить кому угодно, я знаю разныя рукодѣлья, умѣю вышивать шелками и золотомъ; я буду дѣлать все, что мнѣ прикажутъ, стану работать съ утра до вечера, пряхъ по ночамъ; сдѣлаюсь рабою рабынь вашихъ: только не показывайте меня Святославу... О! будь великодушна! не откажи мнѣ въ этомъ— и я вѣчно стану молить за тебя Бога!..

Буслаевна. Сердечная!... Ну, видно, она съ испуга то вовсе рехнулась!... Полно, полно, моя заунзывная пташечка! Вотъ, погоди, какъ привыкнешь къ нашему житью-бытью, такъ самой слюбится. Эхъ! нечѣмъ мнѣ тебя, мою кукушечку горемычную, пораспотѣшить!... Постой-ка, постой!... (*Слышенъ голосъ поющего Тарона*). Никакъ это нашъ баласникъ? Ну, такъ и есть!... Подожди-ка здѣсь, моя красавица! Вотъ я приведу къ тебѣ такого пѣвуна, что ты заслушаешься! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Надежда (одна).

И такъ, всё мои надежды исчезли какъ сонъ!... Я давно уже свыклась съ горемъ... но разстаться на всегда съ тобой, мой суженой!... О! Всеславъ, Всеславъ!... зачѣмъ я тебя узнала!...

А Р И Я.

Свѣтитъ, свѣтитъ солнце ясное,
Пригрѣваетъ всѣхъ людей:
Только я одна несчастная
Не видала ясныхъ дней!

* * *

Весь вѣкъ мой пройдетъ
Въ тоскѣ безотрадной:
Мой другъ ненаглядный
Ко мнѣ не придетъ!
И радостной встрѣчи
Ужъ мнѣ не знавать!
И ласковой рѣчи
Ужъ мнѣ не слышать!
Напрасно я льстилась
Счастливой судьбою:
Простилась, простилась
Я, другъ мой, съ тобою!

* * *

При одномъ воспоминаньи
Какъ я счастлива была,
Я забыла все страданье
И душою ожила!
Хоть судьба насъ разлучила,
Но, мой другъ, я все твоя;
Ни одна такъ не любила,
Какъ тебя любила я!...
Чтожь теперь судьба моя?

* * *

Весь вѣкъ мой пройдетъ
Въ тоскѣ безотрадной:
Мой другъ ненаглядный
Ко мнѣ не придетъ!
И радостной встрѣчи
Ужъ мнѣ не знавать!
И ласковой рѣчи
Ужъ мнѣ не слышать!
Напрасно я льстилась
Счастливой судьбою:
Простилась, простилась
Я, другъ мой, съ тобою!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

НАДЕЖДА, БУСЛАЕВНА И ТАРОПЪ.

Буслаевна. Ступай, ступай сюда, мой сизый голубочек!

Надежда (*увидя Таропъ*). Ахъ! (*Таропъ дѣлаетъ ей знакъ, чтобы она молчала*).

Буслаевна. Что ты, моя красавица?

Надежда. Такъ, ничего, бабушка... Вы вдругъ подошли—такъ я испугалась.

Буслаевна. Ну вотъ, Таропушка, наша новая гостья! Спой что-нибудь, да развесели ее; только смотри, голосистый соловьюшко, не ударь себя лицомъ въ грязь!

Таропъ. Изволь, матушка Буслаевна, споемъ; и если ты, красная дѣвица—имени-отчества твоего не вѣдаю,—до удалыхъ пѣсенекъ охотница, такъ авось мое мурлыканье придетъ тебѣ по сердцу... Что-бы вамъ спѣть-то?... Да!... (*Поетъ*).

Ты не плачь, не плачь, моя голубушка!

Не слези свое лицо бѣлое:

Не загибь, не пропалъ твой сердечный другъ...

Буслаевна. И, полно! Что это за пѣсня!... Да отъ нея тоска возьметъ... Не правда-ли, моя красавица?

Надежда. Нѣтъ, бабушка, пѣсня хороша.

Таропъ. Да изволь, Буслаевна, споемъ тебѣ и другую. Только смотри, ужь не мѣшай, а не то я вовсе пѣть не стану. Ну, слушайте!

ПѢСНЯ.

Ужъ какъ вѣть, вѣть вѣтерокъ,

Пробираясь по лѣсу,

По кусточкамъ онъ шумить,

По листочкамъ шелеститъ,

По дужечкамъ перепархиваетъ...

То запашетъ онъ прохладю,

То засвищетъ онъ соловьемъ;

Онъ несетъ къ дѣвицѣ вѣсточку

Отъ сердечнаго друга,

Онъ ей шепчетъ на ухо:

*

* *

„Тяжко, тяжело было молодцу,

„Да товарищъ выручилъ!

„Ты не бойся, моя радость,

„Не грусти, моя краса...

„Не найдутъ меня злодѣи,

„Не отыщутъ мой приютъ“...

Буслаевна. Полно, Тароушка, перестань! И эта пѣсня мнѣ не по-сердцу... Ну что въ ней хорошаго?

Надежда (*въ сторону*). Онъ живъ!... О! благодарю Тебя, Всевышній!

Таропъ. Что въ ней хорошаго!... Ой-ли!... Такъ пой-же сама, коли лучше знаешь!

Буслаевна. Ну вотъ и разсердился!

Таропъ. Разсердился, не разсердился, а ужъ пѣть больше не стану.

Буслаевна. И, что ты, мое красное солнышко!... Ну добро, добро, допѣвай хоть эту.

Таропъ. Нѣтъ, бабушка, пой сама.

Т Р И О.

Буслаевна.

Полно, свѣтикъ, не сердися!
Пой, что хочешь, я молчу.

Таропъ.

Нѣтъ, и слушать не хочу!

Буслаевна.

Эй, голубчикъ!...

Таропъ.

Отвяжися!

Надежда (*въ сторону*).

Я робью, трепещу!

Буслаевна.

Я люблю тебя сердечно!

Таропъ.

Благодарень буду вѣчно;
Только пѣть я не хочу!

Надежда (*въ сторону*).

Ты спасень, мой ненаглядный!...
Слава вѣчному Царю!

Буслаевна.

Я кафтанъ тебѣ нарядный,
Золотистый подарю!
Ты одѣнешься, какъ баринъ,
Въ византійскую парчу!

Таропъ.

Очень много благодарень;
Только пѣть я не хочу!

Буслаевна.

Накормлю тебя я кашей,
Браги крѣпкой насычу...

Таропъ.

Очень много ласки вашей;
Только пѣть я не хочу!

Буслаевна.

Полно, свѣтликъ, не сердися!
Сной, голубчикъ!...

Таропъ.

Отвяжися!

Буслаевна.

Я тебя вѣдь не учу—
Пой, что хочешь...

Таропъ.

Такъ зачѣмъ-же ты вѣшала,
Коли пѣсня хороша?

Не хочу!

Буслаевна.

Виновата! Вздоръ сказала!
Твоя пѣсня хороша.

Вмѣстѣ.

Надежда.

Ахъ! какую вдругъ надеждой
Вся наполнилась душа!

Буслаевна. Да полно! спой что-нибудь!

Таропъ. Нѣтъ, нѣтъ! ни за что!

Буслаевна. Экій, дѣшій упрямый!

Таропъ. Не прогнѣвайся, родомъ такъ. А пѣсня-то какал знатная! Я вѣдь пропѣлъ вамъ только начало, а тамъ поется, какъ красная дѣвица сидитъ у окна касацатаго и поджидаетъ своего суженаго; какъ онъ явится подь вечерокъ къ ней на выручку; какъ выхватить ее изъ високаго терема и умчится съ ней за тридевять земель... А конецъ-то какой!—конецъ!... Ну, да что тутъ говорить! Сама не захотѣла слушать.

Буслаевна. Да кто-жъ зналъ, что ты такой уродъ неотесанный!... И то сказать—большая невидаль твои пѣсни! Туда жъ, ломается, какъ будто-бы Соловей Будимировичъ какой! А что твои пѣсни-то?... Дрянъ!... Пойдемъ, голубка! вотъ и солнышко совсѣмъ закатилось—пора по домамъ... Вишь, боярнякъ какой! Слушать не хочетъ!... Ну, что зубы-то скалишь? Много васъ этакихъ гудочниковъ здѣсь шатаются!... Что стала? Ступай, ма-

тушка! Да у меня, смотри, не вздумай опять ревѣть, а не то вѣдь я тебя какъ-разъ донцемъ поподчую! (*Уходитъ съ Надеждой*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Таропъ и Часовой (*на стѣнѣ*).

Таропъ. Чай Всеславъ давно ужъ въ этой рошѣ... Ну, заварили мы съ нимъ брагу, какъ-то расхлебаемъ!... Кажется, Надежда поняла меня... Да вотъ этотъ проклятый сторожъ... словно бѣльмо на глазу!... Эй, товарищ!

Часовой (*на стѣнѣ*). Что тебѣ надобно?

Таропъ. Такъ, любезный! Хотѣлъ спросить: неужели тебѣ не надобно сноватъ взадъ и впередъ по этой стѣнѣ?

Часовой. Такъ приказано.

Таропъ. И ночью также?

Часовой. А ночью-то насъ ходять двое.

Таропъ. Вотъ что!... Ой, худо! (*внимая изъ кармана флягу*). Кабы ты, товарищъ, сошелъ сюда на часокъ, такъ мы бы съ тобою винца хлебнули.

Часовой. Спасибо! Я не пью.

Таропъ. Не пьешь!.. Ой, худо!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Вышата, Садко, Юрка, служители, работники и работницы, въ числѣ послѣднихъ нѣсколько старухъ.

Вышата (*служителямъ*). Слушайте, братцы! И вы всѣ, мамки, няньки и работницы! Завтра, чѣмъ свѣтъ, пожалуетъ къ намъ, въ село Предиславино, повеселится соколиною охотою, нашъ государь, великій князь Святославъ Игоревичъ: смотрите, чтобъ все было въ порядкѣ, чисто прибрано, чтобы пылинки ни на чемъ не было... Э!... Таропка-голованъ! Ты здѣсь?... Зачѣмъ изволишь пожаловать?

Таропъ. Да соскучился, батюшка! Давно не видалъ вашей милости.

Вышата. Спасибо, братъ!... Поди-ка сюда (*выходитъ вмѣстѣ съ Таропомъ впередъ*). Послушай, Таропушка! Ты, чай, слышалъ, какихъ дѣлъ надѣлалъ княжескій отрокъ Всеславъ?

Таропъ. Слышалъ, бояринъ, и подивился!... Экій сорви-голова, подумаешь!...

Вышата. Вотъ ужъ его цѣлыя сѹтки ищутъ, да найти не могутъ... Ты вездѣ шатаешься, Таропушка,—не слышалъ ли ты отъ кого-нибудь куда онъ спрятался?

Таропъ. Нѣтъ, бояринъ, я никого объ немъ не спрашивалъ... да и что мнѣ за дѣло до этого!

Вышата. Ой-ли? кой прахъ! Да вѣдь ты, кажется, любилъ его?

Таропъ. А вотъ, какъ бы сказать твоей милости... не любить мнѣ его было не за что, да и добромъ-то не чѣмъ вспомнѹть; пѣсенъ моихъ онъ не жаловалъ—и я сродясь отъ него ласковаго слова не слышалъ. И то сказать, мы за этимъ не гоняемся: кто богатъ да тароватъ — наши пѣсенки слушаетъ да казны своей не жалѣетъ, тотъ и до насъ ласковъ, а кто ласковъ, того и любимъ.

Вышата. Эко дѣло, подумаешь!... Словно сквозь землю провалился!... Да не уйдетъ-же онъ, разбойникъ! По всѣмъ дорогамъ разосланы гонцы; а если онъ гдѣ-нибудь около Кіева придерживается, такъ мы его какъ-разъ сослѣдимъ. У меня есть пріятельница-старушка, по прозванію Вахрамѣвна; говорятъ, будто она вѣдьма, да и я тоже думаю... всю подноготную знаетъ!... Коли этого Всеслава не поймаютъ сегодня, такъ завтра я самъ къ ней пойду, ударю ей челомъ—и она мнѣ укажетъ пальцемъ, гдѣ онъ спрятался, хотя-бы это было на днѣ морскомъ... Э! да солнышко-то совсѣмъ сѣло. Пойди посмотриѣть, все-ли прибрано въ княжеской опочивальнѣ. Кто знаетъ, неравно государь великій князь переночевать сюда пожалуетъ... А ты, Таропушка, покамѣстъ я не позову тебя къ себѣ, повесели нашу дворню.

Таропъ. Изволь, бояринъ! Рады тѣшить добрыхъ людей. *(Вышата уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Таропъ, Садко, безобразный и горбатый старикъ, Юрка и проч.

Таропъ. Ну, что, ребяташки? Пѣсенокъ моихъ хотите что-ль послушать, или сказочку вамъ рассказать?... Ба, ба, ба! другъ сердечный! господинъ Садко! По-добрѹ-ли по-здоровѹ? Да пожалуй сюда! *(Выводитъ его за руку впередъ)*. Дай на себя полюбоваться!... И гдѣ такіе красавцы родятся!... *(Всѣ смѣются)*.

Садко *(вырываясь)*. Пошелъ, скоморохъ!... Шутѣ съ тѣмъ, кто самъ съ тобою шутить!

Таропъ. Да полно-же, не сердись, мое красное солнышко съ изъянчикомъ! (*Всѣ смѣются*).

Юрка (*смѣясь*). Экій заноза-парень, подумаешь! Нѣтъ, нѣтъ, да и царапъ! А все вѣдь до тебя добирается.

Садко. До меня?... Ахъ ты, проклятый гудочникъ! Смотри, чтобъ до твоей спины не добрались!

Таропъ. До моей спины добраться не трудно, любезный— гуляй по ней, какъ по чистому полю; вотъ до твоей, такъ и самъ чортъ не скоро доберется, вишь, у тебя и спереди и сзади какія засѣки!

Садко. Слушай ты, балясникъ!

Юрка. Полноте, полноте!... Что вы, братцы!... Не тронь его, Таропушка! вишь онъ какой неповадивый! Расскажи-ка намъ лучше какую-нибудь сказочку.

Таропъ. Изволь, любезный; за этимъ дѣло не станеть, лишь только слушайте! Да не тѣснитесь, братцы! Станьте ко мнѣ всѣ лицомъ, сюда, къ сторонкѣ... Вотъ такъ. (*Становитъ всѣхъ къ самой стѣнѣ*). Да уговоръ лучше денегъ — слушать, такъ слушать!

Юрка. Тише, тише! Полноте шумѣть!

Таропъ (*береть балалайку и дѣлаетъ на ней нѣсколько аккордовъ*). Трамъ! трамъ! трамъ! Эхъ вы, удалые молодцы съ просѣдью! Есть у меня про васъ сказочка, ее старики былью зовутъ; мнѣ рассказываль ее ученый котъ, а лиса подсказывала. Слушайте мою быль, люди добрые и молодцы и красныя дѣвицы! (*Обращаясь къ одной старухѣ*). А ты, бабушка, на молодца не заглядывайся. Слушать-то мои сказки слушай, а изподтишка мнѣ не подмигивай. (*Всѣ смѣются*).

Старуха. Ахъ ты, озорникъ, озорникъ!.. Вишь, что выдумаль!

Таропъ. Рассказать-ли вамъ, ребятушки, какъ добрый молодець, Всемиль, выручилъ свою суженую, красную дѣвицу Любашеньку изъ злодѣйскихъ рукъ славянскаго боярина Карачуна, который захватилъ ее обманомъ и хотѣлъ жениться на ней силою? (*Обращаясь къ часовому*). Эй ты, товарищъ, да послушай и ты моей сказочки! вѣдь тебя не убудеть, коли ты повернешься къ намъ лицомъ, да постоишь хоть часокъ на одномъ мѣстѣ.

Часовой (*повертываясь къ Таропъ и облокотясь на копьѣ*). Изволь, любезный! Я люблю сказки слушать.

Таропъ. А коли любишь, такъ смотри-же, молодець, слушай, да по сторонамъ не зѣвай! (*Бьетъ пальцами по струнамъ балалайки*). Трамъ, трамъ, трамъ! Начинается сказка, отъ бурки, отъ вѣщей каурки, отъ молодецкаго посвиста, отъ богатырскаго поѣзда, — а это не сказка, а присказка; сказка будетъ впереди... Слушайте!

Ф И Н А Л Ъ.

Хоръ.

Всѣ въ кружокъ поскорѣ,
По верхамъ не глядѣть,
И стоять посмирнѣ,
Не жьшать, не шумѣть!

Таропъ.

Близко города Славянска,
На верху крутой горы,
Знаменитый жилъ бояринъ
По прозванью Карачунъ.
Въ его теремъ высококъ,
Словно пташка въ западнѣ,
Изнывала въ злой неволѣ
Красная дѣвица душа.

Хоръ.

Сказка будетъ хороша!

Таропъ.

Поздно вечеромъ однажды,
У косяцата окна,
Сиротиночка Любаша
Пригорюнившись сидитъ;
Она плачетъ, слезы льются,
Какъ потокъ шумать онѣ...
А все сердцу не отрада,
И не легче для него!

Хоръ.

Тише! Слушайте его!

(Въ теремъ открывається окно со стороны рощи и у него показывается Надежда.)

Таропъ.

Она смотреть въ ту сторону,
Гдѣ живетъ ея Всемиль—
Тамъ, далече, за Ильменемъ,
Онъ остался безъ нея!
Вотъ ужъ лѣто все проходить,
А объ немъ и вѣсти нѣтъ—
Знать забылъ свою невѣсту,
Знать женился на другой!

Хоръ

Что за голось золотой!

Таропъ.

Скоро полночь—она плачетъ
И на умъ нейдетъ ей сонъ;
Вотъ, вдругъ слышитъ, кто-то скачетъ...
Вотъ, ужъ близко... Это онъ!
Вотъ, подѣхалъ тихимъ шагомъ...
Въ домъ смирно... Нѣтъ огня...
Только водки за оврагомъ
Вожуть, глядя на коня.

Теперь слушайте, братья, да не пророните ни словечка!...

Хоръ.

Всѣ въ кружокъ поскорѣ,
По верхамъ не глядѣть,
И стоять посмирнѣ,
Не мѣшать, не шумѣть!

Таропъ. Добрый молодецъ озирается кругомъ... все тихо!
Онъ подходитъ къ окну и даетъ условный знакъ—вотъ такъ:
разъ, два, три! (*Бьетъ въ ладоши, и въ эту самую минуту за стѣной показывается Всеславъ, приставляетъ къ терему мѣст-
ницу. Надежда спускается изъ окна; онъ ее принимаетъ, вмѣстѣ
съ ней сходитъ внизъ и исчезаетъ за деревьями. Все это происхо-
дитъ въ то время, какъ Таропъ допытываетъ свою тѣню*). Слу-
шайте! Слушайте!

Вдругъ, откуда не взялся,
Двое витязей другихъ...
Разомъ лѣстницу къ окошку,
Приставляютъ молодцы.
Чтожъ бояривъ? Почиваетъ,
Его слуги? Также спать...
Одинъ стражъ стоитъ на вышкѣ
И мурлычить про себя.

* * *

Вотъ залаяли собаки
И проснулся Карачунъ...
Вотъ хватился онъ Любани..
Ея нѣтъ... Ахти, бѣда!
Всѣ на коней—и въ погоню...
Да ужъ поздно—нѣтъ слѣда!

* * *

Спусти лѣто, по малину
Въ лѣсъ не ходятъ никогда.

Хоръ.

Что за сказка! Хоть куда!
Да, да!
Спусти лѣто, по малину
Въ лѣсъ не ходятъ никогда!

Юрка.

И такъ они ушли въ окошко?

Таропъ.

Ушли.

Сядко.

И стражъ ихъ не видалъ?

Таропъ.

Да, онъ ихъ прозѣвалъ.

Часовой.

Вотъ это чудно мнѣ немножко!

Такъ, стало быть, онъ былъ дуракъ?

Таропъ.

Ужъ вѣрно такъ!

Юрка.

Ну, а конецъ какой случился?

Таропъ.

Вѣстимо ужъ какой: Всемиль на ней женился.

Привезъ ее домой,

Созвалъ свою родню—и задалъ пиръ горой!

(Приплясываетъ.)

Заходили чарочки по столу!

Заплясали молоды по горенкѣ!

Гей! жги, говори,

Договаривай!

Хоръ.

Гей! жги, говори

Договаривай!

Таропъ.

Старые дѣды въ присядку пошли,

А старухи поддурмянились!

Гей! жги, говори,

Договаривай!

Хоръ.

Гей! жги, говори,

Договаривай!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ТЪ-ЖЕ И БУСЛАЕВНА.

Буслаевна.

Погибла я! Погибла!
Прощайся съ головой!

Хоръ.

Скажи, скажи скорѣе.
Что сдѣлалось съ тобой?

Буслаевна.

Пропала я! Совсѣмъ пропала!

Хоръ.

Да что?

Буслаевна.

Надежда убѣжала!

Хоръ.

Надежда убѣжала!

Буслаевна.

Ушла! Совсѣмъ ушла!

Хоръ.

Ахти, бѣда! Ахти, ребята!
Приходить нашъ послѣдній часъ!
И злой бояринъ нашъ Вышата
Прекажетъ всѣхъ повѣсить насъ!

Таропъ *(съ сторону)*.

Ахти, бѣда! Охъ, плоховато!
Они найдутъ ее какъ-разъ!

(вслухъ).

Она съ ума сошла, ребята,
И просто всѣхъ морочить насъ!

} Выѣстъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

ТЪ-ЖЕ И ВЫШАТА.

Вышата.

Что здѣсь за шумъ? Мнѣ нѣтъ покоя!

Хоръ.

Бѣда! Ужасная бѣда!

Вышата.

Да что случилось?.. Что такое?

Хоръ.

Мы всё пропали навсегда!

Вышата (*Буслаевна*).

Да отвѣчай хоть ты, старуха,
О чемъ вы вздумали кричать?

Буслаевна.

Нѣтъ! у меня не станетъ духа
Тебѣ, бояринъ, отвѣчать!

Вышата.

Скорѣй, сейчасъ все дѣло мнѣ сказать!
Не то, велю васъ всѣхъ перевязать!

Хоръ.

Что, братцы, прибыли молчать?
Узнай... Узнай... Надежда убѣжала!

Вышата (*пораженный*).

Надежда убѣжала!...

Буслаевна (*на комяхъ, съ воплем*).
Погибла я! Пропала!

Хоръ.

Бѣда! Пропали мы!

Таропъ.

Ахти, бѣда! Охъ, плоховато!
Они найдутъ ее какъ разъ!

Вышата (*въ бѣшенствѣ*).

А, а! теперь ты завизжала!

(*Работникамъ*.)

Сейчасъ ее найти, козь жизнь вамъ дорога!
Вы знаете меня: я милости не знаю!

(*Буслаевнѣ*.)

Тебя-же, старая корга,
Живую въ землю закопаю!

Хоръ.

Пойдемте скорѣе, пойдемте, ребята!
Пойдемъ искать ее сейчасъ!
Не то, бояринъ нашъ Вышата,
Прикажетъ всѣхъ повѣсить насъ!

Вышата.

Сыщите мнѣ ее, ребята!
И я вамъ денегъ дамъ сейчасъ...
Не то другая будетъ плата—
Всѣхъ приказу повѣсить васъ!

} Виѣсть.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ внутренность вѣтхой избы; въ одномъ углу стоитъ большая метла; на полкѣ сидитъ огромная сова; на столѣ мохнатый котъ; посреди избы, надъ желѣзной жаровнею, котель; передъ нимъ стоитъ Вахрамѣвна и мѣшаетъ длиннымъ ковшомъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Хоръ невидимыхъ духовъ.

Варись, варись зелье
На бѣду людей!
Будь чужимъ отравой,
Своихъ ве губи!

МЕЛОДРАМА.

Вахрамѣвна.

Чуръ меня! Чуръ!
Есть у меня сто словъ
Съ приговорками,
А изъ тѣхъ-ли словъ
Три слова заповѣдныя...
Какъ шепну одно—

Ходуномъ земля пойдетъ;
Какъ другое скажу—
Звѣзды ясны запрялаютъ,
А какъ третье вымозвлю,
Да перекинуся
Черезъ двадцать ножей,—
Такъ и солнце затуманится!

* * *

Чуръ меня! Чуръ!

Хоръ невидимыхъ духовъ.

Варись, варись зелье
На бѣду людей!
Будь чужимъ отравой,
Своихъ не губи!

Вахрамѣвна. Ну вотъ, почти готово! Будеть чѣмъ
поль-Кіева испортить! Милости просимъ!... Кто хочетъ приходи—
рада служить нашимъ снадобьемъ! Теперь понашептать, такъ
и дѣло съ концомъ!

А кто выпьетъ, тому худо!
Чтобъ не спалось ему и не ѣлося;
Чтобъ черная немочь его,
Какъ осину горькую, скорбила;
Чтобъ сухота, какъ могильный червь,
Источила его заживо,
А лиходѣйка-тоска сердце выѣла;
Чтобъ засохъ онъ, какъ былиночка,
И зачахъ, какъ голодный песъ;
Чтобъ сестрицы мои
Поплясали и потѣшились
Надъ его могилю,
Повалялися, покаталися
На его бѣлыхъ косточкахъ!

Хоръ духовъ.

Мы попляшемъ и потѣшимся
Надъ его могилю!
Поваляемся, покатаемся
На его мы косточкахъ!

(Ударъ въ тамтамъ. Жаровня проваливается.)

Вахрамѣвна. Чу! сторожевой вѣсточку подасть... Эй,
вы, сволочь! Молчать!... Ого... русскимъ духомъ запахло!... Да
это никакъ бояринъ Вышата? (Котъ сибається въ дугу и машеть
хвостомъ, сова хлопаетъ крыльями и у обоихъ глаза начинаютъ
сверкать.) Шу, шу, вы!... Смирно!... Своихъ не трогать!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ВАХРАМЪВНА И ВЫШАТА.

Вышата. Здравствуй, бабушка!

Вахрамъвна. Милости просимъ, батюшка! Присядь, кормилецъ, отдохни!

Вышата. Ну, Вахрамъвна! Насилу я дотащился!

Вахрамъвна. А что, мое солнышко весеннее, зачѣмъ изволилъ пожаловать! Иль есть нуждица какая!

Вышата. Есть, бабушка, есть!...

Вахрамъвна. А что? Ужь не приглянулась-ли тебѣ какая красоточка? Такъ чтожь? Попытаемся... Ее не приворожу, такъ авось тебя отшепчу.

Вышата. Эхъ, нѣтъ, Вахрамъвна!

Вахрамъвна. А чтожь, кормилецъ? Чѣмъ себя губить, такъ лучше горю пособить.

Вышата. Не въ томъ дѣло! У насъ вчера, въ селѣ Предиславинѣ, сдѣлалась пропажа.

Вахрамъвна. Вотъ что!

Вышата. Что ни лучшая жемчужина изъ сокровища великокняжескаго сгибла да пропала!

Вахрамъвна. Какъ такъ?

Вышата. Да, бабушка; нынче ночью убѣжала наша первая красавица, и сманилъ-то ее опальный молодецъ, котораго теперь вездѣ ищутъ.

Вахрамъвна. Эка притча, подумаешь!... Сманивъ красавицу изъ села Предиславина!... Ну! видно этотъ опальный дѣтина заливная головушка!...

Вышата. Не отгадаешь-ли, бабушка, гдѣ онъ теперь съ нашей бѣглянкою?

Вахрамъвна. А какъ ее зовутъ, бояринъ?

Вышата. Надеждою.

Вахрамъвна. Надеждою?... Такъ она не нашей вѣры?

Вышата. Нѣтъ, она закона греческаго.

Вахрамъвна. Охъ, худо!

Вышата. А что, бабушка?

Вахрамъвна. Да такъ!... Христианка!... Эхъ неладно!.. Ужь это не на водицу шептать; придется старшаго потревожить!... А вѣдь не равень часъ: какъ онъ расходится—такъ ой, ой, ой!

Вышата. Какого старшаго?

Вахрамъвна. Не твое дѣло, батюшка! И то сказать—двухъ смертей не бывать, одной не миновать... Ну, такъ и быть!... Попытаюсь!... *(Беретъ со стола уюль и очерчиваетъ на*

полу кругъ). Войди-ка въ этотъ кругъ, бояринъ!... Вотъ такъ!
Да смотри, чтобъ тебѣ ни почудилось, а ты за черту ни ногой!

Вышата (*начиная трусить*).

Охъ, Вахрамѣевна! Меня что-то страхъ беретъ!

Вахрамѣевна. Небойсь, бояринъ! Коль ты будешь
стоять смирно, не шевелиться и ни о чемъ не спрашивать,
такъ съ тобою ничего не будетъ. Старшой не тронетъ, а всѣ
мелкіе его слуги подь моей рукой.

Вышата. Ну, то-то же, бабушка, смотри!

Вахрамѣевна. Говорять тебѣ, небойсь!

Вышата. Да ужь полно, воровать-ли намъ?...

Вахрамѣевна. Тсъ!...

О, ты, кого зовемъ мы Чернобогомъ,
Могучій князь, владыка вѣчной тьмы,
Кого никто безъ трепета не можетъ
Въ тиши ночной по имени назвать!
Къ молебъ моей ты долженъ преклониться...
Услышь меня! Яви свою намъ мочь:
Пусть соявпа свѣтъ немедленно затмится
И мрачная для насъ наступитъ ночь!

(*Моманіе. На сценѣ становится темно.*)

Пусть бури гласъ средь тучъ намъ скажетъ,
Что ты для насъ оставилъ свой чертогъ,
И пусть твой перстъ намъ истину укажетъ...
Слѣши, слѣши, о грозный Чернобогъ!

(*Ударъ грома. Тихая гармоническая музыка.*)

Невидимыхъ хоръ.

Вы исчезните, преграды!
Ты открыйся взорамъ, даль!
Вѣтеръ буйный пусть доноситъ
Къ намъ завѣтные слова!

(*Задняя стѣна избы исчезаетъ и сквозь флеръ открывается воз-
ражъ дикое мѣстоположеніе на берегу Днѣпра. Вдали Кіевъ. У
подножья высокой скалы Всеславъ и Надежда.*)

Вышата. Что я вижу!

Вахрамѣевна. Тсъ!...

Всеславъ (*за флеромъ*).

Нѣтъ, не близокъ часъ спаенья—
Избавитель нашъ найдеть!

Надежда.

О, не бойся! Провидѣнье
Насъ отъ гибели спасеть!

Всеславъ.

Ахъ, надежду всю теряю—
Нашимъ нѣтъ конца бѣдамъ!

Надежда.

Я на Бога уповаю—
Онъ не дастъ погибнуть намъ!

} Вместе.

(Ударъ грома. Виднѣе исчезаетъ. Громъ продолжаетъ гремѣть и буря часъ-отъ-часу усиливается.)

Вахрамѣевна. Ну что, бояринъ? Они ли?

Вышата. Они, бабушка, они!

Вахрамѣевна. Мѣсто-то хорошо-ли ты замѣтилъ?

Вышата. Какъ-же, бабушка! Урочище знакомое: близехонько отъ Аскольдовой могилы.

Вахрамѣевна. Такъ отправляйся-же скорѣе за ратными людьми, да не мѣшкай, бояринъ, а не то они какъ разъ у тебя межъ пальцевъ проскользнутъ!

Вышата. Иду, иду! Ой! да какая гроза, бабушка! Свѣта бѣлаго не видно!

Вахрамѣевна. Вѣдь я говорила тебѣ: потревожишь старшаго, да какъ онъ расходится, такъ только держись!

Вышата. А до села Предиславина не близко.

Вахрамѣевна. Постой, кормилецъ! Пойдемъ со мною—я выпровожу тебя на тропиночку, по которой ты мигомъ дойдешь до Предиславина.

Вышата. Пойдемъ, бабушка, пойдемъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ дикое мѣстоположеніе на берегу Днѣпра, часть котораго видна была сквозь флеръ. Всеславъ и Надежда стоятъ подлѣ скалы, на вершинѣ которой стоитъ Таропъ.

Всеславъ. Ну что, Таропъ?

Таропъ. Ъдетъ, ѡдетъ! Вотъ, присталь къ берегу... Идетъ!.. *(Сходитъ со скалы.)*

Всеславъ. Хвала Творцу! Мы спасены!

Надежда. Но мой отецъ...

Всеславъ. О! Мы увидимся съ нимъ, Надежда! Онъ найдеть наше убѣжище и навсегда останется жить съ нами.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и Неизвѣстный (*выходя изъ-за скалы*).

Неизвѣстный. Скорѣй, Всеславъ, скорѣй!... За Днѣ-промъ дожидается насъ вѣрная дружина и черезъ нѣсколько дней мы будемъ въ станѣ печенѣговъ.

Всеславъ. Поспѣшимъ. Надежда!

Неизвѣстный. Постой! Ты долженъ прежде поклясться, что возстанешь на Святослава и покинешь законъ, который превратилъ тебя, удалого витязя, въ робкаго младенца.

Надежда. Милосердный Боже!

Всеславъ. Какъ! Чтобъ я поднялъ мечъ на моего государя и благодѣтеля!... Чтобъ я отрекся отъ Господа!...

Неизвѣстный.

Да, да! возстань на Святослава
И греческій покинь законъ.

Всеславъ.

На что мнѣ русская держава?
Зачѣмъ? Пусть ей владѣть онъ.

Неизвѣстный.

О, стыдъ!

Всеславъ.

И можно-ль мнѣ рѣшиться
Его всѣ милости забыть!...

Неизвѣстный.

Но кровь за кровь должна пролиться.
Всеславъ! Ты долженъ отомстить!

Надежда (*Всеславу*).

О, милый другъ! Онъ насъ прельщаетъ!...
Не вѣрь ему—онъ нашъ злодѣй!
Его устами намъ вѣщаетъ
Врагъ Господа и врагъ людей!

Неизвѣстный.

Для васъ нигдѣ не будетъ мѣста,
Не будетъ радости былой.
Погибнешь ты! Твоя невѣста
Съ тоски умретъ въ неволѣ злой.
Отмсти и будешь ты на тронѣ
И станешь въ Кіевѣ княжить!

Надежда.

Всеславъ! Всеславъ! будь твердъ въ законѣ!
И помни—намъ не вѣчно жить!

Неизвѣстный.

Тебя погибель ожидаетъ...
Всеславъ, ты самъ себѣ злодѣй!

Надежда.

Какъ злобный духъ онъ обольщаетъ,
Не вѣрь ему, онъ пашъ злодѣй!

Всеславъ.

Невинныхъ Богъ одинъ спасаетъ,
Иль нѣтъ защиты у людей.

}
}
} Вмѣстѣ.

Таропъ (*выбывая изъ-за кулисъ*).

Бѣгите, бѣгите скорѣе!
Вышата съ дружиной идетъ!

Всеславъ и Надежда.

Погибли мы!

Таропъ.

Спасайтесь!

Всеславъ и Надежда.

Спѣши за мной!

Неизвѣстный (*останавливая*).

Куда?

Надеждой не ласкайтесь:
Васъ гибель всюду ждетъ!

Таропъ (*смотря въ даль*).

Бѣгите!... Онъ идетъ!

Неизвѣстный.

Еще одно мгновенье
И нѣтъ для васъ спасенья!

Всеславъ и Надежда.

Еще одно мгновенье
И нѣтъ для насъ спасенья!

Неизвѣстный.

Въ послѣдній разъ: или смерть, или тронъ?
Пойдешь-ли ты на Святослава
И свой оставишь-ли законъ?

Надежда.

О, Боже! Укрѣпи Всеслава!

Хоръ (*за кулисами*).

Сюда, товарищи, сюда!
Скорѣй къ Аскольдовой могилѣ!

Неизвѣстный.

Ты слышишь ихъ?

Таропъ.

Ахтн! бѣда!

Неизвѣстный.

Спасти тебя одинъ я въ силѣ...
Скорѣй рѣшительный отвѣтъ:
Идешь-ли ты со мною?

Всеславъ.

Нѣтъ!
Царю Небесному послушный,
Я не преступлю Его завѣтъ.

Неизвѣстный.

Такъ будь же проклятъ, малодушный!
Умри! Тебѣ спасенья нѣтъ!

(Уходитъ.)

Хоръ (за кулисами).

Сюда, товарищи, сюда!
Скорѣй къ Аскольдовой могилѣ!

Надежда. Мы погибли! Но ты устоялъ, Всеславъ—благодарю Всевышняго!

Всеславъ. Взбѣжимъ на этотъ утесъ, и если намъ не останется никакого спасенія, то бросимся въ Днѣпръ: быть можетъ Господь поможетъ намъ; быть можетъ я спасу тебя, Надежда!

Надежда. А если нѣтъ... Такъ чтожь, мой ненаглядный?... Лучше смерть, чѣмъ позоръ и разлука съ тобою! (Взходитъ на утесъ. Буря усиливается).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же, Вышата и воины.

Вышата. Стойте, ребята, вотъ они!

Надежда. Скорѣй, мой другъ! Скорѣй!... Мы обвиняемся тамъ (указывая на Днѣпръ). И Днѣпръ будетъ наше брачное ложе!

Вышата. Сдавайся, разбойникъ!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ-же, Стемидъ, за нимъ Алексѣй, рыбаки и всѣ христіане и христіанки.

Стемидъ (*Вышатъ и воинамъ*). Именемъ великаго князя— остановитесь!

Алексѣй. Надежда! Дочь моя!

Стемидъ. Всеславъ! Ты прощень!

Всеславъ (*сходя съ Надеждою съ утеса*). Возможно-ли?

Стемидъ. И государь великій князь дозволяетъ тебѣ же- ниться на твоей невѣстѣ.

Вышата. Какъ?... Что?...

Стемидъ. А вотъ какъ, бояринъ: я бросился къ ногамъ великаго князя, рассказалъ ему все. Онъ тронулся моими сле- зами, простилъ Всеслава и уступилъ ему Надежду.

Вышата. Вотъ тебѣ разъ!... Да полно, правда-ли это?

Стемидъ. Я не въ тебя, бояринъ: лгать не люблю.

Вышата. Ну, если такъ, то намъ здѣсь и дѣлать нечего; да видишь, и погода-то какъ расходилась! По домамъ, ребята! (*Вышата и воины уходятъ*).

Алексѣй (*обнимая Надежду и Всеслава*). Надежда! Все- славъ! мы опять вмѣстѣ!... опять счастливы!... (*Неизвѣстный, по- казывается на челнокъ среди рѣки. Ужасная буря*).

Первый рыбакъ. Посмотрите-ка, что это тамъ, на Днѣпрѣ?

Второй рыбакъ. Кажись, кто-то въ челнокѣ!... Эва какъ его покачиваетъ!... Ну! быть бѣдѣ!

Первый рыбакъ. Да это никакъ тотъ самый... помнишь, что рассказывалъ намъ все про Аскольда?

Второй рыбакъ. Да, да! онъ и есть!... Ну, парень, не сдобровать ему!

Таропъ. Ахти! это мой бояринъ!

Всеславъ и Надежда. Это онъ!

Таропъ.

Ахти, мой бояринъ!

Погибъ ты совѣтъ!

Всеславъ.

Такъ точно! Несчастный!

Онъ тонетъ въ рѣкѣ!

Надежда и Алексѣй.

О, Боже! помилуй

И казнь удержи!

} Вмѣстѣ.

Хоръ и всѣ.

Смотрите, смотрите,
Какъ хлещетъ вода,
Какъ страшно бросаетъ
Волною челнокъ!
Напрасны усилья,
Погибель близка...

(Молнія падаетъ на челнокъ; онъ исчезаетъ въ волнахъ.)

Глядите, онъ тонетъ!
Несчастный погибъ!

Надежда (*Всеславу*).

Онъ погибъ, а мы счастливы!
О, Всеславъ, Великъ Господь!

Алексѣй.

Онъ великъ—Ему и слава!
Ниспошлетъ Онъ вѣры свѣтъ
На потомство Святослава,—
И хранить Его завѣтъ
Станетъ русская держава!

Общій хоръ.

Спаси, Господь, своихъ людей!
Храни Царя, храни державу!
Да не наступитъ нашъ злодѣй
На русскій мечъ, на нашу славу!

К О Н Е Ц Ъ .

ТОСКА ПО РОДИНѢ

О П Е Р А

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

СЮЖЕТЪ ВЗЯТЬ ИЗЪ РОМАНА М. Н. ЗАГОСКИНА

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ ПРОЛОГѢ:

Зарѣцкій, дядя Лидиной.

Лидица.

Сидячая, ея пріятельница.

Завольскій.

Зимогоревъ.

Никаноръ, слуга Завольскаго.

Панкратій, дворецкій Зарѣцкаго.

Неизвѣстный.

Слуги, крестьяне, крестьянки, гости.

Дѣйствіе происходитъ въ подмосковной Зарѣцкаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ВЪ ОСТАЛЬНЫХЪ АКТАХЪ.

Корехидоръ, андалузскаго города Альмерін.

Розалія, жена его.

Пахита, служанка ея.

Завольскій.

Красноярскій, капитанъ фрегата.

Никаноръ.

Донъ Педро.

Діего.

Аловзо.

Хорде.

Фернандецъ.

Пахомо Троводоръ

Лоцманъ.

Алгвазиль.

Слуги Корехидора, крестьяне, крестьянки и матросы.

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

или прологъ.

Театръ представляетъ подмосковную Зарѣцкаго; на первыхъ планахъ съ правой стороны отъ зрителей частыя деревья; близъ аван-сцены кустъ сирени. Съ лѣвой стороны тоже деревья; на второмъ планѣ тоже китайская бесѣдка, за ней кусты бузины, сирени и воздушныхъ жасминовъ. Въ глубинѣ театра рѣка Клязьма, за ней, къ правой сторонѣ, на отлогой горѣ, большой одно-этажный домъ, съ бельведеромъ; съ лѣвой стороны водяная мельница, вдали за ней открытыя мѣста, села и чуть видный боръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Приказчикъ, ПАНКРАТІЙ, КРЕСТЬЯНЕ, КРЕСТЬЯНКИ и вскорѣ НИКАНОРЪ. *(При поднятіи занавѣсы крестьяне убираютъ цвѣтными фонариками бесѣдку и разставляютъ кой-идь шкалики. На дворѣ еще свѣтло, но начинается смеркаться).*

Хоръ крестьянъ.

Вотъ ужъ солнышко садится,
Все становится темнѣй.
Ну, ребята, не лѣниться,
Принимайтесь дружнѣй.

Панкратій.

Что вы? братцы, негодится:
Ставьте шкалики ровнѣй.

Хоръ крестьянъ.

Вотъ ужъ солнышко садится,
Все становится темнѣй.
Ну, ребята, не лѣниться,
Принимайтесь дружнѣй.

Никаноръ (*входитъ съ правой стороны отъ зрителей*).

Панкратій Сядоричъ! Вы здѣсь? Мое почтенье!

Панкратій.

Желаю здравія, любезный Никаноръ!

Никаноръ.

Вы все хлопчете?

Панкратій.

Здѣсь будетъ освѣщенье.

Когда окончите, такъ всё на барскій дворъ! (*Крестьянамъ.*)

Никаноръ.

Да здѣсь, я вижу, не на шутку
Сегодня будутъ пировать!

Панкратій (*крестьянамъ*).

Нельзя оставить на минутку,
Опять вы начали зѣвать!

Никаноръ (*Панкратью*).

У васъ, я вижу, не на шутку
Сегодня будутъ пировать.
Ну, баринъ вашъ большой проказникъ
И деньги тратитъ безъ пути;
Когда-жъ затѣетъ дать онъ праздникъ,
Такъ съ нимъ ужъ видно не шутя!

Панкратій.

Да, если онъ затѣетъ праздникъ,
Такъ съ нимъ ужъ видно не шутя.

(*Крестьянамъ*).

Все готово?... Такъ ступайте
Поскорѣй на барскій дворъ,
Да проворѣй освѣщайте
И ворота и заборъ.

Хоръ крестьянъ.

Мигомъ будетъ все готово,
Ты надѣйся ужъ на насъ.
Не введемъ тебя мы въ слово
И все сдѣлаемъ какъ разъ.

(*Крестьяне уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ПАНКРАТІЙ И НИКАНОРЬ.

Панкратій. Да, Никаноръ Федотычъ, сегодня у насъ пиръ горой, освѣщенье, фейерверкъ, музыка такая, музыка роговая, пѣсельники!... Да, любезный, ты, чай, сродясь такихъ чудесъ не видывалъ

Никаноръ. Кто, я? Нѣтъ, Панкратій Сидорычъ—и почище видали—вѣдь мы съ бариномъ мыкались, мыкались по свѣту! Гдѣ мы не бывали, чего не видали?

Панкратій. Такъ вы жили не въ Петербургѣ?

Никаноръ. Какой Петербургъ! Прошлый годъ по нѣмецкимъ землямъ ѣздили, въ городѣ Берлинѣ были, въ Керсхебергѣ, а нынче весною катались моремъ въ Англію.

Панкратій. Вотъ что! Ну, что, братъ, англичане народъ хорошій?

Никаноръ. Хорошій народъ, любятъ попить, повеселиться—и въ кулачки знатно дерутся. Вотъ однажды, какъ мы были въ ихъ главномъ городѣ—пошелъ я въ харчевню пообѣдать. Подали мнѣ каравай хлѣба, часть говядины, да кружку пива. Вотъ я сажу себѣ да ѣмъ. Вдругъ откуда ни возьмись какой-то приземистый мусью въ синемъ сюртукѣ, сталь противъ меня, да и ну зубы скалить, да и говоритъ: «Френштъ докъ! Френштъ докъ!» Что такое, подумалъ я, ужь не хозяйнѣли это? Видно спрашиваетъ, хорошѣ-ли столъ! Я ему кивнулъ головой и говорю: «славная, хозяйнѣ, говядина, славная!» А онъ такъ и умираетъ со смѣху. Вотъ подѣлъ ко мнѣ матросъ и заговорилъ со мной по-русски—плохо, а разобрать можно. Онъ, изволишь видѣть, долго жилъ въ Питерѣ. Послушай, камрадъ, молвилъ я, что этотъ краснорожій-то все ухмыляется, да говоритъ мнѣ: «френштъ докъ», — что это по нашему? Да, не хорошо, онъ тебя называетъ французскою собакою. Какъ такъ? За что? Ахъ, онъ разбойникъ! Скажи ка, братъ, ему, чтобъ онъ отвалилъ, а не то вѣдь я какъ разъ зубы пересчитаю. Матросъ пробормоталъ что-то по своему, гляжу: этотъ бунянь сюртукъ долой, да и рукава засучивать. Э! братъ, такъ ты хочешь раздѣлаться по нашему? Изволь! я не прочь! И я долой куртку. Вотъ всѣ сбѣжались и стали около насъ кружкомъ. Мы вышли другъ противъ друга. Толстякъ наклонилъ голову словно быкъ, началъ вертѣть кулаками, дѣлать разныя штуки, да вдругъ какъ свиснетъ меня подъ салазки, хорошо! Я хотѣлъ обезпокоить его по становой, да нѣтъ, увертливъ. Я разъ, я два—все мимо. А онъ шолкъ, да шолкъ! Ахъ, чортъ возьми, досадно! Постой-же, проклятый басурманъ! Вотъ вижу, что онъ нароч-

тится съѣздить меня по рожѣ—я какъ будто оплошалъ, а онъ размахался, размахался, да какъ хлысты! Я въ сторону, да на отманку-то его царапъ подъ самое дыханье—онъ и захлебнулся, глаза посоловѣли, руки опустились,—а стойтъ! А я думаю про себя, врешь, мусью, упадешь! Такъ и есть, покачался, покачался, да и грохъ о землю! Вотъ тутъ-то я немного струхнулъ! Ну, какъ изъ него душа-то вонь! Ну, какъ за него заступятся? Куда заступиться! Всѣ начали жать мнѣ руку, по садили за столъ, да ну-ка подчивать пивомъ, виномъ, а вино-то лучше нашего, такое забористое! Я пью, а они кричатъ по своему ура! стучать ногами — шумъ, гамъ—ну, нечего сказать, честно поступили. —хъ жаль, что они по нашему не разумѣютъ, а вѣдь, что ни говори, бравый народъ!

Панкратій. А во Франціи-то, Никаноръ Федотычъ, вы были?

Никаноръ. Какъ-же! И съ французами жить можно: народъ ласковый, веселый, разгульный, только больно чванчивы—всякій чумичка въ бары лѣзетъ

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ-же и Зимогорьевъ.

Зимогорьевъ. Ба, ба, ба, что это? Никаноръ!

Никаноръ. Да, батюшка, Николай Степановичъ! Это я!

Зимогорьевъ. А твой баринъ?

Никаноръ. И онъ также здѣсь, сударь.

Зимогорьевъ. А я думалъ, что вы давнымъ-давно въ Испаніи. Три мѣсяца тому назадъ я получилъ изъ Петербурга отъ твоего барина письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что черезъ два дня садится на корабль.

Никаноръ. Какъ-же-съ! совсѣмъ было уѣхали въ эту Гишпанію.

Зимогорьевъ. Чтожъ вамъ помѣшало?

Никаноръ. Мало-ли что, сударь,—во-первыхъ... Да вотъ и баринъ! Онъ вамъ самъ лучше расскажетъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ-же и Завольскій.

Завольскій *(не видя Зимогорьева.)* Ты здѣсь, Никаноръ? Возьми эту книжку, отнеси въ мою комнату *(подастъ книжку Никанору, онъ беретъ и уходитъ вмѣстѣ съ Панкратьемъ)*.

Зимогорьевъ (*подходит тихо къ Завольскому*). Влади-
миръ!

Завольскій. Что я вижу?... Зимогорьевъ! (*обнимаются*.)

Тебя-ль я вижу, другъ сердечный,
Товарищъ жизни боевой,
Гусарь веселый и безпечный
И мой начальникъ фронтовой!

Зимогорьевъ.

Прошли бивачныя потѣхи.

Завольскій.

А твой черкесскій конь удалый?

Зимогорьевъ.

Въ каретѣ ходить подъ рукой.

Завольскій.

А твой денщикъ—заветный малый?

Зимогорьевъ.

Въ отставку вышелъ на покой.

Зимогорьевъ и Завольскій.

Какъ сердцу весело при встрѣчѣ
Съ товарищемъ прошедшихъ лѣтъ,
Когда въ пылу кровавой сѣчи
Считались дни числомъ побѣдъ.

Завольскій.

А помнишь-ли, какъ мы въ Парижѣ
Съ тобой гуляли въ Тюльери,
А тамъ куда-нибудь поближе
Зайдемъ да хватимъ Селлери.

Зимогорьевъ.

Я пью теперь одну настойку
И русской фабрики медокъ.

Завольскій.

А что прощальную попойку
Въ Сент-Клу ты помнишь-ли, дружокъ?

Зимогорьевъ.

Все, душенька, давно забыто:
Мой бытъ на прежній не похожъ,
Курю вино, собираю жито,
Кошу траву и сѣю розъ.

Завольскій.

Что, цѣль-ли твой лорнетъ прелестный?

Зимогорьевъ.

Охота портить мнѣ глаза.

Завольскій.

А живъ-ли твой берегъ чудесный?

Зимогорьевъ.

Давно поставилъ на туза.

Вмѣстѣ.

Какъ сердцу весело при встрѣчѣ
Съ товарищемъ прошедшихъ лѣтъ,
Когда въ пылу кровавой сѣчи
Считались дни числомъ побѣд!

Зимогорьевъ. Да расскажи мнѣ, какъ ты сюда попалъ?

Завольскій. Я думаю, также, какъ и ты.

Зимогорьевъ. Я—дѣло другое; я вышелъ въ отставку, сталъ степнымъ помѣщикомъ, да вотъ съ мѣсяцъ тому назадъ купилъ и здѣсь имѣннице,—по сосѣдству съ Кузьмой Петровичемъ Зарѣцкимъ. Я пріѣхалъ съ нимъ познакомиться, а онъ упросилъ меня остаться ужинать и отпраздновать вмѣстѣ съ нимъ его именины. А ты вѣдь всегдашній петербургскій житель—и въ послѣднемъ письмѣ своемъ увѣдомилъ меня, что ѣдешь въ Испанію, чтобъ отдохнуть подъ ея благословенными небесами, погулять въ ея садахъ Эсперидскихъ и полюбоваться ея померанцевыми рощами.

Завольскій. Да, мой другъ, я точно былъ увѣренъ, что проведу все лѣто въ Андалузіи и можетъ быть навсегда тамъ останусь. Да наканунѣ моего отъѣзда мнѣ вздумалось прокатиться по Невѣ. На самой срединѣ рѣки наѣхала наша шлюпка на сафьянный ридикюль, который преспокойно плылъ по теченію. Мнѣ вздумалось поймать его, я свѣсилъ черезъ бортъ, сорвался, упалъ...

Зимогорьевъ. Ай, ай, ай!

Завольскій. И вѣрно-бы утонулъ, если-бъ не бросился въ воду и не вытащилъ меня одинъ морской офицеръ, который ѣхалъ позади насъ на яликѣ. Этотъ чудакъ чуть самъ не утонулъ, спасая меня отъ смерти, а не хотѣлъ даже спросить, кто я такой, и когда я началъ благодарить его, то онъ не сталъ меня слушать и тотчасъ уѣхалъ на своемъ яликѣ. Возвратясь домой, я занемогъ; три мѣсяца пролежалъ въ горячкѣ и когда выздоровѣлъ, то узналъ, что избавитель мой капитанъ-лейтенантъ Красноярскій, что онъ очень бѣдный человекъ, но что у него есть богатая сестра, отъ другого отца, которая ему помогаетъ,—что онъ ужасный недюдимъ, и что причиной этому

какая-то несчастная любовь. Мнѣ никакъ не удалось съ нимъ познакомиться; но я все-таки надѣюсь когда-нибудь съ нимъ встрѣтиться, и вѣрно узнаю, его лицо мнѣ очень памятно.

Зимогорьевъ. Я думаю.

Завольскій. Представь себѣ, я чуть не утонулъ — это правда, а вѣдь ридикюль-то вытащилъ изъ воды.

Зимогорьевъ. Это какимъ образомъ?

Завольскій. Онъ какъ-то зацѣпился снуркомъ за мою фрачную пуговицу.

Зимогорьевъ. Ну, дорого досталась тебѣ эта находка, да нашель-ли ты что-нибудь въ этомъ ридикюлѣ?

Завольскій. Много кой-чего—батистовый платокъ, хрустальный флакончикъ, черепаховую бонбоньерку и до половины размытое письмо, кажется, любовное.

Зимогорьевъ. Вотъ что!

Завольскій. Я разобралъ только, что какой-то мужчина пишетъ, разумѣется, къ той, которая потеряла ридикюль, что онъ безъ памяти ее любить и что есть какая-то тетушка, которой должно имъ остерегаться; съ начала до конца онъ говорить ей «ты», называетъ милымъ другомъ...

Зимогорьевъ. И прочее, и прочее! Но я еще не знаю, какимъ образомъ ты вмѣсто Андалузіи попалъ въ подмосковную къ Кузьмѣ Петровичу Зарѣцкому?

Завольскій. Кто разъ тонулъ, тотъ воды боится. Я рѣшился ѣхать сухимъ путемъ и завернулъ мимоѣздомъ въ Москву. Въ Москвѣ я познакомился съ Кузьмою Петровичемъ и влюбился въ его племянницу, Софью Павловну Лидину...

Зимогорьевъ. И раздумалъ ѣхать въ Андалузію?

Завольскій. Да, мой другъ, да! Если-бъ ты зналъ, какъ я ее люблю! Тихій и покойный берегъ Клязьмы, на которомъ она живетъ, зеленый лугъ, по которому гуляетъ, березовая роща, въ которой отдыхаетъ послѣ своей прогулки — вотъ мои сады Эсперидскіе, моя Андалузія, мой рай земной.

Зимогорьевъ. Ого, братъ! Да ты влюбленъ не на шутку, а любить она?

Завольскій. Не знаю.

Зимогорьевъ. Не знаешь? Такъ ты ее не спрашивалъ?

Завольскій. Нѣтъ, мой другъ, но я замѣтилъ, что при встрѣчѣ со мною глаза ея оживляются радостію.

Зимогорьевъ. Это не дурно.

Завольскій. Слушай меня, она улыбается такъ ласково, такъ привѣтливо.

Зимогорьевъ. Хорошо, хорошо!

Завольскій. Сегодня она увѣрила меня, что до сихъ поръ не чувствовала ни къ кому ни малѣйшаго предпочтенія.

Зимогорьевъ. И это не худо.

Завольскій. И что мое общество пріятнѣй для нея всякаго другого.

Зимогорьевъ. Ахъ, ты отставной гусарь! Чего-жъ еще тебѣ: скорѣй бухъ на колѣни, да и дѣло съ концомъ! Смѣлѣй, братецъ, смѣлѣй!

Завольскій. Да, смѣлѣй! тебѣ хорошо говорить: ты не влюбленъ.

Зимогорьевъ. А почему знать, можетъ быть и я влюбленъ. Вотъ, напримѣръ, эта барышня, что все ходитъ вмѣстѣ съ твоей Софьей Павловной, она мнѣ очень приглянулась — такая хорошенькая.

Завольскій. Это ея пріятельница, Любовь Дмитріевна Сицкая, она пріѣхала сюда погостить.

Зимогорьевъ. Что это она мнѣ показалась такою грустною?

Завольскій. Бѣдняжка!... она сирота, мой другъ, а злая тетка хочетъ ее выдать замужъ насильно и можетъ быть недѣли черезъ двѣ ее обвинчаютъ съ человѣкомъ, котораго она терпѣть не можетъ.

Зимогорьевъ. Охъ, эти тетки!... чу! Что это! (*Вдамы слышна духовая музыка*).

Завольскій. Это Кузьма Петровичъ катается въ шлюпкѣ по Клязьмѣ.

Зимогорьевъ. Съ духовой музыкой! Да онъ, какъ видно, живетъ баринкомъ, а племянница-то его тамъ-же?

Завольскій. Да, мой другъ.

Зимогорьевъ. А ты здѣсь гуляешь одинъ? Эхъ, братъ, плохой ты любовникъ.

Завольскій. Для меня не было мѣста.

Зимогорьевъ. Не было мѣста? Кому? Гусару? Посмотрѣлъ-бы я... Тѣфу ты пропасть! совсѣмъ забылъ, что я уже помѣщикъ, а ты сталъ какимъ-то пастушкомъ. (*Шлопка прістаетъ къ берегу, изъ нея выходятъ Зарѣцкій, Лидина, Сицкая и гости обоего пола.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Зарѣцкій, Лидина, Сицкая и гости.

№ 3.

Хоръ.

Ахъ, какъ весело кататься
Въ тихій вечеръ по рѣкѣ,
На природу любоваться
И послушать соловья!

Лидина.

Что за вечерь—удивленье!
Какъ тепло и хорошо!

Зарѣцкій.

То-то будетъ освѣщенье—
Вѣтру нѣтъ и ночь темна.

Завольскій (*Зимогорьеву*).

Можно-ль быть ея прелествѣй!

Зимогорьевъ.

Да, конечно, недурна.

Завольскій.

Замолчи, степной помѣщикъ,
Въ тебѣ вовсе нѣтъ души.

Хоръ.

Ахъ какъ весело кататься
Въ тихій вечеръ по рѣкѣ,
На природу любоваться
И послушать соловья!

Лидина (*Сицкой*).

Помнишь-ли, мой другъ, веспоку
Въ свѣтлый вечеръ, по рѣкѣ,
Мы катились съ тобою
Точно также по Невѣ!

Сицкая.

Нѣтъ, мой другъ, совсѣмъ не то же:
Онъ тогда со мною былъ.

Зарѣцкій.

Не пора-ли приниматься
Освѣщать и домъ и садъ?

Завольскій.

А мнѣ кажется, что равно,
Посмотрите, какъ свѣтло.

Зарѣцкій.

Вотъ ужъ солнце закатилось
И потухнула заря.

Лидина.

Правда! солнце закатилось,
Но зря еще горитъ.

Сицкая.

Нѣтъ, ужь очень вечерѣетъ
И становится темно.

Завольскій (*Зимогорьеву,*
показывая на Софью).

Мое солнце не заходитъ,
Вотъ оно во всей красѣ.

Зимогорьевъ.

Такъ смотри-же берегися:
Ты и такъ совсѣмъ сгорѣлъ.

Зарѣцкій.

Я сейчасъ прибавлю свѣту
И готовитъ все пойду,
Лишь увидите ракету,
Такъ собирайтесь всѣ въ пруду.

Хоръ.

Лишь увидимъ мы ракету,
То сберемъ всѣ въ пруду.

(*Всѣ, кромѣ Лидиной, Сицкой и Завольскаго, уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Въ продолженіе этого явленія слуги зажигаютъ фонари и шкалики вокругъ бесѣдки.

Сицкая, Лидина и Завольскій.

Лидина (*Сицкой*). Не правда-ли, ма сhère, эта прогулка по Клязьмѣ очень напоминаетъ наше катанье по Невѣ?

Завольскій. По Невѣ?

Лидина. Да! мѣсяца три тому назадъ мы были въ Петербургѣ и ѣздили водою на Крестовскій.

Завольскій. Такъ вы были на этомъ островѣ?

Лидина. Два раза, и оба эти раза мнѣ очень памятли. Первый разъ я познакомилась на немъ съ моей доброй Любовью, а во второй потеряла мой ридикуль.

Завольскій. Вашъ ридикуль?

Лидина. Да, мы побѣхали на Крестовскій островъ въ

шлюпкѣ, я положила ридикюль подлѣ себя на лавочкѣ, и видно какъ-нибудь столкнула его въ воду

Завольскій (*съ умножающимся безпокойствомъ*). Въ воду?

Лидина. Правда, въ немъ почти ничего не было—одинъ платокъ.

Завольскій (*съ живостью*). И больше ничего?

Лидина. Кажется, ничего. Ахъ, что я говорю, въ немъ былъ хрустальный флакончикъ.

Завольскій (*въ сторону*). Флакончикъ!—Боже мой!

Лидина. Да помнится.. да, да точно! тетушкина черепаховая бонбоньерка.

Завольскій (*въ сторону*). А любовная то записка?... Такъ вотъ эта скромная дѣвушка!

Лидина. Помнишь-ли, та сѣге, какъ мнѣ досталось отъ тетушки за эту бонбоньерку?

Завольскій (*въ сторону*). Она никого еще не любила?! А къ ней пишутъ любовныя записки, называютъ милымъ другомъ, говорятъ ты — о, женщины, женщины! (*Смѣшенъ взрывъ сигнальной ракеты*).

Лидина (*Стикой*). Слышишь? Сейчасъ начинается фейерверкъ,—пойдемъ, Любовь. (*Къ Лидиной подходитъ крестьянская дѣвочка и отдаетъ ей записку. Лидина подходитъ къ освѣщенной бесѣдкѣ, развертываетъ записку и вскрикиваетъ*). Боже мой!

Сицкая. Что ты, мой другъ?

Лидина. Ничего, ничего.

Завольскій (*сторону*). Что все это значить? Ей отдали записку, она такъ смущена...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Зарѣцкій (*подкрадывается тихонько къ Лидиной и беретъ ее за руку*).

Зарѣцкій. А, попалась!

Лидина. Ахъ!... (*Бросаетъ въ торопяхъ записку въ кустъ*).

Зарѣцкій. Ужъ я тебя искалъ, искалъ! Сейчасъ начнется фейерверкъ.

Лидина. Какъ вы меня испугали! (*Вторая ракета*).

Зарѣцкій. Чу, вторая! Пойдемъ-же скорѣе, мой другъ!

Лидина. Ахъ, дядюшка, вы знаете, я боюсь смотрѣть на эти фейерверки.

Зарѣцкій. Давно-ли, матушка, сдѣлалась такъ труслива? Полно, душенька, — шалишь! (*Подаетъ другую руку Стикой*). Не

угодно-ли? Владиміръ Сергѣевичъ! Милости просимъ за нами!
(*Всѣ уходятъ, кромѣ Завольскаго*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

ЗАВОЛЬСКІЙ (*одимъ*).

Отчего она такъ смутилась? Отчего съ такимъ страхомъ и такъ торопливо бросила эту записку? Неужели и это также любовное письмо? Какъ? Въ тотъ самый день, когда она почти призналась мнѣ въ любви своей!... Нѣтъ! Нѣтъ! Невозможно! вотъ эта записка—я могу прочесть ее.. Но воспользоваться неосторожностью, читать чужое письмо... чужое! Когда отъ этого зависить спокойствіе и все счастье моей жизни... Да! я долженъ узнать все! (*Поднимаетъ записку и подходитъ къ фонарю*). Боже мой!... это та же самая рука! Этимъ почеркомъ писана записка, которую я нашелъ въ ридикюль. (*Читаетъ*). «Я здѣсь, мой милый другъ!» (*Съ бѣшенствомъ*). Мой милый другъ! (*Читаетъ*). «Черезъ нѣсколько минутъ я буду тебя дожидаться подлѣ китайской бесѣдки». Это здѣсь—тѣмъ лучше. Боже мой! и такъ, это было одно кокетство, одинъ обманъ! Но за что-же? Глупецъ! Да развѣ ты не видишь, что тебя ласкали, чтобъ отвратить всякое подозрѣніе; когда всѣ думаютъ, что она къ тебѣ равнодушна, то кому придетъ въ голову, что ея петербургскій любовникъ здѣсь, что она видится съ нимъ ночью въ лѣсу. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ. Нѣтъ... Софья Павловна... Я не буду вашей игрушкой. Я помѣшаю вашему свиданью... Мои дорожные pistols заряжены... Я сейчасъ явлюсь сюда, и если вашъ любовникъ не подлець, то онъ убьетъ меня или не выйдетъ самъ живою отсюда. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*выходитъ съ лѣвой стороны отъ зрителей. Онъ осматривается робко кругомъ. На немъ военная шинель и фуражка*).

№ 4.

Все тихо здѣсь кругомъ... Какъ сердце зампраетъ:
Условный часъ насталъ—увиджу-ль я ее?

А Р И Я.

Сердце, сердце, что ты ноешь,
Что такъ рвешься изъ груди!
Ты скажи мнѣ, ретивое,
Чего хочешь отъ меня?

* * *

Иль ты, сердце, перестало
Вѣрить счастью своему?
Ты такъ много тосковало,
Что не вѣришь ничему.

* * *

Дни младенчества златые
Провесились какъ тяжкій сонъ
Гдѣ надежды всѣ святые?
Не для счастья я рождень!

* * *

Только дружба мнѣ съ рожденья
Вѣрной спутницей была;
А въ любви одни мученья
Мнѣ судьба въ удѣлъ дала.

* * *

Сердце, сердце, что такъ ноешь,
Что такъ рвешься изъ груди,
Ты скажи мнѣ, ретивое,
Чего хочешь отъ меня?

(Садится на стулъ подлѣ бесѣдки и задумывается.)

Завольскій *(входит потихоньку и прячется за кустъ; у него въ рукахъ пистолеты).*

Онъ здѣсь! Соперникъ мой счастливый,
Крѣпись, терпи, моя душа.

Неизвѣстный.

Когда-бъ не ты, о другъ мой милый,
О, Софья добрая моя,
Давно-бы надъ моей могилой,
Давно-бы плакали друзья!

Неизвѣстный.

Чу! въ кустахъ я слышу шорохъ:
Кто-то крадется сюда,
Что-то бѣлое мелькнуло,
Сердце чувствуетъ—она.

Завольскій.

Чу! въ кустахъ я слышу шорохъ:
Кто-то крадется сюда,
Точно такъ—ея походка
Сердце чувствуетъ—она.

(Послѣ арии неизвѣстнаго, выходит Лидиной.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тъ-же и Лидина.

Т Р И О.

Неизвѣстный (*обнимая Софью*).

О, милый другъ! я въ восхищеньи,
Опять мы видимся съ тобой.

Лидина.

Не бойся ничего.

Неизвѣстный.

Еще позволь обнять тебя.

Завольскій.

О бѣшенство! о мщенье!
Она въ объятяхъ его!

Неизвѣстный и Лидина.

Неправда-ли, мой другъ, свиданье
Блаженный въ жизни часъ;
Разлука съ милыми—страданье,
Она крушить и губить насъ!

Лидина.

За то какъ радостно свиданье.

Завольскій.

Не будетъ радости для васъ.

Неизвѣстный.

Когда-бъ не ты, о другъ мой милый,
О Софья добрая моя,
Давно-бы надъ моей могилой,
Давно-бы плакали друзья!

Лидина.

Но ты со мной, о восхищенье!
Опять мы видимся съ тобой.

Неизвѣстный.

Такой, мой другъ, небесной казни,
Какъ я, никто не испыталъ,
Разлука съ милою страданье,
Она крушить и губить насъ.

Завольскій.

Нѣтъ, нѣтъ, твое свиданье
Последній въ жизни часъ!
Нѣтъ, нѣтъ, твое свиданье
Последній въ жизни часъ!

Голосъ за сценой (*Софья Павловна*).

Лидина.

Чу, слышишь, хватились
И ищутъ меня.

Неизвѣстный.

Еще хоть минуту
Останься со мной!

Лидина и Незвѣстный.

Не правда-ли, свиданье
Блаженный въ жизни часъ?

Неизвѣстный.

Еще помедли.

Лидина.

Нѣтъ, не можно.

Неизвѣстный.

Хотя минуту—о другъ милый!

Лидина.

Я скоро можетъ быть опять приду.

Неизвѣстный.

О, да! скорѣ приходи.

Голосъ за сценой (*Софья Павловна*).

Лидина.

Чу! слышишь, ужь близко,
Ты здѣсь подожди,
Еще хоть минуту,
Мы вмѣстѣ придемъ.

Неизвѣстный.

Опять я останусь
Какъ прежде одинъ,
Все сердце изныло,
Тоскуеть душа.

Емѣсть.

Завольскій

Ея не дождешься,
А встрѣтишь меня,
Не будешь ты съ нею—
Ты смерть здѣсь найдешь.

Лидина.

Я приду черезъ минуту,
Ты меня здѣсь подожди:
Нельзя лучше для свиданья
Выбрать мѣста намъ въ саду.

Неизвѣстный.

Приходи, мой другъ, скорѣе,
Я здѣсь буду ждать тебя:
Нельзя лучше для свиданья
Выбрать мѣста намъ нигдѣ.

Завольскій.

Будешь ждать ее напрасно,
Не ее ты встрѣтишь здѣсь,
И любовное свиданье
Будетъ смертью для тебя.

Вмѣстѣ.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Неизвѣстный и Завольскій.

Неизвѣстный.

Опять я остался
Какъ прежде одинъ.
Ахъ! жду не дождуся!
О другъ мой, спѣши,
Все сердце изныло,
Тоскуеть душа.

Завольскій.

Ужель наконецъ
Одинъ онъ остался,
Онъ ждетъ не дождется,
Онъ Софью зоветъ!
Не будетъ онъ съ нею—
Онъ смерть здѣсь найдетъ!

МЕЛОДРАМА.

Неизвѣстный.

Ахъ, скоро-ли придетъ моя невѣста,
Мой милый другъ!... Я слышу шумъ!

Завольскій (*выходя изъ-за куста*).

Ни съ мѣста!
Прошу сюда! Здѣсь больше свѣтъ.

Неизвѣстный.

Чего хотите вы?

Завольскій.

Стрѣляться
Сейчасъ на двухъ шагахъ; берите пистолеть!

Неизвѣстный

Но кто вы таковы?

Завольскій.

Иль вы подлець! Извольте защищаться,

Неизвѣстный.

Кто, я? (*Подходитъ къ Завольскому.*)

Завольскій (*подавая ему пистолеть*).

Не бойтесь,—заряжень!...
Что вижу—Боже мой! Такъ точно, это онъ!

(*Роняетъ пистолеты и закрываетъ руками лицо.*)

Хоръ (*вдали*).

Что за прелесть освѣщенья!
Какъ все ясно и свѣтло.

Неизвѣстный.

Я слышу голоса... сюда идутъ!

(*Скрывается за дверьми.*)

Хоръ (*вдали*).

Посмотрите, удивленье—
Точно солнышко взошло!

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Завольскій (*одинъ*).

Праведный Боже! Это онъ, это Красноярскій, тотъ самый морской офицеръ, который спасъ меня отъ неизбѣжной смерти, а я хотѣлъ... Боже мой, Боже мой! О нѣтъ! нѣтъ! Пусть владѣетъ онъ рукою Софьи—онъ спасъ мнѣ жизнь... Онъ мой избавитель... но, кажется, теперь мы съ нимъ поквитались.. Все кончено!... Прощай, прощай на вѣкъ, Россія!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

ЗАВОЛЬСКІЙ И НИКАНОРЪ.

Никаноръ. Насилу я васъ нашель, сударь! Лошади готовы.

Завольскій. Какія лошади?

Никаноръ. Почтовья, сударь.—Вѣдь вы хотѣли ѣхать послѣ фейерверка въ Москву, чтобъ завтра къ обѣду опять сюда вернуться.

Завольскій. Сюда? Никогда!

Никаноръ. Какъ, Владиміръ Сергѣевичъ? такъ вы остаетесь въ Москвѣ?

Завольскій. Нѣтъ! мы завтра же ѣдемъ.

Никаноръ. Куда?

Завольскій. Въ Андалузію.

Никаноръ. Куда, сударь?

Завольскій. Въ Испанію.

Никаноръ. Вотъ тебѣ разъ!

Завольскій. Скорѣй, скорѣй, подь другія небеса, мнѣ тѣсно, мнѣ душно здѣсь (*вынимаетъ бумажникъ, отдираетъ листикъ и пишетъ на немъ карандашемъ*).

Никаноръ. Ахъ, Господи!—А я думаль, что онъ женится на здѣшней барышнѣ... Вся дворня называла его женихомъ—и ключница Матрена, и нянюшка Игнатъевна, и Панкратій Сидорычъ. Вотъ вамъ и женихъ—и что ему далась эта Гишпанія?... вотъ не было печали, да черти накачали!

Завольскій (*отдавая записку*). Скажи кому-нибудь изъ здѣшнихъ людей, чтобъ отдали эту записку Софѣ Павловнѣ.

Никаноръ. Слушаю, сударь.

Завольскій. Быть можетъ, тамъ за Пиринейскими горами, на берегу Средиземнаго моря, въ двухъ шагахъ отъ знойной Африки, душа моя отдохнетъ и успокоится.

№ 5-й.

ДУЭТЪ.

Завольскій.

Прощай, прощай на вѣкъ, Россія,
На вѣкъ тебѣ я чуждымъ сталъ!

Никаноръ.

Пойдетъ опять для насъ работа.
Начнемъ мы плавать по морямъ,
И что, скажите, за охота
Таскаться по чужимъ землямъ?

Завольскій.

Какъ тяжкій сонъ прошла вся младость,
Вездѣ предательство, обманъ!

Никаноръ.

Подумаешь, ну, что за радость
Не лучше жить простыхъ цыганъ.

Завольскій.

Скорѣй, скорѣй за Пиринен—
Тамъ отдохнетъ моя душа!

Никаноръ.

Опять за прежнія затѣи!

Завольскій.

Тамъ вся природа хороша,
Тамъ воздухъ чистъ и небо ясно,
И жизнь счастливей во сто разъ!

Никаноръ.

Да пусть тамъ будетъ все прекрасно,
Но можетъ статься не для насъ.

Завольскій.

Какъ въ этой жизни участь наша
Достойна жалости, грустна!
Земныхъ страданій, скорби чаша,
Я иссушилъ тебя до дна!

Никаноръ.

Конечно, сударь, воля ваша,
Недаромъ я у васъ слугой.
Прощай, Марфуточка и Даша!
Прощай, мой пѣнникъ дорогой!

(Уходятъ нальво отъ зрителей.)

Вмѣстѣ.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Зарѣцкій, Лидина, Сицкая, Зимогорьевъ и
гости *(выходятъ съ правой стороны)*.

Хоръ гостей.

Что за прелесть освѣщенье,
Какъ все ясно и свѣтло,
Посмотрите—удивленье!
Точно солнышко взошло.

Зарѣцкій.
Отдохните у бесѣды.

Зимогорьевъ (*глядя на бесѣдку*).
Какъ все убрано у васъ.

Зарѣцкій.
Фонари немного рѣдки.

Лидина (*Сичкой*).
Я съ нимъ видѣлась сейчасъ.

Сичкая.
Ахъ, мой другъ, какое счастье!
И повѣрить я боюсь.

Зимогорьевъ.
Какъ фонарикамъ прилично
Среди зелени горѣть.

Хоръ гостей.
Все прекрасно и отлично,
Любо дорого смотрѣть.

Зимогорьевъ.
Вотъ ужъ точно русскій баринъ!

Зарѣцкій (*кланяясь*).
Очень, очень, благодарень!

Зимогорьевъ.
Настоящій хлѣбосоль,
Все прекрасно—освѣщенье,
И чудесный столъ.

Угощенье,

Зарѣцкій
Отъ души вамъ благодарень!

Хоръ гостей.
Да вы точно русскій баринъ,
И отличнѣй хлѣбосоль.

Зарѣцкій.
Очень, очень благодарень!
(*Человѣкъ подаетъ Лидиной записку.*)

Зимогорьевъ.
Да гдѣ пріятель мой?—Куда исчезъ онъ вдругъ!

Лидина.
Завольскій?—Боже мой!

Сицкая.

Что сдѣлалось, мой другъ?

Лидина (*съ отчаяніемъ*).

Убѣхалъ навсегда—на вѣкъ!

Сицкая.

Она бѣдвѣсть!

Софья! Мой другъ!

Лидина.

Нѣтъ силъ, въ глазахъ темнѣть.

Сицкая.

Ай! Ей дурно! Помогите!

(*Гости суетятся около Лидиной и сажаютъ ее на кресло.*)

Зарѣцкій.

Ну, вотъ не было бѣды.

Хоръ гостей.

Что сдѣлалось, скажите!

Зарѣцкій.

Ей, ей! скорѣй, скорѣй воды!

Хоръ.

Вотъ проходить понемногу.

Зарѣцкій.

Ну, надѣлала тревогу.

Вотъ вамъ танцы! вотъ и балъ.

Общій хоръ.

Ей все лучше понемногу,

Вотъ румянецъ заигралъ,

Ну, очнулась—слава Богу!

(*Лидина встаетъ, опираясь на руку Сицкой.*)

Зарѣцкій.

Всѣхъ прошу теперь на балъ.

(*Занавѣсъ опускается.*)

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляет окрестности андалузскаго города Альмеріи, съ лѣвой стороны отъ зрителей на второмъ планѣ двухъ-этажный каменный домъ съ плоской кровлею, на передней его сторонѣ четыре окна, во второмъ этажѣ, въ нижнемъ три и дверь, подъ каждымъ окномъ балконъ, кругомъ дома клумбы цвѣтовъ, зелень, кусты и нѣсколько тополей. Съ лѣвой стороны: гранатовыя, померанцовыя и миндальныя деревья. На среднемъ занавѣсѣ открытое море, налѣво заливъ и часть города Альмеріи. Направо вдали высокій утесъ, на которомъ видны развалины мавританскаго замка. Завольскій сидитъ у дверей дома на скамьѣ. На противоположной сторонѣ сцены, стоитъ, прислонясь къ дереву, Никаноръ и держитъ въ рукахъ гитару.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Завольскій и Никаноръ.

(Ритурнель аріи начинается до открытія занавѣса.)

№ 6.

А Р І Я

Завольскій.

Какъ очарованъ я тобою
И роскошью твоихъ долинъ!
Страна, любимая судьбою,
Гдѣ солнце грѣетъ и зимою,
Гдѣ спѣетъ сочный апельсинъ.

* * *

Ты славишься твоимъ климатомъ,
Ты мнѣ мила и дорога,
Твой воздухъ дышетъ ароматомъ,
Плоды твои сіяютъ златомъ,
Какъ бархатъ стелются луга.

* * *

Кому ты въ мірѣ неизвѣстна—
Всѣхъ странъ царица и краса.
О, Андалузія! какъ ты прелестна!

Твоя природа такъ чудесна,
Твои такъ ясны небеса.
Но отчего-жь покою
Для сердца нѣтъ какъ нѣтъ!
Зачѣмъ и здѣсь съ тоскою
Смотрю на бѣлый свѣтъ?
Не я ли самъ охотно
Родной покинулъ край,
Зачѣмъ-же на чужбинѣ
Я сохну отъ тоски?
Хочу,—но все напрасно,
Не думать о быломъ;
Нѣтъ, нѣтъ!—моя Россія,
Забуду-ль я тебя?
Забуду-ль я святыне
Обычаи отцовъ,
Твои поля родныя
И тѣнь твоихъ лѣсовъ,
И пѣсни русскихъ пастуховъ?
Напрасныя желанья!
Отечество любя,
На вѣчное изгнанье
Я самъ обрекъ себя.
Не видѣть Русь—страданье,
Мученье безъ отрадъ,
Но видѣть Софью снова
Въ объятіяхъ другого
О, это сущій адъ! *(Задумывается).*

Никаноръ. Опять задумался! Не затянуть-ли родную?
(Поетъ и подмаживаетъ на гитарѣ).

Ахъ, ты, поле, поле чистое!
Ты разгулье молодецкое...

Завольскій. Перестань! Мнѣ отъ твоей пѣсни становится
еще грустнѣе.

Никаноръ. Слушаю, сударь. *(Кладетъ гитару на землю и
подходитъ къ Завольскому).*

Завольскій. Посмотри-ка лучше вонъ туда, направо.

Никаноръ. Смотрю, сударь.

Завольскій. Видишь-ли вдали корабль?

Никаноръ. Вижу, Владимиръ Сергѣевичъ.

Завольскій. Онъ кажется идетъ сюда?

Никаноръ. Наврядъ, сударь, вѣдь здѣсь не Кронштадтъ;
почитай всѣ корабли мимо плывутъ. Кому охота завернуть въ
это захолустье! Ну, ужъ, батюшка Владимиръ Сергѣевичъ, вы-
брали городокъ!

Завольскій. Да развѣ здѣшнее житье тебѣ не нра-
вится?

Никаноръ. Какъ-бы вамъ сказать, сударь? Житье не то,
что-бы плохое: по милости вашей, я сытъ, одѣтъ и деньжонки

водятся, выучился какъ болтать по здѣшнему. Такъ чего-бы кажется? А нѣтъ—скучно!

Завольскій. Да о чемъ-же ты скучаешь? Вѣдь ты сирота?

Никаноръ. Сирота, сударь.

Завольскій. Родныхъ у тебя нѣтъ?

Никаноръ. Есть одна тетка, да я съ роду ея не видываль.

Завольскій. Такъ не все-ли тебѣ равно, жить здѣсь, или въ Россіи?

Никаноръ. Оно такъ, сударь! Да что это за сторона такая? Вотъ ужь скоро два года, какъ мы здѣсь живемъ,—все лѣто да лѣто! Господи Боже мой! Да когда же зима придетъ? Вотъ, думаю, выпадетъ родимый снѣжокъ, прохватитъ морозцемъ, позаколотитъ. Да какъ-бы не такъ! Объ Рождествѣ—Петровки! Тѣфу ты пропасть, что за окаянная какаля такая!...

Завольскій. Да неужели тебѣ здѣшняя земля не нравится? Всего довольно, всего въ изобиліи.

Никаноръ. Конечно, сударь,—здѣсь не то, что у насъ; всякихъ земляныхъ плодовъ довольно; апельсинами свиней кормятъ, а виноградъ дешевле нашей рѣпы; да что мнѣ до этого? Эка важность: — груша, дули, персики, винныя ягоды — да чортъ-ли въ нихъ? Ну, поѣлъ разъ, другой, а тамъ и въ горло не пойдетъ. Нѣтъ, сударь! Дайте-ка мнѣ соленыхъ огурцовъ да кислой капусты, такъ я на все здѣшнее деликатство и взглянуть не захочу... А вино-то, сударь,—вино!... брррръ!.. Дрянная такая! Хуже нашей крестьянской браги!

Завольскій (*смѣясь*). Ага! Такъ вотъ за что ты Испанію-то не любишь.

Никаноръ. Вотъ вы смѣетесь, Владиміръ Сергѣевичъ, а вѣдь на сердце-то у васъ не то.

Завольскій. Почему ты это думаешь?

Никаноръ. Эхъ, сударь, сударь! Какое житье на чужой сторонѣ? Вотъ, бывало, на Руси объ Рождествѣ или въ Свѣтлыи праздники подумаешь: «Нѣтъ у тебя, сиротинка, ни отца, ни матери!» Сгрустнется—анъ глядишь, тотъ подойдетъ: «Федотычъ! Зайди, братъ, разговѣться!» Другой шепнетъ: «Никанорушка! Милости просимъ: закуси чѣмъ Богъ послалъ!» Такъ знаете-ли, сударь, на сердцѣ-то и полегче. А здѣсь — вотъ ужь здѣсь-то, Владиміръ Сергѣевичъ, мы съ вами подлинно круглыя сироты! Живемъ, никто насъ не любитъ, умремъ—никто не помянетъ; — кому какое до насъ дѣло? Что мы? Пришельцы!

Завольскій. Послушай, Никаноръ! Если ты хочешь, я дамъ тебѣ денегъ, садись на корабль и ступай съ Богомъ.

Никаноръ. Что вы, сударь! Чтобъ я васъ оставилъ однихъ на чужой сторонѣ?... Что, что вы? Богъ съ вами! Какъ это

можно—я безъ васъ съ кругу сопьюсь, да воля ваша, и вы безъ меня пропадете!

Завольскій. Конечно, мнѣ трудно будетъ съ тобой разставаться! Но вѣдь привыкнуть можно ко всему.

Никаноръ. Да къ этому-то, сударь, вы не привыкнете. Каковъ я ни есть, Владиміръ Сергѣевичъ, а все-таки вы со мной говорите по нашему — то родную пѣсенку вамъ спою, то рѣчь заведу съ вами про матушку Москву бѣлокаменную, такъ отъ души-то у васъ немного и поотляжетъ; а какъ останетесь одни, да въ круглый годъ ни одного русскаго словечка не услышите—такъ, ой, ой, ой! Нѣтъ сударь! Власть ваша — съума сойдете! Вотъ еслибъ вы сами, Владиміръ Сергѣевичъ, сѣди на корабликъ, да съ Богомъ во свояси.

Завольскій. Въ Россію, ни за что на свѣтѣ!

Никаноръ. Я знаю, сударь, что васъ здѣсь придержи-ваешь—ну, конечно, хороша! собой красавица!

Завольскій. О комъ ты говоришь?

Никаноръ. О здѣшней губернаторшѣ.

Завольскій. О женѣ корехидора? доннѣ Розаліи?

Никаноръ. Ну да, сударь.

Завольскій. Полно врать, Никаноръ.

Никаноръ. Да власть ваша, не знаю вы, а она точно врѣзалась по уши.

Завольскій. Съ чего ты это взялъ?

Никаноръ. И самъ, сударь, замѣтилъ, и горничная ея—вотъ эта, что зовутъ Пахитой, кое-что мнѣ поразказала. Охъ, батюшка Владиміръ Сергѣевичъ, наживете съ ней бѣду. Мужъ ничего: онъ баринъ добрый, а вотъ прежній-то — какъ ихъ зовутъ здѣсь?—любовникъ не любовникъ...

Завольскій. Кортехо?

Никаноръ. Да, да, сударь, Кортехо—вотъ этотъ донъ Педро съ большими усами такъ и смотритъ, какъ-бы васъ ножомъ въ бокъ.

Завольскій. Вотъ вздоръ какой!

Никаноръ. Какой вздоръ! Вѣдь здѣсь не такъ какъ у насъ; здѣсь брякни только деньгами, тотчасъ явятся мастера, для которыхъ убить человѣка плевое дѣло. Нѣтъ, сударь, — здѣсь ухо держи востро!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же и Пахита (*показывается изъ-за куста*).

Никаноръ. Э! да это никакъ воструха Пахита?... Такъ и есть! Козырь дѣвка!... Вѣрно къ вамъ зачѣмъ нибудь отъ своей барыни.

Завольскій. Здравствуй, Пахита!... Такъ и есть! Да что ты стоишь?! Подойди сюда поближе!

Никаноръ. Видишь, какъ прикинулась! Не смѣетъ подойти! Эко зелье подумаетъ! (*Подходитъ къ ней и тащитъ ее за руку*). Полно манериться-то, Пахиточка, каразона мѣа! Подходи не бось, не съѣдимъ!

Пахита (*клянясь Завольскому*). Сеньоръ корехидоръ мой господинъ и донна Розалія моя госпожа, просятъ васъ, сеньоръ кабалеро, пожаловать къ нимъ на рефреско!

Никаноръ. То-есть на пирушку.

Завольскій. Съ большимъ удовольствіемъ.

Никаноръ. Прикажите, сударь, подавать одѣваться?

Завольскій. Не надобно; я и безъ тебя одѣнусь, — до свиданія, Пахита (*уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Пахита и Никаноръ.

Никаноръ. Да что, у васъ на этой рефрески много будетъ гостей?

Пахита. Какъ-же.

№ 7.

ДУЭТЪ.

На рефреско городъ цѣлый
Господилъ мой пригласилъ.
Донъ Алонзо съ Изабеллой
И донъ Педро онъ просилъ,
И жену Алькадь Майора,
Музыкантовъ и ивъцовъ,
Изъ Толедо, Троводора,
И пріѣзжихъ двухъ кушцовъ.

Никаноръ.

Ну, большая будетъ свѣта!

Па х и т а.

Только-бъ начали скорѣй!

Н и к а н о р ь.

А не можно-ль мнѣ, Пахита,
Поглядѣть хоть изъ дверей!

Па х и т а.

Почему-же, кабалеро
На рефреско просить васъ,

(Кланяясь церемонно)

Посмотрите, какъ болеро
Будутъ танцовать у насъ.

Н и к а н о р ь *(кланяясь)*.

Мы отправимся тотчасъ;
А какую тамъ забаву
Станетъ баринъ нашъ давать?

Па х и т а.

Будетъ праздникъ тамъ на славу,
Будутъ пѣть и танцовать,
И самъ дѣдушка Пахома
Сигедилью пропоетъ.

Заснулъ весь миръ,
Пахнулъ зефиръ,
Кипитъ,
Шумитъ
Гвадалевипиръ.

Н и к а н о р ь.

Славно, славно, сенората!
А послушай-ка, Пахита,
Если хочешь удружить,
Пропляши сама, плутовка.

Па х и т а.

Какъ мнѣ можно, мнѣ неловко,
Я должна гостямъ служить.

Н и к а н о р ь.

То-то-бъ русскаго съ тобою
Я на славу отхваталь.

Какъ пошли наши подружки
Въ лѣсъ по ягоды гулять,
Гей, жги, говори
Живо, веселѣ!

Они ягоду не на брали,
Лишь подружку потеряли,
Гей, жги, говори
Живо, веселѣ!

Па х и т а.

Ахъ! мой милый руссіано!
Какъ поешь ты хорошо!

Н и к а н о р ь.

И не эдакъ мы пѣвали
И теперь еще споемъ:
Вѣдь не даромъ называли
Никанора соловьемъ.

Па х и т а.

Такъ потѣшь, мой другъ сердечный,
Спой мнѣ пѣсню.

Н и к а н о р ь.

Не могу.

Па х и т а.

Отчего-же ты не можешь?

Н и к а н о р ь.

Натоцавъ я не пою.

Па х и т а.

Онъ, какъ-будто благородный,
Надрвать боится грудь!
Полно чваниться, негодный,
И пропой хоть что-нибудь.

Н и к а н о р ь

Когда голосъ есть природный,
Пѣть не надо какъ-нибудь,
И хоть я не благородный,
А беречь мнѣ должно грудь.

Х о р ь (за кулисами).

На рефреско веселиться
Станутъ наши господа,
Мы тамъ будемъ для услуги
И посмотримся на все!

Па х и т а.

Вотъ идутъ мои подруги.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ-ЖЕ, СЛУГИ И СЛУЖАНКИ КОРЕХИДОРЪ.

Хоръ.

Здорово, Пахита,
Мы въ пору-ль идемъ!
Что скоро начнется
Рефреско у васъ?

Пахита.

Не скоро сберутся:
Нѣтъ нужды слѣшить,
А лучше со мною
Просите его,
Чтобъ русскую пѣсню
Для насъ онъ пропѣлъ.

Хоръ.

Сеньоръ кабалеро,
Потѣшите вы насъ:
Родную намъ пѣсню
Пропойте свою.

Никаноръ.

Мнѣ что-то неловко,
Не въ голосъ я.

Хоръ и Пахита.

Нѣтъ, нѣтъ, кабалеро
Потѣшите вы насъ:
Родную намъ пѣсню
Пропойте свою.

Никаноръ.

Была не была!
Потѣшу друзья,
Хвачу удаю:
Чуръ, слушать меня.

Хоръ и Пахита.

Мы слушать всѣ рады,
Запой намъ скорѣй!

Никаноръ.

Тише, тише, замолчите.
Ну, ребята, всѣ въ кружокъ!
Стойте смирно, не шумите,
Не мѣшайте молодцу.

П Ъ С Н Я.

1.

Ахъ, ты рошица,
Роца темная,
Мѣсто тихое,
Укромонное
Для гуляница
Словно зеленъ садъ,
Для свиданья
Ужь какой ты кладъ.

Х о р ь.

Браво, браво, руссіане!
Ты поешь, какъ трубадуръ.

2.

У ревнивыхъ глазъ
Я украдуся,
Въ рошѣ милаго
Дожидаюся.
Вотъ и онъ душа
Соколомъ летитъ:
На догадку мнѣ
Соловьемъ свиститъ!

Х о р ь.

Браво, браво, руссіане!
Ты поешь, какъ трубадуръ.

3.

Я бѣгу къ нему
Робинмъ зайкою,
По глухимъ тропамъ
Горностаивою,
Прилечу къ нему
Перепелицей,
Обоймусь съ дружкомъ
Молодцомъ удалымъ!

Х о р ь.

Браво, браво, руссіане!
Ты поешь, какъ соловей,
Что за пѣсня дорогая,
Что за голосъ золотой!
Ну ужъ этотъ руссіане
Настоящій трубадуръ!

Па х и т а.

Не пора-ли на рефреско,
Вотъ ужъ скоро два часа.

Х о р ь.

Да, пора намъ отправиться!
Скоро будетъ два часа.

Па х и т а (*Никанору*).

Вы сегодня на болеро
Мой кортехо цѣлый день.

Н и к а н о р ь (*подавая ей руку*).

Ну, пожалуй, ради смѣха
Пусть я буду твой кортеха.

О б щ и й х о р ь.

Пойдемте скорѣ,
Намъ въ замокъ пора,
Тамъ скоро собираться
Начнуть господа.

(*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Театръ представляетъ раліо, или внутренній дворъ мавританскаго замка.

Донъ Педро де-Кюхельеро и донъ Пабло де-Герера входятъ; за ними четверо испанцевъ: Діего, Алонзо, Хорде и Фернандецъ, закутаные въ черныя капы, т.-е. епанчи.

Донъ Педро. Да, друзья мои, я начинаю терять все терпѣніе съ тѣхъ поръ, какъ этотъ русскій познакомился съ доной Розаліей; она совершенно ко мнѣ перемѣнилась.

Донъ Пабло. Такъ что же ты думаешь? Я на твоёмъ мѣстѣ давно бы проучилъ этого чужеземца—вулгамъ Діосъ!

Донъ Педро. Это легко сказать. Вызвать его на поединокъ я не могу: мнѣ — донъ Педро де-Кюхельеро, графу де-Монтлю—сдѣлать эту честь, Богъ знаетъ кому...

Донъ Пабло. Да кто тебѣ говорить о поединкѣ: скажи только одно слово, и нынче же этотъ негодный руссіано отправится на тотъ свѣтъ.

Діего. Да, графъ, скажите одно только слово, и мнѣ наскучилъ этотъ чужестранецъ—моя невѣста стала на него засматриваться.

Алонзо. Вчера Баутиста хвалила мнѣ его голубые глаза—негодный!

Хардъ. А моя Хайста подарила его слугѣ серебряное колечко—и господинъ и слуга разбойники!

Фернандецъ. Да что на нихъ смотрѣть, прикажите только графъ.

Донъ Педро. Нѣтъ, я долженъ прежде увѣриться, точно ли мои подозрѣнія справедливы: убить невиннаго человѣка—хотя бы онъ былъ и русскій—грѣшно. Вотъ если я буду имѣть доказательства.

Донъ Пабло. Ты ихъ будешь имѣть; не спускай только глазъ съ Розалии, а я стану примѣчать за этимъ русскимъ—но тише, куда идутъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тя-же, Корехидоръ, донъ Эстеваль-де-Миранда, Донна Розалия, Завольскій, гости овоего пола, Никаноръ, Пахита, слуги, служанки, народъ. *(Во время хора слуги разставляютъ кресла и ставятъ передъ ними большой столъ, покрытый серебряными блюдами съ закусками, корзинами съ фруктами, позолоченными кружками и бутылками).*

№ 8.

Хоръ.

Какой здѣсь обдаетъ прохладою,
Здѣсь солнце въ полдень не печетъ,
Все дышетъ здѣсь отрадой
И все къ веселію влечетъ.
Какой праздникъ будетъ здѣсь пріятель!
Какая зелень и вода,
Здѣсь воздухъ чистъ и ароматенъ,
Кругомъ вездѣ цвѣтутъ сада.

Розалия *(Завольскому)*.

Не правда-ль, кабалеро,
Здѣсь лучше во сто разъ,
Чѣмъ въ городѣ у насъ.

Завольскій.

И я согласенъ съ вами.
За вашими стѣнами
Душище во сто разъ.

Донъ Пабло *(тихо донъ Педро)*.

Ну, видишь-ли?—все вѣсть,
Все шепчется...

Донъ Педро (*сжимая ему руку*).

Молчи!

Діе го.

Ахъ-ти!—кивнулъ моей невѣстѣ;
Добро ты еретикъ!

Розалія (*Завольскому*).

На васъ я страхъ сердита:
Насъ можно-ль такъ забыть!
Полмѣсяца не быть.

Завольскій.

Чтожъ дѣлать сеньорита,
Вамъ скажетъ и Пахита,
Что я все боленъ былъ.

Донъ Пабло (*тихо донъ Педро*).

Ну, видишь-ли?—все виѣстѣ,
Все шепчутся...

Донъ Педро.

Молчи!

Діе го.

Не будешь кланяться невѣстѣ,
Негодный еретикъ!

Хоръ.

Какой здѣсь обдаетъ прохладою,
Здѣсь солнце въ полдень не печотъ,
Здѣсь дышетъ вѣтерокъ отраднѣй
И все насъ къ радости влечетъ.
Какъ праздникъ будетъ здѣсь пріятенъ!
Какая зелень и вода,
Здѣсь воздухъ чистъ и ароматенъ,
Кругомъ вездѣ цвѣтутъ сада.

Донъ Пабло (*тихо донъ Педро*).

Смотри!—Любовница твоя
И онъ стоятъ все рядомъ.

Донъ Педро.

Хоть что-нибудь замѣчу я,
Погибнетъ онъ—клянуся адомя!

Корехидоръ (*вставая*).

Вотъ и дѣдушка Пахомо,
Вотъ нашъ милый трубадуръ.

(*Вся мѣла встаетъ и идетъ на встрѣчу къ старикъ Пахомо.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ-ЖЕ И СТАРИКЪ ПАХОМО (съ *итарюю*, его *ведетъ мальчикъ*).

Хоръ.

Вотъ и дѣдушка Пахомо,
Вотъ нашъ милый трубадуръ,
Дайте кресло поскорѣ—
Онъ намъ пѣсенку споетъ.

Корехидоръ

Сыграетъ намъ болеро.

Розалія (*тихо Завольскому, отдавая ему письмо*).

Прочитайте кабалеро.

Донъ Пабло (*тихо донъ Педро*).

Ну видишь—письмо!

Донъ Педро.

Все вижу—молчи.

Хоръ.

Тише, тише, не мѣшайте—
Хочетъ пѣть нашъ трубадуръ

Пахомо.

Седегилья.

Заснулъ весь миръ,
Пахнулъ зефиръ,
Кипитъ,
Шумитъ
Гвадалквивиръ.

* * *

Пробудись моя Эльвира,
Подойди скорѣй къ окну,
Сбрось долой свою бостинью,
Но мантилья не скидай.

Пахомо и Хоръ.

Заснулъ весь миръ,
Пахнулъ зефиръ,
Кипитъ,
Шумитъ
Гвадалквивиръ.

Пахомо.

Покажи свой станъ прелестный,
Но закрой свои глаза:
Страшенъ пламень ихъ небесный
И убійственъ какъ гроза!

Пахомо и Хоръ.

Заснулъ весь миръ,
Пахнулъ зефиръ,
Кипить,
Шумить
Гвадалквивиръ.

Пахомо.

Если взглянешь ты сурово—
Этотъ взглядъ убьетъ меня,
Если взглянешь ты съ любовью—
Я отъ радости умру!

Пахомо и Хоръ.

Заснулъ весь миръ,
Пахнулъ зефиръ,
Кипить,
Шумить
Гвадалквивиръ.

Пахомо.

За танцы, за танцы
Проворѣй, живѣй,
Ихъ любятъ испанцы,
За танцы скорѣй!

(Испанскій Кордебалетъ.)

Хоръ и Пахомо.

Теперь-то веселье
Польется рѣкой,
Звучите гитары,
Греми кастаньеть,
Тяжелый канано
Не надо для насъ.
Холодный сордано
Не хочетъ глядѣть,
Давайте фонданго
Кипящей душой,
Давайте болеро
Веселый, живой!

* * *

За танцы, за танцы
Проворѣй, живѣй,
Ихъ любятъ испанцы,
За танцы скорѣй!

(Болеро въ четверомъ подъ музыку оркестра.)

Хоръ (по окончаніи болеро).

Какая роскошь! Какъ чудесно!
Какъ эти танцы хороши,
Въ нихъ все мило и прелестно,
Все исполнено души.

(Пушечный выстрѣлъ; хоръ умолкаетъ.)

Корехидоръ (*вставая*). Что значить этотъ выстрѣлъ?
Амвазолъ (*войдя торопливо*). Экселенція! На рейдѣ показался военный корабль.

Корехидоръ. Военный корабль! Быть можетъ Алжирцы!... Извините, любезные гости, я долженъ васъ оставить.

Нельзя веселью продолжаться:
На пристани я долженъ быть.

Хоръ.

Мы также въ слѣдъ за вами
Пойдемъ увѣриться скорѣй,
Должны-ли почитать врагами
Мы этихъ незваныхъ гостей.

(*Всѣ уходятъ, исключая донъ Педро и его сообщниковъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Донъ Педро, донъ Пабло, Діега, Алонзо, Хорде и Фернандецъ.

Донъ Педро (*донъ Пабло*).

Вы слышали все?

Хоръ.

Да!

Донъ Педро.

Вы видѣли все?

Хоръ.

Да!

Донъ Педро.

Ну что же ему?

Хоръ.

Въ сердце княжалъ.

* * *

Скорѣе, скорѣе
За дѣло, друзья!
Мы жаждемъ отмщенья,
Мы казни хотимъ.
Не будетъ пощады,
Не будетъ ему:
Не любить испанецъ
Обиды прощать!

Донъ Педро (*донъ Пабло*).

Вы знаете гдѣ?

Хоръ.

Да!

Донъ Педро.

Тамъ пусто кругомъ.

Хоръ.

Да!

Донъ Педро.

Вы встрѣтитесь съ нимъ...

Хоръ.

И встрѣтить онъ смерть!

Хоръ.

Скорѣе, скорѣе
За дѣло, друзья!
Мы жаждемъ отмщенья,
Мы казни хотимъ.
Не будетъ пощады,
Не будетъ ему:
Не любить испанецъ
Обиды прощать!

(Уходятъ.)

(Занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Театръ представляетъ комнату съ однимъ большимъ окномъ, сквозь которое видны окрестности Альмеріи).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ДОННА РОЗАЛІЯ (*сидитъ на диванѣ*). ПАХИТА (*сидитъ подлѣ нея*).

№ 9.

Донна Розалія.

О, какъ сердце ты страдаешь!
Какъ отъ страха стынетъ кровь!
Русскій, русскій, ты не знаешь,
Какъ мучительна любовь!

* * *

Часть назначенный свиданья
Наступилъ,—а онъ неидеть.
Онъ не знаетъ состраданья
Его сердце хладный ледъ.

Пахита.

Да зачѣмъ вы такъ грустите?

Донна Розалія.

Всѣ минуты дороги.

Пахита.

Чу! Не онъ-ли?... Погодите,
Мнѣ слышались шаги?

(Подбѣгаетъ къ окну).

Донна Розалія.

Нѣтъ, не онъ! Я жду напрасно—
Онъ не будетъ!

Пахита.

Вотъ прекрасно?

Да повѣрьте—онъ придетъ.

Донна Розалія.

О, какъ сердце ты страдаешь!
Какъ отъ страха стынетъ кровь!
Русскій, русскій! ты не знаешь,
Какъ мучительна любовь!

Пахита.

Этотъ русскій начинаетъ
И во мнѣ всю портить кровь!
О, конечно онъ не знаетъ,
Какъ мучительна любовь!

} Вмѣстѣ.

Донна Розалія.

Ахъ! какъ грустно мнѣ, Пахита.

Пахита.

Не хотите-ль сеньоритта,
Я вамъ пѣсенку спою?

Донна Розалія.

Спой любимую мою.

Пахита.

П Ъ С Н Я.

Испанцы грозили войною,
Владычествомъ мавровъ.
Стекалися рыцари къ бою
И жаждали лавровъ,

И вспыхнули сѣчи, кровавыя битвы;
Услышалъ Господь утѣсенныхъ молитвы,
И мавры разбиты,
И мавры обгуть!

Испанцы пируютъ на свѣжихъ могилахъ,
Но мавры собрали послѣднія силы,
И грянетъ грозой
Отчаянный бой!

Сидитъ подъ окошкомъ и плачетъ

Прекрасная донна.

Вдали на конѣ кто-то скачетъ,
И вспыхнула донна.

Сверкаютъ сквозь пыль золоченныя латы:
То рыцарь несется въ одеждѣ богатой!

Онъ у воротъ,

Онъ къ ней идетъ.

И къ юношѣ дѣва на грудь упадаетъ,
И нѣжно и вѣчно его обнимаетъ.

Опять ты со мной

Мой другъ молодой!

* *

Но рыцарь сказалъ ей угрюмо:
Къ тебѣ на свиданье

Приѣхалъ я съ мрачной душой.

Узнай на прощанье,

Кого ты такъ страстно, такъ нѣжно любила:

Твой рыцарь, твой другъ незабвенный и милый—

Вашъ вѣчный врагъ

Абенсерагъ.

Бой конченъ, испанцы покрылися славой,
Погибъ онъ героемъ въ той битвѣ кровавой.

А донна—объ ней

Съ тѣхъ поръ нѣтъ вѣстей.

Донна Розалія.

Я слышу шумъ—это онъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ-же и Завольскій.

(Розалія закрываетъ лицо руками).

Пахита *(идя на встрѣчу къ Завольскому)*. Ужь мы васъ дождались, дождались!

Завольскій. Что съ вами, донна Розалія?

Розалія. Какой вопросъ? Сеньоръ кабалеро, вы пришли смѣяться надо мной?

Завольскій. Смѣяться? Надъ вами!

Донна Розалія. Но, если вы прочли мое письмо и не по-

жалѣли о томъ, что оно писано мною, а не вами, если то, что я говорю, въ немъ непонятно для вашего сердца, если вы и теперь станете предлагать вашу дружбу! О! синьоръ руссіано, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня.

Завольскій. Успокойтесь, Розалія, я васъ люблю...

Донна Розалія. Возможно-ли, ты меня любишь... О! другъ души моей, повтори, повтори это слово!

Завольскій. Да, Розалія, я люблю васъ столько, сколько можетъ любить человѣкъ, который давно уже не располагаетъ своимъ сердцемъ.

Донна Розалія. Какъ сеньоръ кабалеро! Такъ вы влюблены?

Завольскій. Да, Розалія.

Донна Розалія (*съ живостію*). Кто-жъ это женщина?... О! скажите, скажите, кто она? . Гдѣ вы видите... гдѣ она живетъ?..

Завольскій. О!... Далеко отсюда — тамъ, гдѣ я родился, гдѣ думалъ умереть и куда никогда не возвращусь для того только, чтобъ не дышать однимъ воздухомъ, не жить съ нею подъ одними небесами!

Донна Розалія. Ея здѣсь нѣтъ!... Вы никогда не встрѣтитесь другъ съ другомъ!... Ахъ какъ вы меня испугали!

Завольскій. Выслушайте меня, донна Розалія — во всю жизнь мою я любилъ одну только женщину, но эта любовь была безпредѣльна — она сдѣлалась моею жизнію: перестать любить Софью, или умереть, было для меня одно и тоже. Эта женщина насмѣялась надо мною, заставила меня возненавидѣть отечество; я покинулъ его, но унесъ въ моемъ сердцѣ образъ той, которая, какъ убійца, погубила мою молодость, сгубила всѣ мои земныя радости и сдѣлала меня на всю жизнь изгнанникомъ и безпріютнымъ сиротою; но это еще ничего: она отняла у меня даже надежду быть когда-нибудь счастливымъ съ другою. Я выпался изъ моего постыднаго плѣна я убѣжалъ, но ношу еще цѣпи, въ которыя былъ закованъ—и, что всего хуже—чувствую, какъ позорно для мужчины таскать эти кандалы; но не могу и не хочу ихъ сбросить: я люблю мое безнадежное рабство!

Донна Розалія. Софья!... О!... Я никогда не забуду это ужасное имя!...

Завольскій. Теперь скажите, донна Розалія, захотите-ли вы принадлежать человѣку, который въ то самое время, когда вы станете говорить ему о любви вашей, будетъ думать о другой женщинѣ? Я не хочу васъ обманывать: если я, увлеченный порывомъ минутной страсти, скажу вамъ: «Розалія, я люблю одну тебя!» Не вѣрьте мнѣ! Если даже вы прочтете это въ глазахъ моихъ—не вѣрьте моимъ глазамъ!...

Донна Розалія. О перестаньте, перестаньте!

Завольскій. Подумайте хорошенько! Что будетъ съ вами, если я, обманутый моимъ собственнымъ воображеніемъ, стану покрывать пламенными поцѣлуями ваши руки и говорить: о мой милый другъ, о моя Софья!...

Донна Розалія. Нѣтъ! это ужаснѣе самой смерти!... Сеньоръ руссіано! человекъ-ли вы?...

Завольскій. И самый слабый, донна Розалія. Теперь вы все знаете: я былъ обманутъ, осмѣянъ и не имѣю довольно твердости, чтобъ забыть ту, которая достойна всего моего презрѣнія.

Донна Розалія (*съ живостью*). Вашего презрѣнія?... Такъ вы ее не уважаете?

Завольскій. Нѣтъ!

Донна Розалія. И никогда не воротитесь въ Россію?

Завольскій. Никогда!

Донна Розалія. Останетесь жить вѣчно въ Испаніи?

Завольскій. Быть можетъ. (*У окна показывается донъ Педро и донъ Паблю; они черезъ минуту скрываются*).

Донна Розалія. Такъ вы ее забудете, милый руссіано! Да, жизнь души моей—ты забудешь эту неблагодарную—позволь мнѣ только любить тебя! Я ничего отъ тебя не требую—я все буду сносить! Говоря со мною, ты можешь воображать, что говоришь съ этой Софьей—я даже позволю—да, я позволю тебѣ называть меня этимъ ненавистнымъ именемъ! О, быть не можетъ, чтобъ ты не тронулся моей любовью! Да развѣ, русскій, у тебя нѣтъ сердца? Развѣ оно охладѣло на вѣкъ отъ ядовитаго дыханія этой измѣнницы? О повѣрь, мой милый другъ, повѣрь, оно снова начнетъ биться на груди моей!... Не правда-ли, тѣ Сагазон!... не правда-ли, душа моя, ты забудешь эту Софью?

Завольскій. Никогда! Она была демономъ, который отравилъ все счастье моей жизни, а теперь можетъ быть моимъ ангеломъ-хранителемъ. Розалія, я не говорилъ вамъ еще о другомъ: вашъ мужъ, донъ Эстебаль де-Миранда, мой другъ.

№ 10.

Донна Розалія.

Т Р І О.

Мой мужъ!... И вы могли рѣшиться
О немъ со мною говорить?

Завольскій.

Чтожь дѣлать—мы должны проститься.

Па х и та.

Такъ вы готовы согласиться,
Ее съ печали уморить?

Завольскій.

Я самъ достоинъ сожалѣнья—
Судьба мнѣ счастья не дала.

Донна Розалія.

О нѣтъ! такого униженья
Никакъ отъ васъ я не ждала,
Лишь васъ имѣла я въ предметъ,
Мой долгъ, обязанность и честь,
Покой души и все на свѣтѣ
Хотѣла въ жертву вамъ принести.

Завольскій.

Не будете меня вы видѣть:
Мы съ вами здѣсь въ послѣдній разъ,
Меня должны вы ненавидѣть...

Донна Розалія.

Нѣтъ, нѣтъ! я презираю васъ!

Пахита.

Ступай, безумный иностранецъ,
Ступай къ своимъ свѣгамъ роднымъ,
Не блажородный ты испанецъ,
Ты варваръ съ сердцемъ ледянымъ!

Завольскій.

Да, да! Я русскій, не испанецъ!
Но я не съ сердцемъ ледянымъ!

Донна Розалія.

О, милый другъ, моя Пахита,
Зачѣмъ я видѣла его!

Пахита.

Я право и на васъ сердита,
Ну можно-ли любить его?

Донна Розалія.

Да, да, я скрою огорченья,
Не стоитъ онъ любви моей,
Онъ стоитъ вѣчнаго презрѣнья:
Онъ течетъ въ моей крови!

Пахита.

Къ чему такое огорченье:
Не стоитъ вашей онъ любви,
Съ него довольно и презрѣнья,
Въ немъ холодъ даже и въ крови.

Завольскій.

О если-бы пришло въ забвенье
Воспоминаніе любви,
Но нѣтъ!—онъ мой мученья,
Онъ живутъ въ моей крови!

Вмѣстѣ.

Завольскій (*Розалія*).

Но развѣ дружбѣ не возможно
Любовь собою замѣнить?

Пахита.

Любовь! возможно-ль такъ безбожно
Надъ сердцемъ женщины шутить!

Донна Розалія (*съ тѣломъ*).

Сеньоръ кабалеро
Забудьте меня,
Со мною встрѣчаться
Не смѣйте нигдѣ,
Мнѣ видъ вашъ несносенъ:
Вы варваръ, злодѣй!

Завольскій.

Чтобъ дружбѣ быть вѣрнымъ
И честь сохранить
Я долгъ свой исполню,
И въ жертву ему
Всю радость земную
И счастье принесъ.

Пахита (*Розалія*).

Пойдите скорѣе,
Оставьте его.
И онъ дворяниномъ
Себя называлъ!
Какой онъ гidalго,
Онъ хуже слуги!

(*Розалія и Пахита уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Завольскій.

Розалія! постойте,
Вашъ гнѣвъ ужасенъ для меня.
Она ушла! А я средь свѣта
Опять остался сиротой,
Не слышать мнѣ любви привѣта,
Не знать и дружбы мнѣ святой.
И снова я начну скитаться,
Опять пушусь въ далекій путь,
Пора мнѣ съ жизнью расстаться,
Пора мнѣ вѣчнымъ своимъ заснуть!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПЕРЕМѢНА КАРТИНЫ.

(Дикое мѣстоположеніе на берегу моря, съ одной стороны густой лѣсъ, съ другой на скалѣ мавританскій замокъ, прямо открытое море и горизонтъ. Къ берегу присталь катеръ съ матросами; они выходятъ на берегъ).

Хоръ матросовъ.

1-й куплетъ.

Ну, братцы, здѣсь можно
Часокъ отдохнуть;
Хватить на просторѣ
По чаркѣ вина.
Скорѣй подъ деревья
Сюда въ холодокъ.
На шелковой травѣ
Мы лежа поъемъ,
Ужъ то-то раздолье,
Дружнѣ, ребята.
Ура!

(Располагаются подъ деревьями).

2-й куплетъ.

А что, вѣдь по правдѣ
Не худо здѣсь жить?
Тепло и привольно
И вдоволь всего,
А все-таки лучше
У насъ на Руси!
Мы первую чарку
Начемъ за Царя,
За здравье роднаго!
Дружнѣ, ребята.
Ура!

(Пьютъ и чокаются стаканами).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Т в - ж е и Н и к а н о р ь .

Н и к а н о р ь (*не видя матросовъ*).

Куда онъ дѣвался,
Нигдѣ не слышу.
Охъ, баринъ! Не ловко;
Того и гляжу,
Что этотъ донъ Педро
Уходитъ тебя.

Х о р ь .

Вторую мы чарку
За матушку-Русь
Хлебнемъ за святую!
Дружнѣ, ребята.
Ура!

Н и к а н о р ь . Ахъ, батюшки! Да это никакъ земляки...
Здравствуйте, ребята! Что вы, русскіе что-ли?

Л о ц м а н ь . Русскіе.

Н и к а н о р ь . И я русский. Какъ это васъ Господь сюда занесъ?

Л о ц м а н ь . Да пріѣхали съ нашего фрегата. Капитанъ сошелъ на берегъ погулять вонъ тамъ по рощѣ, а мы здѣсь пріютились. Да ты-то, братъ, какъ сюда попалъ?

Н и к а н о р ь . Я здѣсь съ моимъ баринкомъ. Ну, что, куда путь-дорогу держите?

Л о ц м а н ь . Да во-свояси, любезный, въ Кронштадтъ.

Н и к а н о р ь . Ахъ, ты, Господи Боже мой! Что еслибъ баринъ-то... Да нѣтъ! Онъ и слышать не хочетъ. Поклонитесь, братцы, отъ меня матушкѣ святой Руси. Эхъ ты, моя родимал! не видать мнѣ тебя, горемычному!

Л о ц м а н ь . Полно, братъ, кручиниться! не хочешь-ли лучше хлебнуть съ нами винца?

Н и к а н о р ь . Винца? Какого?

Л о ц м а н ь . Вѣстимо какого! Эй, ребята, дайте-ка сюда штофъ!

(*Наливаетъ стаканъ и подноситъ Никанору.*)

Н и к а н о р ь . Ахти! Да это никакъ пѣнное (*нѣтъ*). Фу ты, батюшка, какъ масломъ по сердцу, на силу-то душу отвель. Что здѣшнее вино—дрянь; дай-ка еще стаканчикъ.

Л о ц м а н ь . Изволь, братъ (*наливаетъ и подаетъ*).

Н и к а н о р ь (*выпивъ*). Важно!

Л о ц м а н ь . Да что твой баринъ, не русский что-ли?

Н и к а н о р ь . Что ты, любезный! Русский, пере-русскій и

баринъ знатный! Упрямя только. И самъ тоскуеть по родной сторонѣ, да нѣтъ, уперся «Не хочу ѣхать назадъ да и только».

Лоцманъ. Вотъ что!

Никаноръ. Ужъ у него обычай такой. Конечно, если-бы его какъ-нибудь этакъ порасшевелить—напомнить о родной сторонѣ, такъ можетъ статья... случай важный. Знаете-ли что, братцы? Баринъ мой объ эту пору всегда здѣсь гуляетъ; вотъ если-бы вы сѣли здѣсь, въ этомъ лѣску, да сначала потихоньку, а тамъ и гаркнули-бы: «Какъ по матушкѣ по Волгѣ»—это была въ старину любимая его пѣсенка — такъ авось-бы сердце-то въ немъ екнуло; вѣдь онъ таковъ: какъ закипитъ ретивое, такъ тотчасъ и подавай! Захотѣлъ ѣхать, а корабликъ вашъ и тутъ!

Лоцманъ. Пожалуй, братъ, почему не пропѣть. (*Завольскій показывается на скамь*).

Никаноръ. Постойте-ка! Да вотъ и онъ! Ну, ребята, пойдемте-же скорѣй! Коли онъ васъ увидитъ, такъ мы все дѣло испортимъ. (*Уходятъ всѣ за деревья*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Завольскій (*сходитъ со скамь*)

Да, я долженъ отсюда уѣхать, я отправлюсь въ другую часть свѣта, разстанусь навсегда съ Европой и забуду даже, что на ея сѣверѣ есть могучее царство, которое я называлъ нѣкогда моимъ отечествомъ... Забуду!... Да развѣ это можно? Да развѣ кровь, которая течетъ въ моихъ жилахъ, не русская кровь? О, нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ-бы я ни былъ, хоть на краю свѣта, но пока я живъ, я стану за одно горевать и радоваться съ тобою, мое отечество! Твоя слава—моя слава, твоя честь—моя честь! Гдѣ-бъ я ни былъ, вездѣ злодѣй и хулителъ моей родины найдеть во мнѣ врага, вездѣ я протяну братскую руку свою, кто скажетъ доброе слово о святой Руси!... Охъ, Софья, Софья! Для чего ты меня обманула! Я и такъ былъ сиротою, такъ зачѣмъ ты отняла послѣднюю отраду сироты—надежду умереть на своей родинѣ и лечь костями подлѣ отца своего и матери. (*Задумывается, вдали раздаются едва слышимые звуки русской пѣсни, которые становятся постепенно слышнѣе*). Что это?... Мнѣ кажется, вдали поютъ хоромъ... Да! Но въ этомъ напѣвѣ нѣтъ ничего испанскаго!... Это не андалузская пѣсня... Нѣтъ! Въ этихъ звукахъ есть что-то знакомое, родное!... (*Пѣсня становится слышнѣе*). Нѣтъ, это обманъ моихъ чувствъ!... Но отчего-жъ такъ сердце мое сильно бьется!... (*Прислушивается*). Возможенъ ли! Это та пѣсня, съ которой я свыкъ еще въ ребячествѣ; они

поютъ... Боже мой, Боже мой! Они поютъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ». (*Слушаетъ съ нѣмымъ восторгомъ; хоръ умолкаетъ*). Русскіе, русскіе!... Здѣсь, подлѣ меня. (*Хочетъ идти въ ту сторону, идѣ слышно пѣніе*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ЗАВОЛЬСКІЙ и ДІЕГО (*вмѣстѣ съ товарищами показывается изъ-за деревьевъ и съ кинжаломъ въ рукѣ*).

№ 11.

Діега

Ни слова!

Завольскій.

Убійцы!... (*Отступаетъ*).

Хорде (*показывается съ товарищами съ противоположной стороны*).

Назадъ!

Завольскій.

Чего вы отъ меня хотите?

Хоръ.

Тебя скорѣй отправить въ адъ.

Завольскій.

О, русскіе, гдѣ вы, спасите!

Хоръ

Молчи, молчи!

Завольскій.

Друзья, спасите!

Хоръ.

Нѣтъ! нѣтъ! И такъ ты долго жилъ!
Твой часъ послѣдній наступилъ.

Завольскій.

За чтожъ вы сдѣлались врагами?
Убить хотите для чего?
Чѣмъ я виненъ передъ вами:
Я васъ не знаю никого!

Видѣть.

Хоръ.

Ты окруженъ теперь врагами,
Не жди на помощь никого,
Ты долженъ расквитаться съ нами,
Тебя спасти не можеть ничего.

Завольскій.

Коль нѣтъ въ васъ сожалѣнья,
Такъ знайте: это преступленье
Вамъ даромъ не пройдетъ.

Хоръ.

О вѣтъ!

Мы скрыть умѣемъ слѣдъ.
Друзья, его оттащимъ къ морю,
Убьемъ, и въ воду всѣ концы.
Да, да, его оттащимъ къ морю,
Убьемъ, и въ воду всѣ концы.

(Влекутъ его къ морскому берегу.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и донъ Павло.

Донъ Павло.

Постойте, друзья,
Убить мы успѣемъ:
Съ нимъ прежде мнѣ должно
Два слова сказать.

Хоръ.

Къ чему разговоры?
Тащите его,
Убьемъ и въ море,
Такъ дѣло съ концомъ.

Донъ Павло.

Нельзя-же въ дорогу
Отправить ни съ чѣмъ.

(Завольскому.)

Молился-ль ты Богу?

Завольскій.

Что вижу? Злодѣи!
Пріятель донъ Педро!

Донъ Павло.

И мститель его.

Хоръ.

Къ чему разговоры?
Тащите его,
Зарѣжемъ и въ море,
Такъ дѣло съ концомъ.

Донъ Павло.

Ну, кайся, невѣрный!
Твой часъ наступилъ.

Завольскій.

Давно ужъ простился
Я съ счастьемъ навѣкъ,
И жизнь мнѣ не радость,
И смерть не страшна!

Хоръ.

Да что съ нимъ напрасно
Лишь время терять,
Намъ мѣшкать не можно,
Скорѣе въ концу.

Вмѣстѣ.

Донъ Пабло.

Что, русскій?—Дрожишь!

Завольскій.

Я въ смерти готовъ,
Но грустно погибнуть
Отъ подлыхъ убійць.

Донъ Пабло.

Молчи, руссіано!

Завольскій.

Ты, Пабло, разбойникъ.

Хоръ.

Молчи!

Завольскій.

Предатель, подлець!

Хоръ.

Молчи!

Завольскій.

Я васъ презираю!

Донъ Пабло и хоръ

Уми-же, гордецъ!

*(Донъ-Пабло хочетъ поразить его кинжаломъ, съ правой стороны
отъ зрителей раздается выстрѣлъ, донъ Пабло подаетъ на руки
къ своимъ сообщникамъ.)*

Хоръ убійць.

Спасайтесь! Измѣна!

(Ублгаютъ и уносятъ съ собою донъ Пабло.)

Хоръ *(за кулисами)*.

Скорѣе сюда!

Проворѣй, ребята.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

ЗАВОЛЬСКИЙ, КРАСНОЯРСКИЙ (съ пистолетомъ въ рукѣ)
НИКАНОРЪ, ЛОЦМАНЪ, МАТРОСЫ.

Хоръ.

Хватайте злодѣевъ,
Ловите убійцъ.

Никаноръ (подбѣгая къ Завольскому).

Вы живы?

Завольскій.

Ты видншь.

Никаноръ.

Не ранены?...

Завольскій.

Нѣтъ.

Никаноръ.

Ну, кстати поспѣли
На выручку васъ;
Безъ насъ бы навѣрно
Не быть вамъ живымъ!

Хоръ.

Еще бы минуту,
Такъ худо-бъ ему.
Безъ насъ бы навѣрно
Убили его!

Вмѣстѣ.

Завольскій (подходя къ Красноярскому).

Кому я обязанъ
Спасеньемъ моимъ?

Красноярскій.

Мой выстрѣлъ удачный
Убійцу сразилъ.

Завольскій (съ сторону).

Возможно-ль? Что вижу?

Красноярскій (лоцману).

Ты въ городъ ступай,
Увѣдомъ начальство
И тотчасъ назадъ!

(Лоцманъ и нѣсколько матросовъ уходятъ.)

Завольскій (съ сторону).

Опять Красноярскій.

Хоръ.

Смотрите, ребята,
Когда бы не мы,
Пропаль бы задаромъ
Такой молодець!

Завольскій. Красноярскій! И такъ, мнѣ суждено видѣть всегда въ немъ моего избавителя! Но можетъ быть это одно сходство... (*Красноярскому.*) Если не ошибаюсь, вы Александръ Михайловичъ Красноярскій?

Красноярскій (*съ удивленіемъ*). Да, точно! Но почему вы это знаете? Кажется, я въ первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть?

Завольскій. Вы забыли мое лицо, но я никогда не забуду вашего. Вы давно уже изъ Россіи?

Красноярскій. Шестой мѣсяць. Теперь я на возвратномъ пути.

Завольскій (*запинаясь*). Вы, я думаю, давно уже не получали извѣстій о вашихъ.

Красноярскій. На прошлой недѣлѣ я получилъ письмо въ Неаполь отъ моей жены.

Завольскій (*въ сторону*). Отъ его жены!... (*Красноярскому.*) Ну, что, здорова-ли Софья Николаевна?

Красноярскій. Сестра моя?...

Завольскій (*почти безумный отъ удивленія*). Сестра?... Какъ сестра?... Чья сестра?...

Красноярскій. Чья сестра? — моя; вѣдь вы говорите о Софьѣ Николаевнѣ Лидиной?

Завольскій. Но вѣдь вы ея мужъ!... Вы видѣлись съ нею ночью... подлѣ китайской бесѣдки?

Красноярскій. Подлѣ китайской бесѣдки?... Такъ это вы? Боже мой, Боже мой! Сколько напраснаго горя! Вѣдь вы Владиміръ Сергѣевичъ Завольскій?

Завольскій. Да! Я писалъ къ ней, что уступаю ее вамъ.

Красноярскій. Мнѣ! — Да развѣ вы не слышите? Она сестра моя, поймите хорошенько, родная сестра.

Завольскій. Родная сестра! — Да вѣдь вы...

Красноярскій. Ну, да! Я Александръ Михайловичъ Красноярскій, а она Софья Николаевна Лидина — мы братъ и сестра отъ разныхъ отцовъ; Софья не замужемъ, она любитъ — она ждетъ васъ!

Завольскій. Возможно-ли!

Красноярскій. Я былъ влюбленъ въ пріятельницу сестры моей Любовь Дмитриевну Хопрову, и теперь на ней женатъ. Письмо, которое вы нашли въ ридикольѣ, было писано къ ней! Злая тетка хотѣла выдать ее насильно замужъ за какого-

то старика! Въ эту несчастную ночь, когда вы видѣли меня съ Софьей у китайской бесѣдки, я прискакалъ изъ Петербурга для того только, чтобъ увезти Любовь и обвѣнчаться съ нею. Теперь все для васъ ясно.

Завольскій. О! Все ясно! — Она меня любитъ, она ждетъ меня!

Красноярскій. Ну, что, Владиміръ Сергѣевичъ, теперь въ Россію?

Завольскій. Сегодня же, сію минуту!

Красноярскій. Вы можете завтра перебраться на мой фрегатъ.

Завольскій. Нѣтъ, нѣтъ! Я сейчасъ переѣду на вашъ корабль—тамъ мнѣ будетъ казаться, что я уже въ Россіи—тамъ всѣ станутъ говорить со мною по-русски. О! Бога ради! возьмите меня къ себѣ!

Красноярскій. Съ большимъ удовольствіемъ.

Никаноръ (*который слушалъ весь этотъ разговоръ*). Ахъ, батюшка! Такъ вотъ отчего вы ускакали тогда изъ подмосковной? Вы заподозрили Софью Николаевну, да и давай Богъ ноги! За тридцать земель въ тридцатое государство. Эхъ, господа, господа! Вотъ то-то и есть, сударь! Не заглянувъ въ святцы, да и бухъ въ колоколь!... Нѣтъ, по нашему не такъ: заподозрилъ, такъ тутъ же на свѣжую воду, «что такъ, для чего? и почему?» Анъ, глядишь, и вышли пустяки! Ну, конечно, можетъ статься, съ горяча-то и поколотишь, да вѣдь это все не то—помилуйте.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же, Корехидоръ, благородные испанцы и народъ.

(*Вдали показывается фрегатъ*).

№ 12.

Хоръ (*народа*).

Что такое здѣсь случилось,
Кто хотѣлъ убить его?
Вотъ онъ здѣсь! Ну, слава Богу!
Онъ и живъ и невредимъ!

Корехидоръ (*Завольскому*).

Вы замѣтили-ль злодѣевъ?
Вы ихъ знаете, иль нѣтъ?

Завольскій.

Я прощаю имъ охотно,
Вѣдь для насъ просторенъ свѣтъ.

Корехидоръ.

Ихъ найти я общаю
И отомстить за васъ клянусь.

Завольскій.

Ихъ нигдѣ не повстрѣчаю,
Ихъ винжаловъ не боюсь,
Я въ Россію уѣзжаю!

Корехидоръ.

Таеъ мы съ вами расстаемся?

Завольскій.

И, надѣюсь, навсегда!

(Выстрѣлъ съ фрегата).

Красноярскій, Заволь-
скій и Никаноръ.

Вотъ подняли якорь,
Фрегатъ нашъ готовъ—
Въ Россію, въ Россію!
Прощайте, друзья!

Матросы.

Вотъ подняли якорь,
Фрегатъ нашъ готовъ—
Въ Россію, въ Россію!
На отдыхъ скорѣй!

} Виѣсть.

Хоръ испанцевъ.

Прощайте, прощайте!
И помните насъ!

Красноярскій (матросамъ).

На катеръ, ребята!

(Матросы садятся на катеръ, съ ними Красноярскій, Завольскій
и Никаноръ.)

Хоръ испанцевъ.

Пусть вѣтеръ попутный
Къ роднымъ берегамъ
Могучей Россіи
Васъ быстро несетъ,
Пусть бури не смѣютъ
Коснуться до васъ,

И волны морскія
Самъ Богъ укротить!
И ваше свиданье,
Разлуки конецъ,
Съ семьей и друзьями
Наступить скорѣй.

(Въ продолженіе этого хора смѣшенъ на катеръ русскій рожокъ. Въ ту самую минуту, какъ хоръ испанцевъ перестаетъ, матросы подхватываютъ хоромъ русскую пѣсню. Начинаютъ грести, катеръ отваливаетъ отъ берега, Завольскій и Никаноръ машутъ платками остающимся на берегу испанцамъ, которые также прощаются съ ними знаками.)

(Занавѣсъ медленно опускается.)

К О Н Е Ц Ъ О П Е Р Ъ.

ЖУРНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

I.

ИЗЪ „СЪВЕРНАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ“

1817 года.

I

ДОБРЫЙ МАЛЫЙ.

Сегодня по утру я прогуливался съ г. С*** въ Лѣтнемъ саду. Намъ попался на встрѣчу Шмелевъ. Онъ подбѣжалъ къ г. С***, и пожавъ дружески ему руку, началъ съ безпокойнымъ видомъ разспрашивать о здоровьи его домашнихъ. Г. С*** отвѣчалъ, что они всѣ здоровы. «Славу Богу!»—вскричалъ Шмелевъ,—«слава Богу! А мнѣ сказали, что у меньшей вашей дочери болятъ зубы, я нарочно прибѣжалъ въ Лѣтній садъ, надѣясь васъ здѣсь встрѣтить и узнать, правда-ли это? Теперь я спокоенъ. Прощайте! Я вижу въ концѣ аллеи графа Д***; мнѣ надобно узнать, точно-ли онъ проигралъ вчера двѣ тысячи фишъ въ бостонъ. До свиданья!»

— Какой добрый малый!—сказалъ г. С***, когда Шмелевъ ушелъ у насъ изъ виду.

— Нѣтъ!—вскричалъ я,—мнѣ уже наскучило это слышать. Да сжальтесь надо мною! Растолкните мнѣ Бога ради, что находите вы добраго въ этомъ пустомъ человѣкѣ?

— Какъ что добраго? Очень много. Во-первыхъ, онъ честный человѣкъ...

-- Прекрасная честность! Этотъ Шмелевъ занимаетъ деньги у всѣхъ и никому не платитъ.

— Ну, что правда, то правда, мой милый; за нимъ это водится. Онъ занялъ у брата моего тысячу рублей на пять дней,

и вотъ уже пятый годъ не говорить о нихъ ни слова. Это не совѣмъ честно, но за-то также надобно сказать правду, какъ онъ благодарень! Онъ самъ готовъ отдать пріятелю послѣднюю копѣйку.

— Не думаю! Прошлую зиму онъ былъ въ выигрышѣ. Добросердовъ, который столько разъ помогаль ему въ нуждѣ, не могъ у него выпросить въ займы двухъ тысячъ рублей и потеряль отъ этого свой домъ, который продали за ничто съ публичнаго торгу.

— А развѣ ты объ этомъ слышалъ? Ну, если такъ, то и я скажу: этотъ поступокъ не дѣлаетъ ему чести; съ друзьями такъ не поступаютъ. Но если Шмелевъ не всегда бываетъ благодарень, за то какъ онъ услужливъ: сколько ни давай ему комиссій, онъ никогда не откажется.

— Да и выполняетъ ихъ по своему. Вы сами это испытали.

— Такъ ты и это знаешь? Правда, мой милый, что ни говори, а со мной онъ поступилъ не очень благородно. Я даль ему денегъ купить фарфоровый сервизъ, а онъ вмѣсто фарфороваго купилъ простой фаянсовый. Однакожъ не солгалъ, сказалъ откровенно, что остальные деньги проигралъ въ карты. По крайней мѣрѣ, ты не скажешь, чтобъ онъ былъ лгунъ. Люблю его за это, всегда говорить правду.

— Помилуйте! Развѣ вы забыли, какъ онъ клялся и увѣряль, будто фехтуеть такъ хорошо, что можетъ шпагою отбить пулю. Вы скажете пожалуй, что это не ложь!

— Прошу покорно! Ты это все еще помнишь.—Правду, сказать, онъ любитъ красное словцо запустить, и иногда такую дичь пореть, что уши вянуть, но, несмотря на, то въ немъ много есть хорошаго. Напримѣръ, какъ не сказать, что онъ добрый мужъ: безпрестанно говорить о своей женѣ.

— И никогда не бываетъ съ нею вмѣстѣ.

— Вотъ это правда, мой милый. Онъ ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ жена его больна и никуда не выѣзжаетъ. А ему-бы грѣшно ее покидать: она разстроила свое имѣнье для того, чтобы выплатить его долги. Впрочемъ, надѣюсь, никто не скажетъ, чтобъ онъ вель себя дурно.

— О нѣтъ! Онъ только что разъ по шести въ недѣлю бываетъ пьянъ.

— Ба, ба, ба! Такъ ты и этотъ грѣхъ за нимъ знаешь? Ну, нечего таить: онъ пьетъ иногда мертвую чашу. Сколько разъ я ему говорилъ, но все понапрасну; а жаль, право, человѣкъ онъ хорошій.

— Подлинно хорошій! Онъ только что неблагодарень, обманщикъ, лгунъ, дурной мужъ, пьяница и безчестный человѣкъ.

— Что ты! Что ты! Мой милый, побойся Бога!

— Вы сами должны были согласиться, что Шмелевъ имѣеть эти пороки.

— Быть не можетъ! Онъ, конечно, имѣеть свои слабости, но со всѣмъ тѣмъ — воля твоя, спроси кого хочешь, въ немъ есть что-то такое... онъ имѣеть... онъ... Ну, однимъ словомъ, что ни говори, а онъ добрый малый!

2.

Испытаніе.

Въ два часа утра, когда все утихаетъ въ городѣ, когда шумный Петербургъ дремлетъ, — музыка гремѣла въ домѣ Мирославскаго. Каждую недѣлю въ этотъ день давалъ онъ балъ своимъ знакомымъ. Ничто не можетъ быть хлопотливѣе обязанности хозяина, когда онъ хочетъ, чтобъ всѣ гости были довольны: тутъ надобно составить вѣсть; тамъ прискаты четвертую пару для блестящей мазурки; однимъ словомъ, онъ долженъ быть вездѣ, хлопотать о всемъ и не имѣть ни одной минуты покоя. Желая отдохнуть на нѣсколько времени, Мирославскій сѣлъ подлѣ прѣбывающаго недавно изъ провинціи пріятеля своего Здравомыслова.

— Не правда-ли, мой другъ, — сказалъ онъ, — у меня очень весело?

— Надѣюсь, однакожъ, не для тебя, — отвѣчалъ Здравомысловъ: — ты такъ усталъ, такъ измученъ...

— Это правда, — завтра я буду цѣлый день боленъ, но меня утѣшитъ мысль, что пріятели мои провели пріятнымъ образомъ вечеръ.

— Пріятели твой? У тебя ихъ отмѣнно много?

— Да, мой другъ, всѣ тѣ, которыхъ ты здѣсь видишь, безъ памяти меня любятъ.

— А особливо, когда ты даешь имъ балы.

— Ты ошибаешься. Мѣсяцъ тому назадъ я былъ боленъ — и не проходило дня, чтобъ меня не навѣщали. Я не говорю уже объ истинныхъ друзьяхъ моихъ...

— У тебя есть также и истинные друзья? А сколько ихъ, если смѣю спросить?

— Баронъ Д***, Клеонъ, Эрастъ и князь Лестовъ.

— Только четверо?

— А развѣ это мало? Я помню, ты всегда говорилъ, что трудно имѣть и одного истиннаго друга.

— Признаюсь, я и теперь тоже думаю.

— Это оттого, что ты имѣешь наклонность къ мизантропіи. Если не ошибаюсь, ты говорилъ также, что добрую жену еще труднѣе встрѣтить, чѣмъ истиннаго друга; со всѣмъ тѣмъ я женился нимаго не размышляя, и могу назвать себя счастливымъ. Жена моя добра, какъ ангель, предупреждаетъ всѣ мои желанія; на примѣръ, она говоритъ, что ненавидитъ танцы, и, несмотря на то, танцуетъ, для того, чтобъ угодить мнѣ; не любить наряжаться, и покупаетъ по три шали въ годъ — для того, чтобъ угодить мнѣ; терпѣть не можетъ гулянья, и не пропускаетъ ни одного — для того, чтобъ угодить мнѣ; однимъ словомъ, она живетъ для одного меня и жертвуетъ всѣмъ для моего удовольствія.

— Отъ всего сердца поздравляю тебя, мой другъ, но называй меня, если хочешь, мизантропомъ, недоувѣрчивымъ, а со всѣмъ тѣмъ я думаю, что ни одинъ изъ друзей твоихъ не выдержалъ-бы самаго легкаго испытанія. Я не смѣю сказать этого о женѣ твоей, однакожь...

— Что такое? Говори, говори!

— Нѣтъ, мой другъ, я не скажу ни слова; зачѣмъ истреблять заблужденіе, которое дѣлаетъ тебя счастливымъ!

-- Заблужденіе! Ты шутишь, мой другъ. Послушай, чтобъ доказать тебѣ, кто изъ насъ заблуждается, я готовъ пуститься на всѣ испытанія.

— Смотри, чтобъ послѣ не раскаяваться.

— Не безпокойся! Говори только, что долженъ я дѣлать.

— Хорошо. Если ты хочешь непременно испытать друзей твоихъ, то тебѣ надобно будетъ на нѣсколько времени перемѣнить твой образъ жизни. согласишься-ли ты на это?

— Я на все согласенъ.

— Если такъ, то не давай больше баловъ, это будетъ началомъ испытанія.

— Ха, ха, ха! Прекрасное испытаніе! И ты думаешь... Хорошо, мой другъ, я объявлю всѣмъ, что у меня болѣе дня не будетъ. Я увѣренъ, жена моя будетъ этому безъ памяти рада.

— Теперь прощай! Мнѣ пора домой. — Извини, если я къ тебѣ не буду ѣздить: я заваленъ дѣлами.

— Нѣтъ нужды, мой другъ, на будущее недѣль я самъ къ тебѣ заѣду. До свиданія!

Ровно черезъ три недѣли послѣ сего разговора Мирославскій пріѣхалъ къ своему пріятелю. Извини мой другъ, — сказалъ онъ, — я не сдержалъ своего слова; цѣлыя двѣ недѣли я чувствовалъ себя нездоровымъ и дней пять не вставалъ съ постели.

— Право! Но, я думаю, тебѣ не было скучно; пріятели твои...

Не говори о нихъ, мой другъ! Они не стоятъ сего на званія. Повѣришь-ли, никто изъ тѣхъ, которые бывали у меня каждую недѣлю на балѣ, не хотѣлъ заѣхать узнать о моемъ здоровьи. Кромѣ четырехъ друзей, о которыхъ я тебѣ сказывалъ, ни одинъ человекъ у меня не былъ, но зато они не пропускали ни одного дня.

— Тѣмъ лучше! Что значить толпа церемонныхъ гостей передъ обществомъ, составленнымъ изъ четырехъ искреннихъ друзей и доброй жены...

— Кстати о моей женѣ! Я не знаю, что съ ней сдѣлалось; она удивительно перемѣнилась. Вообрази, мой другъ, не смотря на свое отвращеніе къ танцамъ жена пѣлюю недѣлю сердилась на меня за то, что я пересталъ давать балы.

— Это оттого, мой другъ, что принуждаешь ее покупать наряды, когда ей теперь нѣтъ въ нихъ никакой нужды.

Въ самомъ дѣлѣ ты правъ! Вчерась еще, желая по обыкновенію своему угодить мнѣ, она заказала себѣ пикнетовое платье, которое придется ей запереть въ комодъ, потому что она никуда не выѣзжаетъ, а у насъ почти никто не бываетъ. Точно, точно! Ей досадно по пустому бросать деньги, и если я скажу, что не хочу болѣе видѣть ее нарядною, то она вѣрно не будетъ жалѣть о балахъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Однакожь, мой другъ, что-же твое испытаніе?

— Правда, большая часть моихъ знакомыхъ меня забыли, но истинные друзья остались по прежнему друзьями.

— Посмотримъ, на долго-ли. Это было начало испытанія: теперь перемѣни своего повара, возьми самаго простого, давай какъ можно менѣе денегъ на кушанье и вмѣсто шато-марго вели подавать къ столу обыкновенный медокъ.

— Изволь, я тебя послушаюсь. Только къ чему это?

— Подожди нѣсколько дней и тогда ты самъ догадаешься, а теперь извини меня, я ѣду по своимъ дѣламъ.

— Что новаго?—спросилъ Здравомысловъ, увидя входящаго къ себѣ Мирославскаго,—мы съ тобой три недѣли не видались. Что твои друзья?

— Ихъ осталось только трое,—отвѣчалъ съ печальнымъ видомъ Мирославскій. — Баронъ пересталъ ко мнѣ ѣздить. Признаюсь, я не ожидалъ этого! Бывало лишь только ударить три часа, баронъ и въ двери; а теперь онъ каждый день у одного откушника, который нанялъ прежняго моего повара, а ко мнѣ ни ногою.

— А что говорятъ о перемѣнѣ твоего стола остальные пріятели?

— Ни слова. Они также ко мнѣ привязаны, какъ прежде. Надобно сказать правду, безъ нихъ-бы я сошелъ съ ума. Мы играемъ каждый день въ бостонъ и пока я сижу за картами жена оставляетъ меня въ покоѣ.

— Что ты хочешь сказать? Жена твоя...

— Совершенно перемѣнилась. Безпрестанно сердится, поминутно въ истерикѣ; кричить, что она пренесчастная женщина, собирается умереть, и мнѣ пришлось-бы бѣжать, если-бъ не князь Лестовъ, онъ одинъ только можетъ развеселить ее. Клеонъ и Эрастъ играютъ со мной въ карты, а князь разговариваетъ съ женою и такимъ образомъ иногда проходитъ цѣлый день безъ жалобъ и истерик. Теперь видишь-ли, мой другъ, что эти три человѣка истинно меня любятъ. Они жертвуютъ всѣми удовольствіями городской жизни для того только, чтобы дѣлить время съ однимъ мною. О, они точно меня любятъ!

— Даже и тогда, когда ты выигрываешь?

— Какое подозрѣніе! Не стыдно-ли тебѣ, мой другъ. Нѣтъ, ты уже слишкомъ недоувѣрчивъ.

— Можетъ быть. Однакожь, послушайся меня: перестань играть на нѣсколько времени.

— Такъ и быть. Но признаюсь тебѣ, мнѣ уже становится скучно.

— Еще двѣ недѣли и если друзья твои не перемѣнятся, я признаю себя побѣжденнымъ.

Лишь только назначенный срокъ кончился, Мирославскій явился къ своему пріятелю.

— Ну, г. мизантропъ!—вскричалъ онъ входя въ комнату.— Испытаніе кончено и ты побѣжденъ!

— Неужели!

— Въ этомъ могу тебя увѣрить.

— Ты не даешь баловъ, худо кормишь, не играешь въ карты и друзья твои не перемѣнились?

— Не друзья, а другъ Клеонъ и Эрастъ меня оставили, но князь Лестовъ, — по крайней мѣрѣ я въ немъ не ошибся, онъ сталъ ѣздить ко мнѣ чаще прежняго; это еще ничто передъ тѣмъ, что князь для меня сдѣлалъ: дружескіе его совѣты исправили жену мою; она стала по прежнему настоящимъ ангеломъ. Ты себѣ представить не можешь, какъ она его уважаетъ!

Въ то время, какъ Мирославскій договаривалъ сіи слова, вошелъ человѣкъ и подаль ему письмо отъ жены.

— Ты увидишь, любезный Здравомысловъ, — сказалъ онъ распечатывая оное,—жена вѣрно пишетъ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ на дачу; она еще вчера съ туда отправилась. Съ нѣкото

раго времени жена моя сдѣлалась такъ нѣжна, такъ ласкова, такъ... Боже мой! Что это значить?

— Что съ тобой сдѣлалось?—спросилъ Здравомысловъ.—Ты полюбднѣлъ, какъ смерть.

— Посмотри, мой другъ, жена моя пишетъ, что не намѣрена жить со мною, и для этого рѣшилась уѣхать навсегда въ чужіе края!

— Возможно-ли? Госпожа Мирославская уѣхала въ чужіе края! И одна...

— Никакъ нѣтъ!—сказалъ слуга, принесшій письмо.—Человѣкъ князя Лестова сказывалъ мнѣ, что баринъ ихъ поѣхалъ съ нею вмѣстѣ.

3.

Н Е Р А В Н Ы Й Б Р А К Ъ .

Лиза была молода, прекрасна и любезна, г. Славолубскій былъ старъ, скупъ и дурень. Она любила городскую жизнь, балы, театры и всё шумныя удовольствія, онъ любилъ деньги, малый расходъ, холмогорскихъ быковъ и голландскихъ коровъ. Ей было не болѣе 18 лѣтъ, ему около шестидесяти. Кто не пожалѣетъ о бѣдной Лизѣ? Она была его женою! Вообразите фигуру уродливаго карлы; представьте себѣ лицо, на которомъ время напечатлѣло неизгладимыми чертами полныя 60 л.—вотъ Славолубскій. Видали-ли вы когда-нибудь богиню красоты, написанную рукою искуснаго художника: вотъ портретъ Лизы. Странно покажется, что Лиза вышла за такого уroda. На это есть небольшая причина, о которой я позабылъ упомянуть. Г. Славолубскій имѣлъ нѣсколько сотъ тысячъ и три или четыре подмосковныя. Но возможно-ли, что-бъ молодая, любезная дѣвица была такъ привязана къ богатству? Конечно нѣтъ! Но 18-лѣтняя дѣвушка не можетъ располагать сама собою, а какому батюшкѣ не кинутся въ глаза три тысячи душъ! Какая матушка не захочетъ видѣть свою дочку осыпанную брилліантами!

Лиза воспитывалась въ Москвѣ. Тамъ увидѣла она и полюбила Эраста, молодого, любезнаго человѣка. Онъ сватался; ему отказали (Эрастъ былъ не богатъ). Бѣдная дѣвушка грустила, тосковала и въ одинъ вечеръ получила повелѣніе явиться въ кабинетъ къ своему батюшкѣ. Она взошла и увидѣла тамъ всѣхъ родныхъ своихъ, собранныхъ вмѣстѣ. Дядюшки, тетюшки родные, двоюродные, внучатные и проч. и проч., всѣ они по-сматривали другъ на друга и перешептывались. Почтенный ба-

тюшка, подобно Іакову, сидѣлъ по-среди сего многочленного семейства. Подозвавъ поближе изумленную Лизу, изъяснилъ онъ въ короткихъ словахъ причину сего чрезвычайнаго собранія.

— Дочь моя,—сказалъ онъ,—тебѣ извѣстно какъ разстроено наше состояніе; ты можешь своимъ послушаніемъ вывести насъ изъ критическаго положенія, въ коемъ мы находимся: почтенный другъ нашъ, г. Славолюбскій, беретъ выплатить долги всей нашей фамилии и требуетъ въ замѣну сего руки твоей. Я хочу знать согласна-ли ты выполнить нашу волю.

Тутъ поднялъ онъ величественнымъ образомъ свои взоры и устремилъ ихъ на трепещущую Лизу.

Она молчала.

— Отвѣчай, дочь моя, согласна-ли ты?

— Батюшка, — сказала тихимъ голосомъ бѣдная дѣвушка, — онъ такъ стар!

— Три тысячи душъ!—ворчалъ двоюродный братецъ.

— Такъ дурень!...

— Триста тысячъ наличными деньгами, — пищала толстая тетушка въ пятомъ колѣнѣ.

— Я никогда не буду любить г-на Славолюбскаго.

— Дурочка! — шептала ей мать.—Да кто и требуетъ этого; тебѣ говорятъ, чтобъ ты только вышла за него замужъ.

— Я умру, если вы принудите меня это сдѣлать.

— Пустое, голубушка, — сказала внучатная сестрица — дѣвушка лѣтъ подь сорокъ,—отъ этого не умираютъ.

— Къ чему всѣ эти отговорки, — продолжалъ батюшка, — говори прямо: хочешь-ли за него выдти, или нѣтъ?

— Нѣтъ!

Тутъ маменька закричала, папенька топнулъ ногою, дядюшки и тетушки, вся внучатная и правнучатная бесѣда зашумѣла, какъ гуча шмелей, бѣдная Лиза плакала, плакала и, наконецъ, обтерши слезы бѣлымъ платочкомъ и бросивъ горестный взоръ въ ту сторону, гдѣ жилъ Эрастъ, сказала: да!

На другой день Лиза имѣла свиданіе съ женихомъ своимъ; выслушала длинную диссертацию о способѣ разводиться съ удобностію рогатый скотъ. На третій г. Славолюбскій нарядился въ свой праздничный кафтанъ, а вечеромъ называлъ уже Лизу своею супругою. На четвертый, при полномъ собраніи дядюшекъ и тетушекъ, сказалъ своему тестю, что чувствуетъ всю честь, ему сдѣланную, и считаетъ себя обязаннымъ подумать о приведеніи въ порядокъ его дѣлъ; потомъ, взявъ подъ руку плачущую Лизу, прошелъ сквозь длинный рядъ родственниковъ и, сѣвши въ карету, отправился въ свою подмосковную.

Бѣдные родственники! И такъ всѣ лестныя надежды ваши кончились однимъ пустымъ обѣщаніемъ.

Долго не могли они опомниться всѣ стояли въ прежнемъ

положеніи. Наконецъ заговорили въ одно время, зачали ругать Славолюбскаго.

— Я предъувѣдомляла, что отъ этого осла ничего путнаго не будетъ,—кричала одна.

— Я предсказывалъ, что мы останемся въ дуракахъ,—ворчала другой.

— Для чего прежде свадьбы не заставитъ его выполнить данное обѣщаніе,—воскликнула третья.

— Зачѣмъ упустили его,—пищала тетушка въ пятомъ колѣнѣ.

Батюшка заперся въ свой кабинетъ, матушка въ уборную, а жалкіе родственники, съ наполненными горестью сердцами и пустыми карманами, разѣхались по домамъ.

Между тѣмъ, не смотря на тысячи проклятій, которыя стремились вслѣдъ за молодымъ супругомъ, путешествіе его приходило къ благополучному окончанію. Уже можно было различать вдали деревню, которая готова была сдѣлаться темницею несчастной Лизы. Она молчала, поглядывала назадъ и слезы невольнымъ образомъ капали на прелестную грудь ея. Она оставляла позади себя друзей своихъ, Эраста, все.

Славолюбскій смотрѣлъ впередъ и улыбался; онъ радовался скорому свиданію съ своими холмогорскими быками и голландскими коровами. Съ каждымъ шагомъ впередъ, несчастная чувствовала прибавленіе своей горести, сердце ея разрывалось.

Будучи воспитана съ самого младенчества въ кругу родныхъ своихъ, привыкши къ городскимъ веселостямъ, она видѣла передъ собою пустыню, въ которой, можетъ быть, должна была на вѣкъ погребсти себя, жить въ деревнѣ, жить въ отдаленіи отъ друзей, родныхъ своихъ, имѣть каждую минуту передъ глазами человѣка, котораго ненавидѣла болѣе всего на свѣтѣ, который разрушилъ навсегда всѣ прелестныя мечты ея. Ахъ! такая жизнь казалась ей несноснѣе самой смерти. Предавшись глубокой задумчивости, вспоминая счастливые дни прежней жизни своей, милаго Эраста, она позабыла на нѣсколько минутъ горестное свое положеніе.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! — вскричалъ съ восхищеніемъ Славолюбскій высунувшись до половины изъ окошка. Лиза вздрогнула; заблужденіе ея исчезло и вмѣсто пламеннаго Эраста она увидѣла своего уродливаго супруга, который въ сильныхъ конвульсіяхъ необычайной радости казалось хотѣлъ выпрыгнуть изъ окошка, продолжая кричать изо всей силы: вотъ онъ, вотъ онъ! Изумленная Лиза спросила съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Что такое?

— Скотный дворъ! Я вижу его отсюда.

Лиза, не смотря на кечаль свою, улыбнулась.

— Такъ, это онъ! — продолжалъ Славолубскій: наконецъ я опять васъ увижу, любезные мои, увижу и долго уже, долго не разстанусь съ вами!

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди несчастной красавицы: она слышала приговоръ свой!

Супруги подѣхали къ околицѣ и пронзительный колокольный звонъ раздался по воздуху. Крестьяне стояли у воротъ; старики, женщины, ребятишки — каждый горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть молодую барыню. Впереди сей толпы стоялъ земскій изъ семинаристовъ; съ важнымъ видомъ поглядывалъ онъ на шумное собраніе народа; подавая имъ знакъ рукою пребывать въ молчаніи, онъ готовился произнести поздравительную рѣчь, надъ которой потѣлъ нѣсколько ночей. Карета остановилась и Славолубскій вышелъ вмѣстѣ съ унылою Лизою.

Ораторъ выступилъ два шага впередъ, смиренно поклонился, надулся, правая рука отдѣлилась, поднялась и латинскій текстъ вылетѣлъ изъ краснорѣчивыхъ устъ его; за онымъ послѣдовали полновѣсные періоды, въ которыхъ истощено было все краснорѣчіе сего новѣйшаго Цицерона: метафоры лились рѣкою, голось его дѣлался часъ-отъ-часу живѣе, жесты выразительнѣе. Онъ уподоблялъ Лизу плодовитому древу, которое должно принести сладчайшіе плоды, и кончилъ свое поздравленіе, пропѣвши хоромъ вмѣстѣ съ тремя дьячками многія лѣта молодымъ супругамъ. Славолубскій изъявилъ свое благоволеніе, сѣлъ снова въ карету и поѣхалъ далѣе.

Теперь да позволено мнѣ будетъ, прежде чѣмъ дойдутъ молодые до барскаго двора, сдѣлать небольшое отступленіе. Каждый разъ, употребляя въ семъ описаніи слово карета, чувствовалъ я сколь много погрѣшалъ противъ истины, давая сіе названіе экипажу, въ коемъ ѣхали новобрачные, и каждый разъ долженъ былъ сожалѣть, что мода и обычай изгнали изъ языка нашего много такихъ словъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываютъ необходимы, напримѣръ, слово колымага могла-бы дать совершенное понятіе о дорожномъ экипажѣ Славолубскаго; но кто не побоялся-бы на моемъ мѣстѣ, употребляя оное, подвергнуться колкимъ насмѣшкамъ модныхъ рецензентовъ, которые назвали-бы сіе коренное русское слово низкимъ, площаднымъ, и присудили-бъ въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи къ политической смерти и автора и его сочиненіе.

Посреди обширнаго двора, заросшаго полынью и репейникомъ, обнесеннаго высокимъ заборомъ, возвышались на кирпичномъ фундаментѣ деревянные, обитыя тесомъ, хоромы — на слѣдственное зданіе въ фамиліи Славолубскихъ; свинцовая рука времени привела въ ничтожество большую часть тесницъ на кровлѣ сего дома; искусная рука Антипыча, приказчика Славолубскаго, замѣнила ихъ соломою. Ерусланъ Лазаревичъ и хра-

брый Бова Королевичъ, растерзанные безъ всякаго милосердія, были прилѣплены къ окнамъ на мѣсто разбитыхъ стеколъ; сзади къ дому примыкала густая дубовая роща; спереди, противъ воротъ, стоялъ огромный скотный дворъ—средоточіе всѣхъ радостей и наслажденій г. Славолюбскаго.

На тяжкихъ веревкахъ ворота заскрипѣли,
Вичъ хлопнулъ, и—

новобрачные вышли изъ кареты. На крыльцѣ, посреди кучи слугъ, стоялъ съ толстымъ брюхомъ и подобострастною миною г. управитель.

— Честъ имѣемъ поздравить! — сказалъ онъ входящей на крыльцо новобрачной четѣ. «Поздравить честь имѣемъ!» подхватила хоромъ вся дворовая сволочь.

— Спасибо ребята, спасибо! Что Антипычъ, каково на скотномъ дворѣ?

— Все, сударь, въ надлежащей исправности.

— Бѣлый холмогорскій быкъ? Черная голландская корова?..

— Вчерась, сударь, изволила отелиться.

— Душенька, — сказала Славолюбскій, оборотясь къ своей женѣ, — тупай въ свою комнату, а я забѣгу взглянуть на своихъ коровокъ.

Лиза, провожаемая кучею дворовыхъ дѣвокъ, кои осматривали попеременно съ ногъ до головы то молодую барыню, то служанку ея Анюту, прошла черезъ нѣсколько комнатъ, на голыхъ стѣнахъ которыхъ видны были остатки древнихъ обоевъ. Вошедши въ свою спальню, выслала она всѣхъ, исключая Анюты, и предалась на свободѣ своей горести.

Ахъ! Какая женщина, привыкшая съ дѣтства къ блестящему обществу, не пришла-бы въ отчаяніе будучи на ея мѣстѣ!

— Послушай, Антипычъ! Я намѣренъ съ тобою посоветоваться, — сказала Славолюбскій, спустя три дня послѣ своего приѣзда! — завтрашній день я хочу дать свадебный обѣдъ; надобно позвать гостей и ближнихъ моихъ сосѣдей.

— Слушаю, сударь!

— Какъ-бы, Антипычъ, придумать намъ подешевле отпраздновать; всѣ эти праздники стоятъ дорого, а проку-то отъ нихъ не много.

— Конечно, сударь.

— Однакожъ, намъ не надобно себя и лицомъ въ грязь ударить.

— Совершенно правда, сударь.

— Во-первыхъ, желаль-бы я хорошенько иллюминировать домъ, да плошки-то нынче не путемъ стали дороги, того и гляди, что рублей пять на эту дрянъ выйдетъ.

— Позвольте, сударь, я думаю, что безъ плошекъ обойтись можно: я отдамъ приказъ крестьянамъ, чтобъ они снесли на

барскій дворъ всѣ старые лагуны; какъ мы ихъ запалимъ, что твои плоски. Любо-дорого посмотрѣть будетъ!

— И то дѣло! Ай да Антипычъ! Ну, право, ты старикъ умный! Намъ надобно также достать какую-нибудь музыку. Какъ ты думаешь, Антипычъ?

— Въ городѣ, сударь, есть два скрипача, да гуслистъ; дашь имъ копѣекъ пятьдесятъ, да по рюмкѣ водки, такъ они васъ цѣлые сутки тѣшить будутъ.

— И это хорошо. Теперь надо подумать объ обѣдѣ: дичи-то настрѣлено у насъ довольно; да этого все мало будетъ. Ну, инъ такъ и быть! Пускай-же себѣ не говорятъ, что Славолубскій угощать не умѣетъ. Черный-то быкъ лѣтъ двадцати, снѣ что-то больно сталъ плохъ; ни пьеть, ни ѣсть, того и гляди, что издохнетъ. Антипычъ, зарѣжемъ его!

— Зарѣжете, сударь.

— Вели разлить по бутылкамъ полведра прошлогодней наливки, да вынуть изъ погреба двѣ бутылки французскаго питья здорье, а о десертѣ и говорить нечего: моченыхъ яблоковъ хоть не ѣшь.

— Да и сушеныхъ грушъ у насъ довольно.

— Хорошо, это все пойдетъ въ дѣло. Теперь гдѣ-бы намъ расположить обѣденный столъ: въ залѣ у насъ вчерась обвалился потолокъ; поправить къ завтраму не успѣютъ, а другія комнаты больно тѣсны.

— Не прикажете-ли, сударь, опростать каретный сарай?

— Нѣтъ, я придумалъ лучше: вели сдѣлать на скорую руку лубошную галерею; внутри можно ее украсить зеленью и цвѣтами, а полъ усыпать пескомъ.

— Очень хорошо, сударь! Сейчас же пошлю накосить воза два травы! Извольте положить на меня, все будетъ сдѣлано.

— Теперь ступай, Антипычъ, да мимоходомъ скажи старостѣ, чтобъ онъ отпустилъ полгарнца пшеничной муки дворовымъ людемъ: они должны завтра напудриться.

Что дѣлала бѣдная Лиза въ то время, когда супругъ ея приготавлился съ такою пышностью торжествовать свою свадьбу? Она сидѣла въ своей комнатѣ, говорила съ Анютою объ Эрастѣ, плакала, гуляла по роцѣ и перебирала листы въ одномъ томѣ экономическаго журнала, который нашла у себя на окошкѣ.

— Ну, душенька! — сказала Славолубскій, входя къ ней въ комнату, — будь повеселѣе: завтра у насъ будутъ гости; ты познакомишься съ городничихой — препочтенная дама! Во всемъ околоткѣ она одна можетъ похвастаться такими коровами, какія у меня. Да кстати, ты еще не была у меня на скотномъ дворѣ? Право, милая, есть что посмотрѣть!

— Вѣрю, сударь; но я еще прежде нашей свадьбы говорила вамъ, что не охотница до этого!

— Полюбишь, милая, полюбишь, какъ поживешь здѣсь годовъ десять...

— Ахъ, сударь! Неужели мы всегда будемъ здѣсь жить?

— Я иногда буду по'дѣламъ ѣздить въ Москву, а ты, дупенька, станешь оставаться дома и хозяйничать; вѣдь надобно же тебѣ пріучаться.

О, Лиза, Лиза, для чего ты сказала да? Для чего не перенесла равнодушно упреки своихъ дядюшекъ и тетюшекъ? Для чего пожертвовала ты собою? Такъ думала бѣдная Славолюбская, оставшись одна, и—о, вы, строгіе моралисты, непреклонные къ слабостямъ другихъ, снисходительные къ собственнымъ вашимъ порокамъ, осмѣльтеся осудить ее.

Весь день былъ употребленъ на приготовленіе къ торжеству: умирающій быкъ кончилъ жизнь свою отъ руки жестокаго повара; скрипачи и гуслистѣ настраивали въ застойной свои инструменты; лагуны разставлены по мѣстамъ, и прежде, чѣмъ солнце скрылось за густую дубовую рощу, лубошное зданіе было окончено. Антипычъ превосходилъ самого себя. Ничто не укрывалось отъ прозорливыхъ его взоровъ: мимоходомъ замѣтилъ онъ въ одномъ углу двора старую заржавленную чугунную пушку, которая около двадцати лѣтъ лежала на одномъ мѣстѣ и была нѣкогда въ большемъ употребленіи у бабушки г-на Славолюбскаго, великой охотницы до пальбы. Читатели, я думаю, замѣтили уже, что Антипычъ былъ одаренъ отъ природы изобрѣтательнымъ и скорымъ на выдумки воображеніемъ. Чугунная пушка возродила въ немъ желаніе удивить пріятною нечаянностью своего барина; за желаніемъ слѣдовало исполненіе,—и грозное орудіе лежало уже позади лубошнаго зданія на двухъ чурбанахъ, кои лучшимъ образомъ замѣняли недостатокъ лафета; большая куча тростника, оставшагося отъ кровли, скрывала ее отъ любопытныхъ взоровъ.

— Кумъ,—сказалъ Антипычъ краснорѣчивому Земскому,—я думаю, ты не оставишь въ завтрашній высокоторжественный день произнести приличное слово.

— Всеконечно, любезный куманекъ!

— Если такъ, то прошу тебя заключить оное многолѣтіемъ, потому что вмѣстѣ съ онымъ намѣренъ я произвести пушечную пальбу.

— Изрядно, куманекъ! Но нижайше прошу взять въ разсужденіе, что оной пальбѣ слѣдуетъ произойти неукоснительно при концѣ моей рацеи, дабы не прервать меня посреди одного изъ періодовъ.

— Не беспокойся, все будетъ сдѣлано какъ слѣдуетъ.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ ночи кончились всѣ приготовленія. Славолюбскій, ложась спать, восхищался, воображая, сколько шуму надѣлаетъ въ околоткѣ роскошный пиръ, имъ пригото-

вленный; болѣ всего ему нравилась безубыточная выдумка освѣщенія.—Ахъ! если-бъ онъ предчувствовалъ всѣ бѣдствія, которыя произойдутъ отъ проклятыхъ лагуновъ. Если-бъ зналъ, какихъ золь будетъ причиною сія пагубная иллюминація.

Солнце едва еще стало показываться на горизонтѣ, какъ Антипычъ явился съ кучею крестьянокъ, обремененныхъ цвѣтами и различною зеленью; онъ приступилъ немедленно къ украшенію внутренности вновь сооруженнаго зданія. Красноглаголивый Земскій изливалъ уже въ послѣднемъ періодѣ своей поздравительной рѣчи все краснорѣчіе, почерпнутое имъ въ семинаріи; крестьяне торопились на работу, чтобъ успѣть возвратиться заранѣе домой и поглядѣть на ужасное истребленіе лагуновъ своихъ; Славолюбскій примѣривалъ свой праздничный кафтанъ въ то время, когда люди его посыпали головы свои пшеничною мукой! Горе имъ! если-бъ господинъ ихъ могъ чптать въ книгѣ судебъ; если-бъ какая-нибудь Сибилла предрекла ему слѣдствія злополучнаго праздника: онъ велѣлъ-бы тогда вмѣсто муки пепломъ посыпать имъ главы свои.

Не знаю, тайное-ли какое предчувствіе, или что-нибудь другое было тому причиною, что Лиза, которая, несмотря на предувѣдомленіе своего супруга, не намѣрена была для гостей наряжаться, приказала по утру Анютѣ вынуть лучшее свое платье, и просидѣла за туалетомъ гораздо долѣе обыкновеннаго.

Анюта прикальвала послѣдній цвѣтокъ къ головному убору своей барыни, какъ г. Славолюбскій вошелъ въ ея комнату.

— Душенька,—сказалъ онъ,—одѣвайся проворнѣе, гости уже сѣхались и г-жа городничиха съ нетерпѣніемъ тебя ожидаетъ.

Лиза взглянула въ окошко; ободранныя коляски, плачевныя рыдваны, безконечныя линии и коротенькія линеечки, перемѣшанные различнымъ образомъ, стояли въ пріятномъ беспорядкѣ посреди двора; подобно Колоссу возвышался между оныхъ огромный фазтонъ почтенной городничихи, предметъ зависти и удивленія всѣхъ ея знакомыхъ.

Лиза окончила свой туалетъ и вошла вмѣстѣ съ супругомъ своимъ въ гостиню.

Гдѣ ты, неподражаемый Гогардъ! Оставь на минуту своихъ флегматическихъ соотечественниковъ, переселись въ мою веселую горенку, возьми свою чудотворную кисть и изобрази на холстѣ, тобою одушевляемомъ, то, чего не можетъ описать перо мое, представь со всѣмъ причтомъ г-на городничаго и высокоименитую супругу его; сдѣлай легкій эскизъ обществу, посреди котораго должна жить воспитанная въ самомъ блестящемъ кругу несчастная супруга Славолюбскаго; изобрази ее входящую въ пріемную комнату; представь весь церемоніаль уѣздныхъ рекомендацій, какъ каррикатура за каррикатурою подходятъ съ различными ужимками, минами и тѣлодвиженіями къ смущенной Лизѣ: какъ

старыя дамы въ кисейныхъ накрахмаленныхъ чепцахъ душать ее своими безконечными поздравленіями; какъ молодыя женщины, разодѣтыя не хуже московскихъ горничныхъ дѣвушекъ, осыпая ее поцѣлуями, пересчитываютъ всѣ складки ея платья и замѣчаютъ каждый бантикъ въ головномъ уборѣ; какъ почтенные чиновники уѣзднаго и земскаго судовъ, старыя помѣщики и длинные недоросли шаркаютъ ногами и истощаютъ все краснорѣчіе въ своихъ витіеватыхъ рекомендаціяхъ; изобрази все это, неподражаемый Гогардъ, и поставь смѣло свою картину наряду съ лучшими произведеніями руки твоей.

— Ну, моя радость, — сказала, когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, г-жа городничиха—толстая, короткая, краснощекая, лѣтъ подь сорокъ дама, —какова вамъ кажется наша сторона?

— Я такъ недавно еще здѣсь, сударыня, что ничего не могу вамъ отвѣчать на это.

— Съ начала, миленькая, вамъ конечно покажется здѣсь скучнѣе московскаго, но какъ пообживетесь, то будетъ весело; я сама была воспитана въ губернскомъ городѣ, и когда, вышедши замужъ, должна была жить въ уѣздномъ, то сначала очень тосковала. Не правда-ли, мой другъ? — продолжала она, оборотясь къ своему мужу, худенькому и малорослому старичку.

— Правда, мой ангелъ!—отвѣчалъ онъ,—первые дни ты была настоящимъ дьяволомъ: сердилась на меня, дралась съ своими дѣвками; однимъ словомъ, все было не по тебѣ, все казалось противнымъ; еслибъ не посѣтила насъ на третій день любезная наша Анна Степановна, то мнѣ осталось-бы, завязавши глаза, бѣжать прямо въ воду. Ужъ истинно по милости ея гляжу я теперь на свѣтъ Божій!

— Какой затѣйникъ, —сказала исправничиха, къ которой относились послѣднія слова;—вѣчно съ своими шуточками!

Вскорѣ разговоръ обратился на другіе предметы. Одинъ изъ сосѣдей Славолюбскаго, копія Скотинина, извѣстнаго дѣйствующаго лица въ прекрасной комедіи «Недоросль», взошелъ съ нимъ въ жестокой споръ; онъ доказывалъ, что природа ни въ чемъ не показала столь много своего могущества, что творческая рука ея не создала ничего совершеннѣе большой жирной свиньи и что рогатый скотъ цѣлаго свѣта не стоитъ одного настоащаго, породистаго цуцкаго борова. Славолубскій съ жаромъ опровергалъ его мнѣніе, городничиха взяла сторону хозяина; другіе соединились къ его сопернику, и споръ сдѣлался общимъ.

Жалкое сіе преніе было прервано приходомъ челоѣка, который прокричалъ громогласно, что пріѣхалъ Мирославскій, одинъ изъ сосѣдей Славолубскаго. Дверь отворилась, и онъ взошелъ съ незнакомымъ молодымъ челоѣкомъ.

— Рекомендую вамъ моего пріятеля!—сказалъ Мирославскій хозяину. Лиза подняла глаза, которые до того были потуплены,

и кто изъяснить ея удивленіе! Незнакомый молодой человѣкъ былъ Эрастъ!

Ахъ! какъ запылали лилейныя щеки нашей красавицы, когда Мирославскій, подведя къ ней Эраста, сказалъ: «Кажется не нужно рекомендовать вамъ моего пріятеля; если не ошибаюсь, вы съ нимъ давно уже знакомы».

Бѣдная Лиза какъ будто онѣмѣла: она не могла выговорить ни одного слова.

— Да, сударь,—сказалъ Эрастъ, примѣтя смущеніе Лизы, я имѣлъ счастье пользоваться знакомствомъ почтенныхъ ея родителей

Что можетъ укрыться отъ пронизательныхъ взоровъ ревниваго мужа? Славолубскій примѣтилъ смущеніе Лизы, ея пылающія щеки и какой-то необыкновенный взглядъ, брошенный украдкою на Эраста. Этого уже было довольно, чтобъ привести его въ ужасное безпокойство; широкій лобъ его покрылся морщинами, онъ подошелъ къ Эрасту, сказалъ ему съ холодною нѣскольکو обыкновенныхъ вѣжливостей и, отвѣдя на другой конецъ горницы, просилъ садиться. Влюбленный человѣкъ не уступить въ догадливости ревнивому мужу. Эрастъ, замѣтя, что его подозрѣваютъ, сталъ разговаривать съ своими сосѣдями, не глядѣлъ на Лизу, и казалось совсѣмъ позабылъ, что она съ нимъ въ одной горницѣ. Славолубскій успокоился; зачалъ думать, что ошибся въ своемъ подозрѣніи; что необычная краска въ лицѣ его супруги произошла отъ одной застѣнчивости, и возобновилъ съ прежнимъ жаромъ споръ, прерванный прїѣздомъ Мирославскаго. Естественно, Эрастъ взялъ его сторону.

— Позвольте,—сказалъ онъ упорному защитнику свиней,—сдѣлать вамъ небольшое замѣчаніе: вы, унижая любимыхъ скотовъ г. Славолубскаго, позабыли, что самъ Юпитеръ превращался для похищенія Европы въ сіе благородное животное; что древніе египтяне имѣли всегда въ числѣ боговъ своихъ одного бѣлаго быка, и что свиньи никогда и ни въ какой части свѣта не пользовались такою честью.

Все упорство г. Скотинина не могло устоять противъ сего историческаго довода; онъ не могъ опровергнуть онаго по весьма натуральной причинѣ: Эрастовы слова казались ему китайскою азбукою. Удивляясь обширнымъ познаніямъ и глубокой его премудрости, онъ замолчалъ и уступилъ ему мѣсто сраженія.

— Bravo! — вскричалъ Славолубскій, обнимая съ восхищеніемъ побѣдителя, — нельзя лучше доказать превосходство моихъ любимыхъ животныхъ передъ всѣми прочими; я вижу, вы знатокъ и охотникъ. Смѣю васъ увѣрить, что если побываете на моемъ скотномъ дворѣ, то ваша къ нимъ привязанность чрезъ сіе нисколько не уменьшится.

— Сердечно, сударь, радуюсь, что наши вкусы сходны межъ собою.

Между тѣмъ всѣ гости поднялись. Хозяинъ повелъ городничиху, супругъ ея хотѣлъ было сдѣлать эту честь Лизѣ, но Эрастъ былъ проворнѣе; онъ подаль ей руку и пошелъ вмѣстѣ съ прочими гостями.

Быть долгое время въ разлукѣ съ любимцемъ души своей; думать, что разлука сія должна быть вѣчною, и вдругъ увидѣть его передъ собою, слышать пріятный голосъ своего возлюбленнаго, прикасаться своей рукой къ его рукѣ! О, эти чувства!... Но извините, я не знаю, какъ описать ихъ! Прекрасная читательница! Если вы никогда не любили, то спросите вашихъ милыхъ подругъ, и вѣрно многія изъ нихъ будутъ вамъ описывать то непостижимое и пріятное чувство, которое наполняетъ нашу душу, когда мы находимся въ первый разъ послѣ долгой разлуки вмѣстѣ съ милымъ, или милою своей; будутъ вамъ толковать, изяснять, доказывать, и вы не поймете ихъ до тѣхъ поръ, пока сами въ свою очередь не узнаете по опыту того, чего никакая теорія совершенно изяснить и доказать не можетъ.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?—шепнула Лиза голосомъ, который имѣлъ видъ упрека, и съ нѣжнымъ взоромъ, который говорилъ совсѣмъ другое. О, женщины, женщины! Вамъ лишь возможно въ одно и то же время приводить насъ въ отчаяніе и подавать лестную надежду; казаться нашими невольницами, и деспотически повелѣвать нами; однимъ словомъ, дѣлать изъ насъ все то, что вамъ угодно.

— Ахъ, сударыня! — отвѣчалъ Эрастъ, — я рѣшился на все, рѣшился видѣть торжество моего соперника; хотѣлъ узнать, заслуживаетъ-ли онъ свое благополучіе; найти васъ счастливою, и умереть, утѣшаясь мыслью, что я одинъ несчастливъ.

Вмѣсто отвѣта, Лиза взглянула на него такъ жалко, такъ жалко, что сердце бѣднаго Эраста облилось кровью. Съ горестію пожалъ онъ трепещущую руку несчастной красавицы и замолчалъ.

Все многочисленное общество вступало въ лубошную галерею. Дамы ахнули отъ удивленія! Внутренность ея была убрана гирляндами изъ цвѣтовъ, полъ усыпанъ пескомъ и зеленью; однимъ словомъ, во всемъ видѣнъ былъ тонкій вкусъ Антипыча и расточительный нравъ его барина. Посреди тростниковаго потолка, на тоненькой бичевочкѣ, висѣла люстра; на концахъ, положенныхъ крестъ-на-крестъ, двухъ палокъ прилѣплены были четыре восковыя свѣчки; вся люстра была убрана зеленью и представляла вмѣстѣ съ прочими украшениями галереи что-то романтическое и пріятное для глазъ всего восхищеннаго собранія; но когда взоры ихъ обратились на передній уголъ, то всеобщее браво, какъ громъ, раздалось по воздуху. Гирлянды изъ полевыхъ цвѣтовъ, изгибаясь различнымъ образомъ, образовали изъ себя вензелевое имя хозяина и его супруги; надъ ними изъ огромныхъ подсолнечниковъ была представлена корона, а внизу—рога

несчастнаго двадцатилѣтняго быка, обвитые гирляндами и туго набитые цвѣтами, въ совершенствѣ представляли рога изобилія, и, казалось, предвѣщали счастливую и безмятежную жизнь молодымъ супругамъ! Прошу не погнѣваться: Антипычъ не хуже всякаго зналъ мифологію.

Между восхищенными гостями напелся, однакожь, одинъ записной уѣздный насмѣшникъ (гдѣ нѣтъ этихъ господь!), который шепталъ своимъ сосѣдамъ, что эти рога ничего путнаго не предвѣщаютъ; но никто не хотѣлъ слушать его замѣчаній. Скрипачи-виртуозы и гуслистъ затаили «При долинушкѣ стояла»; туча лакеевъ въ разнокалиберныхъ ливреяхъ, шитыхъ при Петрѣ первомъ, заняли свои посты позади стульевъ, и всѣ гости разошлись по старшинству чиновъ, разумѣется супруга городничаго заняла первое мѣсто.

Случай-ли былъ тому причиною, или что-нибудь другое: Эрастовъ стулъ находился прямо противъ того мѣста, гдѣ сидѣла Лиза. Онъ не спускалъ съ нея глазъ; а какъ по весьма натуральной причинѣ, тотъ, кто глядитъ не сводя глазъ въ одно мѣсто, не можетъ видѣть того, что дѣлается въ другомъ, Эрастъ не замѣчалъ подозрительныхъ взоровъ Славолюбскаго. Лиза сидѣла потупивши глаза, и казалось смотрѣла на тарелку; но если-бы ее спросили въ ту минуту, какое передъ ней стоитъ кушанье, то она не знала-бы, что отвѣчать: избѣдка глаза ея встрѣчались съ пламенными взорами Эраста: бѣдная Лиза приходила въ такое смущеніе, что брала вмѣсто ножа вилку и хотѣла ложкою разрѣзывать жаркое: все это ужаснымъ образомъ заставляло хмуриться ревниваго мужа. Но непрерывная ихъ разсѣянность была замѣчена не однимъ подозрительнымъ супругомъ; прислуга Славолюбскаго, для которой въ кругломъ году не было ни одного мясѣда, воспользовалась безпечностію своей барыни и незнакомаго гостя: тарелки съ кушаньемъ исчезали, а на мѣсто ихъ появлялись пустыя; они не обращали на сіе никакого вниманія; это было также замѣчено хозяиномъ.

«Кто во время стола не спускаетъ съ чего-нибудь своихъ глазъ и позабываетъ ѣсть, тому сей предметъ милѣе ѣды; кто любитъ кого болѣе своего желудка, тотъ очень любить; слѣдственно Эрастъ очень любитъ мою жену, а жена моя очень любитъ Эраста». Такъ философствовала Славолюбскій и часъ-отъ-часу хмурился больше.

На дворѣ смерклося; вокругъ дома и праздничной галереи запылали разставленные въ симметрическомъ порядкѣ лагуны; столъ приходилъ къ концу; уже начинали подавать моченые яблоки; уже двѣ бутылки стараго французскаго были раскупорены, — какъ вдругъ, толкая направо и налево, пробивается сквозь толпу лакеевъ, въ праздничномъ кафтанѣ, съ тетрадью въ рукѣ г. Земскій; все собраніе обратило на него свои

взоры; онъ вышелъ впередъ и, сдѣлавши низкій поклонъ, зачалъ:

— Высокоименитое собраніе, и ты, о треблаженная чета!...

Вдругъ раздался громкій выстрѣлъ; дамы ахнули; мужчины выскочили съ своихъ мѣсть. Антипычъ остолбенѣлъ; прерванный ораторъ бросалъ на него взоры, въ коихъ изображалось ужасное негодованіе.

— Что это значить?—спросилъ Славолубскій.

— Пожаръ, пожаръ! — раздалось снаружи; — пожаръ, пожаръ! — закричали внутри, и вмигъ быстрый пламень охватилъ тростниковую кровлю лубошнаго зданія.

Ахъ! какъ зазвенѣли стаканы и графины, какъ загремѣлъ бѣдный фаянсовый сервизъ г-на Славолубскаго, когда огромный столъ со всѣмъ своимъ приборомъ повалился на полъ! Вся субординація была потеряна: люди давили своихъ господъ, дамы кричали какъ сумасшедшія, мужья забывали своихъ женъ, жены не думали о своихъ нарядахъ; большая часть гостей валялись посреди остатковъ обѣда, покрытые упавшимъ столомъ, который не позволялъ имъ приподняться. Злое несчастіе, которое всегда преслѣдуетъ людей, заставило миниатюрную г-жу исправничиху попасть подъ увѣсистую супругу г. городничаго. Бѣдная думала, что цѣлая свинцовая гора на нее обрушилась, она не могла кричать, не могла переводить духа; опасность умудряетъ всякаго: она вцѣпилась зубами въ тотъ предметъ, который отнималъ у нея дыханіе. Городничиха, чувствуя боль и воображая, что начинаетъ уже понемногу горѣть, кричить ужаснымъ голосомъ и употребляетъ тоже средство, чтобы высвободиться изъ подъ двухъ толстыхъ помѣщицъ и одного засѣдателя. Пронзительный крикъ, ужасный вой раздаются повсюду; съ трескомъ обрушивается тростниковая кровля, и все собраніе исчезаетъ посреди пылающихъ ея остатковъ.

Что дѣлалъ Эрастъ въ минуту сей ужасной суматохи? Онъ искалъ глазами Лизы; — ея не было. Эрастъ бросился вмѣстѣ съ прочими къ дверямъ и, продравшись кой-какъ сквозь толпу, очутился въ рошѣ. Первое движеніе его было искать Лизу, вдали между кустовъ мелькало бѣлое платье, онъ побѣжалъ туда: это была она.

— Ахъ, Эрастъ! вы спаслись. Боже! я вся дрожу отъ страха.

— Не бойтесь, сударыня, пожаръ не будетъ имѣть дальнѣйшихъ слѣдствій.—Ахъ! какъ много я ему обязанъ! Я могу говорить съ вами свободно, могу сказать вамъ...

— Что вы отъ меня хотите, сударь! Мы должны забыть другъ друга.

— Лиза, прелестная Лиза!

— Она должна быть для васъ госпожей Славолубской.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы всегда останетесь для меня Лизою! Я не хочу думать о семъ ненавистномъ бракѣ. Вы та-же Лиза, та самая, которую я не переставалъ любить пламенно, которая говорила мнѣ нѣкогда: «Эрастъ, я люблю тебя, люблю болѣе самой жизни!»

— Перестаньте, сударь, не забывайте, что я принадлежу другому: вы должны забыть меня! — Ахъ, Эрастъ! я не существую для васъ болѣе!

— Мнѣ забыть васъ? Ахъ! Я живу однимъ воспоминаніемъ тѣхъ блаженныхъ минутъ, когда я ласкалъ себя надеждою быть супругомъ вашимъ, одною мыслею, что Лиза меня любитъ, и вы хотите, чтобъ я забылъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно.

Тутъ Эрастъ схватилъ ея руку, осыпалъ пламенными поцѣлующими. Смущенная, трепещущая Лиза едва имѣла довольно силъ, чтобы отнять ее; громко говорила за Эраста любовь въ сердцѣ ея, но ангель непорочности бодрствовалъ надъ нею; потушивъ глаза, слушала она своего любовника; уже не отнимала она своей руки, которую Эрастъ прижималъ къ груди своей... Но возвратимся къ нашимъ несчастнымъ гостямъ, которые валяются въ различныхъ положеніяхъ, покрытые полуобгорѣвшимъ тростникомъ и остатками великолѣпнаго пиршества.

Нѣтъ! они уже не лежатъ, не валяются кучами на полу, не кричатъ, не давятъ другъ друга; сырые дубки не стали горѣть, и пожаръ кончился вмѣстѣ съ паденіемъ кровли; гости выполняють понемногу изъ подъ стола, изъясняются, говорятъ, извиняются и находятъ, что сіе ужасное приключеніе не имѣетъ весьма важныхъ слѣдствій. Два или три недоросля опалили себѣ волосы. Исправникъ разбилъ себѣ до крови носъ. Г. Скотининъ былъ облитъ съ ногъ до головы краснымъ соусомъ, и въ семъ видѣ чрезвычайно походилъ на своихъ любимыхъ животныхъ; хозяинъ, о! хозяинъ потерпѣлъ болѣе всѣхъ: весь полъ былъ устланъ остатками разбитаго сервиза, и цѣлая фалда праздничнаго его кафтана во время суматохи была оторвана. Неподвижными глазами смотрѣлъ онъ на сію картину разрушенія, — какъ вдругъ одна мысль быстрѣе молніи заставила его окинуть глазами все собраніе; Лизы нѣтъ. Онъ ищетъ глазами Эраста; — его также нѣтъ. Какъ сумасшедшій орошается онъ вонъ изъ галлерей и бѣжитъ въ рощу.

Покуда онъ осматриваетъ каждый кусточикъ, я расскажу въ двухъ словахъ причину всей суматохи. Прошу припомнить, что пушка, стоявшая позади галлерей, была маскирована кучей тростника, оставшагося отъ кровли; одинъ изъ горящихъ лагуновъ, бывъ нечаянно опрокинутъ, покатился прямо въ кучу; сухой тростникъ вспыхнулъ, пламень поднялся до кровли, она запылала; — нѣсколько искръ попали въ затравку чугунной пушки и кутерьма началась.

— Милый Эрастъ! — шептала кто-то позади пустого орѣховаго куста. — Славолубскій кидается туда безъ памяти и о, ужась! Эрастъ стоитъ на колѣняхъ передъ его супругою, покрывая горячими поцѣлуями ея руку. Если-бы тысячи громовъ, соединясь вмѣстѣ, упали къ ногамъ Лизы, то и тогда-бъ она менѣе испугалась, чѣмъ нечаяннаго появленія своего супруга, который, подобно бѣснующемуся, скрипѣлъ зубами и не могъ отъ бѣшенства произнести ни одного слова.

— Что вы здѣсь дѣлаете, сударыня! — закричалъ онъ, наконецъ, глухимъ прерывающимся голосомъ.

— Ахъ, сударь, — сказала блѣдная, трепещущая Лиза, — вы можете имѣть ужасное подозрѣнiе; но увѣряю васъ...

— Молчи, негодная!

— Успокойтесь, милостивый государь! — сказалъ Эрастъ, оправясь отъ перваго замѣшательства, — клянусь вамъ честью, что подозрѣнiе ваше не справедливо, — мы разговаривали...

— О! я вижу, сударь, — отвѣчалъ съ адскою улыбкою Славолубскій, — вы разговаривали, и кажется съ большимъ жаромъ. Но прошу васъ сію же минуту отсюда убираться и не прiѣзжать болѣе разговаривать съ моей женой. Что же вы остановились, сударыня, — продолжалъ онъ, дернувъ за руку полумертвую Лизу, — не хотите-ли броситься на шею къ вашему милому Эрасту, и при мнѣ съ нимъ распрощаться?

Никто изъ дѣйствующихъ лицъ сей сцены не примѣтилъ толпу зрителей, между коихъ находилась и супруга г на городничаго; она стояла ближе всѣхъ и не проронила ни одного слова.

Лиза ушла въ свою спальную; гости стали развѣзжаться, Мирославскій увезъ насильно Эраста, который хотѣлъ непременно извясниться съ хозяиномъ; а Славолубскій заперся съ своей кабинетъ, осыпая проклятіями Эраста и свою невѣрную супругу.

— Что вы думаете о г-жѣ Славолубской? — сказала на другой день супруга городничаго почтенной исправничихѣ.

— Она совсѣмъ безъ воспитанія; не спросила даже, почему куплена кисея на моемъ платьѣ!

— А послѣдняя сцена, которой мы были свидѣтелями? — Не правда-ли, Славолубскій дурно сдѣлалъ, что женился на этой вѣтренницѣ?

— Ништо ему старому скрягѣ; мало-ли здѣсь невѣстъ! Нѣтъ! дай ему московскую модницу! Пускай-же теперь и сгуливаетъ: по дѣламъ вору и мука!

— А что вы скажете объ его обѣдѣ; не правда-ли, ничто не можетъ быть хуже?

— Я съ вами согласна: столъ былъ предурной, услуга скверная, наливка гадкая, однимъ словомъ, все никуда не годилось.

То-же самое, или почти то-же говорили въ каждомъ домѣ: ругали мужа, поносили жену, осмѣивали угощеніе, и если-бъ онъ ихъ опять позвалъ, то всё бы безъ исключенія опять къ нему и поѣхали.

— Ну, сударь, и вы скажете теперь, что книга ваша имѣетъ какую-нибудь моральную цѣль?

— Да, сударыня!

— Перестаньте, сударь! Чѣмъ начинается ваше сочиненіе? Невѣрностью молодой женщины, которая не успѣла еще выйти замужъ, а сбѣжала уже своего мужа... Но кто сказалъ вамъ, прекрасная читательница, что Лиза измѣнила своему супругу? И увѣренъ, подозрѣнія ревниваго мужа не справедливы; но если-бъ оно было истинно, то согласитесь сами, что начало моей книги содержитъ прекрасный урокъ для престарѣлыхъ людей, которые, подобно Славолубскому, имѣли дурачество жениться на 18-лѣтней дѣвушкѣ, и сумашествіе думать, что, закопавъ ее въ деревнѣ, и лиша всѣхъ удовольствій, свойственныхъ ея лѣтамъ, могутъ они предохранить отъ всякаго посрамленія супружеское чело свое.

Ну, слава Богу; я кое-какъ отдѣлался отъ моей немилосердной рецензентки. Но что я слышу, какое множество различныхъ голосовъ! Бѣдная книга, какая ужасная буря собирается надъ тобою!... Вывести на сцену какого-то деревенскаго приказчика, какого-то гуслиста, кучу уродовъ, глушій одинъ другого; писать цѣлыя страницы о коровахъ и свиньяхъ; входить въ такія мелкія, низкія подробности. Фи, какъ это все гадко, *bon Dieu!* и эта книга называется романомъ! Тутъ нѣтъ ни на волосъ вкуса, ни ума! Эта книга не годится ни на что, точно, ни на что!

Милостивые государи и милостивыя государыни, позвольте бѣдному сочинителю промолвить хотя одно слово въ свое оправданіе, и послѣ говорите все, что вамъ угодно. Начиная сію книгу, я намѣренъ былъ описывать свѣтъ и людей точно такъ-выми, каковыми они есть; я не хотѣлъ, подобно многимъ романистамъ, выводить на сцену вмѣсто обыкновенныхъ людей мечтательныя существа, имѣющія бытіе свое въ одномъ воображеніи автора, не хотѣлъ описывать характеры, которыхъ вы не встрѣтите въ нашемъ отечествѣ. Я желалъ, начиная мою книгу, взглянуть мимоходомъ, вмѣстѣ съ читателемъ, на образъ жизни богатаго и скупого помѣщика, которыхъ, скажу вамъ потихоньку, есть еще много, очень много на нашей матушкѣ святой Руси. Смѣю васъ увѣрить, я рисовалъ съ натуры, и могу скорѣе назваться живописцемъ, чѣмъ авторомъ; такъ виновать-ли я, что кругъ людей, описанный мною, составленъ не изъ князей и графовъ; виновать-ли я, что они вмѣсто Фильда слушаютъ какого-нибудь гуслиста, а вмѣсто болонскихъ собакъ лю-

бять жирныхъ свиней и холмогорскихъ быковъ. Впослѣдствіи, можетъ быть, буду имѣть честь описывать и васъ, милостивые государи и государины! Если-же и тогда вы станете осыпать меня насмѣшками и упреками, то я сравню васъ съ старою кокеткою, которая тѣмъ болѣе сердится на своего живописца, чѣмъ сходнѣе онъ изображаетъ ее на холстинѣ. Впрочемъ, я объявилъ уже въ моемъ предисловіи, что отъ васъ совершенно зависитъ читать или разорвать на папильетки мою книгу, раскурить ея трубку, или поставить на полочкѣ въ вашей библіотекѣ; однимъ словомъ, дѣлать изъ нея все то, что вамъ угодно.

— Что скажешь, Антипычъ?—спросилъ Славолубскій своего управителя, который однимъ утромъ, спустя девять мѣсяцевъ послѣ бѣдственнаго праздника, вошелъ къ нему въ комнату.

— Я, сударь, пришелъ вамъ доложить, что барыня сдѣлалась очень нездорова.

— Пошли въ городъ за лѣкаремъ.

— Не лучше-ли, сударь, за повивальной бабкою?

Славолубскій нахмурился.

— За повивальной бабкою!—повторилъ онъ сквозь зубы.—И такъ, она собирается родить?

— Мнѣ сейчасъ сказывала, сударь, объ этомъ ея дѣвушка.

Тутъ ревнивый старикъ вскочилъ, сталъ ходить скорыми шагами по горницѣ, дѣлая такія ужасныя гримасы, что у бѣднаго управителя волосы стали дыбомъ.

— Антипычъ! — сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія, устремя на него быстрый взоръ,—на кого, думаешь ты, будетъ походить ребенокъ? — Управитель молчалъ. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Почему, сударь, мнѣ это знать; можетъ быть на барыню, можетъ быть на васъ.

— На меня! Скажи лучше на Эраста, старый дуракъ.

— Воля ваша, сударь, вы понапрасну изволите на нее грѣшить: вотъ уже девять мѣсяцевъ, какъ она сидитъ въ четырехъ стѣнахъ. Ахъ, сударь! пора бы вамъ умилостивиться. Бѣдная барыня, сколько ты потеряла!

— Пошелъ вонъ, старая плакса! — закричалъ Славолубскій сердитымъ голосомъ.—Такихъ то дураковъ, какъ ты,—прибавилъ онъ,—молодыя жены за носъ и водятъ.

Все, что ревность имѣетъ въ себѣ ужаснаго, наполняло въ сію минуту душу Славолубскаго. Онъ представлялъ себѣ каждую минуту Эраста, стоящаго на колѣняхъ предъ своей женой; въ ушахъ его раздавалось безпрестанно то, что слышалъ онъ, подходя къ орѣховому кусту.

Не знаю, имѣлъ ли онъ какія-нибудь особенныя доказательства, или была одна ревность тому причиною; онъ твердо былъ увѣренъ, что не будетъ имѣть никакого права называть себя

отпомъ. Ахъ! какъ бы я желалъ собрать въ одно мѣсто всѣхъ стариковъ, которые, несмотря на свои сѣдые волосы, хотятъ быть мужьями молодыхъ женъ. Я показалъ-бы имъ тогда Славолюбскаго; пускай посмотрѣли бы на его лицо, обезображенное ревностію, на его помутившіяся отъ бѣшенства глаза, и если-бъ они и послѣ этого не унялись отбивать невѣсть у своихъ правнуковъ, то... то я посовѣтовалъ-бы имъ пустить себѣ кровь и лѣчиться отъ горячки!

Послѣ праздника, который кончился столь горестнымъ образомъ, Славолюбскій походилъ болѣе на жестокаго тирана, чѣмъ на строгаго и подозрительнаго мужа. Бѣдная Лиза почти никогда не выходила изъ своей комнаты, изрѣдка позволялось ей прогуливаться по рошѣ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ; но и тутъ всякій разъ, когда они подходили къ извѣстному орѣховому кусту, она осыпалъ ее язвительными упреками, не слушая никогда ея оправданій. Въ продолженіе сего ужаснаго заключенія получила она два письма: одно отъ родственниковъ чрезъ господина Славолюбскаго, въ которомъ извѣщали ее о смерти родителя и постриженіи ея матери; другое отъ Эраста, отданное ей потихоньку Анютою. Эрастъ увѣдомлялъ въ ономъ о своей женитьбѣ и оканчивалъ письмо изъявленіемъ своего глубочайшаго почтенія, совершенной преданности, и всего того, въ чемъ обыкновенно увѣряютъ въ письмахъ, и чему также обыкновенно никогда не вѣрятъ.

Само по себѣ разумѣется, что оба сіи письма не принесли Лизѣ большого утѣшенія. Она осталась теперь совершенно сиротою. Могла-ли Лиза считать за что-нибудь толпу бездушныхъ родственниковъ, которые, если-бы могли, продали бы ее опять за нѣсколько тысячъ рублей. Бывало, случалось ей строить воздушные замки, бывало, случалось забывать на нѣсколько минутъ горестное свое положеніе; часто воображала она себя свободною, супругою Эраста, и пріятное заблужденіе исчезало не прежде, какъ съ появленіемъ ея мучителя. Теперь, ахъ! теперь она не могла уже имѣть и сего утѣшенія! Что значило письмо Эраста? Къ чему было увѣдомлять о своей женитьбѣ? И притомъ съ такою холодностію, съ такими безпрестанными увѣреніями въ своемъ почтеніи, уваженіи, преданности.

Частое повтореніе сихъ словъ походило болѣе на насмѣшку, чѣмъ на обыкновенную вѣжливость. Что почувствовала бѣдная Лиза, когда, читая и перечитывая разъ до двадцати письмо Эраста, она почти увѣрилась въ своихъ догадкахъ? Да и что могла, она думать? Какая другая причина, кромѣ желанія показать ей явно, что онъ никогда ничего къ ней не чувствовалъ, заставила Эраста увѣдомить ее съ такою холодностію и въ такихъ двухъмысленныхъ выраженіяхъ о своей женитьбѣ; но въ то-же время, вспоминая прѣжнее свое поведеніе, не могла пости-

снуть причины, побудившей Эраста сдѣлать сей поступокъ. Свое поведеніе! Такъ точно, любезный читатель! пора уже вывести тебя изъ заблужденія, въ которомъ ты, можетъ быть, находишься вмѣстѣ съ г. Славолюбскимъ, и сказать утвердительно, что Лиза была невинна. Въ то время, когда супругъ ея бѣгалъ, какъ бѣшеный по рошѣ, она упрашивала Эраста никогда болѣе къ нимъ не ѣздить и не напоминать о своей страсти, которая казалась уже преступною въ глазахъ супруги Славолюбскаго. Эрастъ обѣщался исполнить ея приказаніе, и ласковое слово, услышанное ревнивымъ мужемъ, было единственною наградою за его послушаніе.

Отцы и матери, и ты, о жадная толпа родственниковъ, не по душѣ, а по одному названію, пусть примѣръ несчастной Лизы послужитъ для васъ урокомъ! Не продавайте за деньги дочерей и родственницъ вашихъ: не заставляйте ихъ обманывать самого Бога и говорить предъ лицомъ Его одно, а чувствовать въ сердцѣ своемъ другое. Взгляните на бѣдную Лизу, готовую сдѣлаться матерью; взгляните на уродливаго ея супруга, вмѣняющаго ей въ преступленіе то самое названіе, которое долженствовало-бы сдѣлать для него Лизу еще любезнѣе, и не принуждайте болѣе дѣтей вашихъ, или выходите сами за жениховъ, которые вамъ нравятся!

— Кто тутъ? — вскричалъ Славолюбскій, вскоча съ постели.

— Я, сударь! — отвѣчалъ тонкій женскій голосъ.

— А, это ты, Аннушка! Зачѣмъ это вздумала въ полночь ко мнѣ пожаловать?

— Барыня изволила, сударь, сейчасъ родить.

— Надобно было меня будить для этого вздора.

Славолюбскій легъ спокойно опять въ постель и закутался въ одѣяло. Анюта подошла къ дверямъ и, постоявъ нѣсколько минутъ, опять воротилась.

— Послушайте, сударь!

-- Что тебѣ надобно, безотвязное животное.

— Младенецъ очень слабъ, его сейчасъ крестить будутъ, какое прикажете дать ему имя?

— Нужно мнѣ очень назначать имена чужимъ ребятамъ, по мнѣ хоть не давайте ему никакого?

— Но, сударь...

— Убирайся къ чорту!

Анюта, несмотря на сіе вѣжливое приказаніе, постояла еще нѣсколько минутъ у дверей и наконецъ, видя, что упрямый старикъ притворился спящимъ, ушла опять въ залу, гдѣ приготовлялись крестить младенца.

— Что изволилъ приказать баринъ? — спросила Анюту повзвальный бабка.

— Ничего; вмѣсто того, чтобъ назвать имя младенцу, онъ отправилъ меня къ чорту.

— Что-же мы будемъ дѣлать? Можно-бы было спросить у Барыни, но она такъ слаба, что ни въ состояніи проговорить ни одного слова.

— Если такъ,—сказаль священникъ, которому очень не нравились всѣ эти остановки,—мы дадимъ ему имя въ честь сегоднешняго святого.

Священникъ заглянулъ въ святцы — и подивитесь странному стеченію обстоятельствъ,—ребенокъ былъ названъ Эростомъ!

Кто можетъ описать бѣшенство Славолюбскаго, когда на другой день узналь онъ какое младенецъ получилъ имя! Онъ разругаль Антипыча, перебилъ почти всѣхъ людей и, несмотря на свою скупость, коверкаль и ломаль все, что ни попадалось ему въ руки. Тщетно доказывали ему, что Лиза нимало въ семъ не участвовала, что лишь одинъ слѣпой случай былъ всему причиною; ничто не могло увѣрить ревниваго старика, что младенецъ окрещенъ подь симъ именемъ не по приказанію самой Лизы. Задыхаясь отъ злости, осыпая проклятіями свою супругу, онъ пошелъ туда, гдѣ обыкновенно находилъ утѣшеніе въ своихъ печаляхъ, гдѣ часто, несмотря на ненависть свою къ Эросту, вспоминаль краснорѣчивыя его доказательства, показавшіяся столь убѣдительными г. Скотинину. Читатель, думаю, отгадаль уже, что дѣло идетъ о скотномъ дворѣ.

Остановись, несчастный! Куда ведетъ тебя отчаяніе? Ты не знаешь еще всѣхъ твоихъ бѣдствій, не знаешь, что жилище твоихъ радостей, твоихъ сердечныхъ наслажденій, превратилось въ мрачную юдоль горести! Лишь только Славолюбскій сталь подходить къ полузатвореннымъ воротамъ скотнаго двора, какъ вдругъ горестныя вопли поразили его слухъ. Онъ удвоиль шаги свои, запыхавшись вбѣжалъ въ ворота, взглянулъ, и—о ужасъ! посреди двора лежалъ любимый его быкъ; онъ испускаль послѣднее дыханіе въ ту самую минуту, какъ господинъ его, гонимый страннымъ предчувствіемъ, перешагнулъ черезъ подворотню. Это уже было слишкомъ для Славолюбскаго. Онъ задрожаль, подняль руку, чтобъ поразить несчастнаго скотника, который, проливая ручьи слезъ, вопиль голосомъ надъ тѣломъ покойника; но вдругъ глаза его помутились и онъ упалъ безъ чувствъ подлѣ своего любимца. Два дня не приходилъ Славолюбскій въ память, бредилъ безпрестанно то объ Эростѣ, то о любимомъ быкѣ своемъ, изрѣдка о Лизѣ. На третій, дѣйствительно-ли оттого, что не могъ выдержать столько ударовъ въ одно время, или уже такъ было написано въ книгѣ судебъ, отправился туда, куда и я, и ты, любезный читатель, когда-нибудь рано или поздно отправимся также въ свою очередь.

Мы попросимъ нашихъ читателей вообразить, что прошло уже около шести мѣсяцевъ отъ кончины Славолюбскаго до одного утра, въ которое Лиза, сдѣлавшись опекуншею своего сына и

полною начальницею имѣнія покойнаго мужа, сидѣла подлѣ окошка и перечитывала единственное письмо, которое она имѣла отъ Эраста.

Вошелъ человѣкъ и доложилъ о прїѣздѣ г. Мирославскаго.

— Давно уже, сударыня, — сказалъ онъ, взоидя въ комнату, — намѣренъ былъ я узнать о здоровьѣ вашемъ, но различныя дѣла и обстоятельства не позволяли мнѣ вышолнить моего обѣщанія.

— Я слышала, сударь, вы все это время прожили въ Москвѣ?

— Точно такъ, сударыня, я былъ на свадьбѣ у одной изъ моихъ родственницъ.

— Поэтому можно васъ поздравить?

— И тѣмъ болѣе, что она вышла по любви.

Лиза вздохнула.

— Если вамъ угодно, — продолжалъ Мирославскій, — я расскажу исторію моей родственницы, въ ней есть много романическаго. Она была влюблена въ одного молодого человѣка, почти въ то время сваталась за нее старикъ. Сердце моей родственницы говорило въ пользу молодого человѣка, но батюшка и матушка не хотѣли никакъ согласиться съ сердцемъ ихъ дочери: она вышла за миллионщика. Ревность была изъ числа не послѣднихъ достоинствъ стараго мужа: онъ увезъ на край свѣта молодую жену свою и держалъ ее въ заперти. Между тѣмъ увѣдомилась она чрезъ письмо отъ прежняго своего любовника, что онъ женился. Вскорѣ за этимъ пришла ревнивому мужу въ голову прекрасная мысль сдѣлать супругу свою свободною: онъ умеръ! Молодая вдова прїѣхала въ Москву, нашла своего любезнаго также свободнымъ и наградила его постоянство, отдавши ему свою руку.

— Какъ вы думаете, сударыня, хорошо-ли поступила моя родственница?

— Мнѣ кажется, — сказала Лиза съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, что нельзя такъ много выхвалять постоянство сего молодого человѣка; онъ былъ женатъ на другой.

— А если женитьба сія была ни что иное, какъ выдумка? Если онъ увѣдомлялъ мою родственницу въ самыхъ холодныхъ выраженіяхъ для того только, чтобъ заставить скорѣй забыть себя? Если онъ старался показать себя неблагороднымъ, вѣроломнымъ, недостойнымъ ея привязанности, однимъ словомъ, пожертвовать самимъ собою, единственно для ея спокойствія?

— Бога ради! — вскричала Лиза, которая во время сего разговора находилась въ неописанномъ смущеніи, — истина-ли то, что вы рассказываете?

— О, сударыня! Если вы не вѣрите, то пускай онъ самъ поклонится въ справедливости словъ моихъ!

Двери съ шумомъ растворились и Эрастъ лежалъ уже у ногъ своей Лизы.

Черезъ три мѣсяца Эрастъ женился на Лизѣ, и получалъ первый поцѣлуй наканунѣ своей свадьбы, подлѣ того самаго орѣховаго куста, гдѣ нѣкогда Лиза заплатила столь дорого за свою неосторожность. Свадебный пиръ былъ немного лучше, чѣмъ два года тому назадъ. Антипычъ и семинаристъ не пропустили сего случая, чтобъ доказать усердіе свое новому барину; всѣ дѣйствующія лица бѣдственнаго праздника, описаннаго во второй главѣ, были созваны, угощены прекраснымъ образомъ, разѣхались благополучно по домамъ, и такъ-же, какъ прежде, не успокоились до тѣхъ поръ, пока не отдѣлали по-свойски молодыхъ супруговъ, и не опѣнили, какъ слѣдуетъ, ихъ угощенія; однимъ словомъ, все происходило надлежащимъ образомъ, и кончилось, какъ нельзя лучше. Лиза, по разнымъ причинамъ, рѣшилась воспитывать своего сына въ деревнѣ, которая изъ ужасной пустыни превратилась для нея въ прелестное уединеніе, — счастливую обитель мира и истинной любви.

4.

РАЗГОВОРЫ ВЪ ЦАРСТВѢ ЖИВЫХЪ И МЕРТВЫХЪ.

I.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ СЪВНН.

(У дверей толпа людей всякаго состоянія).

1-й молодой человѣкъ. Какая тѣснота! Мы никогда не протремся сквозь эти двери.

2-й молодой человѣкъ. Твоя карета должна быть еще далеко. Отойдемъ къ створнѣ; здѣсь такъ толкаютъ.

1-й молодой человѣкъ. Ну, теперь мы на просторѣ. Что скажешь, мой милый, о безконечной комедіи, которую мы сегодня видѣли?

2-й молодой человѣкъ. Я пріѣхалъ очень поздно и засталъ только послѣдніе два акта. Ты лучше моего долженъ знать.

1-й молодой человѣкъ. Я, мой милый! — Я спалъ во все представленіе. Ты знаешь, вчера я цѣлую ночь игралъ; баронъ замучилъ меня своимъ вистомъ.

2-й молодой человѣкъ. Сколько могъ я замѣтить, она не совсѣмъ дурна: въ послѣднихъ двухъ актахъ есть забавныя сцены.

1-й молодой человекъ. Посмотри, это, кажется, Звоновъ? Точно такъ! Спросимъ у него: онъ вѣрно не пропустилъ ни одного слова.

2-й молодой человекъ. Я отгадаю напередъ: онъ будетъ ругать ее.

1-й молодой человекъ. А для чего?

2-й молодой человекъ. Для того, чтобъ сказать двѣ или три плоскія шуточки на счетъ автора и блеснуть своей остроюю.

Звоновъ (*оборотясь къ коридору*). Благодарю васъ за доставленное удовольствіе. Посмотрите, у меня ладони покраснѣли отъ хлопанья.

1-й молодой человекъ. Здравствуйте, г. Звоновъ! Съ кѣмъ вы это говорили?

Звоновъ. Съ авторомъ сегодняшней комедіи.

2-й молодой человекъ. Такъ вы его знаете?

Звоновъ. Да... немного.

1-й молодой человекъ. Ну, что вы скажете про его пьесу?

Звоновъ. Гмъ! Пьеса хоть куда; развѣ вы не видѣли, какъ смѣялся партеръ?

2-й молодой человекъ. А вы?

Звоновъ. Я также смѣялся—надъ бѣднымъ партеромъ.

2-й молодой человекъ. Какъ вы язвительны, г. Звоновъ!

Звоновъ (*съ довольнымъ видомъ*). Неужели! Я, право, нѣ хотѣлъ ничего сказать колкаго.

1-й молодой человекъ. Поэтому вы думаете, что эта комедія...

Звоновъ. Простой фарсъ и больше ничего. Первые три акта сухи; четвертый совершенно лишній; а пятый никуда не годится. Впрочемъ, я не говорю, чтобъ она была дурна.

2-й молодой человекъ. Впрочемъ, вы не говорите, что она дурна;—ну, какой-же вы насмѣшникъ, г. Звоновъ!

Звоновъ (*улыбаясь*). Помилуйте!

1-й молодой человекъ. А! Вотъ и общій нашъ знакомецъ—Педантинъ. Какое у него сердитое лицо!

Педантинъ. Здравствуйте, господа!

2-й молодой человекъ. Вы, кажется, что-то раздосадовались, любезный Педантинъ.

Педантинъ. Да есть-ли возможность не сердиться! Вообразите, я слышалъ... Вы не повѣрите мнѣ... я слышалъ самъ, что многие хвалятъ сегодняшнюю пьесу.

2-й молодой человекъ. Ну такъ что-же?

Педантинъ. Какъ что? Хвалить такую пьесу, въ которой все чужое, въ которой выкрадено все изъ другихъ комедій. Въ

ней есть торговка, также какъ и въ модной лавкѣ; въ ней старикъ становится на колѣни, а въ Бригадирѣ старыл совѣтникъ дѣлаетъ то-же самое; въ ней говорятъ: «*итъ, дяюшка!*» А у Мольера или Реньяра, не помню, въ какой комедіи, говорятъ: «*итъ, батюшка*».

Звоновъ. Да, да, ваша правда; *итъ, батюшка*, точно, точно это есть у Мольера.

2-й молодой человѣкъ. О! Это бездѣлица!... Загляните лучше въ лексиконъ, г. Педантинъ: я увѣренъ, что изъ него выкрадена вся комедія.

Звоновъ. Шутите, шутите! А я могу васъ увѣрить, что даже глупая сцена съ французскимъ табакомъ...

Педантинъ. Да, кстати! Надобно отдать справедливость автору: въ его комедіи больше табаку, чѣмъ соли.

1-й молодой человѣкъ. Bravo, bravo! прекрасный каламбуръ!

Звоновъ (*съ важнымъ видомъ*). Это не дурно сказано.

2-й молодой человѣкъ. Что вы на меня смотрите, г. Педантинъ? Не безпокойтесь, я смѣюсь—ха! ха! ха! — Какъ *бишь* это? Повторите еще! Да куда-же вы торопитесь?

Педантинъ. Прощайте, господа, я спѣшу, мнѣ надобно кой-куда заѣхать. (*Идетъ къ подлѣзду*).

2-й молодой человѣкъ. Сказать ваше острое словцо; въ самомъ дѣлѣ, ступайте—неравно вы его забудете.

Звоновъ. Говорите что угодно, а комедія всетаки никуда не годится.

2-й молодой человѣкъ. Однако-же зрители *аплодировали*.

Звоновъ. И, сударь! У автора есть родня, приятели...

2-й молодой человѣкъ. И то быть можетъ; со всѣмъ тѣмъ, онъ гораздо счастливѣе васъ, г. Звоновъ: когда давали въ первый разъ вашу драму, то вамъ не помогли и приятели. Вы ѣдете?

Звоновъ. Да, сударь; я вижу мои дрожки. — Слуга покорный!

1-й молодой человѣкъ. Вотъ и моя карета.

2-й молодой человѣкъ. Куда ты ѣдешь?

1-й молодой человѣкъ. Въ клубъ, рассказать о новой комедіи.

2-й молодой человѣкъ. Чтожъ ты скажешь?

1-й молодой человѣкъ. Что она никуда не годится

2-й молодой человѣкъ. Да почему-же?

1-й молодой человѣкъ. Почему? Забавный вопросъ. Ее бранили двое, а хвалишь ты одинъ. — До свиданья, мой милый! (*Уходитъ*).

II.

МИНOSОВЪ СУДЪ.

(Дѣйствіе происходитъ въ подземномъ царствѣ Плутона).

Графиня Двойкина. Что я вижу! Князь, вы-ли это?

Князь Промотаевъ. Къ несчастію, вы не ошибаетесь, сударыня.

Графиня. Къ несчастію!—поэтому я обманулась, полагая, что вы, не перенеся моей кончины, умерли для того, чтобъ соединиться опять со мною?

Князь. И, графиня! Неужели вы по сихъ поръ не вышли изъ заблужденія и думаете, что сорокъ пять лѣтъ, дюжины двѣ морщинъ и пять или шесть вставленныхъ зубовъ могутъ кому-нибудь вкружить голову.

Графиня. Dieu! quelle impertinence!—И вы смѣете утверждать, что у меня вставные зубы, что мнѣ сорокъ пять лѣтъ, смѣете говорить такія дерзости?...

Князь. Не горячитесь, сударыня; вы теперь въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ каждому говорятъ правду и метятъ только одной Прозерпинѣ.

Графиня. Мнѣ сорокъ пять лѣтъ! — И я должна слушать такія грубости! — Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу этого вынести: мнѣ дурно! спазмы! истерика!

Князь. Не трудитесь играть комедію, графиня, здѣсь нѣтъ ни услужливыхъ кавалеровъ, ни гофманскихъ капель; здѣсь можете въ цѣлое столѣтіе пролежать въ обморокѣ, и никто не плеснетъ на васъ даже и водою.

Графиня (*послѣ долгаго молчанія*). Измѣнникъ! Это-ли благодарность за мою пламенную любовь? Не ты-ли клялся мнѣ на томъ свѣтѣ, что любишь меня болѣе своей жизни? Не ты-ли твердилъ безпрестанно что я умна, хороша, любезна?...

Князь. Не спорю!—Но также не вы-ли, сіятельная графиня, выплачивали три раза долги мои? Не къ вамъ-ли отсылалъ я своего портного, каретника и проклятаго жида, который бралъ съ меня тройные проценты? Не на ваши-ли деньги покупалъ я шали для Анюты, этой хорошенькой танцовщицы?

Графиня. Какъ, сударь! Въ то самое время, когда я для васъ разорялась?...

Князь. Не сердитесь, сударыня!—Я разорялъ васъ; меня обирала Анюта; ее обманывалъ одинъ молодой вертопрахъ; его также кто-нибудь дурачилъ. На томъ свѣтѣ нѣтъ ни одного челоуѣка, который не былъ-бы обманутъ и не обманывалъ-бы другихъ въ свою очередь. Могли-ли вы однѣ избѣгнуть общаго жребія?

Графиня. Однако-же, князь...

Князь. Тише, графиня! Сюда кто-то приближается. Видите-ли вы съ правой стороны это длинное привидѣніе, которое такъ медленно выступаетъ?

Графиня. Взгляните налѣво, князь; примѣчаете-ли вы эту низенькую тѣнь, которая двигается съ такою скоростью?

Князь. Не ошибаюсь-ли я? Это Вралевъ!

Графиня. Должна-ли я вѣрить? Это Нуліовъ! Тотъ самый Нуліовъ, который дѣлалъ такъ часто мою партію.

Нуліовъ. Вы не ошибаетесь, сударыня.

Князь. Тебя-ли я вижу, любезный Вралевъ!

Вралевъ. Да, князь, это я.—На другой день послѣ вашей смерти я поѣхалъ съ горя на званый обѣдъ къ одному богатому откущику; у него за столомъ была прекрасная рыба. Вы знаете, князь, поѣсть я охотникъ; но люблю также поболтать,—и вообразите, какое несчастіе! Я зачалъ спорить, подавился костью и прежде, чѣмъ успѣлъ хорошенько опомниться, очутился здѣсь.

Графиня. Скажи мнѣ, миленькій Нуліовъ, ты какъ умеръ? Меня тогда не было въ городѣ.

Нуліовъ. Самымъ натуральнымъ образомъ. Я игралъ въ бостонъ и проигрывалъ уже болѣе тысячи фишъ, какъ вдругъ, къ счастью, на тридцать шестомъ турѣ сдѣлался со мною ударъ, и я прямо изъ-за бостоннаго столика явился на судъ къ Миносу. Онъ въ наказаніе за всѣ мои плутни хотѣлъ было отправить меня прямо къ тремъ адскимъ сестрицамъ, но, къ счастью, мой ростъ понравился Прозерпинѣ и она взяла меня къ себѣ въ придворные карлы.

Вралевъ. Нельзя-ли, г. Нуліовъ, и мнѣ добиться какого-нибудь мѣстечка при здѣшнемъ дворѣ. Вы знаете, я на томъ свѣтѣ былъ большимъ забавникомъ. Постарайтесь, не примутъ-ли меня здѣсь въ придворные шуты?

Нуліовъ. Имѣете-ли вы для этого довольно разума?—Мнѣ помнится, вы надѣдали всѣмъ своими глупыми шуточками. Ну, если вы заставите звать Прозерпину, которой и безъ того здѣсь очень скучно?

Князь. Послушай, любезный Нуліовъ, мнѣ хочется сдѣлать тебѣ одинъ вопросъ. Здѣсь церемоніи не нужны; скажи мнѣ откровенно, какимъ способомъ тебѣ удалось на томъ свѣтѣ изъ *ничего* сдѣлаться *чѣмъ-нибудь*?

Нуліовъ. Весьма легкимъ. — Я не имѣлъ никакой природной гордости. При первомъ появленіи моемъ въ свѣтѣ, я принялся ласкать, подлизать и, такимъ образомъ, ползъ, да ползъ,—и наконецъ доползъ не до чина знатнаго человѣка, но до позволенія бывать въ хорошихъ обществахъ, оказывать *всякаго рода* услуги своимъ покровительницамъ, переносить вѣсти и соста-

..млять иногда партію въ бостонъ. Мужья, для коихъ я оказался ни мало не опаснымъ, ласкали меня изъ угожденія къ своимъ супругамъ; жены любили меня по привычкѣ. Я сдѣлался для нихъ также необходимымъ, какъ спальныя собачки, попугаи и прочіе домашніе звѣри. Но этого было еще для меня мало. Я хотѣлъ прослыть честнымъ и благороднымъ человѣкомъ: выучилъ наизусть нѣсколько тирадъ изъ драмы «Бѣдность и благородство души», при каждомъ случаѣ употреблялъ ихъ въ разговорахъ; обижался, когда предлагали мнѣ *сто рублей* въ видѣ подарка, и занималъ у другого *тысячу*; получившій отказъ объявлялъ громогласно, что я имѣю душу благородную; десять человѣкъ, желая что-нибудь сказать, повторяли тоже самое — и горе одиннадцатому, если бѣ онъ осмѣлился быть противнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, пользуясь довѣренностью своихъ знакомыхъ, я сталъ понемножку всѣхъ обманывать. Мужья вздумали было дѣлать свои замѣчанія, но снисходительныя ихъ супруги закричали въ одинъ голосъ, что я благороденъ, добръ и честенъ. Что можетъ устоять противъ крика женскаго!—Я остался по прежнему благороднымъ, добрымъ и честнымъ человѣкомъ. — Но я вижу Миносъ идетъ сюда. Я не могу терпѣть этого несноснаго моралиста. Прощайте!

(Миносъ входитъ, окруженный стражею изъ адскихъ духовъ, и садится на возвышенномъ мѣстѣ).

Миносъ. Стражи! Впустите всѣ тѣни. Присутствіе началось.

(Тона тѣней въ разныхъ отдѣляхъ и различныхъ націй появляется въ дверяхъ. Страшный шумъ, всѣ говорятъ вмѣстѣ различными языками).

Адскій духъ *(въ должности эзекутора)*. Тише! *(Шумъ продолжается)*. Тише, говорю я!

Одна тѣнь. Боже мой! Я полная генеральша и стою возлѣ моей прачки!

Другая тѣнь. Я тайная совѣтница и сенатская регистраторша стоить ко мнѣ спиною!

Миносъ. Эй, стражи! Перваго, кто пошевелится или скажетъ одно слово, схватите и отдайте на завтракъ Церберу. *(Всѣ утихаютъ)*.

Демонъ *(въ должности секретаря, беретъ списокъ тѣней и читаетъ)*. Вралевъ, графиня Двойкина и князь Промотаевъ. *(Они подходятъ)*.

Миносъ. Здѣсь не можете вы утаить истины. Вы должны отвѣчать чистосердечно на мои вопросы. Горе тому, кто подумаетъ обмануть меня!—Вралевъ?

Вралевъ *(дрожащимъ голосомъ)*. Помилуйте, ваше высоко-

превосходительство г. Миносъ. Я самое невинное твореніе: во всю жизнь мою я не дѣлалъ ничего съ намѣреніемъ, а если кого и обижалъ, то истинно по одной только глупости.

Миносъ. Что ты дѣлалъ на томъ свѣтѣ?

Вралевъ. Отъ утра до вечера вралъ вздоръ, сочинялъ рускіе коламбуры, выдумывалъ анекдоты и выдавалъ себя за умницу, несмотря на то, что никто не хотѣлъ этому вѣрить.

Миносъ. Не оскорблялъ-ли ты кого-нибудь?

Вралевъ. Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, напротивъ: всѣ, глядя на меня, смѣялись! Я не заставлялъ никого проливать слезъ; правда, однажды вздумалось мнѣ написать драму, но въ ней никто, кромѣ дѣйствующихъ лицъ, не плакалъ; да и актеры плакали только на сценѣ, а за кулисами смѣялись не меньше зрителей. — Клянусь честью, ваше высокопревосходительство, больше этого грѣха я за собою не знаю.

Миносъ. Жалкая тварь! — Стражи! отведите его въ Елисейскія поля; пусть онъ забавляетъ своимъ враньемъ Катона и Сенеку, — этимъ угрюмымъ мудрецамъ нужно разсѣяніе. — (*Вралева уводятъ*). — Двойкина?

Графиня. Что вамъ угодно. monsieur Миносъ?

Миносъ. Думала-ли ты когда-нибудь, для чего судьба одарила тебя богатствомъ?

Графиня. Я никогда ни о чемъ не думала.

Миносъ. Въ чемъ состояли главные твои упражненія на томъ свѣтѣ?

Графиня. Я играла въ бостонъ, бывала въ театрѣ, наряжалась, ѣздила каждый день съ визитами.

Миносъ. Случалось-ли тебѣ дѣлать добро?

Графиня. О, конечно! — Однажды у моей модной торговки украли на триста рублей блондъ: я тотчасъ заплатила ей эти деньги. Въ другой разъ торопилась я въ театръ, карета моя на скакала на слѣпого старика и переломила у него руку, я дала ему пять рублей...

Миносъ. Довольно! — Промотаевъ, твоя очередь.

Князь. Я честный человѣкъ.

Миносъ. Ты лжешь. Говори правду, или...

Князь. Г. Миносъ! Не забывайте, что вы говорите съ княземъ. Я не могу лгать...

Миносъ. А вотъ увидимъ. — Гей! Алекто, Мегера, Тизифона.

Князь (*падая на колѣни*). Виновать! Я бездѣльникъ.

Миносъ. Говори, въ чемъ состоятъ твои преступленія?

Князь. Я обыгрывалъ новичковъ, обманывалъ старухъ, не платилъ своихъ долговъ, выходилъ на дуэли, мстилъ однимъ, презиралъ другихъ; не имѣлъ ни одного друга и любилъ лишь одного себя.

Мин о с ь. Можешь-ли ты что-нибудь сказать въ свое оправданіе?

Князь. Меня нерѣдко обыгрывали самого, всё заимодавцы мои были настоящіе жиды, я выходилъ на поединки изъ одной необходимости; по наружности казался храбрымъ, а въ самомъ дѣлѣ умиралъ отъ страху. Тѣ, коимъ мстилъ, презирали меня, а тѣ, которыхъ пренебрегаль, не хотѣли сами обо мнѣ думать. — Я не имѣлъ друзей, потому-что я также былъ несносенъ для всѣхъ, какъ всѣ для меня.

Мин о с ь. Ты кончилъ. Теперь выслушайте оба приговоръ вашъ. Преступленія ваши не заслуживаютъ вѣчнаго наказанія, и для того, чтобы совершенно отъ нихъ очиститься, вы снова должны возвратиться въ свѣтъ. — Ты, Двойкина, родишься простою крестьянкою: работая каждый день съ утра до вечера, старайся вознаграждать время, проведенное въ праздности и бездѣйствіи, — Ты, Промотаевъ, всю жизнь свою будешь простымъ солдатомъ: поневолѣ сдѣлаешься полезнымъ своему отечеству, и если, сражаясь съ неустрашимостью, умрешь какъ храбрый воинъ, то Елисейскія поля будутъ твоей наградою.

Графиня и князь (вмѣстѣ). Мы не довольны симъ рѣшеніемъ; пускай Плутонъ подтвердить оное.

Мин о с ь. Молчите, неутомонныя творенія здѣсь не принимаютъ апелляціонныхъ жалобъ. Стражи! возьмите ихъ и пусть они въ ожиданіи опредѣленнаго наказанія познакомятся съ Тиффоною.

5.

Знатоки, или исторія одного дня.

Ахъ! дай мнѣ отдохнуть! Я такъ измученъ, такъ усталъ! — сказалъ Эрастъ, войдя однимъ утромъ въ кабинетъ пріятели своего Милостанова. — Ты не можешь себя представить, — продолжалъ онъ, бросившись на вольтеровскія кресла, — какую дѣлный день я долженъ былъ вытерпывать пытку.

Милостановъ (*сложивъ хладнокровно книгу, которую читалъ передъ приходомъ своего пріятели*). Что съ тобою случилось, мой другъ?

Эрастъ. Ты знаешь, мой милый, какой я не охотникъ до людей, извѣстныхъ подъ названіемъ *знатоковъ* — *цѣлителей дарованій*, которые, по большей части, не зная ничего, берутся судить обо всемъ. Сегодня какъ-будто нарочно, съ самаго утра, не имѣлъ я отъ нихъ ни на минуту покоя: на каждомъ шагѣ встречалъ я этихъ самозванцевъ-знатоковъ; дѣлный день выводили они

меня изъ терпѣнія своимъ рѣшительнымъ тономъ, своими вздорными сужденіями. Я спорилъ, кричалъ, шумѣлъ, бѣсился...

Милостановъ. Тѣмъ хуже для тебя, мой другъ. Чтобъ спорить съ этими господами, надобно имѣть грудь покрѣпче твоей: ихъ можно *перекричать*, а убѣдить, разуверить — невозможно.

Эрастъ. Но скажи самъ, можно-ли молчать, слушая какого-нибудь двадцатилѣтняго вертопраха, который съ увѣрительнымъ видомъ судьи произноситъ смертный приговоръ надъ произведеніями лучшихъ нашихъ писателей? Можно-ли смотрѣть хладнокровно на какого-нибудь знатока, который не удостоиваетъ взглядомъ прекрасную картину оттого, что она писана русскимъ и стоитъ полчаса въ радостномъ изступленіи передъ посредственнымъ ландшафтомъ, написаннымъ въ чужихъ краяхъ?

Милостановъ. Но, мой другъ, спорить съ людьми, которые судятъ о картинахъ по надписи, а о книгахъ по напыльщкѣ—было-бы и смѣшно и жалко. Да и должно-ли такъ возставать противъ слабостей другихъ? Кто не имѣетъ ихъ? Кто не думаетъ, что *знаетъ что-нибудь*? Это такое простительное самолюбіе!...

Эрастъ. Я никакъ не соглашусь съ тобою, и увѣренъ, что ты самъ, выслушавъ исторію сегодняшнихъ моихъ приключеній, перемѣнишь свое мнѣніе.

Милостановъ. Не думаю. Однакожь расскажи все, что съ тобой случилось; я охотно буду тебя слушать.

Эрастъ. Сегодняшнее утро было прекрасно, несмотря на то, что небо было покрыто облаками. Я хотѣлъ воспользоваться хорошимъ временемъ и походить пѣшкомъ; изъ предосторожности намѣренъ былъ взять съ собою зонтикъ, но слуга мой Иванъ (который въ *своемъ родѣ* также *знатокъ*) увѣрилъ меня, что, по всѣмъ примѣтамъ, дождя не будетъ, что онъ лучше всякаго барометра можетъ предсказывать хорошую погоду, что онъ никогда не ошибался; однимъ словомъ, онъ убѣдилъ меня идти безъ зонтика. Едва только дошелъ я до большого бульвара, какъ вдругъ пошелъ проливной дождь. Прежде чѣмъ я успѣлъ войти къ Бордеро *), меня всего измочило. Я попросилъ себѣ чашку шоколада и помѣстился подлѣ стола, около котораго сидѣло четверо молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ говорилъ очень громко и съ большимъ жаромъ; прочіе слушали его съ глубочайшимъ вниманіемъ и молчали. «Нѣтъ», кричалъ громогласный рассказчикъ:— «надобно не имѣть ни малѣйшаго понятія объ архитектурѣ, чтобъ называть Петербургъ хорошо выстроеннымъ городомъ». Эти чудныя слова возбуждали мое вниманіе: я подвинулся ближе. «Да,

*) Рестораторъ, содержащій палатку на большомъ бульварѣ.

милостивые государи», продолжалъ ораторъ, «я докажу вамъ въ двухъ словахъ, что здѣсь нѣтъ ни одного хорошаго зданія. Что значать здѣшніе каналы передъ каналами Венеціи? Что значить вашъ бульваръ передъ берлинскимъ *Линденомъ* и вѣнскимъ *Пра-теромъ*? Гдѣ у насъ регулярныя площади? Покажите мнѣ хотя одинъ домъ, выстроенный по всѣмъ правиламъ архитектуры»...

Я не могъ долѣе молчать. «Выдѣте, сударь, на бульваръ,— сказалъ я,— и взгляните на Адмиралтейство».

— На Адмиралтейство. Ха! ха! ха!

— Чему вы смѣетесь, сударь?

— На Адмиралтейство! Позвольте спросить не архитекторъ-ли вы?

— Къ чему это?

— Такъ! И вѣрно русскій?

— Да, сударь, я русскій, и...

— И для того изъ патриотизма хвалите то, что вѣрно вамъ самимъ не нравится. Скажите мнѣ, что значить безконечное строеніе, посреди котораго, вмѣсто величественнаго купола, построена башенка съ тоненькими столбиками? На что походятъ эти задавленные башнею ворота, узенькія окошки, широкіе простѣнки? Но *забудемте* (если можно) всѣ эти *вопьюшіе* недостатки: *положимте* — вы правы! Но и тогда, скажите мнѣ, что значить одно изрядное зданіе въ такомъ обширномъ городѣ, каковъ Петербургъ?

— Одно, сударь? Я начту вамъ цѣлыя сотни: Биржа...

— Отнимите отъ нея колонны, и что останется? Огромное пропорціональное зданіе, обширный сарай, и больше ничего.

— Но, сударь...

— Что ни говорите, а у насъ все испорчено. Конечно, можно было-бы чтонибудь сдѣлать: я хотѣлъ-бы, наприимѣръ, чтобъ Зимній дворецъ не закрывалъ Неву, чтобъ на Дворцовой площади была поставлена статуя въ симметріи съ монументомъ Петра I-го, чтобъ обѣ площади были гораздо болѣе, каналы вдвое шире; я хотѣлъ-бы...

— Вы хотѣли-бы перестроить Петербургъ. Удивляюсь, что васъ для этого до сихъ поръ еще не выбрали,—сказалъ я съ досадою, схватилъ шляпу и вышелъ на бульваръ. Мнѣ казалось, что я вырвался изъ ада; я сталъ дышать свободнѣе. Разсуди самъ, Милостановъ, можно-ли было не взбѣситься, слушая такія вздорныя сужденія? И это смѣшной зоилъ имѣетъ своихъ слушателей, которые удивляются обширнымъ его познаніямъ, тонкому вкусу; которые, не вѣря собственнымъ глазамъ своимъ, соглашаются, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одного хорошаго зданія; которые, угождая ему, готовы закидать камнями всякаго, кто осмѣлится думать иначе!

М и л о с т а н о в ъ. Тутъ нечего сердиться, мой другъ. Un sot

trouve toujours un plus sot qui l'admire—таковъ свѣтъ. Но продолжай свою исторію.

Эрастъ. Погода сдѣлалась лучше; толпы гуляющихъ появились на бульварѣ. Между прочими знакомыми встрѣтилъ я князя СС. Мы обошли съ нимъ раза два около Адмиралтейства. Онъ рассказывалъ мнѣ о чудесной четвернѣ гнѣдыхъ, которую вели ему изъ деревни. Наконецъ, посмотрѣвъ на часы, спросилъ, могу-ли я располагать своимъ временемъ?

— Совершенно! Мнѣ нечего дѣлать до самаго обѣда,—отвѣчалъ я.

— Прекрасно! Вдемъ же на Васильевскій островъ.

— Зачѣмъ?

— Я покажу тебѣ чудо — арабскаго жеребца, который, конечно, не имѣетъ въ цѣломъ мѣрѣ себѣ подобнаго! Вотъ уже двѣ недѣли какъ я его торгую и, кажется, у насъ скоро сойдется: сначала просили за него сорокъ тысячъ, теперь отдадутъ за тридцать девять тысячъ девятьсотъ рублей.

— Сорокъ тысячъ! Помилуй, князь! Это ни на что непохоже.

— Англичанинъ, который продаетъ его, сказывалъ, что ему давно уже даютъ тридцать.

— И ты ему вѣришь? Воля твоя, князь, я не въ состояніи постигнуть, можетъ-ли какая-нибудь лошадь стоять такъ дорого?

— Это оттого, что ты не знатокъ; вотъ, напримѣръ, я... Но побѣдемъ — увидишь самъ. Я расскажу тебѣ по пальцамъ всѣ ея статьи, и тогда ты согласишься, что можно просить за лошадь сорокъ тысячъ и давать за нее тридцать.

Мнѣ удавалось видѣть лошадей по десяти тысячъ, но лошадь, за которую просятъ вчетверо дороже... О! это стоитъ того, чтобъ съѣздить на Васильевскій островъ. Мы застали у англичанина человѣкъ шесть знатковъ и охотниковъ. Нѣсколько минутъ дожидались мы на дворѣ, нетерпѣніе изображалось на всѣхъ лицахъ; наконецъ двери святилища, которое скрывало отъ насъ честь и славу всей Аравіи, открылись и два *рейткнехта* вывели на дворъ лошадь, покрытую дорогимъ персидскимъ ковромъ. Самъ хозяинъ подошелъ къ ней, и съ видомъ глубочайшаго почтенія снялъ попону. Всѣ знатоки ахнули; князь въ нѣмомъ восхищеніи, оставивъ на нее свой лорнетъ, стоялъ какъ вкопанный. Признаюсь, мнѣ было стыдно: я одинъ не восхищался. Я не находилъ ничего необыкновеннаго въ этомъ чудѣ, кромѣ персидскаго ковра, которымъ оно было покрыто; онъ нравился мнѣ гораздо болѣе самой лошади.

— Какъ ты холоденъ, мой другъ, — сказалъ князь, подведи меня поближе; — можешь-ли ты смотрѣть и не удивляться? Погляди на эту шею: видѣлъ-ли ты что-нибудь подобное? Клянусь честью, она по крайней мѣрѣ двумя пальцами длиннѣе шеи моего персидскаго жеребца!

— Помилуйте, сударь!—сказалъ одинъ знатокъ,—какъ можно говорить о шеѣ, когда смотришь на такую голову? Бьюсь объ закладъ: самъ Ор...скій не нарисуетъ голову лучше этой.

— И, господа!—подхватилъ другой знатокъ,—побойтесъ Бога, можно-ли говорить съ такимъ восхищеніемъ о головѣ и шеѣ, а не сказать ни слова о ногахъ?

— Да что такое!—прервалъ третій,—ноги какъ ноги; посмотрите-ка лучше на эту грудь.

Тутъ всѣ начали говорить вмѣстѣ: одинъ охуждалъ то, что нравилось другому; другой восхищался тѣмъ, что критиковалъ третій, и всѣ вообще соглашались только въ томъ, что лошадь стоитъ по крайней мѣрѣ тридцать тысячъ. Я примѣтилъ изъ числа зрителей одного человѣка, пожилыхъ лѣтъ, который не говорилъ ни слова, а только изрѣдка улыбался, слушая сужденія другихъ.

— Вы конечно знатокъ?—спросилъ я у него.

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ,—а только-что охотникъ.

— Вы, кажется, одни не сказали вашего мнѣнія. Какъ находите вы эту лошадь?

— Она очень не дурна

— Только?...

— Чего-же вамъ болѣе? Если угодно, я прибавлю: она настоящей арабской породы, не старѣе семи лѣтъ, и стоитъ денегъ, которые заплатилъ за нее теперешній хозяинъ.

— А много-ли она ему стоитъ?

— Съ небольшимъ шесть тысячъ.

— Возможно-ли! Шесть тысячъ!—Точно-ли вы это знаете?

— Кажется, что такъ. Этотъ арабскій жеребецъ—моего завода.

— Какъ, сударь! Вашего завода?—И за него теперь просятъ сорокъ тысячъ!

— Да, сударь.

— Но она не стоитъ этихъ денегъ.

— Разумѣется. По моему, въ цѣломъ мірѣ нѣтъ лошади, которая стоила-бы по однѣмъ статьямъ сорока тысячъ; но за то много есть людей, которые любятъ даромъ бросать деньги.

— Для чего-же не выведете наружу обманъ этого англичанина?

— Вы шутите. Да кто-же изъ сихъ господъ захочетъ мнѣ вѣрить?—Ну, можетъ ли лошадь, покрытая вмѣсто попоны дорогимъ персидскимъ ковромъ, стоить только шесть тысячъ?—При томъ-же, соглашаясь со мною, они должны будутъ признаться, что были обмануты. О, сударь! Я увѣренъ, каждый изъ нихъ согласится лучше заплатить вдесятеро дороже, чѣмъ отказаться отъ пріятнаго названія *знатока*. Жаль только, что деньги, вмѣсто того, чтобъ остаться въ Россіи, отправятся въ Англію; не

вѣдь этому горю пособить не можно: русское тогда только хорошо, когда продаетъ его иностранецъ. Недавно одинъ молодой человѣкъ не хотѣлъ у меня купить за двѣ тысячи верховую лошадь, а заплатилъ черезъ два мѣсяца за нее-же берейтору-нѣмцу двѣнадцать. И теперь не можетъ нахвалиться ею: онъ счастливъ, благополученъ,—не оттого, что имѣетъ хорошую лошадь, но оттого, что она стоитъ ему двѣнадцать тысячъ.

Послѣ сего разговора я не могъ долѣе оставаться вмѣстѣ съ княземъ. Мнѣ жалко и досадно было смотрѣть, какъ эти смѣшныя знатоки помогали англичанину ихъ обманывать.—До обѣда было еще долго; не зная, какъ убить время, вздумалъ я идти на биржу. Я нашелъ тамъ много гуляющихъ. Одни покупали вновь привезенныя апельсины, другіе прохаживались по берегу и смотрѣли, какъ выгружаютъ купеческіе корабли. Проходя мимо лавокъ, я встрѣтилъ Промотаева.

— Какъ я радъ, мой милый! — вскричалъ онъ: — ты здѣсь! Поидемъ со мной; я поподчую тебя такими устрицами...

— Благодарю; я никогда ихъ не ѣмъ.

— Пустое, мой другъ! Пустое!

— Увѣрю тебя.

— Но это необыкновенныя устрицы; сейчасъ съ корабля.

— Для меня все равно. Я ихъ терпѣть не могу.

— Что ты, мой милый! Я за тебя краснѣю. Не терпѣть устрицъ!.. Совѣтую тебѣ хотя изъ пристойности не говорить этого.

Между тѣмъ мы вошли въ лавку; Промотаевъ спросилъ устрицъ, лимоновъ и портеру. Съ нимъ былъ какой-то толстый человѣкъ, который не говорилъ ни слова; но зато не ѣлъ, а глоталъ по пяти устрицъ разомъ. Промотаевъ хвалилъ ихъ съ восторгомъ самаго разборчиваго знатока и ѣлъ очень умѣренно.

— Безподобно! восхитительно!—кричалъ онъ при каждой устрицѣ и морщился, какъ будто-бы принималъ лѣкарство.

— Мнѣ кажется, любезный Промотаевъ,—сказалъ я,—ты до нихъ не такой охотникъ, какимъ хочешь казаться.

— Вотъ, что забавно! Да неужели я стану ихъ ѣсть насильно?

— Признаюсь, я почти увѣренъ въ этомъ.

— Какой вздоръ! Ты судишь по себѣ. *Попробуй* только, и тогда заговоришь другимъ голосомъ. Ты не можешь себѣ представить, какое наслаждение есть устрицы!—Не правда-ли, господинъ Обѣдаловъ?

— Совершенная правда!—отвѣчалъ толстякъ:—и для того-то я попрошу еще полсотенки.

— Кушай, мой милый, кушай! Я очень радъ, что ты одного со мною мнѣнія. О! Что можетъ сравниться съ устрицами!

Тутъ, желая показать на самомъ дѣлѣ какъ онъ ихъ любить, Промотаевъ началъ со всею медленностью утонченнаго ла-

комки жевать устрицы, которыя до того глоталъ какъ шилои. Сначала преодолевалъ онъ съ катонскою твердостью свое отвращеніе: все лицо его было въ конвульсіяхъ; онъ хотѣлъ улыбаться — и дѣлалъ *гримасы*; готовъ былъ задохнуться, и кричалъ сквозь слезы: *какой вкусъ! Какая пріятная солоноватость!* — Наконецъ глаза его совершенно помутились, и бѣдный Промотасевъ долженъ былъ отворотиться, чтобъ выплюнуть то, чего не могъ проглотить. Я не въ состояніи былъ отъ смѣху удержаться и, не желая умножить его замѣшательство, ушелъ потихоньку изъ лавки. — Теперь скажи, Милостановъ, не смѣшно-ли, не жалко-ли видѣть человѣка, который давится, глотая устрицы, для того только, чтобъ сказать, что онъ покупалъ ихъ очень *дешево* — съ небольшимъ по сто рублей сотню?

Милостановъ. Это-то и худо, мой милый, что по сто рублей: еслибъ онѣ были по рублю сотня, то никто не сталъ бы ихъ ѣсть. — Но ты еще не совсѣмъ кончилъ исторію своихъ похужденій.

Эрастъ. О! Нѣтъ еще. Съ биржи пошелъ я обѣдать къ барону А***. Я нашелъ у него цѣлое музыкальное общество. Хозяинъ давалъ обѣдъ извѣстному капельмейстеру-фортепьянисту Шт.....ту. Большая часть гостей были *аматеры*. Во время обѣда говорили безпрестанно о музыкѣ: судили, разбирали, сравнивали, рѣшали и, говоря *о бемоляхъ и паузахъ*, забывали ѣсть. Я посреди сего музыкальнаго ареопага былъ какъ-будто на необитаемом островѣ: молчалъ и не понималъ десятой доли изъ общаго разговора. Мнѣ очень хотѣлось знать, кто изъ гостей тотъ знаменитый виртуозъ, коего давно уже желалъ видѣть. Судя по разговорамъ, я думалъ, что узналъ его: сидѣвшій подлѣ меня съ правой стороны распудренный мужчина говорилъ и больше и громче другихъ. — «Кто, кромѣ сего великаго музыканта», думалъ я, «можетъ говорить такъ смѣло о музыкѣ; произносить съ такою рѣшительностью свои приговоры?» — О! это вѣрно Шт.....тъ!» Желая увѣриться въ справедливости своихъ догадокъ, я спросилъ сидѣвшаго подлѣ меня съ лѣвой стороны человѣка пожилыхъ лѣтъ, который также какъ я не говорилъ ни слова. — «Не это-ли г. Шт.....тъ?» — «Нѣтъ, сударь, — отвѣчалъ очень вѣжливо мой сосѣдъ, — онъ имѣетъ удовольствіе говорить съ вами». У меня руки опустились отъ удивленія. Разсуди самъ, могло-ли это придти мнѣ въ голову?

Обѣдъ кончился; всѣ въ глубокомъ молчаніи сѣли въ кружокъ около фортепьянъ. Шт.....тъ заигралъ свою фантазію. — Никогда не слушалъ я музыки съ такимъ удовольствіемъ. Какое волшебное согласіе звуковъ! Какая сладостная мелодія! Какіе переходы отъ быстрыхъ, подобныхъ грому звуковъ, къ тихимъ, гармоническимъ тонамъ, изображающимъ мирное блаженство жителей небесныхъ! — «Превосходно! Несравненно!» кричали всѣ

слушатели, когда онъ окончилъ. — «Еще, monsieur Шт....тъ, еще что-нибудь!» шептали дамы. Онъ послушался; но въ этотъ разъ игра его не принесла мнѣ столько удовольствія. Когда онъ игралъ свою фантазію, всѣ молчали, едва смѣли дышать; а тутъ, часто среди общаго молчанія, вырывались слова: *прекрасно! безподобно! нельзя лучше!*—Я самъ слушалъ и удивлялся искусству; но сердце мое было спокойно, воображеніе холодно, и я совсѣмъ не досадовалъ, когда онъ кончилъ

Лишь только виртуозъ уѣхалъ, начались сужденія: его стали сравнивать съ Ф...мъ.—Какая разница,—говорилъ одинъ:—Ф...дъ довелъ до совершенства *механизмъ пальцевогo*; но гдѣ въ нихъ душа?

— Гдѣ душа!—Въ каждой ногѣ, сударь,—отвѣчалъ другой.

— Погодите!—кричалъ третій:—въ Ф...вой музыкѣ столь-же мало души, сколь мало правильности въ игрѣ Шт...та.

— Помилосердуйте!—вопіялъ четвертый,—Шт...тъ играетъ неправильно?—Боже мой!—Напротивъ, въ Ф...дѣ есть большіе недостатки: средний палецъ правой его руки имѣетъ гораздо менѣе силы, чѣмъ прочіе.

— Извините!—возразилъ расчесанный говорунъ, бывший во время стола моимъ сосѣдомъ,—не средній, а указательный.—Но какъ бы то ни было,—продолжалъ онъ, поправивъ свой галстукъ,—какъ бы то ни было, Ф...дъ далеко останется позади Ш...та. Желаю знать, напишетъ-ли онъ что-нибудь подобное концерту, который Шт...тъ игралъ послѣ своей фантазій?

При сихъ словахъ всѣ прочіе гости взглянули другъ на друга и засмѣялись. — Чему же вы смѣетесь? — спросилъ съ досадою расчесанный знатокъ.—А вотъ посмотрите,—отвѣчалъ одинъ насмѣшникъ:—тотъ самый концертъ, который игралъ Шт...тъ, онъ сочиненъ Ф...мъ. Какъ ты думаешь, мой другъ? — Пристыженный знатокъ смутился, покраснѣлъ — ни мало. Онъ повернулся на одной ногѣ, подошелъ къ дамамъ и черезъ минуту принялся кричать громче прежняго.

Мило станова въ. Это не удивительно, невѣжество и наглость бываютъ всегда неразлучны.

Эрастъ. Желая избавиться скорѣе разговоровъ, въ которыхъ не могъ брать участія, отправился я въ театръ. Сегодня давали *Ирока*, комедію не переведенную, но, къ несчастію, передѣланную съ французскаго. Мнѣ показалось, что она написана не совсѣмъ дурно; я замѣтилъ даже много хорошихъ стиховъ. Но зато бѣдный Реньяръ пострадалъ ужаснымъ образомъ: я не узналъ его Ирока. Переводчикъ забывалъ поминутно объ оригиналѣ, сочинялъ цѣлыя фразы, и заставлялъ дѣйствующія лица говорить то, что вѣрно Реньяру никогда и въ умъ не входило. Роль маркиза, который такъ забавенъ во французской комедіи; была совершенно убита; но слово *передѣланная* извиняло все.

Большая часть зрителей остались довольны пьесою. Я не был из числа сихъ послѣднихъ. Мнѣ всегда казалось, что переводчикъ не имѣетъ никакого права передѣлывать, или, лучше сказать, портить иностранное для того, чтобы сдѣлать его русскимъ.

Лишь только занавѣсъ опустили, — критики *апологисты* и *зоили* принялись на перерывъ разбирать, хвалить и терзать сыгранную пьесу. Передо мною сидѣлъ человекъ небольшого роста, который во время представленія надѣлъ мнѣ пуще всякой передѣланной комедіи. Онъ появился въ креслахъ въ половинѣ перваго акта: минутъ съ пять не садился; заслонялъ сцену для тѣхъ, которые имѣли несчастье сидѣть позади его и, говоря очень громко, мѣшала слушать тѣмъ, которые были подлѣ. Первые два дѣйствія онъ сидѣлъ спиною къ сценѣ; третье и четвертое разговаривалъ и вѣввалъ; пятое заснулъ — или хотѣлъ казаться спящимъ; а когда кончилось представленіе, проснулся для того, чтобы сказать: — «Скверно, дурно! Наши актеры все портятъ; по чести, я ничего не видѣлъ хуже этого».

— Ему вѣрно приснилось что-нибудь страшное, — сказалъ сидѣвшій подлѣ меня старикъ, посмотрите, — какъ онъ бредитъ.

— *Богъ мой!* Что это за переводъ, — пищаль позади насъ расприсканный духами модникъ, — это жалость! — Не понимаю, какъ можно *имѣть лобъ* *) переводить Игрока! — Игрока — лучшую комедію Мольера!

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, — сказалъ какой-то глубокомысленный знатокъ: — эта комедія написана Реньяромъ. Переводъ превосходенъ; въ немъ удержаны всѣ красоты подлинника. — Стихи переведены *слово-отъ-слова*. — Хорошъ же и ты, голубчикъ, — думалъ я. — Можетъ быть, — возразилъ щеголь, вставая съ своего мѣста. — Можетъ быть... Но со всѣмъ тѣмъ — какъ бы то ни было, переводить Игрока!... О! для этого надобно имѣть такую голову...

— Которая не походила бы на твою, — сказалъ я, пробираясь сквозь толпу выходящихъ зрителей.

Несчастные писатели! — думалъ я, идя по бульвару, — вы ломаете себѣ головы, пишете цѣлыя ночи, трудитесь — и для чего? Для того, чтобы отдать свое произведеніе на судъ подобныхъ знатоковъ! И что ожидаетъ васъ? Если произведеніе ваше будетъ хорошо принято, то *горе вамъ!* Дюжинные писатели составятъ противъ васъ *всеобщее ополченіе*; засыплютъ эпиграммами, придутся къ одному слову и докажутъ *логически*, что вы не умѣете писать. Если стихи ваши не понравятся, пьеса упадетъ, то бѣгите вонъ изъ города: журналисты, для которыхъ всякое дурное произведеніе есть золотой рудникъ, не дадутъ вамъ покоя; имя ваше войдетъ въ пословицу; тогда напишите Федру, Тартюфа,

*) Avoir le front.

напишите, если можно, что-нибудь лучше, и вы все-таки останетесь жалкими авторами, которые не могут сочинить ничего путного.

Разсуждая такимъ образомъ, я дошелъ нечувствительно до дома графа N***; у воротъ стояло много экипажей; это напомнило мнѣ, что сегодня вторникъ, день, въ который графъ принимаетъ своихъ знакомыхъ и что я давно уже у него не былъ. Послѣ минутнаго размысленія, я рѣшилъ провести у него остатокъ вечера. Въ первыхъ трехъ комнатахъ царствовало глубокое молчаніе; столахъ надесяти играли въ вистъ. Не видя нигдѣ хозяина, я пошелъ далѣе и нашелъ графа въ диванной, посреди небольшого круга избранныхъ пріятелей. Я, какъ водится, сталъ извиняться, что давно не былъ; хозяинъ какъ слѣдуетъ наговорилъ мнѣ кучу обязательныхъ упрековъ и когда это условное пустословіе кончилось, разговоръ, прерванный на нѣсколько минутъ моимъ приходомъ, возобновился съ новымъ жаромъ. Дѣло шло о литературѣ. Никто почти не слушалъ другъ друга; каждый изъ гостей выжидалъ только минуты завладѣть разговоромъ и блеснуть своими познаніями. Одинъ, кстати или не кстати, цитировалъ стихи любимаго своего поэта; другой, не имѣя времени промолвить свое словцо, торопился кивнуть прежде другого въ знакъ одобренія головою, или значительно улыбнуться. Третій, чувствуя свое невѣжество, не смѣлъ мѣшаться въ общій разговоръ, а передразнивалъ только своихъ сосѣдей: восхищался, когда восхищались другіе; качалъ головою съ видомъ неудовольствія, когда хмурились другіе, и отвѣчалъ двусмысленно, когда спрашивали его мнѣнія. Одинъ молодой человекъ, одаренный непостижимою гибкостью языка, успѣлъ наконецъ обратить на себя общее вниманіе: онъ вертѣлся направо и налево, спрашивалъ, отвѣчалъ, доказывалъ, раздроблялъ, спорилъ со всѣми, загонялъ всѣхъ и въ нѣсколько минутъ очистилъ совершенно поле сраженія. Самые упрямые спорщики должны были съ нимъ согласиться; самые неутомимые болтуны принуждены были молчать. Сначала перебралъ онъ по одиночкѣ всѣхъ древнихъ поэтовъ: однихъ хвалилъ, другихъ осуждалъ; никто не смѣлъ ему противорѣчить. «Онъ знаетъ по-гречески, и по-латыни», шептали мои сосѣди; а какъ можно спорить съ человѣкомъ, который читаетъ въ подлинникъ Гомера, и находитъ неправильные стихи въ Гораций и Ювеналѣ. Уставши говорить о древнихъ, молодой литераторъ обратился къ новѣйшимъ писателямъ: далъ нѣсколько щелчковъ англичанамъ и нѣмцамъ, похвалилъ мимоходомъ Данта, поругалъ слегка Тасса—и добрался наконецъ до французовъ. О! тутъ-то началась кровавая сѣча: двадцатилѣтній цензоръ не щадилъ ни пола, ни возраста. Г-жа Дезульеръ лучше-бы сдѣлала, еслибъ вмѣсто стиховъ писала узоры; г-жа Севиньи не должна была ечатать своихъ писемъ, а Жанлисъ сочинять своихъ ска-

зокъ и романовъ; французская литература одна изъ самыхъ бѣднѣйшихъ; лучшіе ихъ писатели—жалкіе школьники въ сравненіи съ древними. Я слушалъ и восхищался. Этотъ молодой человѣкъ истинный *патріотъ*, думалъ я: онъ мститъ французамъ за то, что они нѣкогда были врагами нашими; унижаетъ ихъ писателей вѣрно для того, чтобъ возвысить таланты своихъ соотечественниковъ. О! надобно имѣть сильную любовь къ отечеству, чтобъ пуститься на такой великій подвигъ!

Не всё были одинаковаго со мною мнѣнія. Осуждать французскихъ писателей! Боже мой! Да это такое уголовное преступленіе, такая неслыханная дерзость, отъ которой самый смиренный человѣкъ долженъ потерять терпѣніе. Одинъ изъ слушателей, не въ силахъ будучи скрывать долѣе своего негодованія, вступился за бѣдныхъ французовъ.

— Попадите!—закричалъ онъ,—можно-ли говорить съ такимъ презрѣніемъ объ учителяхъ нашихъ, описателяхъ, которые служатъ намъ образцами? Сыщите мнѣ, на примѣръ, гдѣ-нибудь другаго Лафонтена!

— Лафонтена! Но чтобы онъ былъ безъ Езопа, Федра и Пильпая? Онъ всёмъ обязанъ древнимъ.

— Буало...

— Буало никогда не былъ истиннымъ поэтомъ: онъ отдѣлывалъ стихи свои, какъ художникъ: вымѣривалъ ихъ циркулемъ, писалъ по масштабу. Онъ такъ холодно-правилень...

— Если вы хотите болѣе пѣнческаго огня, читайте Делиля.

— Делиля! Этого *сантиментальнаго* плаксу, сладкаго пастушка, который описывалъ поля и лѣса, сидя въ своемъ кабинетѣ, и ходилъ любоваться *великолѣпною* природою въ Пале-Рояльскій садъ. Нѣтъ, сударь, я не могу выносить его *заказныхъ* восторговъ, его *звучно-подражательныхъ* стиховъ, которые ничему не подражаютъ, и охотно отдали-бы всё пастушескія и метафизическія поэмы Делиля за одинъ стихъ изъ *Виргилія*.

— Желаю знать, что скажете вы о Расинѣ.

— Что онъ не написалъ ни одной истинной трагедіи.

— Какъ, сударь! Гофоля, Федра, Ифигенія?..

— Пржежалкія трагедіи! Что такое Расиновъ Ахиллесъ? Французскій петиметръ; *зробрень*, который безпрестанно говоритъ и дѣлаетъ *гасконады*. Берениса, *сантиментальная* французенка двора Людовика XIV-го. Федра *кокетка*. О! какъ удивились-бы греки, если-бъ увидѣли, какими сдѣлалъ ихъ Расинъ. Эти греческія трагедіи показались-бы имъ пародіями,—и греки были-бы правы.

— Поэтому Корнель...

— Онъ былъ-бы лучше; но что за стихи!

— Слѣдственно Вольтеръ вамъ нравится болѣе!

— Вольтеръ? Боже мой! Могутъ-ли нравиться трагедіи, въ

которыхъ Магометъ философствуетъ, бредить метафизикою какъ Дидеротъ; а турецкій султанъ разсуждаетъ о любви, какъ страстные любовники въ романахъ г-жи Скюдери?

— Я надѣюсь, что Мольеръ...

— Онъ старался подражать Плавту; но какъ далеко оставилъ его позади себя Аристофанъ!

— Помилуйте! Лагарпъ говорить...

— Лагарпъ говорить! Прекрасное доказательство! Да что такое Лагарпъ? Кто сдѣлалъ его законодателемъ вкуса? Человѣкъ, который на каждомъ шагѣ дѣлаетъ самыя грубыя ошибки, котораго сужденія наполнены пристрастiemъ, котораго безконечный курсъ *литературы* заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе полезнаго, чѣмъ одинъ листъ въ Лонгиновомъ трактатѣ о превосходномъ. И этого-то человѣка вы хотите сдѣлать моимъ судьей! О, сударь! Позвольте мнѣ, не справляясь съ Лагарпомъ, отдавать справедливость древнимъ и не равнять съ ними писателей нашего времени.

Защитникъ французовъ замолчалъ. Я думалъ, что молодой литераторъ сдѣлаетъ тоже, но ошибся: поговоря еще нѣсколько минутъ объ иностранныхъ писателяхъ, онъ обратился къ отечественной словесности. Я удвоилъ вниманiе. «Наконецъ этотъ страшный Аристархъ смягчится и будетъ хвалить. Какъ можетъ русскiй говорить безъ восторга о Ломоносовѣ и Державинѣ; о Душенькѣ Богдановича и басняхъ Хемницера»,—думалъ я, подвигаясь ближе—и какъ обманулъ! Бѣдные мои соотечественники! Если-бъ вы слышали жестокий приговоръ этого *отрока-мудреца*... Херасковъ, Княжнинъ, Костровъ, Фонъ-Визинъ, вы не имѣли никакого таланта. Почтенный отецъ нашей поэзiи, Ломоносовъ! Твои оды ни что иное, какъ *лирическая гамматъя*, уродственное подражанiе Пиндару. А вы, находящiеся еще въ живыхъ, вы, которыхъ мы по невѣжеству своему считали до сихъ поръ честию нашей словесности, плѣнительный Д***, подражаемый К***въ, веселый В***, милый Б***, остроумный Ш***, любимецъ греческихъ музъ Г***, вы скучны, холодны, безъ души, безъ дарованiй, — и наконецъ ты, избалованное дитя Аполлона, чувствительный, пламенный Ж***, ты не написалъ во всю жизнь ни одного *живого* стиха

Я вышелъ изъ терпѣнiя, сталъ спорить; но злодѣй, не давъ мнѣ выговорить двухъ словъ сряду, началъ читать наизусть по нѣскольку дурныхъ стиховъ изъ поэтовъ, которыхъ порицалъ такимъ безбожнымъ образомъ. Сколько я ни кричалъ, что нѣсколькимъ дурныхъ стиховъ ничего не значать, что во всякомъ сочиненiи найти ихъ можно, — никто не хотѣлъ меня слушать; большая часть гостей взяли сторону моего противника и я долженъ былъ замолчать поневолю. Разговоръ перемѣнился: стали говорить о художествахъ; молодой литераторъ пустился судить

о скульптурѣ, живописи и архитектурѣ съ такою-же *благородною смѣлостью*, съ какою говорилъ о словесности. «Боже мой! — сказала я, сѣвши въ одномъ уголку подалѣе отъ прочихъ гостей. — Боже мой! Какъ-бы было хорошо, если-бъ этотъ молодой человѣкъ *не зналъ* чего-нибудь». Хозяинъ, который не принималъ почти никакого участія въ разговорѣ, подошелъ ко мнѣ.

— Ну! Мой милый, — спросилъ онъ, — что вы думаете объ этомъ молодомъ человѣкѣ?

— Право не знаю, я не успѣлъ еще опомниться.

— Не правда-ли, онъ очень много знаетъ?

— О, слишкомъ много!

— Нельзя быть умнѣе, ученѣе...

— Но можно, кажется, быть скромнѣе и не позволять себѣ бранить то, что цѣлый свѣтъ почитаетъ.

— О! Этотъ молодой человѣкъ имѣетъ право судить о писателяхъ: онъ самъ сочиняетъ и отдаетъ въ печать.

— Тѣмъ хуже, сударь, тѣмъ хуже. Если-бъ онъ находилъ въ себѣ самомъ тѣ-же недостатки, которые видитъ въ другихъ, то не сталъ-бы печатать своихъ произведеній; а такъ какъ онъ осуждаетъ всѣхъ и сочиняетъ самъ, то вѣроятно думаетъ, что онъ одинъ пишетъ хорошо. Согласитесь сами, такое самолюбіе несносно.

— Можетъ статься вы правы. Но впрочемъ, какъ бы то ни было, а у него такіе таланты, такія дарованія! О чемъ съ нимъ ни говори, онъ все знаетъ, и знаетъ вѣрно лучше того, съ кѣмъ говорить. — О! Онъ *преученный и преумный* молодой человѣкъ.

Послѣ сего *премудраго* заключенія мнѣ осталось взять шляпу и уйти. Я раскланялся съ хозяиномъ и побѣжалъ къ тебѣ. Вотъ сегодняшнія мои приключенія: кажется, они уже всѣ кончены. — Но что это такое? Опять обновы! — Какая прекрасная чашка!

Милостановъ. Я купилъ ее для тебя: завтра день твоего рожденія.

Эрастъ (*разсматривая чашку*). Благодарю, мой милый! — Какая живопись!

Милостановъ. Очень радъ, что она тебѣ нравится; я купилъ ее...

Эрастъ. У Роленьши?

Милостановъ. Нѣтъ, мой милый.

Эрастъ. Неужели въ англійскомъ магазинѣ?

Милостановъ. Совсѣмъ нѣтъ...

Эрастъ. Это удивительно! — Она *Северской* фабрики.

Милостановъ (*улыбаясь*). Въ самомъ дѣлѣ!

Эрастъ. О, что касается до этого, ты знаешь, я *охотникъ до фарфора*, и смѣло могу тебя увѣрить, различу за сто шаговъ саксонскую чашку отъ северской; а за версту узнаю нашу *топорную* русскую.

Милостановъ. Помилуй, мой другъ! Давно-ли ты бралъ сторону своихъ согражданъ, а теперь...

Эрастъ. О! Это другое дѣло, — фарфоръ не словесность; мы никогда не доведемъ до того совершенства наши фабрики, въ какомъ онѣ находятся въ чужихъ краяхъ. Ну! посмотри, мой милый, *сумютъ* ли у насъ дать фарфору такую полировку, такой цвѣтъ; посмотри, какъ все *кончено* въ этой живописи: какія живыя краски! Какая позолота! Въ одной Франціи умѣютъ давать этимъ бездѣлкамъ такую плѣнительную форму. Скажи мнѣ, можетъ ли что-нибудь быть въ семь родѣ совершеннѣе? Не правда ли? Чтожъ ты не отвѣчаешь?

Милостановъ. Извини! Я немного задумался. Знаешь-ли, мнѣ пришла въ голову одна мысль: не включить-ли въ исторію сегодняшнихъ твоихъ приключеній еще одного знатока?

Эрастъ. Понимаю! — Ты хочешь увѣрить меня, что я ошибаюсь, что эта чашка...

Милостановъ. Куплена мною на здѣшной фарфоровой фабрикѣ.

Эрастъ. Какъ! Неужели! — (*Послѣ минутнаго молчанія*). Ну, мой милый! Ты правъ. Кто не имѣетъ своихъ слабостей, кто не думаетъ *знать что-нибудь*. — Въ будущій вторникъ я обѣдаю у графа, и если опять какой-нибудь двадцатилѣтній *судья* станетъ выводить меня изъ терпѣнія, то-то я вспомню объ этой чашкѣ — и буду молчать.

6.

Письмо чувствительной женщины.

Съ чего начать мнѣ письмо мое? Какъ описать мою горестъ? — Ахъ! Mon cousin, приѣзжайте скорѣй, — я въ отчаяніи! — Я потеряла единственное свое утѣшеніе, — потеряла то существо, которое привязывало меня къ жизни. Пожалѣйте обо мнѣ, я совершенно осиротѣла! — Бѣдный мой *Триксъ*! Все кончено, mon cousin, — онъ не существуетъ болѣе! — Мнѣ осталось одно утѣшеніе: говорить о немъ; да, другъ мой! Милый Томи! Я буду говорить о тебѣ; пусть сердце мое обливается кровью, пусть слезы мои приводятъ въ отчаяніе дѣтей моихъ, мужа, знакомыхъ, я буду говорить о тебѣ, и можетъ быть найду чувствительное сердце, которое пойметъ *мое*, — растерзанное горестью.

Вотъ исторія сего несчастнаго приключенія. Вчера, готовясь ѣхать съ утренними визитами, примѣтила я что-то необыкновенное въ моемъ *Триксѣ*: онъ на-силу передвигалъ ноги, дышалъ съ трудомъ. Первое движеніе мое было послать къ г-ну В***, и

вообразите мою досаду! Кромѣ двухъ лакеевъ, которые должны были ѣхать за каретою, не осталось никого въ домѣ. Почти всѣ люди были разосланы мною въ разные концы города, и любезный мой супругъ отправилъ послѣдняго за докторомъ для меньшей моей дочери, которая чувствовала себя нездоровою. Со мною чуть не сдѣлалась истерика. Услать послѣдняго человѣка!—Я разбранила моего мужа; это меня немного облегчило. Преноручивъ моего *Трикса* попеченіямъ мадамъ Латуръ, отправилась я дѣлать визиты.

Какое-то ужасное предчувствіе наполняло мою душу: ничто не могло развлечь меня. Не давъ себѣ времени сдѣлать визиты, я пріѣхала домой.—Мужъ мой встрѣтилъ меня въ передней. Его печальный, смущенный видъ заставилъ меня содрогнуться. «Что хочешь ты сказать? — вскричала я; что предвѣщаетъ мнѣ этотъ мрачный видъ? Ахъ! говори, говори скорѣе!»—«Успокойся, мой другъ! Докторъ былъ сейчасъ».—«Ну, что онъ говоритъ?»—«Болѣзнь опасна, но мы можемъ надѣяться».—«Опасна? Ахъ, Боже мой?»—«У ней ужасный жаръ; она безпрестанно бредитъ».—«Что ты говоришь? Мой *Триксъ*...»—«Не *Триксъ*, моя милая; я говорю о нашей Лизанькѣ».—«О Лизанькѣ! Ахъ, какъ ты меня напугалъ! А что мой Томи?...»—«Не знаю; я сидѣлъ все у дочери».—«И не хотѣлъ провѣдать моего *Трикса*!»—Тутъ стала я упрекать въ жестокосердіи моего мужа,—и какъ вы думаете? Онъ-же на меня разсердился.—Ахъ, mon cousin! И этотъ нечувствительный человѣкъ называется моимъ мужемъ!

Я побѣжала въ горницу мадамъ Латуръ, — и что представилось глазамъ моимъ? Бѣдный *Триксъ* лежалъ на канapé при послѣднемъ издыханіи; горничныя, мои дѣвушки и мадамъ Латуръ стояли вокругъ его; горестъ была начертана на всѣхъ лицахъ. Съ воплемъ отчаянія бросилась я къ бѣдному моему Томи. Онъ открылъ глаза, узналъ меня, зачалъ вертѣть хвостомъ и силился встать. Никакое перо не можетъ описать тѣхъ горестныхъ и вмѣстѣ пріятныхъ чувствъ, которыя наполняли мое сердце.—Доброе твореніе! Ты и умирая не перестаешь оказывать мнѣ знаки твоей привязанности! — Въ ту самую минуту, когда я, прижимая къ груди моей несчастное животное, орошала его слезами, пришли мнѣ сказать, что дочь моя опомнилась и хочетъ со мною видѣться. Я ничего не слышала; да и могла-ли я оставить моего *Трикса*? Присутствіе мое оживило его. Казалось, на рукахъ моихъ онъ получилъ новую жизнь. Helas! Mon cousin! Эта минутная надежда должна была исчезнуть! — Въ шесть часовъ пріѣхалъ г. В***, но уже поздно! Я потеряла своего друга.

Вотъ подробное описаніе моего несчастія. Пріѣзжайте скорѣе; присутствіе ваше разгонитъ на нѣсколько времени глубокое мое уныніе, которое истребить совершенно можетъ—одно время. Мнѣ нужны не только утѣшенія, но и совѣты ваши. Я намѣрена по-

ставить въ саду моей дачи мраморный памятникъ надъ прахомъ моего *Трикса*; надпись уже готова: она излилась, такъ сказать, изъ сердца моего. Вотъ она:

«Здѣсь лежитъ прахъ вѣрнаго Томи; онъ былъ благодаренъ, чувствителенъ, добръ, никому не дѣлалъ зла, и забывалъ то, которое ему дѣлали. Не удивляйся, прохожій, онъ былъ не человѣкъ,—а собака».

Н. В. Мужъ мой говоритъ, что памятникъ будетъ дорого стоить, что мы много должны, что крестьяне наши разорены, что вмѣсто того, чтобъ дѣлать излишнія издержки, намъ надобно облегчить ихъ участь. Какое мнѣ до этого дѣло; я слѣдую побужденію моего сердца—и памятникъ будетъ поставленъ!

7.

Т Е А Т Р Ъ .

— Что ты такое пишешь? — спросилъ пріятель мой П***, вошедши сегодня поутру въ мою комнату. — Замѣчанія о здѣшнемъ театрѣ, — отвѣчалъ я. — А для чего, если смѣю спросить? — Развѣ ты не знаешь? Я одинъ изъ числа редакторовъ «Сѣвернаго Наблюдателя». — Какъ, мой другъ! ты участвуешь въ изданіи журнала? — Пишешь о театрѣ? Да знаешь-ли какую трудную ты взялъ на себя обязанность? — Очень знаю. — Предчувствуешь-ли ты всѣ неприятности, всѣ неудовольствія, которымъ добровольно подвергаешься? Признаюсь, я опасаюсь за тебя. — Чего же ты боишься? — О! очень многого. Во-первыхъ, говоря откровенно свое мнѣніе о пьесахъ, которыя играютъ на здѣшнемъ театрѣ, ты можешь нажать себѣ кучу непріятелей. — Но также и друзей. — Вотъ то-то и есть, что ты ошибаешься: говоря истину, ты не угодишь никому. Напримѣръ, если скажешь, что Липецкія воды, вопреки всѣмъ сатирамъ и эпиграммамъ, — лучшая наша комедія, то всѣ *записные* враги ея сдѣлаются твоими непріятелями. Если же прибавить, что кокетка, а особливо та, которая даже и *катехизису* училась по французски, не скажетъ, что ей *приторно* смотрѣть; а служанка, какъ-бы ни умѣла *болтать* по-французски, не станетъ вѣрно говорить о *филантропіи*, — то почему знать, возстановишь (можетъ быть) противъ себя всѣхъ защитниковъ сей комедіи; и желая быть справедливымъ, сдѣлаешься, по словамъ однихъ, — льстецомъ, а по мнѣнію другихъ — безграмотнымъ рецензентомъ. — Ты видишь все вчернѣ, мой другъ. Я увѣренъ, никакой авторъ не разсердится даже и на несправедливую рецензію, если въ ней будетъ наблюдена должная пристойность, если она не будетъ наполнена

личностями и бранью, которыя для иныхъ кажутся забавными, но въ самомъ дѣлѣ доказываютъ одну злобу и безсиліе. Само по себѣ разумѣется, гораздо легче написать нѣсколько дюжинокъ эпиграммъ на счетъ самого автора, чѣмъ доказать почему дурна его комедія.—И такъ, ты рѣшился, несмотря ни на что, говорить правду. Хорошо! Но вѣдь этого еще мало: надобно, чтобъ правда твоя походила на дѣло. Имѣешь-ли ты довольно свободнаго времени? Не думаешь-ли ты, что нужно только взглянуть мелькомъ на представленіе пьесы, или кой-какъ прочесть ее для того, чтобъ сдѣлать хорошій разборъ? Нѣтъ, мой другъ, тебѣ должно будетъ посвятить себя для этого—оставить всѣ прочія занятія...—Совсѣмъ нѣтъ. Я надѣюсь имѣть довольно для этого времени; притомъ-же всякая хорошо написанная рецензія, присланная отъ кого-бы то ни было, будетъ съ благодарностію напечатана въ нашемъ журналѣ. О! я увѣренъ, у меня найдется много помощниковъ. Новыхъ пьесъ у насъ такъ мало, а охотниковъ судить о нихъ такъ много, что съ этой стороны я могу быть совершенно спокоенъ.—Хорошо, хорошо! Теперь еще одинъ вопросъ: что будешь ты говорить объ актерахъ?—То, что долженъ говорить о нихъ человѣкъ безпристрастный, который хвалить актера не оттого, что онъ называется Петромъ или Ивановомъ, а оттого, что онъ понимаетъ свою роль; заставляетъ меня забывать, что я въ театрѣ; однимъ словомъ, играетъ хорошо. Я не намѣренъ нападать, по примѣру многихъ, на тѣхъ, которые имѣютъ таланта: посредственные актеры также необходимы, какъ и хорошіе. Да и какъ требовать, чтобъ какой-нибудь наперстникъ имѣлъ равный талантъ съ актеромъ, играющимъ первыхъ любовниковъ. Я не буду говорить, что такой-то актеръ стоитъ какъ вкопанный, махаетъ невпопадъ руками, что другой двигается взадъ и впередъ, какъ маятникъ; что третій холоденъ какъ ледъ, когда должно говорить съ жаромъ,—и горячится безъ памяти, когда надобно разсуждать хладнокровно. Замѣчанія мои и насмѣшки не прибавятъ въ нихъ ни на волосъ таланта, и никакой критикъ въ цѣломъ свѣтѣ не сдѣлаетъ изъ нихъ *первыхъ любовниковъ*, когда они рождены для того, чтобъ жить и умереть наперстниками. Поэтому ты намѣренъ только хвалить?—Безъ сомнѣнія, для меня гораздо бы пріятнѣе было хвалить, а не осуждать; но если актеръ *можетъ* играть хорошо, а играетъ дурно, то тогда всякій безпристрастный критикъ долженъ ему напомнить, что артистъ есть человѣкъ не только одаренный способностями, но и душею привязанный къ своему искусству: чѣмъ болѣе имѣетъ онъ таланта, тѣмъ болѣе старается достигнуть до совершенства, и никогда не выполняетъ съ пренебреженіемъ свои должности; въ противномъ случаѣ онъ ни что иное, какъ *наемникъ*, который выходитъ на сцену для того только, что получаетъ за то плату: для него все равно, до-

вольны-ли имъ зрители или нѣтъ; онъ былъ на сценѣ, прочиталъ свою роль, получилъ жалованье,—и тогда какая ему нужда до остального! Стоитъ-ли одобрение цѣлой публики того, чтобъ заняться хорошенько своей ролью и играть каждый разъ такъ, какъ *должно*, а не такъ, какъ *вздумается*?—Ну, мой милый, я предвижу, у тебя много будетъ работы. Прощай, я не хочу мѣшать тебѣ.

Пріятель мой ушелъ, а я взялъ перо и написалъ слово-отъ-слова нашъ разговоръ, который можетъ служить здѣсь вмѣсто небольшого предисловія.

Семидневный репертуаръ.

Воскресенье, 24-го іюня.—Илья Богатырь, волшебная опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Надобно было видѣть эту оперу на бывшемъ каменномъ театрѣ. Здѣсь ни мѣсто, ни самое устройство сцены не позволяютъ дать ее въ настоящемъ видѣ. Музыка, сочиненія капельмейстера Кавоса, прекрасна. Поэма имѣетъ отличительное достоинство передъ всѣми извѣстными у насъ волшебными операми: въ ней есть много замысловатаго. Г. Гуляевъ, игравшій роль Таропа, напоминалъ *иногда* покойнаго Воробьева. Вообще, опера шла довольно хорошо; мы замѣтили только, что г-жа Пучи, представлявшая Зломеку, пѣла хуже обыкновеннаго; къ сожалѣнію, она не могла замѣнить сей недостатокъ хорошею игрою. Г-жа Пучи не имѣетъ *ничего*, кромѣ голоса; слѣдственно должна, болѣе чѣмъ кто-нибудь, стараться его усовершенствовать.

Понедѣльникъ, 25-го.—Бригадиръ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, и Макарьевская ярмарка, интермедія-дивертиссементъ.

Кажется не нужно ничего говорить о комедіи Бригадиръ. Вѣрно всякій, кто умѣетъ читать по-русски, знаетъ ее. Мы смѣемъ только замѣтить, что Бригадиръ не можетъ быть никакъ поставленъ на ряду съ Недорослемъ, другою комедіею г-на Фонъ-Визина. Макарьевская ярмарка, обыкновенная для бенефиса, написанная бездѣлка, въ которой (къ счастью) мало говорить и много танцуютъ.

— Вторникъ, 26-го.—*Отдохновение.*

— Среда, 27-го. Въ *первый разъ*, «Г. Богатовъ или провинціалъ въ столицѣ», оригинальная комедія въ 5 дѣйствіяхъ, и «Женщины-солдаты», опера водевилъ въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго.

Въ концѣ сего отдѣленія помѣщенъ подробный разборъ первой пьесы, доставленный къ намъ при запискѣ слѣдующаго со-

держанія: «Вы общались принимать всѣ присылки, *сообразныя съ духомъ вашего изданія и писанныя по-русски*. Имѣя обыкновеніе писать на одномъ русскомъ языкѣ, я не опасуюсь послѣдняго изъ вашихъ условій. Напечатаніе статьи моей или обратная отсылка оной ко мнѣ черезъ вашу типографію покажутъ, ообразны-ли мои мысли съ духомъ вашего изданія. Остаюсь и проч.»

— Четвергъ, 28-го. — *Отдохновеніе*.

— Пятница, 29-го. — «Игра любви и случая», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго, и «Удача отъ неудачи», или «Приключеніе въ жидовской корчмѣ», оригинальная опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Странно покажется, что въ комедіи «Игра любви и случая» Сильвія, благородная дѣвица съ хорошимъ воспитаніемъ, такъ легко влюбляется въ Эраста, котораго считаетъ простымъ слугою; а еще страннѣе, что слуга Эраста, принимая Лизету, горничную Сильвіи, за невѣсту своего барина, думаетъ, что можетъ на ней жениться. Двѣ или три сцены истинно комическія и нѣсколько острыхъ словъ дѣлаютъ сію пьесу (несмотря на несообразность интриги) одною изъ лучшихъ комедій г-на Мариво. Переводъ можно назвать хорошимъ. Пьеса разыграна порядочно. Г-жа Брянская была *очень* не дурна въ роли Сильвіи. Г-жа Асенкова могла играть лучше. Что сказать о водевилѣ «Удача отъ неудачи»? Въ немъ есть много забавнаго; но длинные рассказы, не нужные повторенія и что всего хуже—не твердыя роли, дѣлали его нѣсколько утомительнымъ. Если-бъ онъ былъ меньше, то безъ сомнѣнія принесъ-бы гораздо болѣе удовольствія. Ничто не можетъ быть совершеннѣе игры г-на Полякова; настоящій польскій жидъ не могъ-бы быть натуральнѣе его въ роли Израила; г-жа Сандунова почти съ такимъ-же превосходствомъ играла жену его Рахиль. Г. Величѣкинъ хорошо повялъ свою роль, играя эконома Дубницкаго: онъ настоящій полякъ *старою покроя*. Музыка весьма удачно набрана г-мъ Ленгардомъ изъ національныхъ жидовскихъ и польскихъ пѣсень. Болѣе всего нравится публикѣ *дуютъ двухъ жидовъ*, и дѣйствительно онъ очень забавенъ.

Воскресенье, 1-го іюля. — *Карлъ XII при Бендсрахъ*, историческое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ, и *Пажы Герцога Вандомскаго*, опера-водевиль въ 1 дѣйствіи.

Мы не будемъ ничего говорить о Карлѣ XII. Пьеса сія уже давно извѣстна публикѣ. Въ ней довольно удачно изображенъ характеръ шведскаго короля, его безразсудное мужество, упрямство и безпечность посреди величайшихъ опасностей. Г. Яковлевъ играетъ всегда съ успѣхомъ роль Карла XII; а гг. Бобровъ и Жебелевъ, первый—роль татарина Аски, а второй—француза Лассера. Водевиль «Пажы Герцога Вандомскаго» былъ разы-

грань самымъ *жалкимъ* образомъ. Впрочемъ, мы думаемъ, что французскій водевилъ можетъ быть разыгранъ хорошо одними французами, — не оттого, чтобъ этотъ родъ принадлежалъ исключительно имъ однимъ, нѣтъ! Мы можемъ имѣть свои собственные водевилы: «Казакъ-стихотворецъ», «Встрѣча незваныхъ» всегда приносили удовольствіе нашей публикѣ; но пускай сыгравать ихъ на иностранномъ театрѣ, и тогда, конечно, они потеряютъ половину своей цѣны; тоже самое можно сказать и о французскихъ водевиляхъ. Мы съ удовольствіемъ слушаемъ въ водевилѣ музыку, составленную изъ національныхъ пѣсенъ: мы приутожились любить ихъ съ младенчества. Арія на-голосъ «Vive Henri quatre!» восхищаетъ француза: она напоминаетъ ему одну изъ самыхъ счастливыхъ эпохъ въ исторіи его отечества; но что можетъ она напомнить русскому?

Понедѣльникъ, 2-го. — *Отдохновение.*

Вторникъ, 3-го. — Во второй разъ. «Г. Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ» и «Квакеры», балетъ. Въ первой книжкѣ помѣщенъ очень *милостивый* разборъ сей комедіи: г. рецензентъ, говоря самымъ снисходительнымъ образомъ о ея недостаткахъ, дѣлаетъ слишкомъ строгія замѣчанія объ игрѣ актеровъ: онъ говоритъ, что г-жа Рахманова была *натуральна* въ своей роли; намъ кажется, это выраженіе не даетъ точнаго понятія о совершенствѣ, съ которымъ она представляла г-жу Богатонову. Вообще комедія была разыграна во второй разъ лучше; *импровизации* были рѣже, и зрители въ продолженіе первыхъ двухъ дѣйствій (изъ коихъ авторъ выкинулъ все излишнее пустословіе) засыпали не такъ уже часто, какъ при первомъ представленіи сей пьесы.

Среда, 4-го. — *Отдохновение.*

Четвергъ, 5-го. — Во второй разъ по возобновеніи «Беверлей», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, и «Говорунъ», комедія въ 1 дѣйствіи.

Беверлей принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ *мещанскихъ трагедій* (Tragedies bourgeoises) и по справедливости есть одна изъ лучшихъ въ семъ родѣ. Если-бъ театральныя представленія могли исправлять нравы, то, безъ сомнѣнія, сія трагедія принесла-бы гораздо болѣе пользы, чѣмъ всѣ мѣры правительства, запрещающаго азартныя игры. Но, къ несчастію, никакая трагедія не излѣчитъ человѣка, привязаннаго къ игрѣ, и можно биться объ закладъ, что многіе изъ зрителей, которые не могли безъ содроганія смотрѣть на ужасную сцену пятаго акта, въ которой Беверлей, изъ *человѣколюбія*, хочетъ убить своего сына, поѣхали изъ театра... проигрывать свои деньги.

Мы имѣемъ весьма мало переводовъ, подобныхъ «Говоруну», комедія въ одномъ актѣ, передѣланной съ французскаго г. Хмельницкимъ. Самый строгій рецензентъ едва-ли найдетъ въ сей

песѣ нѣсколько слабыхъ стиховъ. Впрочемъ, эта комедія есть ничто иное, какъ хорошо написанная бездѣлка: успѣхъ ея совершенно зависитъ отъ игры главнаго дѣйствующаго лица — *графа Звонова*, и надобно отдать справедливость г. Сосницкому: онъ прекрасно играетъ сію роль. Г-жа Сосницкая также очень хороша въ роли горничной. То-же самое, или *почти* то-же, можно сказать о всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ сей комедіи. Сцена, въ которой графъ Звоновъ перекричитъ шесть болтливыхъ старухъ, одна изъ самыхъ забавныхъ въ пьесѣ, и была ведена съ большимъ искусствомъ.

Пятница, 6-го. — «Алина», опера въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами и балетами, музыка г. Боельде.

Къ намъ доставлено отъ неизвѣстнаго разсужденіе о семь представленій. Мы помѣстили-бы его въ сей книжкѣ, если-бъ оно было короче. Впрочемъ, мнѣніе г. неизвѣстнаго совершенно согласно съ нашимъ: игра актеровъ, балеты, костюмы, однимъ словомъ, все заслуживаетъ одобреніе публики. Мы согласны, что г-жа Сосницкая довольно хорошо пропѣла свой дуэтъ съ г. Климовскимъ; что сей послѣдній, равно какъ и г. Зловъ, пѣли и играли хорошо; что г. Толченовъ былъ очень недуренъ въ роли Сигискара; что г-жа Семенова младшая пѣняла всѣхъ своей игрою. Не споримъ даже, что г. Сосницкій, занимая мѣсто г. Самойлова, доказаль, что опера сія, потерявъ столь отличнаго артиста, потеряла черезъ сіе *только два номера музыки*. Но замѣтимъ также, что потеря двухъ номеровъ музыки, а особливо когда ихъ поетъ г. Самойловъ, очень чувствительна. Невозможно было танцовать лучше г. Антонина въ дивертиссементѣ послѣдняго акта. Онъ и г-жа Новицкая принесли большое удовольствіе зрителямъ. Г. Люстихъ и г-жи Иконина, Лихутина и Истомина танцовали также очень хорошо.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАРЬ.

Воскресенье, 8-го іюля. «Лиза или Торжество благодарности», драма въ 3 дѣйствіяхъ, и «Дезертиръ», балетъ въ 4 дѣйствіяхъ.

Было время, когда «Лиза или Торжество благодарности» считалась однимъ изъ лучшихъ драматическихъ произведеній нашихъ. Публика, измученная нѣмецкими драмами г-на Коцебу, съ удовольствіемъ увидѣла наконецъ драму, въ которой дѣйствующія лица были русскія. Она была принята со всеобщимъ рукоплесканіемъ. Но теперь, когда страсть къ *слезнымъ* представленіямъ не существуетъ болѣе, когда большая часть нашей публики начинаетъ уже понимать, что гораздо лучше написать

дожину драмъ, наполненныхъ сантиментальными фразами, чѣмъ одну хорошую трагедію,—мы осмѣлимся сказать, не опасаясь быть побитыми каменьями, что Лиза не только не заслуживаетъ названія хорошей пьесы, но едва-ли можетъ быть причислена къ самымъ посредственнымъ драмамъ. Что за твореніе эта Лиза? Она крестьянка и говоритъ лучше всякой благовоспитанной дѣвицы; она ходитъ жать на ряду съ прочими крестьянами и морализируетъ, разсуждаетъ не хуже какого-нибудь профессора философіи. Мы увѣрены, если-бы теперь кто-нибудь осмѣлился вывести подобное лицо въ драмѣ или комедіи, то былъ-бы *ошиканъ* безъ всякаго милосердія. Впрочемъ, о вкусахъ спорить не можно; мы замѣтили, на примѣръ, что многимъ нравилась послѣдняя сцена въ третьемъ актѣ, когда солдатъ Кремневъ напоминаетъ полковнику о данномъ словѣ—женить его на Лизѣ, и напоминаетъ тогда уже, когда всѣмъ извѣстно, что она дочь полковника; и *добрый* полковникъ, вмѣсто того, чтобъ сказать: «другъ мой, я общалъ женить тебя на дочери старосты, а не на моей», соглашается, что требованіе его справедливо! Бѣдный Ліодоръ въ отчаяніи; но *великодушный* Кремневъ отказывается *добровольно* отъ всѣхъ правъ своихъ на дочь полковника и всѣ въ восхищеніи отъ такого *благороднаго* поступка. Сколько правдоподобія въ этой сценѣ! Какое вѣрное изображеніе нашихъ отечественныхъ нравовъ! Отставной солдатъ, который *изъ великодушія* отказывается отъ дочери своего полковника!!¹⁾

Понедѣльникъ, 9-го.—*Отдохновеніе.*

Вторникъ, 10-го.—«Хитрость противъ хитрости», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго; «Нисета и Лука или молодая молочница», комическій балетъ въ 1 дѣйствіи.

Публика смотрѣла съ удовольствіемъ комедію «Хитрость противъ хитрости»: веселый разговоръ, забавная интрига, нѣсколько комическихъ сценъ и только три небольшіе акта... Сколько причинъ, чтобъ заслужить одобреніе зрителей! Переводъ не дурень.

Талантъ вездѣ виденъ. Балетъ «Молодая молочница»—бездѣлка; но бездѣлка сочиненія Дидло.

Крестьянинъ Лука влюбленъ въ молочницу Нисету; несмотря на строгій присмотръ Боби, бабки Нисетиной, они назначаютъ другъ другу свиданіе: Лука влѣзаетъ въ окошко къ своей любовницѣ.—Боби сердится; хочетъ бить свою внучку, и кончитъ тѣмъ, что соглашается на ихъ свадьбу. Помѣщикъ деревни, въ которой происходило дѣйствіе, будучи близко на охотѣ, появляется очень кстати, чтобъ подписать ихъ свадебный контрактъ и балетъ кончится разными танцами, которые забавляютъ

¹⁾ Отдадимъ однако-же справедливость автору Лизы; вторая пьеса „Великодушіе или рекрутскій наборъ“ гораздо ея лучше.

графа. Вотъ сюжетъ балета «Молодая молочница»; онъ очень простъ, но прекрасныя группы, прекрасныя танцы и прекрасныя декорации г. Кондратьева, все обворожаетъ зрителей; музыка, мѣстами очень хорошая, сочиненія г. Кавоса.

Среда, 11-го.—*Отдохновение.*

Четвергъ, 12-го.—«Г. Богатовъ», комедія и «Любовныя свиданія», опера въ 1 дѣйстви, переводъ съ французскаго.

Г. переводчикъ оперы «Любовныя свиданія» вздумалъ передѣлать ее *на русскіе нравы* и подлинно передѣлалъ! — Изъ *веселой* оперы ему удалось сдѣлать *прежалкій* фарсъ.

Пятница, 13-го.—«Прекрасная мельничиха», опера въ 2 дѣйствіяхъ, музыка сочиненія г-на Паизіелло, переводъ съ итальянскаго, и «Балъ», дивертиссементъ сочиненія г на Дидло.

«Прекрасную мельничиху», такъ какъ и всѣ итальянскія оперы, не должно судить на-равнѣ съ прочими литературными произведеніями; слѣдственно, не говоря ничего о поэмѣ, мы скажемъ слова два о музыкѣ. По нашему мнѣнію, она не изъ числа *самыхъ* лучшихъ, но въ ней есть много хорошихъ мѣстъ; двѣ, три аріи могутъ назваться истинно прекрасными. Переводъ отгмѣнно дурень. Намъ кажется, что должно и въ итальянской оперѣ говорить хотя нѣсколько сноснымъ языкомъ. Стихи еще хуже прозы; правда, они нравились райку, который *надрывался* со смѣху, слушаая, какъ нотаріусъ посылалъ къ *мельничному чорту* своего любезную, и какъ она называла его *миленькимъ болванчикомъ*, а онъ ее *куколкой забавной!*

Воскресенье, 15-го іюля.—«Честное слово», комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, и «Казакъ въ Лондонѣ», балетъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, сочиненія г-на Огюста.

Комедія «Честное слово» имѣетъ въ себѣ много хорошаго. Въ ней есть долготы, холодныя сцены; она не можетъ даже назваться правильною комедіею, но со всѣмъ тѣмъ давно уже приносить удовольствіе нашей публикѣ, и вѣроятно долго еще останется въ числѣ пьесъ, играемыхъ на здѣшнемъ театрѣ.

Понедѣльникъ, 16-го.—*Отдохновение.*

Вторникъ, 17-го.—«Князь-невидимка», волшебная опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Музыка сей оперы есть одно изъ лучшихъ произведеній извѣстнаго капельмейстера Кавоса. Надобно отдать справедливость таланту сего отличнаго артиста; оперы, для которыхъ онъ дѣлалъ музыку, будутъ всегда нравиться.—Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ нихъ по разнымъ причинамъ не играютъ болѣе.—Что сказать еще о «Князь-невидимкѣ»? Въ немъ есть много *всякой всячины*: танцы, превращенія, машины, фейерверки, однимъ словомъ все, выключая—смысла; но и кому придетъ въ голову искать его въ волшебной оперѣ?

Среда, 18-го.—«Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», ко-

медія въ 5 дѣйствіяхъ и въ стихахъ, сочиненія князя А. А. Шаховского, — и «Пажикъ», опера въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго графомъ С. П. Потемкинскимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы имѣемъ *свои* комедіи, вѣрно ни одна не была принята лучше, не про одну не говорили такъ много, не хвалили съ такимъ восторгомъ и не ругали съ такимъ ожесточеніемъ, какъ комедію «Липецкія воды». — Она появилась на сценѣ — и тысяча эпиграммъ, одна другой *замысловатѣе*, сотня сатиръ, одна другой *пристойнѣе*, посыпались на автора. Въ нихъ говорили и стихами и прозою, что «Урокъ кокеткамъ» дурная комедія, потому что она — урокъ кокеткамъ; что публика спитъ крѣпкимъ сномъ всякій разъ, когда ее играютъ, — и публика (какъ не сказать, что въ ней нѣтъ ни на волосъ здраваго смысла) разбирала на перехватъ билеты и приходила раза по три въ недѣлю *спать*, слушая «Липецкія воды». Странно покажется, что изъ такого множества цензоровъ и зоиловъ ни одинъ не хотѣлъ взять на себя труда сдѣлать путный разборъ сей комедіи и доказать публикѣ, что она должна зѣвать, а не *спячься*. Теперь было-бы это немного уже поздно, и для того мы скажемъ только слова два не о прекрасныхъ сценахъ, которыми она наполнена, — ихъ всѣ знаютъ наизусть, но о недостаткахъ, которые едва-ли можно было назвать симъ именемъ, если-бъ они находились въ другой какой-нибудь комедіи. — Во второмъ актѣ сцена поэта и графини Лелевой слишкомъ длинна; она холодитъ примѣтнымъ образомъ сіе дѣйствіе. Кокетка едва показалась на сцену, и авторъ, вмѣсто того, чтобъ познакомить насъ съ ея характеромъ, заставляетъ *плаксу* Фіалкина мучить бѣдную Лелеву, а вмѣстѣ съ ней и публику своими *сантиментальными* фразами. Если-бъ по крайней мѣрѣ Фіалкинъ былъ забавенъ; нѣтъ! онъ только-что скученъ. Не споримъ, что въ этой эпизодической сценѣ есть много ума, замысловатости, но умъ и замысловатость тогда только хороши, когда они бываютъ у мѣста. Попскавши хорошенько, можно найти во всей комедіи нѣсколько слабыхъ и прозаическихъ стиховъ, но ихъ надобно *искать*. — Будемъ безпристрастны: имѣли-ли мы до сего одну комедію, писанную стихами, о которой бы можно было сказать тоже самое? — По мнѣнію нашему, самые слабые стихи есть именно тѣ, которыми она кончается:

. Ты видишь-ли, мой свѣтъ,
Что правда быть должна всегда предъ кривдой права,
И что кокетствовать добра немало нѣтъ. .

Эти стихи *очень* посредственны. Они даже кажутся намъ совершенно лишними, — точно также, какъ холодная мораль въ концѣ прекрасной басни, не требующей никакого поясненія.

Вотъ замѣченные нами недостатки; но что значить одна хо-

лодная сцена и нѣсколько слабыхъ стиховъ въ сравненіи съ красотами, которыми наполнена сія комедія.

Сюжетъ веселенькой оперы «Пажикъ» взятъ изъ прескучной драмы «Баронъ Фельдгеймъ», которая также сдѣлана изъ известнаго романа «Бароны Фельдгеймы», сочиненія Пиго-ле-Брюна.—Изрядная музыка, нѣсколько забавныхъ сценъ и хорошіи переводъ дѣлаютъ эту бездѣлку довольно пріятною.

Четвергъ, 19-го.—«Беззаботный», комедія въ 1 дѣйстви, переведенная съ французскаго г. Волковымъ, и «Ацисъ и Галатей», балетъ въ двухъ дѣствіяхъ, сочиненія г. Дидло; музыка г. Кавоса.

Г. Дидло не балетмейстеръ, а живописецъ. Съ пламеннымъ воображеніемъ поэта соединяетъ онъ всю неутомимость и терпѣніе артиста. душою привязаннаго къ своему искусству.—Сколько поэзіи въ балетѣ «Ацисъ и Галатей»!—Зритель, смотря на прелестныя группы, на танцы фавновъ, нимфъ и сатировъ, переносится воображеніемъ въ тѣ баснословныя времена древней Греціи, когда каждый ручей имѣлъ свое божество, каждая рощица была населена нимфами. Любовь Ациса и Галатеи, и ревность циклопа Полифема, влюбленнаго въ сію нимфу—вотъ сюжетъ балета.—Декорации г-дъ Канопи и Кондратьева—прекрасны; а особливо послѣдняя, представляющая огромную гору, которая съ перваго взгляда кажется какъ будто-бы составлена вся изъ фавновъ, ореадъ, нимфъ и сатировъ.

Комедія «Беззаботный» не дурна. Въ ней довольно удачно изображенъ характеръ безпечнаго человѣка, который, пріѣхавъ по дѣламъ въ городъ, ходитъ отъ *ничего дѣлать* отгадывать загадки и смотрѣть съ моста, какъ течетъ вода. Переводъ очень не дурень.

Пятница, 20-го.—«Недоросль», комедія въ 5 дѣствіяхъ, сочиненія Фонъ-Визина, и «Вотъ каковы русскіе», опера въ двухъ дѣствіяхъ, сочиненія А. Я. Княжнина, музыка А. Н. Титова.

Сюжетъ сей оперы взятъ изъ исторіи. Одинъ кіевскій гражданинъ прошелъ сквозь непріятельскій станъ для того, чтобъ увѣдомить воеводу Претича объ опасности, въ которой находился Кіевъ. Онъ употребилъ для сего слѣдующую хитрость: держа въ рукахъ конскую сбрую, переплылъ чрезъ Днѣпръ и пошелъ прямо въ станъ печенѣговъ, спрашивая у всѣхъ, не видѣли-ли его лошади, которая переплыла на ихъ сторону. Никому не пришло въ голову подозрѣвать, что этотъ простодушный крестьянинъ былъ гонецъ, посланный изъ Кіева. Онъ пробрался благополучно сквозь непріятельскій лагерь и выполнилъ возложенное на него порученіе.

Въ 29 номерѣ «Сына Отечества» помѣщена рецензія на комедію мою «Г. Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ». Никто лучше меня не знаетъ, что она не можетъ никакъ стать на ряду съ «Полубарскими затѣями», «Модной лавкой» и другими комедіями, *истинно* хорошими. Двѣ, три забавныя сцены составляютъ все ея достоинство. Нѣкоторыя изъ замѣчаній г-на рецензента совершенно справедливы; въ другихъ примѣтно одно только желаніе не находить ничего хорошаго въ моей комедіи. За первыя благодарю; на вторыя отвѣчать не намбрень.

Вторникъ, 24-го іюля.—«Разсѣянные», комедія въ 1 дѣйствіи, переведенная съ нѣмецкаго, и «Фингалъ», трагедія въ 3 дѣйствіяхъ съ хорами, сочиненія г-на Озерова; музыка г-на Қозловскаго; сраженія г-на Вальвиля.

Многіе считаютъ «Фингала» лучшею трагедіею г-на Озерова. Мы не согласны съ симъ мнѣніемъ. Какъ *трагедія*, она не можетъ стать на ряду съ «Дмитріемъ Донскимъ», а тѣмъ менѣе съ «Эдипомъ въ Афинахъ». Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Фингалѣ» одно лицо Старна походитъ нѣсколько на трагическое, но за то превосходная музыка г-на Қозловскаго, стихи, которые сами походятъ на плѣнительную музыку, танцы и прекрасныя сраженія г-на Вальвиля,—все соединяется вмѣстѣ, чтобъ обворожать чувства зрителей. Вотъ причина, которая повидимому заставляеть многихъ предпочитать «Фингала» другимъ трагедіямъ г-на Озерова. По замѣчанію нѣкоторыхъ, танцы во второмъ дѣйствіи слишкомъ продолжительны. Мы сами думаемъ тоже. Вообще надобно какъ можно осторожниѣе употреблять всѣ побочныя украшенія. Они иногда бываютъ отѣнно вредны для самой пьесы, холодятъ дѣйствіе и непримѣтнымъ образомъ отвлекаютъ вниманіе зрителей отъ главнаго предмета. Публика приняла въ сей пьесѣ съ восторгомъ первую трагическую актрису нашу, которая нѣсколько уже мѣсяцевъ не показывалась на сценѣ. Молодой актеръ, игравшій роль Фингала, заслужилъ также одобреніе публики и былъ вызванъ по окончаніи пьесы вмѣстѣ съ тою, которая по всей справедливости можетъ назваться украшеніемъ нашей сцены.

Можно судить по одному названію, къ какому роду пьесъ принадлежитъ небольшая комедія «Разсѣянные». Разсѣянность не есть характеръ, точно такъ-же какъ скупость, кокетство, ли цембріе не могутъ назваться болѣзнями. Ошибки двухъ стариковъ въ комедіи «Разсѣянные» происходятъ отъ недостатка памяти, которая притупляется отъ лѣтъ точно также, какъ зрѣніе и прочія чувства. Скупой и мотъ, злой и добрый, несмотря на противоположность своихъ характеровъ, равно быть могутъ раз-

сбѣяны; могутъ заходить вмѣсто своего дома въ чужой; запирають дочерей своихъ вмѣстѣ съ ихъ любовниками; однимъ словомъ, дѣлать всѣ тѣ забавныя ошибки, которыя составляютъ единственное достоинство сей небольшой комедіи.

Среда, 25-го. *Отдохновскіе.*

Четвергъ, 26-го.—«Сорока-воровка», драма въ 3 дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго г-мъ Валберхомъ, и «Нечаянное возвращеніе» эпизодическій дивертиссементъ сочиненія г-на Дядло.

Странно покажется, что драма, въ которой въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть—*сорока*, въ которой главный персонажъ ведутъ въ пятомъ актѣ на *вистъ-мичу*, имѣла такой необыкновенный успѣхъ. Въ Парижѣ выдержала она почти сорокъ представлений сряду; въ Лондонѣ была принята со всеобщимъ рукоплесканіемъ; въ Германіи вскружила всѣмъ головы, и, наконецъ, появивъ на здѣшней сценѣ, была принята публикою если не съ восторгомъ, то по крайней мѣрѣ съ удовольствіемъ. Послѣ этого какъ не заключить, что въ «Сорокѣ-воровкѣ» должно быть много хорошаго. И дѣйствительно, послѣдняя сцена, въ которой открывается невинность Анеты, вообще всѣмъ нравится; однимъ оттого, что эта сцена послѣдняя; другимъ оттого, что Блезю, отыскавъ въ гнѣздѣ сороки украденныя вещи, звонитъ въ колокола; третьимъ оттого, что бѣдную Анету не успѣли повѣсить, и, наконецъ, четвертымъ оттого, что сорока, кончивъ свою роль, летитъ величественнымъ образомъ отъ одного конца театра къ другому.

Дивертиссементъ «Нечаянное возвращеніе» прекрасенъ.

Пятница, 27-го.—«Услужливые сосѣди», комедія въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго г-мъ Волковымъ,—и «Саржинъ», опера въ двухъ дѣйствіяхъ; переводъ съ нѣмецкаго; музыка сочиненія г-на Пера.

Французскій рыцарь Саржинъ имѣлъ несчастіе потерять супругу, имъ обожаемую: рожденіе сына стоило ей жизни. Саржинъ возненавидѣлъ невиннаго ребенка и отослалъ его въ одинъ отдаленный замокъ. Къ счастью Карла (имя несчастнаго сироты), въ этомъ замкѣ живетъ племянница Саржина, Элиза, добрая, прекрасная дѣвица. Не трудно отгадать, что Карлъ влюбляется въ Элизу. Само по себѣ разумѣется, Элиза чувствуетъ къ нему взаимную склонность. Между тѣмъ возгарается война. Король французскій Филиппъ находится съ войскомъ вблизи замка. Монтанья, одинъ изъ храбрѣйшихъ его рыцарей, влюбленъ въ Элизу. Король посылаетъ его въ замокъ съ письмомъ, въ коемъ объявляетъ Элизѣ желаніе свое видѣть ее супругою Монтаньи. Элиза требуетъ времени на размышленіе. Пріѣзжаетъ рыцарь Саржинъ. Племянница объявляетъ ему, что не намѣрена выдти за Монтанью, что страстно любитъ другого. Саржинъ досадуетъ,

хочетъ знать, кто этотъ неизвѣстный, но напрасно: Элиза рѣшилась не открывать имени своего любезнаго. Прїѣзжаетъ въ замокъ король. Онъ призываетъ къ себѣ Карла, вооружаетъ его рыцаремъ и беретъ съ собою. Опера оканчивается сраженіемъ. Король въ опасности; его спасаетъ неизвѣстный воинъ; разумѣется, этотъ неизвѣстный—Карль. Но кто-же молодой чело-вѣкъ, который сражался подлѣ него? Это Элиза. Объ остальномъ. кажется, говорить нечего. Карль женится на своей любезной, а Монтаньи—на комъ угодно. Вотъ сюжетъ оперы «Саржинъ». Она отменно долга и утомительна. Забавнѣ всего, что въ послѣдней сценѣ, когда узнаютъ въ одномъ изъ двухъ незнакомыхъ рыцарей Элизу—никто не удивляется. Всѣ думаютъ, что по крайней мѣрѣ король поблагодаритъ ее за то, что она такъ храбро за него сражалась,—не тутъ-то было! Онъ не хочетъ даже знать, какимъ образомъ она попала въ рыцари. Музыку вообще можно назвать прекрасною; намъ болѣе всего понравились дуэтъ Карла и Элизы и финаль перваго акта, не смотря на то, что знатоки находятъ въ немъ много недостатковъ.

Комедія «Услужливые сосѣди» не дурна. Какъ много есть людей, которые, подобно Докучалову, хотятъ услуживать тогда, когда ихъ объ этомъ не просятъ, мѣшajúтся во все, портятъ все и сердятся, если ихъ за это не благодарятъ.

Четвергъ, 16-го августа.—Для открытія театра «Удача отъ неудачи, или приключеніе въ жидовской корчмѣ», опера-водевиль, соч. П. С. и «Молодая молочница», комедія балетъ въ 1 дѣйствіи, соч. г-на Дидло.

Пятница, 17-го.—Въ первый разъ «Расточитель», комедія въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, соч. г-на Дегуша, переводъ съ французскаго, и «Квакеры», комическій балетъ въ 1 дѣйствіи, соч. г-на Андре.

Юлія, молодая вдова, любитъ расточителя Клеона. Желая исправить, или, лучше сказать, избавить любовника своего отъ совершеннаго разоренія, Юлія принимаетъ намѣреніе завладѣть всѣмъ его имуществомъ: она употребляетъ для сего попеременно всѣ извѣстные способы обирать безразсудныхъ мотовъ, достигаетъ наконецъ своей цѣли, и когда ложные друзья, не видя никакой выгоды притворяться, оставляютъ Клеона, она открываетъ ему свою хитрость, и, какъ обыкновенно водится въ комедіяхъ, которые безъ свадебъ быть не могутъ, выходитъ за него замужъ.

Вотъ въ короткихъ словахъ сюжетъ, на коемъ основана вся комедія. Главный порокъ ея, по нашему мнѣнію, есть характеръ Юліи *). Въ продолженіе первыхъ трехъ дѣйствій, она

*) Лагарпъ, осуждая «Расточителя», не говоритъ ни слова о характерѣ Юліи, но называетъ вымысль всей комедіи противнымъ здравому разуму

сговаривается съ служанкою своей Финетою какимъ образомъ разорить Клеона. Выманиваетъ у него подарки, обираетъ безстыднымъ образомъ, однимъ словомъ, играетъ самую унижительную роль. Въ первомъ дѣйствіи приходитъ Финета и говоритъ Клеону, что Юлія въ отчаяніи: она проиграла двадцать тысячъ. Разумѣется, догадливый любовникъ отсчитываетъ тотчасъ деньги, и восхищается, что можетъ такой бездѣлкою услужить Юліи. Во второмъ дѣйствіи Юлія, для того чтобъ *выманить* еще что-нибудь у своего любовника, притворяется сердитою, упрекаетъ его въ безразсудной расточительности и объявляетъ намѣреніе свое прервать съ нимъ всѣ связи. Бѣдный Клеонъ вмѣсто того, чтобъ сказать: «побойтесь Бога, сударыня! Ну вамъ-ли, когда вы сами проигрываете по двадцати тысячъ, дѣлать мнѣ такіе упреки!» не знаетъ, что начать. Къ счастью, Финета находитъ способъ помирить его съ Юліею: она совѣтуетъ ему подарить ей *сто тысячъ*! Всякій на мѣстѣ Клеона удивился-бы такому требованію, но онъ *расточитель*, слѣдственно и долженъ, не говоря ни слова, бѣжать за деньгами. Замѣтимъ, однакожь, Клеонъ выведенъ не *пошлымъ* дуракомъ, и могъ бы кажется понять, что женщина, которая беретъ съ него *сто тысячъ* для того, чтобъ не сердиться, не заслуживаетъ ни любви, ни почтенія. Безъ сомнѣнія, страсть ослѣпляетъ его, думаютъ зрители; но, къ несчастію, Клеонъ спѣшитъ ихъ разувѣрить въ этомъ. Лишь только онъ отсчитаетъ свои сто тысячъ, приходитъ графъ Гереть, одинъ изъ ложныхъ друзей его, также влюбленный въ Юлію; онъ предлагаетъ ему полюбить вмѣсто Юліи сестру свою Цидализу. Клеонъ колеблется. Является рѣзвая Цидализа, начинаетъ кокетничать и въ пять минутъ сводитъ съ ума бѣднаго Клеона. Онъ клянется ей въ любви. Теперь новая бѣда! Какъ отдѣлаться отъ Юліи? «Бездѣлица», говоритъ графъ, «ей надобно подарить:

... Тотъ брилліантовый браслетъ, что подъ заклалъ
Недавно отданъ былъ, я выкупилъ назадъ.
Теперь послужитъ онъ гораздо намъ полезнѣе.
Онъ будетъ выкупомъ у Юліи прелестной
Свободы вашей. ...

Этотъ *благородный* способъ избавиться отъ своей любовницы отменно нравится Клеону. Препоручивъ другу своему отдать Юліи браслетъ и объявить, что ей дана отставка, онъ уходитъ. Графъ выполняетъ въ точности его волю. Что-же отвѣчаетъ Юлія? Конечно, этотъ поступокъ кажется ей обиднымъ? Безъ сомнѣнія!

потому только, что, по мнѣнію его, невозможно въ нѣсколько часовъ проиграть все то, что въ пятомъ дѣйствіи проигрываетъ Клеонъ. Это сужденіе не справедливо: въ нѣсколько часовъ можно проиграть не только богатое имѣніе, но и всѣ сокровища великаго Могола. Это зависитъ не отъ времени, а отъ образа игры.

Съ *гордостію* начинаетъ она говорить длинный монологъ, въ которомъ проситъ графа *донести* Клеону, что онъ могъ бы и безъ *предварительныхъ* *словъ* разорвать съ ней всѣ связи, что желаетъ ему быть счастливѣе съ другой, — и что однако же *даръ* *ею* *примлетъ*.

Какое благородство! И это характеръ женщины, на которой основанъ интересъ всей комедіи. Намъ скажутъ, что доброе намѣреніе оправдываетъ ея поступки; но зрители не знаютъ ничего о ея намѣреніяхъ: Юлія не повѣряетъ своей тайны никому. Сама Финета, помогая ей разорять Клеона, думаетъ, что госпожа ея имѣетъ въ виду однѣ только личныя свои выгоды. Трудно отгадать, для чего Детушь не хотѣлъ съ самаго начала оправдать поступковъ Юліи. Развѣ для того, чтобъ въ пятомъ актѣ удивить зрителей нечаянною развязкою, но въ такомъ случаѣ онъ оставилъ-бы ихъ въ заблужденіи до самого конца; а Юлія въ четвертомъ дѣйствіи открываетъ свою тайну, слѣдственно въ развязкѣ признаніемъ своимъ зрителей не удивляетъ не зрителей, а одного только Клеона. Для чего же она безъ всякой причины играетъ первые три акта роль презрительной и корыстолюбивой женщины, когда автору стоило только сказать одно слово, чтобъ облагородить ея характеръ? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать одинъ Детушь; а онъ, къ сожалѣнію, въ предисловіи своемъ увѣряетъ, что никогда не придумывалъ ничего лучше характера Юліи. И это говорить авторъ «Тщеславнаго» и «Женатыхъ философовъ»! Впрочемъ, Юлія не одна обманываетъ зрителей; плутъ Пасквинъ дѣлается также къ концу пречестнымъ человѣкомъ. Замѣтимъ также, что мы не привыкли видѣть на нашей сценѣ *благородныхъ* женщинъ, которыя въ гостяхъ у холостогого человѣка, пируютъ вмѣстѣ съ кучею пьяныхъ повѣсь; это совершенно противно нашимъ нравамъ. Для насъ непонятно, какимъ образомъ *порядочная* женщины могутъ быть въ такомъ *непорядочномъ* обществѣ. Само собою разумѣется, это замѣчаніе не относится къ Детушу; онъ писалъ для своихъ соотечественниковъ, которые не находятъ ничего неприличнаго даже и въ Лесажевомъ Тюркаретѣ, гдѣ выведена какая-то баронесса, живущая на *содержаніи* у богатаго откупщика, который въ минуту ревности ломаетъ у нея мебель и разбиваетъ зеркала. Можетъ быть и у насъ дѣлается тоже, но только не на сценѣ.

Сказавши наше мнѣніе о недостаткахъ сей комедіи, мы должны упомянуть и о томъ, что кажется намъ хорошимъ. Весь третій актъ не дуренъ. Сцена, въ которой Пасквинъ и Финета увѣряютъ пріѣхавшаго нечаянно дядю Клеонова, что племянникъ его исправился, прекрасна. Детушь подражалъ въ ней Реньяру; но забавная мысль назвать толпу пьяныхъ вертопраховъ учеными, которые шумятъ оттого, что спорятъ о важныхъ предметахъ, принадлежитъ ему. Въ пятомъ актѣ, который одинъ изъ

лучшихъ въ комедіи, есть хорошая сцена между Расточителемъ и слугою его Пасквинымъ; она тѣмъ болѣе нравится, что никто не ожидаетъ такого благороднаго поступка отъ слуги, который въ продолженіе всей пьесы походитъ болѣе на плута, чѣмъ на честнаго человѣка.

Переводъ мѣстами не дуренъ. Но вообще можно было замѣтить, что Расточитель переведенъ на *скорую руку*. Много есть стиховъ слабыхъ, прозаическихъ. Есть также и хорошіе; но они попадаются гораздо рѣже. Переводчикъ менѣе всего занимался *риемами*: онѣ очень часто совсѣмъ на рѣзъ не походятъ.

Комедія разыграна была довольно хорошо. Клеонъ игралъ не дурно; намъ кажется однакоже, онъ могъ-бы въ пятомъ актѣ немного поболѣе сердиться на своихъ вѣроломныхъ друзей,—они стоили этого.—Баронъ, Геронтъ, графъ Гереть, Маркизь и Цидализа играли изрядно. Слуга также былъ весьма не дуренъ: замѣтимъ однакоже, что онъ гораздо лучше игралъ Пасквины плута, чѣмъ Пасквины честнаго человѣка. Финета была очень мила, и мы съ удовольствіемъ узнали въ ней опять ту-же Сашу, которою любовались нѣкогда въ «Липецкихъ водахъ». Юлія играла прекрасно; но и можетъ-ли она играть иначе? Въ концѣ комедіи, когда она говоритъ:

Клеонъ! и ты во мнѣ несчастной усумнился!

Этотъ стихъ и всѣ послѣдующіе были ею сказаны превосходно.

Воскресенье, 26 августа.—«Школа злословія», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, переведенная съ англійскаго г-мъ Муравьевымъ,—и «Мельники», балетъ въ 1 дѣйствіи.

Публикѣ давно уже извѣстна прекрасная комедія «Школа злословія». Главный недостатокъ сей пьесы есть нарушеніе театральныхъ правилъ, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, совершенно необходимы для хорошей комедіи. Мы не смѣемъ утверждать противнаго, но скажемъ только, что гораздо пріятнѣе видѣть неправильную комедію, которая, подобно «Школѣ злословія», заставляетъ насъ смѣяться, чѣмъ многія французскія комедіи, въ коихъ сочинители, наблюдая всѣ правила Аристотеля, забываютъ только о томъ, что комедія должна быть не только правильна, но и забавна.

Понедѣльникъ, 27-го.—Для бенефиса г-на Жебелева въ первый разъ: «Сила клятвы, или честная преступница», драма въ 5 дѣйствіяхъ, переведенная съ нѣмецкаго,—и «Домовой и Гидравликъ», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, переведенная съ нѣмецкаго г-мъ Лангинымъ.

Мы не хотимъ утомлять читателей подробнымъ разборомъ «Честной преступницы»; одно воспоминаніе о сей *ужасной* драмѣ приводитъ насъ въ трепеть. Намъ удавалось видѣть много скучныхъ и вздорныхъ драмъ, но онѣ ничто передъ честной преступ-

ницей. Надобно признаться, въ семь отношеніи она превосходить не только Маргариту Анжуйскую, но даже и знаменитаго колосса Родосскаго.

Комедія «Домовой и Гидравликъ» — плохой фарсъ. Онъ сдѣланъ изъ одной пзвѣстной сказки, которую любопытные могутъ найти, если хотять, въ Кургановѣ письмовникѣ.

Вторникъ, 28-го. Іосифъ прекрасный, опера въ 3 дѣйствіяхъ. музыка соч. г-на Мегюля.

Кажется, не нужно говорить о сей оперѣ. Кто не знаетъ прекрасную музыку оной, одно изъ лучшихъ произведеній Мегюля. Она была разыграна не дурно. Публика слушала съ удовольствіемъ Іосифа: въ 1 дѣйствіи онъ пропѣлъ прекрасно романсъ:

Съ младенчествомъ лишь разставаясь,
Я въ лѣта юношей вступаю...

Тріо второго дѣйствія, пѣтое Яковомъ, Веніаминомъ и Іосифомъ, было также принято со всеобщимъ рукоплесканіемъ. Нельзя было играть лучше Семіона; къ сожалѣнію, онъ не поетъ почти ничего въ продолженіе всей оперы. Зрители были также очень довольны игрою и пѣніемъ одного изъ лучшихъ оперныхъ актеровъ нашихъ, игравшаго роль Іакова.

Среда, 29-го. — *Отдохновеніе.*

Четвергъ, 30-го. — «Влюбленный Шекспиръ», комедія въ 1 дѣйствіи, — и въ первый разъ «Карлосъ и Розальба», комическій балетъ въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г-на Дидло; музыка г-на Кавоса.

Прекрасныя декорации, прекрасные танцы, веселый сюжетъ и хорошая музыка, — вотъ достоинства балета «Карлосъ и Розальба». Послѣ этого не трудно отгадать, какой успѣхъ имѣло сіе новое произведеніе г-на Дидло. Сюжетъ балета взятъ изъ извѣстной оперы «Одна шалость», разумѣется съ нѣкоторыми перемѣнами. Напримѣръ: Донъ Карлосъ появляется въ видѣ автомата; его заводятъ: онъ играетъ на скрипкѣ, танцуетъ съ своей любовницей передъ глазами ея опекуна, который смотритъ съ удивленіемъ на *куклу*, дѣлающую правильные *антраша* и *пирюетты*, и никакъ не узнаетъ въ ней своего соперника. Такая недогадливость показалась-бы въ оперѣ не много странною; но въ балетѣ, а особливо комическомъ, все извинительно.

Пятница, 31-го. — «Графъ Вальтронъ», драма въ 5 дѣйствіяхъ, переведенная съ нѣмецкаго, — и «Три брата горбуны», опера въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго; музыка г-на Кавоса.

«Графъ Вальтронъ», — очень скучная и длинная драма, она имѣла нѣкогда большой успѣхъ на нашемъ театрѣ, и къ сожалѣнію, мы знаемъ многихъ, которые до сихъ поръ еще увѣрены, что сія пьеса прекрасна.

«Три брата горбуны» веселенькая опера. Сюжетъ ея взятъ

изъ тысячи одной ночи. Онъ очень забавенъ. Музыка имветъ въ себѣ много хорошаго. Намъ особенно понравилась арія, пѣтая Зелёю, и увертюра, которая, по мнѣнію нашему, прекрасна отъ начала до конца.

Воскресенье, 2 сентября. - «Сорока-воровка», драма въ 3 дѣйствіяхъ,—и «Дезертеръ», большой балетъ въ 4 дѣйствіяхъ.

Понедѣльникъ, 3-го. Для бенефиса г-жи Рахмановой, «Тонъ моднаго свѣта», драма въ 4 дѣйствіяхъ,—«Говорунъ», комедія въ 1 дѣйствіи—и «Ярмарка на Юрюпинской станицѣ», интермедія-дивертиссементъ.

По всему видно, авторъ драмы «Тонъ моднаго свѣта» не имѣлъ понятія о свѣтѣ, который хотѣлъ описывать.—Мы не думаемъ, чтобъ можно было встрѣтить въ порядочномъ обществѣ женщину, похожую на г-жу Причудову. Автору хотѣлось сдѣлать изъ нея вѣтренницу—кокетку, и для этого заставляетъ ее навязываться съ своей любовью къ человѣку, котораго она видитъ въ первый разъ отъ роду. Такое кокетство не прилично не только женщинамъ, живущей въ хорошемъ обществѣ, но даже и простой горничной.—Мы увѣрены также, что «Тонъ моднаго свѣта» не заставитъ отца любить лошадей болѣе, чѣмъ дѣтей своихъ, а мужа ненавидѣть добрую и прекрасную жену,—и стараться развратить невинную дѣвушку. Добрый отецъ, живя въ самомъ модномъ свѣтѣ, останется добрымъ, точно также, какъ дурной мужъ не сдѣлается лучше отъ того, что станетъ жить въ деревнѣ.

Вторникъ, 4-го.—«Водовозъ», опера въ 3 дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго, музыка соч. Херубини, — и «Клѣтка», комедія въ 1 дѣйствіи, соч. г. Коцебу.

Мы считаемъ за излишнее говорить о «Водовозѣ».—Кто не знаетъ эту оперу, которая вѣрно никогда не наскучитъ нашей публикѣ. Она, по обыкновенію, была разыграна прекрасно.

Вотъ сюжетъ комедіи «Клѣтки».—Старый опекунъ хочетъ жениться на своей питомицѣ, которая любитъ вѣтренника Фрица; опекунъ, узнавъ, что Фрицъ хочетъ пробраться къ нему въ домъ, заказываетъ желѣзную клѣтку для того, чтобъ поймать и запереть въ нее Фрица. Любовникъ подкупаетъ слесаря, и подъ видомъ его работника приходитъ въ домъ своего соперника. Ревнивый старикъ, желая осмотрѣть хорошенько, влѣзаетъ въ клѣтку. Его запираютъ Фрицъ подаетъ ему свадебный контрактъ и проситъ подписать. Старикъ бѣсится, кричитъ; но все напрасно, его не выпустятъ до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится выдать за него свою питомицу. Опекунъ, боясь умереть голодною смертію (въ собственномъ своемъ домѣ!), подписываетъ контрактъ, и комедія кончается. Охотники до *замысловатыхъ* шуточекъ будутъ довольны сей комедіею: она ими наполнена; напримѣръ: опекунъ говоритъ Фрицу, что онъ никогда не получитъ руки его

питомицы, а женился-бы, если хочеть, на *дьяволь*.—*Этого нельзя сдѣлать*, отвѣчаетъ забавникъ Фрицъ, *вы давно уже съ нимъ обручены!*—Надобно сказать, однакожь, что-нибудь въ похвалу сей комедии: она продолжается не болѣе получаса.

Среда, 5-го.—«Услужливые сосѣди», комедія въ 1 дѣйствии, переведенная съ французскаго. «Казакъ-стихотворецъ», водевилъ въ 1 дѣйствии, соч. К. А. Шаховскаго, и «Праздникъ въ сералѣ», большой дивертиссементъ.

Четвергъ, 6-го.—«Отецъ семейства», драма въ 5 дѣйствияхъ и «Юрюпинская ярмарка», интермедія-дивертиссементъ.

Пятница, 7-го.—Въ первый разъ «Ромео и Юлія», опера въ 3 дѣйствияхъ, переводъ и пая съ французскаго г. Волковымъ; музыка соч. г. Стейбелта; декорации г. Канопи.

Сюжетъ оперы «Ромео и Юлія» не новъ; быть можетъ, однакоже, что многіе изъ читателей нашихъ не знаютъ его. Фамиліи Капулетовъ и Монтегю питали одна противъ другой съ давняго времени непримиримую вражду. Юлія, дочь Капулета, не раздѣляла сей ненависти; она любила въ тайнѣ молодого Ромео Монтегю. Теобальдъ, братъ ея, встрѣчаетъ, по близости отъ своего замка, Ромео. Они дерутся, и братъ Юліи остается на мѣстѣ опасно раненый. Капулетъ клянется отомстить своему врагу, и разсылаетъ повсюду вооруженныхъ людей съ приказаніемъ захватить Ромео. Между тѣмъ появляется донъ-Фернандъ, испанскій вельможа, за котораго Капулетъ намѣренъ выдать дочь свою. Несчастная Юлія тщетно упрашиваетъ отца своего не принуждать ее къ сему браку, онъ остается непреклоненъ. Юлія предается ужасному отчаянію: рѣшается умереть. Въ замкѣ ихъ живетъ Себасъ, греческій врачъ, другъ Капулета и молодого Ромео; ему извѣстна взаимная страсть несчастныхъ любовниковъ. Юлія проситъ его, изъ сожалѣнія, прекратить ея жизнь. Себасъ притворно соглашается, и даетъ ей вмѣсто яду составъ, имѣющій свойство лишать на нѣкоторое время всѣхъ чувствъ. Юлія съ твердостью выпиваетъ мнимый ядъ и готовится къ смерти. Входитъ Капулетъ съ донъ-Фернандомъ и многочисленною свитою. Въ то самое время, когда онъ хочеть вручить дочь свою будущему супругу, напитокъ, принятый ею, начинается дѣйствовать; она прощается съ отцомъ своимъ и падаетъ безъ чувствъ. Несчастный отецъ проклиняетъ себя, раскаивается въ своей жестокости; но уже поздно: Себасъ увѣряетъ, что Юлія лишилась жизни. Въ третьемъ дѣйствии сцена представляетъ подземные своды. Посреди гробницъ, скрывающихся прахъ предковъ Капулета, возвышается великолѣпный катафалкъ, на коемъ лежитъ Юлія, покрытая бѣлымъ покрываломъ. Хоръ дѣвъ, поющихъ унылыя гимны, печальная музыка, мрачный видъ подземныхъ сводовъ, рядъ гробницъ, освѣщенныхъ блѣдными лампадами,—все возбуждаетъ въ зрителяхъ какое-то печальное чувство,

смѣшанное съ ужасомъ. Пѣніе умолкаетъ. Всѣ оставляютъ сіе жилище скорби. Мертвая тишина царствуетъ повсюду. Ромео входитъ; онъ не знаетъ ничего о происшедшемъ; письмо Себаса привело его въ сіе подземелье. Онъ долженъ встрѣтить тутъ Юлію; ея нѣтъ! Ромео видитъ великолѣпный катафалкъ. «Боже мой! говоритъ онъ, это вѣрно Теобальдъ, умерщвленный мною! Я убійца брата Юліи!» Мысль эта для него ужасна! Ромео хочетъ еще разъ увидѣть Теобальда, прочесть на лицѣ его свое прощеніе; робко всходитъ онъ на возвышеніе, на коемъ стоитъ катафалкъ, трепещущею рукою берется за покрывало. Музыка утихаетъ; все молчитъ; зрители не смѣютъ дышать. — «Юлія!» — кричитъ Ромео, и, какъ громомъ пораженный, падаетъ безъ чувствъ. Музыка гремитъ снова. Ромео приходитъ въ себя; ужасное отчаяніе овладѣло его душою: онъ проклинаетъ жестокость Капулета; хочетъ умертвить себя. Въ ту самую минуту, когда онъ готовъ уже лишитъ себя жизни, вбѣгаетъ садовникъ Капулета, ему преданный; онъ отнимаетъ у него мечъ. Вслѣдъ за нимъ входитъ Себасъ. — «Спасайся, Ромео», говоритъ онъ, «ты открытъ! Капулетъ и донъ-Фернандъ съ толпою вооруженныхъ воиновъ идутъ сюда». Ромео не слышитъ ничего; онъ хочетъ умереть подлѣ своей Юліи. Въ глубинѣ театра появляется Капулетъ и донъ-Фернандъ. Капулетъ устремляется на свою жертву. Донъ-Фернандъ останавливаетъ его. — «Ромео одинъ; онъ не вооруженъ», говоритъ благородный испанецъ. Капулетъ повторяетъ снова приказаніе схватить Ромео. Донъ-Фернандъ беретъ его подъ свою защиту, и переходитъ съ своими воинами на его сторону. Сей поступокъ увеличиваетъ гнѣвъ Капулета; онъ приказываетъ служителямъ напасть на свиту донъ-Фернанда. Обѣ противныя партіи начинаютъ сражаться. Вдругъ Юлія, покрытая бѣлымъ покрываломъ, встаетъ подобно привидѣнію. Ужасъ объемлетъ сражающихся; удивленіе и страхъ дѣлаютъ ихъ неподвижными. Себасъ открываетъ свою хитрость. Съ помощью донъ-Фернанда убѣждаетъ, наконецъ, Капулета согласиться на бракъ Юліи съ Ромео и соединить союзами родства двѣ фамиліи, питавшія до того другъ къ другу ненависть и наследственную вражду.

Опера сія была хорошо разыграна. По окончаніи представленія Ромео и Юлія были вызваны. Первый пѣлъ и игралъ съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ. Сцена, въ которой онъ находитъ среди гробовъ свою Юлію, была имъ сыграна превосходно; его ужасъ, отчаяніе не походило на игру актера: въ сію ужасную минуту онъ былъ истинный Ромео. — Юлія также сыграла прекрасно трудную сцену, когда она готовится принять ядъ. Она не могла однакоже выдержать съ равною силою весь речитативъ и длинную арію: голосъ ея подъ конецъ видимымъ образомъ ослабѣлъ. То-же самое можно сказать и о Капулетѣ:

онъ игралъ очень хорошо; но въ концѣ третьяго дѣйствія едва могъ пѣть.—Себасть игралъ не дурно.—Сицилія, пріятельница Юліи, заслужила также пѣніемъ и игрой своей одобреніе публики.

Музыка сей оперы прекрасна; она имѣетъ свои недостатки, но гдѣ ихъ нѣтъ? Намъ обѣщали доставить подробное разсмотрѣніе оной, и для того мы не говоримъ теперь ничего о сдѣланныхъ нами замѣчаніяхъ.—Всѣ три декораціи приносятъ честь таланту г. Канони; а особливо третья, представляющая подъемные стоды и длинную галерею, слабо освѣщенную надгробными лампадами.

Воскресенье, 9 сентября.—«Колоссъ Родосскій, или землетрясеніе въ Азій», драма въ 3 дѣйствіяхъ.

Когда давали въ первый разъ на здѣшнемъ театрѣ «Колоса Родосскаго», то одно названіе сей драмы привело въ волненіе весь гостинный дворъ.—Землетрясеніе! и пусть бы уже на островѣ Родосѣ, а то въ Азій!—Прочитавши такое пышное названіе, кто пожелаетъ заплатить пять рублей, чтобъ посмотрѣть на разрушеніе *колоссинаго* стѣнъ и паденіе *пятиаршиннаго* колосса? Удивительно-ли послѣ этого, что вздорная драма, «Колоссъ Родосскій», даетъ иногда болѣе сбору, чѣмъ «Ифигенія» и «Мизантропъ».

Понедѣльникъ, 10-го.—«Жюкондъ или искатели приключеній», опера въ 3 дѣйствіяхъ.

Вторникъ, 11-го.—«Карлосъ и Розальба», комическій балетъ, соч. г-на Дидло, —и «Отплата», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго г-мъ Волковымъ.

Разговоръ натуральный и живой, забавная интрига, двѣ, три сцены истинно комическія: вотъ достоинства комедіи «Отплата». Переводъ очень не дурень.

Среда, 12-го.—«Гофоля», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, переведенная съ французскаго графомъ Потемкинымъ и Шапошниковымъ, —и «Новый Стернь», комедія въ 1 дѣйствіи, соч. князя А. А. Шаховскаго.

Несмотря на критическій разборъ Вольтера, мы согласны съ мнѣніемъ Булао, который сказалъ Расину послѣ перваго представленія его «Гофоля»: «другъ мой! пускай завистники говорятъ, что имъ угодно: Гофоля есть лучшее твое произведеніе».—Тѣ изъ читателей нашихъ, кои хотѣли-бы прочесть подробный разборъ сей трагедіи, могутъ найти его въ пятомъ томѣ Лагарпова Лицея.—Переводъ не дурень; мѣстами даже прекрасень. Слабѣ всего переведенъ сонъ Гофоля, а особливо слѣдующіе стихи:

. . . . Mais je n'ai plus trouvé qu'un horrible mélange
D'os et de chairs meurtries et traînées dans la fange
De lambeaux pleins de sang et de membres affreux,
Que de chiens dévorants se disputaient entre eux.

Вотъ русскій переводъ:

Но томо лишь нашла группъ въ брети лежащій,
Запекшуюся кровь, и смрадъ, и мой мерзавцѣй,
Истлѣвшихъ груду жилья, и слышала той вой,
Какъ алчущіе псы ихъ рвали межъ собой.

Такихъ отвратительныхъ выраженій нѣтъ въ Расинѣ.

Было время—и это еще не такъ давно, когда всякій писатель долженъ былъ поневолѣ казаться чувствительнымъ. Сотни книжекъ, наполненныхъ сантиментальными фразами, сладкими описаніями романическихъ прогулокъ и чувствительныхъ путешествій, наводнили нашу словесность. Общая болѣзнь всѣхъ модныхъ писателей была *милая меланхолія*, алмазные слезы лились жемчужною рѣкою на бумагу; тяжелые вздохи *отрывались* изъ груди, и только одно возрѣніе на прелести любезной матери природы услаждало ихъ скорбь *душевную*. Писатели сіи старались подражать одному извѣстному и всѣми урчаемому сочинителю. Описывая плѣнительнымъ слогомъ природу, онъ говорилъ иногда о ней съ пламеннымъ восторгомъ поэта, и всѣ послѣдователи его начали наперерывъ воехощаться природою и описывать ее дурною прозою. Въ странѣ чужой онъ вздыхалъ иногда о друзьяхъ своихъ и родныхъ, и всѣ подражатели его принялись, не разставаясь ни съ кѣмъ, оплакивать *разлуку съ милыми сердцу* и проливать слезы надъ прахомъ *живыхъ* друзей своихъ.—Авторъ новаго Стерна рѣшился первый возстать противъ сей *казанной* чувствительности. Комедія его можетъ называться прекрасной сатирою противъ плаксивыхъ сочинителей; появленіе ея на сценѣ было смертельнымъ для нихъ ударомъ.—Извѣстный французскій писатель *Менажъ* послѣ перваго представленія Мольеровой комедіи «*Les precieuses ridicules*», сказалъ *Шапелето*: «Мольеръ правъ! Намъ должно бросить въ огонь все то, что мы до сихъ поръ писали».—Наши чувствительные писатели поступили иначе: они омочили *слезами горести* свои осмѣяныя сочиненія, и покаялись мстить прозой и стихами дерзкому смертному, который осмѣлился называть ихъ душевные экстазы — сумасбродствомъ, а сладкія фразы — сантиментальнымъ бредомъ.

Четвергъ, 13-го.—Для бенефиса г. Андре: «Бочарь», комическій балетъ въ 1 дѣйствіи, соч. г. Андре.—«Оборотни, или споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся», опера въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго г. Кобяковымъ; музыка соч. г. Париса, и «Геркулесь», трагическій балетъ въ 4 дѣйствіяхъ, соч. Лепика.

Мы не знаемъ, для чего забавный водевилъ «Оборотни» названъ въ переводѣ оперою, не понимаемъ также, для чего г. Кобякову вздумалось перевести такимъ страннымъ образомъ названіе сего водевила. Намъ кажется гораздо-бы лучше было назвать «Любовники Протеи». *Оборотень* значитъ на нашемъ языкѣ

колдуна или колдунью, превращенную въ какого-нибудь звѣря, и переводчикъ могъ бы употребить это слово тогда только, когда бы водевиль назывался не *Les amants de Protée*, но *Les loups gaous*. Еще одно замѣчаніе: дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ; г. Угрюмовъ пріѣзжаетъ на почтовыхъ, и такъ какъ съ нимъ нѣтъ человѣка, то приказываетъ внести въ горницу свой чемоданъ—*почталоу*, который привезъ его. Намъ кажется, что переводчикъ, перенеся дѣйствіе изъ Франціи въ Россію, долженъ былъ-бы также переименовать и французскаго почталона въ простого русскаго ямщика. Впрочемъ, эти мелочныя замѣчанія не помѣшаютъ намъ отдать справедливость сему переводу: онъ очень не дуренъ; слогъ вообще хорошъ; стихи, а особливо тѣ, кои говоритъ Милозоровъ, появляясь въ видѣ стряпчаго, переведены весьма удачно.

Пятница, 14-го.—*Отдохновеніе*.

Суббота, 15-го.—«Весталка», лирическая опера въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, переведенная съ французскаго А. Г. Волковыми; музыка соч. Спонтини.

Воскресенье, 16-го сентября.—«Два зятя», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Этіена, переведена съ французскаго,—и «Бочаръ», комическій балетъ въ 1 дѣйствіи, соч. г. Андре.

По нашему мнѣнію, «Два зятя» можно скорѣе назвать драмою, чѣмъ комедіею. Отчаяніе бѣднаго старика, выгнаннаго изъ собственнаго его дома неблагодарными, которые ему всѣмъ обязаны, — нимало не забавно. Никому не придетъ также въ голову смѣяться надъ его зятями; безчеловѣчный ихъ поступокъ возбуждаетъ одно только негодованіе. Мы думаемъ, что неблагодарность не можетъ быть никогда предметомъ комедіи; этотъ порокъ слишкомъ отвратителенъ. Можетъ быть кто-нибудь вздумаетъ опровергать наше мнѣніе, приведа въ примѣръ лучшую комедію Мольера. Лицемѣръ Тартюфъ есть, безъ сомнѣнія, образецъ гнуснѣйшей неблагодарности; но онъ неблагодаренъ противъ Оргона, который, несмотря на убѣжденія всѣхъ родныхъ своихъ, несмотря даже на очевидныя доказательства, не вѣритъ, что Тартюфъ бездѣльникъ, считаетъ его святымъ и хочетъ принудить насильно дочь свою выдти замужъ за сего лицемѣра. Зрители смѣются отъ всего сердца, когда въ пятомъ дѣйствіи Тартюфъ, переставши притворяться, выгоняетъ благодѣтеля своего изъ собственнаго его дома. Оргонъ заслуживаетъ это за слѣпую свою довѣренность къ человѣку, который дѣлаетъ несчастіе всего его семейства.

Въ комедіи «Два зятя» Старовъ укрѣпляетъ все имѣние мужьямъ дочерей своихъ, и вмѣсто благодарности ни одинъ изъ нихъ не хочетъ дать ему уголка въ своемъ домѣ. Въ Тартюфѣ смущеніе Оргона, когда онъ узнаетъ наконецъ въ святомъ мужѣ.

который казался ему примѣромъ добродѣтели, плута и обманщика, весьма забавно; но что могутъ найти зрители забавнаго въ горести старика, обманутаго притворною любовью дѣтей своихъ? Комедія не должна терять изъ виду главной своей цѣли: она должна не только исправлять нравы, преслѣдовать пороки, — но также *забавлять* и *смѣшить* своихъ зрителей.

Понедѣльникъ, 17-го. — «Крестьяне или встрѣча незваныхъ», опера водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, соч. князя А. А. Шаховскаго, и «Казакъ стихотворецъ», водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. А. А. Шаховскаго.

Прекрасный водевиль, «Встрѣча незваныхъ», напоминаетъ намъ то время, когда каждый русскій былъ воиномъ, когда враги встрѣчали въ каждомъ поселенинѣ защитника отечества и мстителя разоренной Москвы. Онъ былъ представленъ въ первый разъ на здѣшнемъ театрѣ въ 1814 году. Безпрерывныя побѣды нашихъ войскъ, совершенное истребленіе непріятеля, все было еще живо въ памяти русскихъ. Водевиль «Встрѣча незваныхъ» былъ принятъ съ восторгомъ; можетъ быть въ числѣ зрителей находились и такіе, коимъ не нравилась роль винокура Дребедни; но насмѣшки ихъ, на счетъ *патристическихъ выходовъ*, были заглушаемы безпрестанными рукоплесканіями. Несмотря на то, что время охлаждало сей общій энтузіазмъ, сей водевиль былъ принятъ очень хорошо публикою; она заставила актера, игравшаго старосту Панфила, повторить прекрасные куплеты:

Не указъ намъ чужеземный край,
Намъ не то отцы заповѣдали.

Мы замѣтили однакожъ въ числѣ зрителей нѣсколько *затисныхъ* насмѣшниковъ, которые, слушая ихъ, улыбались съ видомъ *сожалѣнія*, и въ самомъ дѣлѣ, какъ не смѣяться надъ *варварскими* стихами:

Лучше лечь намъ въ мать сыру землю,
Чѣмъ безславить имя русское.

Это уши дереть!

Вторникъ, 18-го. — «Расточитель», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Г. Дегуша, переведенная съ французскаго Р. М. Зотовымъ, и «Молодая молочница», комическій балетъ, соч. Г. Дидло.

Среда, 19-го. — Для бенефиса г-на Гуляева въ первый разъ «Принцъ Катанскій», опера въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами и балетами, переведенная съ французскаго г. Шеллеромъ, музыка соч. Николо-Изуара, и «Неудачное испытаніе женской вѣрности», комедія въ 2 дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго.

Вотъ сюжетъ оперы «Принцъ Катанскій». Молодой принцъ Аламонъ, сдѣлавшись послѣ смерти отца своего владѣтелемъ Катаніи, предался роскошной жизни. Препровождая все время

въ непрерывныхъ пиршествахъ, окруженный толпою ласкателей, онъ не занимался дѣлами своего государства и вѣрилъ совершенное управление оныхъ тайному своему совѣтнику Сифриди. Одинъ Эмонъ, начальникъ войскъ прежняго владѣтеля Катаніи и принцесса Амида, невѣста Аламона, совѣтуютъ ему перемѣнить образъ своей жизни: молодой принцъ слушаетъ ихъ наставленія и продолжаетъ веселиться. Между тѣмъ Абдалла, морской разбойникъ, сдѣлалъ высадку на берега Катаніи и овладѣлъ безъ труда городомъ, который защищали одни изнѣженные придворные. Аламонъ едва успѣваетъ, въ одеждѣ простого крестьянина, скрыться въ садахъ своихъ отъ поисковъ непріятеля. Амида, попавшись въ плѣнъ, рѣшается употребить хитрость: вмѣсто прискорбія, изъясляетъ она притворную радость. Абдалла влюбляется въ нее, хочетъ на ней жениться и остаться навсегда въ Катаніи. Амида, желая переговорить съ принцемъ Аламономъ, приходитъ въ садъ. Абдалла застаётъ ихъ. Амида, видя, что они открыты, прибѣгаетъ къ новой хитрости. «Вотъ принцъ Катанскій, котораго ты искалъ тщетно, говоритъ она Абдаллѣ; онъ просилъ моей защиты, но я предаю его тебѣ». Разбойникъ въ восхищеніи отъ сего новаго доказательства любви Амиды. Онъ приказываетъ схватить Аламона. Приходятъ всѣ совѣтники и придворные сего принца. Они предлагаютъ Абдаллѣ ключи города и корону. Сифриди проситъ у него позволенія дать великолѣпный праздникъ и торжествовать восшествіе его на тронъ Катаніи. Несчастный Аламонъ видитъ, но уже поздно, все вѣроломство своихъ придворныхъ; его увлекаютъ.— Увеселенія начинаются; Амида требуетъ, чтобъ Абдалла посвятить весь день на удовольствія и не помышлялъ ни о какихъ дѣлахъ. Во время пиршества входитъ посланный отъ Гусема, военачальника Абдаллы, съ извѣстіемъ, что Эмонъ, собравъ воиновъ, освободилъ принца и сражается съ разбойниками. Абдалла, склонясь на просьбу Амиды, не хочетъ прочесть донесенія Гусема, и продолжаетъ заниматься увеселеніями. Вдругъ принцъ Аламонъ въ полномъ вооруженіи съ толпою воиновъ появляется на сцену. Разбойники разсѣяны, и Абдалла изъ побѣдителя дѣлается плѣнникомъ. Принцъ возвращаетъ ему свободу съ условіемъ, чтобъ онъ взялъ съ собою всѣхъ его придворныхъ, и женится на прекрасной Амидѣ.

Никто не узналъ въ сей оперѣ Николо Изуара, сочинителя прекрасной музыки Жоконда. Въ ней весьма мало хорошихъ мѣстъ. Можетъ быть, пронзительный крикъ, который не говорить ничего ни сердцу, ни воображенію, а только оглушаетъ,—приличенъ хорамъ, составленнымъ изъ морскихъ разбойниковъ; но слушать ихъ, а особливо тѣмъ, кои сидятъ близко сцены, весьма непріятно. Намъ показался утомительнѣе всего въ первомъ дѣйствіи хоръ разбойниковъ, въ которомъ они кричатъ по

крайней мѣрѣ четверть часа сряду: *пойдемъ! пойдемъ!* и не трогаются съ мѣста.

Сюжетъ комедіи, «Неудачное испытаніе женской вѣрности», взятъ изъ одной Мармонтелевой сказки. Молодой полковникъ Герьби вздумалъ испытать довольно страннымъ образомъ постоянство любовницы своей Эмилии. Пріѣхавъ изъ арміи, онъ является къ ней съ повязкою на глазу и костылемъ въ рукахъ. Такое превращеніе ужасаетъ Эмилию. Бѣдный Герьби! Онъ потерялъ въ одномъ сраженіи глазъ, а въ другомъ прострѣлили ему ногу. Эмилиа въ отчаяніи; сначала она думаетъ, что будетъ любить его болѣе прежняго: онъ несчастливъ! Спустя немного, она начинаетъ чувствовать къ нему одно только *сожалѣніе*; вкорѣ за симъ, нѣжное состраданіе замѣняется *холоднымъ участіемъ*; еще нѣсколько минутъ—и совершенное *равнодушіе* заступило-бы его мѣсто; но къ счастью, Эмилиа узнаетъ печально хитрость своего любовника. Она отомщаетъ ему какъ влюбленная женщина: оказываетъ къ нему притворную холодность, заставляетъ мучиться ревностью, осыпаетъ упреками, и взявши съ него слово не дѣлать впередъ подобныхъ испытаній, выходитъ за него замужъ

Четвергъ, 20-го.—«Фингалъ», трагедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. В. А. Озерова, и «Материнское мщеніе», комедія въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго г. Кобяковымъ.

Пятница, 21-го.—«Мизантропъ», комедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ, сочиненіе г. Мольера, переведенная съ французскаго Ф. Ф. Кокоскинымъ, — и «Геркулесъ», трагическій балетъ, въ 4 дѣйствіяхъ, сочиненіе Лепика.

Надобно отдать справедливость г. Кокоскину: его переводъ «Мизантропа» прекрасенъ. Намъ кажется, онъ могъ-бы быть еще лучше, если-бъ не былъ принаровленъ къ нашимъ нравамъ. Мы не понимаемъ, для чего г. переводчику хотѣлось непременно перенести дѣйствіе изъ Франціи въ Россію. Комедія, написанная въ иностранныхъ нравахъ, никогда не будетъ русскою. Названія не перемѣнили національнаго характера дѣйствующихъ лицъ «Мизантропа»; несмотря на свои имена, они остались французами. Сдѣлавши изъ «Мизантропа» русскую комедію, г. переводчикъ долженъ былъ поневолѣ пожертвовать правдоподобіемъ: чтобъ помирить Крутона съ графомъ, призываютъ его въ *правленіе*, — вѣроятно губернское. Похоже-ли это на дѣло? Я думаю, самъ г. переводчикъ согласится, что у насъ не призвуютъ никого въ какое-бы то ни было правленіе для того, чтобъ заставить его хвалить стихи, которые онъ находитъ дурными. Мы должны также замѣтить, что Прелестина говоритъ иногда языкомъ совершенно ей неприличнымъ. Можетъ-ли женщина модная, живущая въ блестящемъ обществѣ, употреблять въ обыкновенномъ разговорѣ выраженіе *вѣдаю*, *иораздъ*, *модно*, и

прибавлять къ словамъ своимъ частичку де: *она-де, сама-де*. Сколь ни мелочными кажутся сіи недостатки, но они весьма примѣтны въ «Мизантропѣ». Чѣмъ лучше переводъ, тѣмъ не-приятнѣе встрѣчать въ немъ неприличные выраженія и дурные стихи.

Воскресенье, 30-го сентября. «Два гренадера, или Ошибки», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго г. Валберхомъ, — и «Медея и Язонъ», трагическій балетъ въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г. Новера.

Понедѣльникъ, 1-го октября. Въ первый разъ «Лѣкаръ на зло всѣмъ, или тысяча первый обманутой опекунъ», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго А. А. Корсаковымъ, — и «Вотъ каковы русскіе», комическая опера въ 2 дѣйствіяхъ, соч. А. Я. Княжнина, музыка г. Титова.

Комедія, «Лѣкаръ на зло всѣмъ», довольно забавный фарсъ. Г. Морилловъ, въ домѣ котораго происходитъ дѣйствіе, имѣетъ непреодолимую страсть лѣчить, не будучи докторомъ. Онъ хочетъ жениться на питомицѣ своей Нисѣ; въ нее влюбленъ молодой графъ Лестовъ. Сей послѣдній, чтобъ войти въ домъ ревниваго опекуна, прибѣгаетъ къ хитрости. Андрей, слуга его, нарядившись докторомъ, является къ опекуну, общается открытъ ему секретъ производить чудеса посредствомъ магнетизма, дѣлаетъ въ глазахъ ихъ опыты своего искусства; помощью намагнетизированнаго прута, онъ заставляетъ Нису бросать на опекуна своего страстные взгляды и увѣрять въ любви; такое чудо приводитъ въ восторгъ Морилова. Мнимый докторъ проситъ его принять къ себѣ въ домъ одного больного, котораго намѣренъ при немъ магнетизировать. Морилловъ соглашается; разумѣется, этотъ больной, — графъ Лестовъ. Надъ нимъ дѣлаютъ различныя испытанія; онъ чувствуетъ чудотворное вліяніе магнетизма: начинаетъ *бредить*, и увѣрять въ пламенной любви своей Нису передъ глазами ея опекуна, который не можетъ опомниться отъ удивленія. Въ третьемъ дѣйствіи, графъ Лестовъ жалуется на жестокую боль, и наконецъ притворяется умершимъ. Морилловъ бѣжитъ за спиртомъ; между тѣмъ, входитъ Андрей, надѣваетъ на себя шафрокъ и колпакъ своего господина, ложится на его мѣсто, а графъ уходитъ. Морилловъ прибѣгаетъ со спиртомъ, служанка увѣрять его, что больной точно умеръ. «Если такъ, — говоритъ Морилловъ, то я могу безъ опасенія испытать надъ нимъ одну небольшую операцію; можетъ быть мнѣ удастся возвратитъ ему жизнь». Такой хирургическій опытъ нимало не нравится Андрею: онъ готовъ уже ожить добровольно, какъ вдругъ появляется Лестовъ, въ сопровожденіи двухъ друзей своихъ, одѣтыхъ медицинскими чиновниками. «Что я вижу! — кричитъ онъ, показывая на Андрея. — другъ мой умеръ! Господа, — продолжаетъ онъ, оборотясь къ своимъ товарищамъ, — вы

видите, этот шарлатанъ умертвилъ его; онъ долженъ быть наказанъ». Несчастный опекунъ въ отчаяніи. Морить больныхъ, не имѣя для сего позволенія отъ медицинской управы,—о! это такое преступленіе, за которое должно виновнаго повѣсить! Графъ Лестовъ беретъ поправить все дѣло, если только Морилловъ подпишетъ свадебный контрактъ. Онъ съ радостію соглашается на сіе условіе,—подписываетъ. Мертвый оживаетъ; медицинскіе чиновники снимаютъ парики свои, и *тысяча первый* обманутый опекунъ видитъ, но уже поздно, что онъ сдѣлался жертвою своего легковѣрія. Переводъ сей комедіи не дурень.

Вторникъ, 2-го.—«Портной Фипсъ», комедія въ одномъ дѣйствіи, и «Аписъ и Галатея», балетъ соч. г-на Дидло.

Среда, 3-го. — Для бенефиса г. Пономарева: въ первый разъ «Первый, кто пріѣдетъ, или шесть миль дороги», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г. Віаля, переведенная съ французскаго;—«Два охотника», комическая опера въ 1 дѣйствіи,—и «Калифъ Багдадскій», опера въ 1 дѣйствіи, переведенная съ французскаго г. Лифановымъ, музыка соч. г. Боиельде.

Многіе полагаютъ, что комедія, въ которой не соблюдены всѣ извѣстныя правила, не можетъ быть хорошею. Мы весьма далеки отъ того, чтобъ находить ихъ излишними; но думаемъ только, что комедія, приносящая удовольствіе зрителямъ, можетъ назваться хорошею даже и тогда, когда она погрѣшаетъ противъ правилъ Аристотеля. Въ комедіи, «Кто первый пріѣдетъ», не соблюдено единство мѣста; въ ней первое дѣйствіе происходитъ въ Ліонѣ, второе за три мили отъ сего города, въ домѣ Рапиньи, и наконецъ третье за три мили отъ дома Рапиньи въ замкѣ г. Доримонта. Несмотря на это, мы находимъ, что сія пьеса очень не дурна, и если не ошибаемся, большая часть публики будетъ съ нами согласна. Вотъ сюжетъ сей комедіи: два молодые офицера одного полка, Вервиль и Дорваль, намѣрены жениться на Эмили, дочери г. Доримонта. Дорваль степененъ и любитъ ее; Вервиль вѣтренникъ, повѣса, и хочетъ жениться на Эмили для того только, что за ней сто тысячъ ливровъ приданаго.—Доримонтъ, не зная кого выбрать, пишетъ къ нимъ, что тотъ изъ нихъ, который пріѣдетъ прежде въ замокъ его, находящійся въ шести миляхъ отъ Ліона, получить руку его дочери.—Женихи соглашаются выѣхать изъ города ровно въ шесть часовъ по-полудни; каждый изъ нихъ, чтобъ предупредить своего соперника, придумываетъ различныя хитрости. Въ трактирѣ, гдѣ они стоятъ, служить жокей Жамесъ, проворный и хитрый плутъ; онъ обѣщаетъ пособлять имъ обоимъ, беретъ съ нихъ обоихъ деньги. Говоритъ Дорвалю, что удержитъ Вервиля лишній часъ въ городѣ, извѣстия объ отъѣздѣ его честныхъ израильтянъ, которымъ онъ долженъ; Вервилю даетъ слово ѣхать вмѣстѣ съ Дорвалемъ и заплутаться на половинѣ дороги въ лѣсу.

Онъ выполняетъ оба обѣщанія. Въ трехъ миляхъ отъ Лиона Дорваль сбился съ дороги; коляска его изломалась; онъ примѣчаетъ вдали строеніе, — это домъ, въ которомъ живетъ управитель Доримонта, Рапиньи. Въ ту самую минуту, какъ онъ стучится, прѣзжаетъ туда же Вервиль. Узнавъ несчастное положеніе своего соперника, онъ не опаздываетъ остановиться отдохнуть на нѣсколько времени. Они входятъ оба къ Рапиньи. Дорваль узнаетъ, что коляска его не прежде какъ на другой день будетъ починена. Насмѣшки счастливаго соперника приводятъ его въ отчаяніе; онъ рѣшается написать къ Доримонту безымянное письмо, въ коемъ предостерегаетъ его отъ бродяги, вознамѣрившагося предупредить двухъ жениховъ и явиться къ нему въ замокъ подъ именемъ одного изъ нихъ. Онъ посылаетъ съ симъ письмомъ мальчика, находящагося въ услугахъ у г. Рапиньи.—Между тѣмъ Жамесь, желая помочь Дорвалю, пускается на новыя хитрости. Онъ увѣряетъ Вервиля, что сдѣлалъ странное открытіе, что они не за три, а за шесть миль отъ Лиона, что почталіонъ былъ подкупленъ, что они находятся не въ домѣ управителя, но въ замкѣ Бельривъ, что Рапиньи самъ Доримонтъ и что наконецъ дѣвица, которую онъ называетъ своей племянницей Юліей, дочь его Эмилія.—Вотъ бѣда, говоритъ Вервиль, мы прѣехали вмѣстѣ,—надобно удалить Дорваля.—Постойте!—отвѣчаетъ Жамесь, я все сдѣлаю: притворитесь спящими.—Онъ подходитъ къ Дорвалю, который не проронилъ ни одного слова.—Послушайте, говоритъ онъ, я увѣрилъ вашего соперника, что мы не у Рапиньи, а у самого Доримонта; онъ будетъ радъ, если вы уйдете; выньте у него изъ кармана ключъ отъ дверей; мы выйдемъ вонъ, сядемъ въ его коляску и полетимъ; не беспокойтесь, онъ ни за что не проснется!—Дорваль дѣлаетъ все то, что совѣтуетъ ему Жамесь.—Лишь только онъ уѣзжаетъ, Вервиль начинаетъ смѣяться отъ добраго сердца; онъ въ восхищеніи, ему удалось обмануть своего соперника. Радость его продолжается не долго: чрезъ нѣсколько минутъ истина открывается. Рапиньи ѣдетъ въ замокъ; онъ предлагаетъ Вервилю мѣсто въ своемъ экипажѣ, запряженномъ парю крестьянскихъ лошадей, только что взятыхъ изъ подъ сохи. Дѣлать нечего! Вервиль, проклиная плута Жамеса и свое легковѣріе, рѣшается тащиться шагомъ. Между тѣмъ Доримонтъ, получивъ безымянное письмо, беретъ свои мѣры противъ обманщика, который намѣренъ предупредить жениховъ его дочери. Дорваль прѣзжаетъ; холодный пріемъ удивляетъ его; вмѣсто обыкновенныхъ привѣтствій, у него требуютъ доказательствъ, почему онъ называетъ себя Дорвалемъ. Къ несчастію, спѣша уѣхать, Дорваль позабылъ у Рапиньи всѣ свои бумаги. Доримонтъ не хочетъ слушать его оправданій.—Я ожидаю сюда Вервиля, говоритъ Дорваль, и тогда надѣюсь...—Нѣтъ, прерываетъ Доримонтъ.

ты не увидишься съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не подпишетъ свадебнаго договора.—Дорваль, видя, что ему нѣтъ возможности оправдаться, уходитъ въ садъ дожидаться пріѣзда своего соперника.—Управитель съ племянницею, женихомъ ея и Вервилемъ пріѣзжаютъ. Вервиль торжествуетъ.—И такъ, я побѣдилъ, кричитъ онъ, соперникъ мой еще не пріѣхалъ! Осушите свои слезы, несчастные израильтяне!—Онъ готовился ужъ написать свадебный договоръ, какъ вдругъ Дорваль входитъ.—Это Дорваль!—это мой соперникъ! кричитъ Вервиль; ты опоздалъ, мой другъ! Воскличаніе сіе оправдываетъ Дорваля, и Доримонтъ признаетъ его побѣдителемъ.

Говоря о сюжетѣ сей комедіи, не упомянули мы ничего объ одной г-жѣ Роземонтъ, шестидесятилѣтней дѣвицѣ, которая играетъ довольно значительную роль въ 1 дѣйствиіи. Она влюблена въ Вервиля и богата; но Эмилія имѣетъ также большое состояніе, и сверхъ того молода и прекрасна. Вервиль, надѣясь получить ея руку, уѣхалъ изъ Ліона, не простясь съ своей шестидесятилѣтней преемницею; но когда онъ увидѣлъ, что Эмилія не будетъ принадлежать ему, то вспомнилъ опытъ о г-жѣ Роземонтъ. Такъ говоритъ онъ ужаснымъ голосомъ: «въ отчаяніи моемъ я готовъ на все рѣшиться!»—Боже мой, кричатъ всѣ, что хотите вы сдѣлать?—Жениться на старухѣ! — отвѣчаетъ Вервиль.

Комедія сія была разыграна очень недурно. Надобно отдать справедливость актеру, игравшему роль Жамеса; онъ совершенно понялъ сію роль, одну изъ самыхъ трудныхъ въ своемъ родѣ.—Переводъ дуренъ. Забавнѣе всего замѣчаніе къ дѣйствующему лицу Юліи, въ которомъ переводчикъ говоритъ: «Юлія родомъ изъ Авиніона, что должно быть смѣшно по ея выговору».

Опера «Калифъ Багдадскій» была разыграна недурно. Мы помѣщаемъ въ концѣ сей книжки переводъ забавной критики, которая появилась въ одномъ французскомъ журналѣ послѣ перваго представленія сей оперы въ Парижѣ.

Четвергъ, 4-го.—«Эдипъ въ Аѣинахъ», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. В. А. Озерова; музыка хоромъ соч. г. Козловскаго,—и «Молодые супруги», комедія въ 1 дѣйствиіи, въ стихахъ, соч. г. Грибоѣдова.

Мы не станемъ ничего говорить объ «Эдипѣ въ Аѣинахъ»; всякій, кто хотя нѣсколько любитъ отечественную словесность, знаетъ наизусть сію прекрасную трагедію; скажемъ лучше слова два о комедіи «Молодые супруги».—Безъ сомнѣнія, французская пьеса, «Le secret de ménage» (Семейная тайна), подала г. Грибоѣдову мысль написать своихъ «Молодыхъ супруговъ». Впрочемъ, разница въ достоинствѣ сихъ двухъ комедій весьма ощутительна. Мы находимъ, что русская гораздо лучше; въ ней нѣтъ тѣхъ излишнихъ, растянутыхъ сценъ, которыя дѣлаютъ

французскую комедию отменно утомительною; дѣйствіе идетъ быстро; нѣтъ ни одной ненужной и холодной сцены: въ ней все на своемъ мѣстѣ. Мужъ, которой говорить:

Мой будущій удѣлъ я знаю напередъ;
Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ
Беретъ любовника.—Едиобразье скучно,
И мужъ за то глядѣть обязанъ равнодушно.

и потомъ спустя нѣсколько минутъ, сходитъ съума отъ ревности; *хладнокровіе*, съ коимъ онъ требуетъ письмо, заключающее въ себѣ, по мнѣнію его, доказательства невѣрности Эльмиры,— все это весьма забавно. Къ сожалѣнію, въ сей комедіи встрѣчаются стихи дурные, шароховатые и выраженія совершенно не приличныя дѣйствующимъ лицамъ. Напримѣръ:

Гдѣ нѣтъ взаимности, рождается острада.
Ахъ! Убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй.
Въ тѣ дни, что для меня такъ памяты, такъ сладки.
Что ежели Аристъ пришелъ бы сей порой,
Внезапно кротость та пожертвована взору,
То лучше огложи всѣ ковы въ долгій ящикъ.
Къ приманкамъ свѣтлости не стала хладнокровна.
Отчаянно брюзгливъ и недовѣрчивъ сталь.

Читая подобныя стихи, поневолѣ вспомнишь слова Мизантропа:

.... Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи.

Комедія сія была разыграна, по обыкновенію, хорошо. Актеръ, игравшій роль Ариста, заслужилъ въ полной мѣрѣ благодарность публики: онъ игралъ прекрасно.

8.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО НЕИЗВѢСТНАГО,

помѣщенное въ 10-й книжкѣ «СѢВЕРНАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ».

Мы согласны съ почтеннымъ арзамасскимъ жителемъ: пріятно видѣть единомушіе нашихъ журналовъ. Никакая литературная ссора не возмущаетъ мира и согласія, существующихъ между ними; напротивъ, они стараются перенимать другъ у друга все хорошее. Напримѣръ, кто-бы подумалъ, что журналъ, котораго

расходится на разное употребленіе болѣе тысячи номеровъ, который, какъ говорить г. Незвѣстный, заслуживаетъ *почтеніе по прекрасному своему названію*, рѣшился подражать намъ.— Въ 36-й книжкѣ сего журнала, издатели, желая, подобно намъ, дать понятіе о своихъ законахъ, напечатали изъ нихъ подробную выписку. Можетъ быть читателямъ пріятно будетъ сравнить ихъ законы съ нашими, и для того мы помѣщаемъ ихъ здѣсь съ небольшими примѣчаніями.

Издатели почтеннаго журнала обязуются:

1) Не наполнять своего журнала статьями, не имѣющими никакой *занимательности* и плохо написанными, потому что усыплять не ихъ дѣло и т. д.

Кто смѣетъ сомнѣваться въ этомъ; да и кому придетъ въ голову спать, читая въ почтенномъ журналѣ поучительныя слова и *куриозныя* эпитафіи съ надгробныхъ камней Смоленскаго кладбища и Волкова поля. Это такъ полезно и *занимательно!*

2) Не дѣлать смѣшныхъ и пристрастныхъ приговоровъ о театральныя пьесахъ.

Въ этомъ нельзя упрекнуть почтенный журналъ: редакторы *сами* не говорятъ о театрѣ ни слова. Правда, мѣсяца съ три назадъ они обѣщали было произнести въ слѣдующей книжкѣ рѣшительный приговоръ одной оригинальной комедіи; но *смѣющая книжка* до сихъ поръ еще не выходила.

3) Не называть жалкихъ переводовъ превосходными, чтобъ не примѣнили къ намъ послѣдняго стиха первой пѣсни поэмы Буало *L'art poétique* *).

По всему видно, редакторы отъменно боятся сего примѣненія. и отъ излишней осторожности называютъ иногда хорошіе переводы жалкими. Мы также очень опасаемся подойти подъ этотъ стихъ, и для того уважаемъ отъ всего сердца редакторовъ почтеннаго журнала, но никогда *не удивляемся* имъ.

4) Не писать на свои сочиненія пристрастныхъ рецензій для того, чтобъ выдавать ихъ за статьи, присланныя къ намъ отъ неизвѣстныхъ.

Этотъ законъ кажется намъ совершенно лишнимъ. Кому придетъ въ голову писать на себя *даже* и пристрастныя рецензій. Вотъ, напримѣръ, напечатать въ газетахъ отъ имени книгопродавца объявленіе о своей книгѣ, расхвалить ее безъ милосердія, и укорять въ невѣжествѣ тѣхъ, кои не восхищаются ею,—это другое дѣло; такая благородная хитрость не только позволительна, но даже и похвальна **).

5) Въ статьѣ стихотвореній не помѣщать дрянныхъ стиховъ и плохихъ эпиграммъ, и т. д.

*) Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.

**) См. Ст.-Петербург. Вѣдомости 1817 года, № 94.

«Трудно отстать от старой привычки!» — скажут насмѣшники. Мы, напротивъ, не сомнѣваемся въ искренности г.г. редакторовъ и просимъ всѣхъ недовѣрчивыхъ прочесть со вниманіемъ стихи, помѣщенные въ 36 номерѣ почтеннаго журнала. Они увидятъ тогда, что г.г. редакторы дѣйствительно рѣшились помѣщать всегда въ изданіи своемъ хорошіе стихи. — Мы выписываемъ изъ нихъ на удачу одинъ куплетъ:

Пускай Уранія небеса
Въ твоёмъ *созвѣдѣи* гремѣть,
И Пилигрима *многотѣна*
То въ звучныхъ одахъ возгласить.

Какіе превосходные стихи! — Мы не говоримъ уже о другихъ красотахъ, въ нихъ разбѣянныхъ; напримѣръ: о *Эратѣ*, которая дышетъ *Эротомъ*; о Каллиопѣ, которая съ Россією и Европой звонитъ въ колокола; о *Гордыни* рѣчки Карповки; о людяхъ, кои *воспѣваютъ* въ волынки, гудки и рожки, и о многихъ другихъ мѣстахъ, истинно прекрасныхъ.

6) Не приглашать ученыхъ людей заниматься разборомъ такой книги, которая того не заслуживаетъ.

И конечно, къ чему занимать такимъ вздоромъ людей ученыхъ; дурную книгу могутъ разобрать и сами редакторы.

7) Не принимать на свой счетъ сатиры, басенъ, сказокъ и эпиграммъ, въ которыхъ говорится о дурныхъ писателяхъ, и не сердиться, если кто *по мупости* скажетъ, будто мы наполняемъ свой журналъ личностями для угожденія тѣмъ, въ коихъ имѣемъ нужду.

Прекрасное правило! И мы также не намѣрены сердиться, если кто-нибудь станетъ насъ передразнивать, прибавляя къ словамъ нашимъ выраженія, приличныя не литератору, а какому-нибудь Архиповичу, который *исправно насандамъ носъ**). Ругательство и брань есть признакъ безсилія; а на слабого врага сердиться не должно, особливо же, когда, нападая на насъ, онъ даетъ намъ способъ посмѣяться самимъ и позабыть нашихъ читателей.

Редакторы почтеннаго журнала обѣщаютъ продолжать выписки изъ своихъ законовъ; а мы съ своей стороны даемъ слово помѣщать ихъ въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» съ подобными же поясненіями и замѣчаніями.

*) Мы не хотимъ присвоивать себѣ сего счастливаго выраженія: оно взято нами изъ извѣстной и прекрасной сказки — Пьянющивнѣ.

II.

СТАТЬИ ИЗЪ „СОРЕВНОВАТЕЛЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ И БЛАГОТВОРЕНІЯ“ 1820 И 1821 ГОДОВЪ.

I.

Любители словесности.

Вчера вечеромъ зашелъ ко мнѣ пріятель мой Рогнедовъ. Разговаривая о томъ и другомъ, мы добрались наконецъ до любимого нашего предмета—до русской словесности.

— Нельзя довольно нарадоваться, — сказалъ я, — смотря на быстрые успѣхи просвѣщенія въ любезномъ нашемъ отечествѣ; лѣтъ сто назадъ дѣды наши не знали даже и названія словесности, а теперь...

— А теперь всякій хочетъ ею заниматься, — прервалъ Рогнедовъ, — вотъ это-то и худо! Никогда истинные дѣлители дарованій не принесутъ столько пользы, сколько надѣляетъ вреда эта безграмотная толпа ложныхъ любителей словесности.

— А я такъ думаю противное; я не спорю съ тобою, что многіе изъ нихъ съ трудомъ подписываютъ свои имена, что большая часть не имѣетъ никакихъ познаній, и только нѣкоторые могутъ назваться *истинными* любителями словесности, но со всемъ тѣмъ эта общая любовь къ искусству, которое служить, такъ сказать, преддверіемъ къ просвѣщенію цѣлаго народа, даетъ мнѣ право надѣяться, что мы вскорѣ, какъ мирные граждане, станемъ на ту степень народной славы, до которой, какъ храбрые защитники отечественной свободы, давно уже достигли.

— Ты мастеръ дѣлать фразы— объ этомъ ни слова, только по всему видно, тебѣ не случалось никогда быть въ обществѣ этихъ записныхъ любителей словесности.

— Напротивъ, очень часто.

— И ты могъ равнодушно слушать ихъ вздорныя сужденія? Признаюсь, мой другъ, я не имѣю твоего счастливаго хладнокровія: кровь кипитъ въ моихъ жилахъ, когда я слушаю какого-нибудь двадцатилѣтняго мудреца, который, вмѣсто того, чтобы доучиться путемъ грамматикъ, судить и рядить, раздаеть и отнимаетъ безсмертіе.

— А меня такъ это очень забавляетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — О, если такъ, то я сегодня-же могу тебѣ доставить это удовольствіе. Я обѣщаль быть у Ратмирова: онъ давно хочетъ съ тобою познакомиться—поѣдемъ вмѣстѣ!

— Съ охотою.

— Ты найдешь у него цѣлое общество литераторовъ и можешь забавляться сколько тебѣ угодно; чтожъ касается до меня—знаю напередъ, я не выдержу, начну спорить, разсержусь и вѣрно завтра слягу въ постель.

Мы застали у Ратмирова человѣкъ пятнадцать гостей. Всѣ сидѣли вокругъ стола, за которымъ какой-то питомецъ музъ до читывалъ предлинное посланіе *къ друзьямъ своимъ*. Хозяинъ, подошелъ къ намъ на ципочкахъ, молча поклонился и показалъ два порожнихъ мѣста. Мы тотчасъ ихъ заняли. Сосѣди мои были мнѣ совершенно незнакомы. Съ лѣвой стороны подле меня, закинувъ назадъ голову и развалившись въ креслахъ, сидѣлъ распысканный духами франтъ; онъ нюхалъ безпрестанно табакъ, зѣвалъ въ слухъ и, казалось, не хотѣлъ нимало скрывать, что умираетъ отъ скуки. Сосѣдь мой, съ правой стороны, отгмѣнно толстый человѣкъ, болѣе всѣхъ обращалъ на себя мое вниманіе: отъ роду не видывалъ я такого страннаго смѣшенія глупой спеси, чванства и какого-то комическаго величія, которыя изображались на лицѣ его, или, лучше сказать, на той части тѣла, которая у другихъ называется лицомъ; судя по его наморщенному лбу и слегка прищуреннымъ глазамъ, можно было бы подумать, что онъ размышляетъ; но посмотрѣвши хорошенько, не трудно было замѣтить подъ важною сею наружностью пустого человѣка, который, не размышляя ни о чемъ, хочетъ казаться глубокомысленнымъ. Всего забавнѣе было видѣть, что во время чтенія большая часть гостей какъ будто-бы согласилась его передразнивать; онъ улыбался — и всѣ умирали со смѣху, одобряли — и похвалы лились рѣкою на сочинителя.

— Очень радъ, что вы пожаловали, — сказалъ мнѣ хозяинъ, когда чтеніе кончилось, — надѣюсь, вамъ не будетъ у меня скучно: маленькое мое общество составлено изъ литераторовъ, безъ сомнѣнія, давно уже вамъ знакомыхъ.

— Извините! Я не знаю здѣсь никого.

— Нѣтъ, шутите? Это удивительно! Кажется, гости мои всѣ

люди известные—по крайней мѣрѣ вамъ, какъ любителю словесности, имена ихъ должны быть знакомы?

— Если вамъ угодно будетъ сказать...

— Съ величайшею охотою! Напримѣръ: какъ вы думаете, кто этотъ толстый человѣкъ, который сидѣлъ подлѣ васъ съ правой стороны?

— Не знаю.

— Дулебовъ, сударь! — Ну, теперь знаете?

— Виновать! И теперь не знаю.

— Странно, очень странно! Вы не знаете Дулебова, который известенъ всему ученому свѣту по своему глубокомыслию и обширнымъ познаніямъ.

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь.

— Да, надобно отдать ему справедливость, что за ученость! Какой очищенный, вѣрный вкусъ! Какая логика!—О еслибъ этотъ человѣкъ взялъ на себя трудъ писать, то конечно-бы убилъ всѣхъ нашихъ прозаиковъ.

— Такъ онъ ничего не пишетъ?

— Нѣтъ, ничего; но подъ руководствомъ его пишутъ многіе: между нами будь сказано, онъ глава цѣлой литературной партіи.

— О! Такъ поэтому онъ въ самомъ дѣлѣ важная особа. Теперь позвольте васъ еще спросить: кто этотъ молодой человѣкъ, который такъ немилосердно зѣвалъ во время чтенія?

— Неужели вы не знаете? Эго князь Б***.

— Признаюсь въ моемъ невѣжествѣ—не знаю!

— Помилуйте! Такъ вы поэтому никого не знаете! — Князь Б*** литераторъ и весьма уважаемый; онъ не имѣетъ такихъ познаній, какъ Дулебовъ, но за то какая острога! Какой блестящій разговоръ! Какое краснорѣчіе!

— А въ какомъ родѣ онъ пишетъ?

— Вотъ то-то и горе, что ни въ какомъ! Богъ знаетъ почему, терпѣть не можетъ русскаго языка: если-бъ не это, то онъ давно-бы обогатилъ нашу словесность. — Вы вѣрно также замѣтили этого молодого человѣка съ блѣднымъ лицомъ и *вдохновенными* глазами?—Вотъ, батюшка, талантъ-то необыкновенный! Что за пламенное воображеніе! Что за огонь! Какія сильныя, новыя идеи...

— По крайней мѣрѣ этотъ пишетъ что-нибудь?

— Нѣтъ, сударь, и этотъ ничего!—Что будешь дѣлать?—До сихъ поръ не можетъ рѣшиться, какъ ему писать—стихами или прозой? Но мнѣ кажется, пріятель вашъ спорить съ Дулебовымъ; я страхъ люблю эти ученые распри—тутъ всегда услышишь что-нибудь и умное и полезное—пойдемте къ нимъ!

Въ самомъ дѣлѣ Рогнедовъ былъ въ жестокой схваткѣ съ Дулебовымъ.

— Да, сударь, — говорилъ онъ. — Вельскій гораздо болѣе имѣетъ таланта, чѣмъ этотъ скучный, однообразный Эрастовъ.

— Да помилуйте, — отвѣчалъ Дулебовъ, — пощадите! Что находите вы хорошаго въ вашемъ Вельскомъ? Смѣло можно сказать, во всѣхъ его твореніяхъ нѣтъ ни одной классической пьесы, ни одного живого стиха; впрочемъ, я глупо дѣлаю, что съ вами спорю — вы вѣдь должны поневолѣ находить его хорошимъ.

— Это почему, если смѣю спросить?

— Потому, что вашъ пріятель, графъ С** ему покровительствуетъ—весьма естественно—вы придерживаетесь его мнѣнія.

— Нѣтъ, сударь! Я не привыкъ быть ничѣмъ отголоскомъ, и соглашаюсь съ мнѣніемъ другихъ тогда только, когда оно не противно собственному моему чувству.

— Какъ, сударь? Даже и тогда, когда это *собственное чувство* противно общему мнѣнію?

— Общему мнѣнію? — Да гдѣ оно? — Каждая литературная партія старается увѣрить публику, что мнѣніе ея есть мнѣніе общее; и вотъ, сударь, отчего эти смѣшныя журнальныя войны, въ которыхъ нерѣдко противъ одного человѣка ополчаются цѣлыя сотни этихъ любителей, или, лучше сказать, губителей нашей словесности!

— Вотъ забавное названіе!

— Да, сударь, губителей! Истинные любители словесности должны быть безпристрастными судьями дарованій—должны забывать всѣ личности и никогда не говорить: такой то не написалъ ни одного *живого стиха* потому, что онъ въ ссорѣ съ моимъ пріятелемъ; у такого-то во всѣхъ сочиненіяхъ нѣтъ ни одной классической пьесы потому, что я его звалъ, а онъ ко мнѣ не пріѣхалъ.

Толстый любитель словесности покраснѣлъ и не отвѣчалъ ни слова, и вѣроятно споръ бы кончился, если-бы не вмѣшался въ разговоръ князь Б***

— Почести, — сказалъ онъ, качаясь на стулѣ и перебирая пальцами табакъ въ золотой своей табакеркѣ, — почести, я не понимаю, какіе могутъ быть споры, когда говорятъ о нашей жалкой словесности?—Это все равно, если-бы стали разсуждать о характерѣ и свойствахъ ребенка, который лежитъ еще въ колыбели!

Сдѣлавъ сіе прекрасное сравненіе, онъ остановился съ важностію римскаго сенатора, окинувъ взглядомъ все собраніе, понюхалъ табакъ и продолжалъ, относясь къ Рогнедову:

— Признайтесь, сударь, что мы еще до сихъ поръ не можемъ похвалиться ни однимъ хорошимъ произведеніемъ; скажите сами, что у насъ есть? Попробуйте, назовите мнѣ кого-нибудь!

Этотъ странный вызовъ такъ изумилъ моего пріятеля, что онъ не могъ отвѣчать ни слова; я поспѣшилъ къ нему на помощь.

— Мнѣ кажется, князь, — сказалъ я, — на этотъ вопросъ отвѣчать не трудно: мы имѣемъ превосходныя стихотворенія во всѣхъ родахъ, прекрасныя театральныя произведенія, хорошіе переводы и наконецъ, благодаря Бога, отечественную исторію, которую можемъ смѣло поставить на ряду съ безсмертными произведеніями Гюма и Робертсона. Впрочемъ, если хотите, я могу вамъ назвать по именамъ всѣхъ великихъ нашихъ писателей.

— Великихъ! Боже мой! И мы смѣемъ это говорить? Смѣемъ послѣ французскихъ трагиковъ писать свои трагедіи! Смѣемъ переводить Расина, заставлять его говорить нашимъ варварскимъ, полудикимъ языкомъ! Пишемъ послѣ Тасса, Вольтера, Аріоста — эпическія поэмы, послѣ Лафонтена — басни, послѣ Мольера и Реньяра — комедіи! Нѣтъ, сударь, мы можемъ быть обезьянами великихъ писателей, можемъ портить безсмертныя творенія, переводя ихъ на нашъ языкъ, можемъ даже называть себя какъ намъ угодно; но что мы еще школьники, ученики, едва знающіе азбуку — въ этомъ, я думаю, всякій благоразумный человѣкъ долженъ будетъ со мною согласиться.

— Также какъ и въ томъ, князь, — возразилъ Рогнедовъ, краснѣя отъ досады, — что въ одной только Россіи можно видѣть людей, которые находятъ удовольствіе порицать все отечественное, которые, не имѣя понятія о нашей словесности, не зная даже языка своего, говорятъ о немъ съ презрѣніемъ, — которые, пробывъ нѣсколько времени въ Парижѣ, думаютъ, что приобрѣли симъ право быть оракулами вкуса и располагать мнѣніемъ цѣлаго общества. Не правда-ли, князь, что этимъ господамъ приличнѣе было-бы судить о покроѣ какого-нибудь моднаго фрака, чѣмъ о безсмертныхъ произведеніяхъ, которыя они не только цѣнятъ, но даже и понимать не могутъ.

Князь хотѣлъ было что-то отвѣчать, но Рогнедовъ не далъ ему выговорить ни слова. — Знаете-ли, сударь, — продолжалъ онъ, вставая съ своего стула, — что-бы я сказалъ этимъ господамъ? Помилуйте! Развѣ для васъ не довольно, что вы мучите насъ своимъ французскимъ болтаньемъ, глупыми острогами и площадными каламбурами? Оставьте, по крайней мѣрѣ, въ покоѣ людей, которыми гордится Россія; не говорите о нихъ ничего: похвала ваша и ругательства равно для нихъ оскорбительны!

Тутъ Рогнедовъ схватилъ свою шляпу и, не поклонясь никому, ушелъ. Лишь только онъ вышелъ за двери, ученое собраніе взволновалось. — «Да онъ сумасшедшій!» — говорили одни, — «самый дерзкій, невоспитанный человѣкъ!» — кричали другіе. — Ни то, ни другое, — сказалъ князь, стараясь улы-

баться; — онъ просто дуракъ и очень забавный: обижаться его словами было-бы смѣшно и глупо.—Защитить моего пріятеля противу всѣхъ я не могъ, а пристать къ общему *хору* не имѣлъ ни малѣйшей охоты, и для того, распростившись съ хозяиномъ, отправился домой.

Я лежалъ уже часа два въ постели, но никакъ не могъ заснуть: мнѣ мечтался безпрестанно толстый Дулебовъ. Я старался отгадать, какимъ способомъ этотъ человѣкъ могъ сдѣлаться главою какой-нибудь партіи. Извѣстный стихъ Буало:

Un sot trouve toujours un plus sot, qui l'admire

не разрѣшалъ моего сомнѣнія: мнѣ казалось, что Дулебовъ не подходилъ даже и подъ это правило. Вѣроятно, мнѣ-бы долго еще не заснуть, если-бы одинъ нечаянный случай не открылъ тайны, которую я никакъ не могъ проникнуть. Подлѣ меня живетъ Г. Д*. Когда-нибудь я познакомлю съ нимъ покороче моихъ читателей, а теперь скажу только, что мой сосѣдъ отъменно умный и очень странный человѣкъ. Онъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, смежный съ моею спальнею, и вѣроятно позабывъ, что насъ раздѣляетъ одна деревянная оштукатуренная перегородка, началъ съ кѣмъ-то говорить очень громко. Будучи отъ природы любопытенъ, я не могъ удержаться, сталъ слушать, и вотъ слово отъ слова этотъ чудный разговоръ:

— Ну, мой cousin, — сказалъ Г. Д*, притворяя двери своего кабинета, — мы остались одни, поговоримъ откровенно. Ты теперь возвратился изъ чужихъ краевъ, — тебѣ безъ малаго тридцать лѣтъ: надобно подумать, какую роль ты будешь играть въ свѣтѣ. Ты имѣешь большое состояніе, изрядное родство, но этого мало, чгобъ сдѣлаться извѣстнымъ.

— А развѣ это необходимо нужно?

— О, безъ сомнѣнія! Быть неизвѣстнымъ и не существовать—одно и то-же. Посмотримъ, какъ пособить этому горю. Ты объѣхалъ большую часть Европы и могъ-бы выдавать себя за *воляжера*, который все видѣлъ, все замѣчалъ; но, къ сожалѣнію, это невозможно. Ты былъ въ Парижѣ и не умѣешь даже путемъ рассказать о Пале-Роялѣ; жилъ два мѣсяца въ Римѣ и не знаешь, по чьему плану строена церковь св. Петра; провелъ все лѣто въ Неаполѣ и не потрудился ни разу взойти на Везувій и сойти въ Помпею. Ты знаешь только, что Лондонъ выстроенъ на Темзѣ; въ Вѣнѣ колокольня св. Стефана очень высока; что въ Швейцаріи много горъ, а въ Голландіи ихъ нѣтъ; однимъ словомъ, ты знаешь все то, что можно знать и не выѣзжая изъ Петербурга.

— Это правда, я ничего не замѣчалъ; я всегда бываю такъ разсѣянъ.

— И такъ, объ этомъ нечего и думать. Если-бы ты были хорошъ собою, то женщины стали-бы тебѣ покровительствовать; но ты дурень. Хотя-бы, по крайней мѣрѣ, ты былъ ловокъ, то могъ-бы сдѣлаться хорошиимъ дансеромъ, и тогда-бы все было исправлено. Посмотри на Вергушкина: всѣ женщины отъ него безъ памяти. Его ласкають, приглашаютъ на всѣ балы, зовутъ милымъ, любезнымъ; а Вергушкинъ дурень собою, просто, не умѣетъ сказать двухъ словъ сряду; но за то онъ первый *мазуристъ* въ городѣ, и вальсируетъ, какъ зефиръ. Къ несчастію, Вергушкинъ не можетъ для тебя служить примѣромъ: ты такъ недовонокъ! такъ тяжелъ! Съ такою *несчастною* наружностью тебѣ-бы очень кстати быть сочинителемъ.

— Боже сохрани! Да я не умѣю хорошенько и письма сочинить.

— Всего-бы лучше было, если-бы ты... тутъ Г. Д* сталъ говорить такъ тихо, что я не могъ ничего разобрать. — Чтожъ дѣлать, mon cousin, — отвѣчалъ черезъ нѣсколько минутъ пріѣзжій изъ чужихъ краевъ, — я ужъ нѣсколько разъ принимался читать *кмочъ къ таинствамъ природы и приключеніе послѣ смерти*, да ничего не могу понять.

— Вотъ то-то и горе! Ты и на это не годишься. Я, право, не знаю, что изъ тебя сдѣлать. А, прекрасно! Мысль пресчастливая! — Запишись въ любители словесности, мой милый. Изъ всѣхъ возможныхъ способовъ сдѣлаться извѣстнымъ это самый легчайшій.

— Но, помилуй! Я...

— Ты не любишь литературы. Да это и не нужно; дѣло идетъ объ одномъ только названіи.

— Однакожъ, я долженъ признаться...

— Что худо знаешь *грамату*. И это не бѣда. Рѣшено, мой другъ: ты долженъ быть любителемъ словесности и вотъ тебѣ рука моя, ты разомъ попадешь въ умницы, прослывешь ученымъ — и тогда можешь говорить свободно вздоръ отъ утра до вечера. Чѣмъ менѣе въ словахъ твоихъ будетъ смысла, тѣмъ болѣе стануть имъ удивляться.

— Что-же долженъ я дѣлать?

— Почти ничего. Во-первыхъ, я пришлю тебѣ списокъ именъ всѣхъ извѣстныхъ сочинителей. Тебѣ надобно вытвердить его наизусть.

— Нельзя-ли обойтись безъ этого; у меня совѣсн нѣтъ памяти.

— Невозможно, мой другъ! Впрочемъ, его можно будетъ нѣсколько убавить: рѣшишь хвалить только нѣкоторыхъ писателей, а прочихъ ругать всѣхъ — не по одиночкѣ, а *цуртомъ*, тогда тебѣ не нужно будетъ знать по именамъ всѣхъ сочинителей. Если, напримѣръ, кто-нибудь заговорить съ тобою о тѣхъ, кото-

рыхъ ты положишь находить дурными, пожми плечами, значительно улыбнись и не отвѣчай ни слова. Тверже всего ты долженъ выучить наизусть имена древнихъ поэтовъ. Говори безпрестанно о Virгиліи, Софоклѣ, Гораціи, Тибуллѣ, но чаще всѣхъ о Гомерѣ: онъ долженъ быть у тебя поминутно на языкѣ. Приучись восхищаться при одномъ имени Илліады. Ты не рѣшишься прочесть ее, но этого и не нужно. Повѣрь, большая часть тѣхъ, которые восхищаются красотами Гомера, — которые готовы рѣзаться за Илліаду, никогда ее не читали. Тебѣ должно завести библіотеку, это необходимо. Не забудь однакоже велѣть разрѣзать листы въ книгахъ, которыя будутъ безъ переплета: надобно, чтобъ всѣ думали, что ты читаешь очень много. Тебѣ нуженъ также письменный столъ; разложи на немъ въ искусственномъ безпорядкѣ нѣсколько толстыхъ *фоліантовъ* и дюжины двѣ маленькихъ книжекъ. Выборъ ихъ долженъ быть таковъ, чтобъ всякій видѣлъ, что ты занимаешься всѣми родами словесности. Пусть проповѣди Масильона и Боссюэта лежатъ подлѣ Гельвеція и Диредота; Фенелоновъ Телемакъ подлѣ Вольтеровой дѣвственницы; Бюффонъ подлѣ Дората, и два, три тома энциклопедіи подлѣ Аббата Берни и Грекура.

— Но, мой другъ, всѣ эти ненужныя для меня вещи стоятъ, я думаю, очень дорого?

— Безъ сомнѣнія, не дешево; но вѣдь нельзя-же даромъ попасть и въ умницы; для этого названія можно чѣмъ-нибудь пожертвовать. Совѣтую тебѣ также познакомиться со всѣми извѣстными литераторами. Ты богатъ, можешь дѣлать обѣды, давать въ займы: къ тебѣ охотно будутъ ѣздить; но замѣть: ты долженъ знакомиться только съ *извѣстными* писателями. Какая тебѣ нужда, что Аристъ пишетъ прекрасные стихи, а Дамонъ очень дурные. Ариста никто не знаетъ; слѣдственно и тебѣ его знать не надобно. Дамона всѣ носятъ на рукахъ; слѣдственно и ты долженъ сажать его въ первое мѣсто. Будучи знакомъ съ людьми, которые считаются законодателями нашей словесности, ты можешь судить обо всемъ, не опасаясь быть осмѣяннымъ; изъ уваженія къ хорошему столу твоему, они будутъ находить сужденія твои справедливыми. Но всего лучше, мой другъ, если ты будешь осуждать всякое новое произведеніе, разумѣется, написанное не твоими друзьями. Ругая безъ разбора все, ты никогда не попадешь въ дураки. Если сочиненіе дурно, ты правъ; если хорошо, тысячи писателей, которые имѣютъ *свои причины* находить его дурнымъ, будутъ согласны съ тобою, и ты все-таки останешься правымъ.

— Однакожъ, мой милый, мнѣніе нѣсколькихъ людей не есть мнѣніе цѣлаго общества. Я согласенъ, приятели мой будутъ прославлять меня, но публика...

— Ты ее не знаешь, мой другъ. Мы всѣ ни что иное какъ

попугаи: рѣдко говоримъ то, что думаемъ, а очень часто повторяемъ только то, что *говорятъ* другіе. Впрочемъ, если ты хочешь быть совершенно увѣренъ въ успѣхъ твоего намѣренія. то присоединись къ какой-нибудь литературной партіи, и тогда вмѣсто нѣсколькихъ защитниковъ ты будешь имѣть ихъ цѣлыя сотни.

— Но, другъ мой, не умѣя ничего написать, я буду вездѣ бесполезнымъ членомъ.

— Пустое! Развѣ простые воины не бываютъ иногда полезнѣе самыхъ полководцевъ. Пріатели твои будутъ сочинять эпиграммы, а ты станешь развозить ихъ по городу. Они напишутъ сатиру на сочинителя противной партіи, а ты будешь ее читать всѣмъ своимъ знакомымъ; и наконецъ, почему знать, изъ простаго солдата сдѣлаешься, можетъ быть, *военачальникомъ*—главою цѣлаго литературнаго общества, и тогда-то уже говори смѣло все, что захочешь, брани, ругай, поноси все то, что писано не въ *вашемъ духѣ*; сдѣлайся бичемъ истинныхъ дарованій; подавляй возрождающійся талантъ; возьми за правило, что всякій, кто смѣетъ писать не подъ знаменами твоей партіи — есть преступникъ, злодѣй, котораго всѣ сотрудники твои должны преслѣдовать и стихами и прозой, мучить, не давать покоя, и если можно, довести до того, чтобъ онъ бросилъ перо и возненавидѣлъ словесность. Поступая такимъ образомъ, ты составишь себѣ блестящую репутацію и даже, какъ меценатъ, какъ другъ людей съ талантомъ, будешь имѣть право на безсмертіе. Имя твое, неразлучное съ именами извѣстныхъ писателей, перейдетъ къ позднѣйшему потомству и займетъ свое мѣсто въ лѣтописяхъ нашей словесности.

— О, если такъ, вотъ тебѣ рука моя, я на все согласенъ, только сдержи свое слово. Я хочу непременно сдѣлаться *безсмертнымъ*.

— Не безпокойся, мой милый, ты будешь не первый *пому-литераторъ*, который, прицѣпясь кой-какъ къ знаменитымъ писателямъ своего времени, доползъ вслѣдъ за ними потихоньку въ храмъ безсмертія.

Тутъ сосѣди мои перемѣнили разговоръ: они стали говорить о политикѣ, и я тотчасъ заснулъ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше,
Но вѣрете, той земли не сыщите въ краше,
Гдѣ ваша милая, иль гдѣ живетъ вашъ другъ.
Крыловъ.

Если по народнымъ пословицамъ можно судить о характерѣ и духѣ цѣлой націи, то конечно чаще всѣхъ должна употребляться у насъ, русскихъ, пословица: *тѣмъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ*. Впрочемъ, благодаря успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, съ нѣкотораго времени, это пристрастіе ко всему иноземному уменьшается весьма примѣтнымъ образомъ. На сихъ дняхъ, разговаривая съ однимъ французомъ о Парижѣ, сдѣлалъ я это замѣчаніе;—онъ хотѣлъ доказать мнѣ, что набережная Сены гораздо лучше Невской, потому именно, что наша сдѣлана изъ гранитныхъ плитъ, а та изъ простыхъ камней, которыми мостятъ улицы. Лѣтъ тридцать назадъ, конечно никто не смѣлъ-бы усумниться, что въ Парижѣ гораздо удобнѣе ходить по мостовой, чѣмъ въ Петербургѣ по гладкимъ гранитнымъ плитамъ, а теперь... порадитесь со мною, любезные читатели! Какъ вы думаете?—изъ десяти русскихъ, бывшихъ свидѣтелями нашего разговора, только шестеро взяли сторону француза. Судя поэтому, не трудно догадаться, что мы начинаемъ уже понемногу привыкать любить свое и не удивляться всему чужому, а особливо теперь, когда путешествія по Европѣ сдѣлались для многихъ русскихъ почти обыкновенными прогулками. Нѣтъ сомнѣнія, что мы, познакомясь покороче съ чужими краями, будемъ иногда дѣлать между ними и нашимъ отечествомъ сравненія не всегда безвыгодныя для послѣдняго. Доказательствомъ сей истины можетъ служить путешествіе пріятеля моего Вельскаго.

Прошлаго года, въ началѣ весны, однимъ утромъ, когда я сидѣлъ въ уединенномъ моемъ кабинетѣ, вбѣжалъ ко мнѣ пріятель мой Вельскій. Живая радость блистала въ глазахъ его.

— Слава Богу!—вскричалъ онъ, обнимая меня съ необыкновеннымъ восторгомъ,—слава Богу! Наконецъ я устроилъ свои дѣла и могу распрощаться съ этимъ скучнымъ и однообразнымъ Петербургомъ; завтра, не позже какъ завтра, я ѣду въ чужіе края и недѣли черезъ двѣ, а можетъ быть и прежде, буду за границею! Ахъ, мой другъ! Ты не можешь себѣ представить моего восхищенія! Романическая Германія, Франція—средоточіе вкуса и всѣхъ удовольствій, гордые, свободные британцы и ты, благословенная Италия!—я вижу васъ!—Да, мой другъ, я объѣду всю Европу, побываю вездѣ и вѣроятно не увижусь съ тобою пять, шесть, десять лѣтъ...

— Ужь и десять?—Помилуй!

— Десять-то лѣтъ бездѣлица; я боюсь только, чтобъ, съѣздивъ разъ въ чужіе края, мнѣ не вздумалось навсегда тамъ остаться. и хотя, между нами будь сказано, я не большой охотникъ до нашего снѣжнаго царства, но, какъ бы то ни было, я русскій, и если не жить, то, по крайней мѣрѣ, умереть хотѣлъ бы въ своемъ отечествѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, хоть умереть-то къ намъ прїѣзжай.

— Да ужь нечего сказать, мой другъ, милости просимъ къ намъ всякаго, кто хочеть умереть отъ скуки.

— Посмотримъ, такъ-ли ты будешь судить, когда воротиться изъ чужихъ краевъ.

— И! полно, мой милый! Ужь мнѣ этотъ смѣшной патриотизмъ!—Ну, гдѣ у насъ можно жить по-людски? Въ деревнѣ занесетъ тебя снѣгомъ, въ губернскомъ городѣ замучать претензіями и сплетнями, въ столицахъ . . . не приведи Господи. Да я увѣренъ, что въ каждомъ нѣмецкомъ городѣ въ тысячу разъ веселѣе и пріятнѣе жить, чѣмъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ.

Тутъ началъ онъ мнѣ рассказывать о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, вынулъ изъ кармана дорожную карту, показалъ на ней всѣ мѣста, гдѣ хотѣлъ останавливаться и, обнявши меня въ послѣдній разъ, далъ честное слово говорить въ своихъ письмахъ о всемъ совершенную истину, предоставляя себѣ, впрочемъ, свободу писать, что вздумается, *въ путевыхъ своихъ замѣтках*, которыя, украсивъ, какъ водится, восторгамъ, пламенными описаніями, живыми картинами и гравированными картинками, онъ хотѣлъ со временемъ выдать въ свѣтъ подъ пышнымъ названіемъ *живописнаго путешествія*.

Въ продолженіе года я получилъ отъ него нѣсколько писемъ; вмѣсто того, чтобъ сдѣлать изъ нихъ общую выписку, я помѣщаю ихъ здѣсь, по порядку, одно за другимъ, безъ всякихъ перемѣнъ и поправокъ, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ я получалъ ихъ отъ моего пріятеля.

При первомъ письмѣ приложенъ былъ небольшой образчикъ путевыхъ записокъ, въ которомъ пріятель мой описываетъ свои мысли и чувства при переѣздѣ чрезъ Нѣманъ. Я начну симъ отрывкомъ).

Пилькаленъ. На границѣ Пруссіи.

Дорожная моя коляска была уже въ Пруссіи, а я стоялъ еще на берегу милой родины. Вечеръ былъ прелестный, заходящее солнце освѣщало кровли миловидныхъ крестьянскихъ домиковъ, разбросанныхъ на противоположномъ берегу. Мнѣ подали небольшой челнокъ; тутъ, оборотясь въ послѣдній разъ къ странѣ

для меня любезной, я сказалъ вполголоса:— лети, лети, легкій вѣтерокъ! Отнеси этотъ прощальный вздохъ въ мое отечество, къ моимъ друзьямъ, на берега священной Невы!—О! Какъ одна мысль объ отчизнѣ потрясаетъ душу русскаго! Сердце мое трепещетъ... и слезы горестнаго отчужденія орошаютъ грудь мою!... *) Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже за границею: новые разнообразныя предметы заставили меня забыть на нѣсколько времени родимый край, съ которымъ разставался. Казалось, вселенная была для меня открыта: я мечталъ уже видѣть въ туманной отдаленности тѣ страны, куда влекло меня любопытство... Русскій крестьянинъ, подошедшій ко мнѣ требовать за перевозъ, прервалъ мои мечтанія. Услыша очаровательные звуки отечественнаго языка, я такъ обрадовался, что не могъ довольно наговориться съ симъ добрымъ человѣкомъ, и, вмѣсто условленной платы, далъ ему безъ счета полную горсть мелкаго серебра. Но коляска моя готова! Прощайте, милые друзья, я ѣду!

Письмо I.

Кенигсбергъ.

Наконецъ, мой другъ, я кой-какъ дотащился до древней столицы Пруссіи. Начало моего путешествія было не очень забавно... Я переправился за границу ночью; на бѣду, вздумалось мнѣ отпустить мою коляску впередъ, а самому переѣхать чрезъ рѣку въ челнокѣ. Пруссійскій жидъ перевозъ меня на другой берегъ за два злотыхъ. Погода была пренесносная, во время перѣзда пошелъ проливной дождь и промочилъ меня до костей, а къ довершенію всѣхъ несчастій, не успѣлъ я отѣхать пяти миль, какъ моя коляска и лошади увязли посреди дороги; во всю ночь не могли мы выбиться изъ этой ужасной грязи, о которой русскіе не имѣютъ даже и понятія. Право, хоть съ ума сойти, еслибъ не утѣшала меня мысль, что уже не въ Россіи. Что сказать тебѣ о здѣшней землѣ?—Сначала новость предметовъ сдѣлала на меня большое впечатлѣніе; но когда посмотрѣлся хорошенько, то невольно долженъ былъ признаться, что русскому, а особливо жителю Петербурга, и *слишкомъ и жалко* смотрѣть на здѣшніе *кмытчатые* дома, напоминающіе мнѣ карточные домики, которые нѣкогда я былъ большой мастеръ строить. О здѣшней почтѣ и говорить нечего: самое грубое, несносное и флегматическое животное есть безъ сомнѣнія нѣмецкій почталіонъ, онъ ѣздитъ такой тихой и вялой рысью, что

*) Не хотѣлось бы сказать—да грѣхъ потантъ—кажется эту фразу, почти всю, пріятель мой не сочинилъ, а просто выписалъ изъ одного журнала, который издавался въ 1817 году.

приведеть въ отчаяніе всякаго русскаго. Начните его понукать— и онъ, не говоря ни слова, побѣдетъ шагомъ, закричите громче— и злодѣй, вмѣсто отвѣта, остановится у перваго трактира, пойдетъ пить водку, курить табакъ и прохладиться. По-неволѣ вспомнишь нашихъ проворныхъ, *михигъ* ямщиковъ, которые, попѣвая веселыя пѣсенки, несутся вихремъ и, несмотря на свои длинныя бороды, въ тысячу разъ вѣжливѣе нѣмецкихъ нарядныхъ почталіоновъ.

Кенигсбергъ городъ прекрасный; но и здѣсь также встрѣчаются безпрестанно эти шахматные, безобразные дома. Здѣшній образъ жизни слишкомъ однообразенъ: я былъ въ нѣсколькихъ обществахъ и почти во всѣхъ рестораціяхъ и кофейныхъ домахъ, вездѣ одинаковая тишина и порядокъ. Въ частныхъ обществахъ сидятъ, курятъ трубки, пьютъ пиво и молчатъ, а въ кофейныхъ домахъ и клубахъ молчатъ, пьютъ пиво, курятъ трубки и сидятъ. Можетъ быть, для нихъ это очень забавно; но, признаюсь, мнѣ здѣсь такъ скучно, такъ скучно, какъ будто-бы я еще не выѣзжалъ изъ Петербурга.

Прощай! Завтра я ѣду далѣе и, вѣроятно, до самой Саксоніи нигдѣ не буду останавливаться.

Письмо 2.

Франкфуртъ-па-Майнѣ.

Я не успѣлъ еще ничего видѣть въ здѣшнемъ городѣ, и поэтому скажу тебѣ нѣсколько словъ о моемъ путешествіи по Германіи. Вездѣ одно и то же: прекрасная земля, предестныя мѣстоположенія, добродушный, честный, но грубый народъ, скука, однообразіе и какой-то общій эгоизмъ, непонятный для русскаго; хлѣбосольство, къ которому мы такъ привыкли въ нашемъ отечествѣ, здѣсь совершенно неизвѣстно. Впрочемъ, надобно сказать правду, просвѣщеніе Германіи удивительно, вездѣ встрѣчаются ученые, цѣлые города населены профессорами и студентами; жаль только, что всѣ послѣдніе, почти безъ исключенія, заражены какимъ-то духомъ своевольства и безначалія— къ несчастью, я узналъ это по собственному своему опыту.

Изъ небольшого городка *Еймсбека* вздумалось мнѣ доѣхать до Геттингена въ дилижансѣ. Сначала все шло хорошо. Въ дилижансѣ было человекъ десять путешественниковъ, въ томъ числѣ два студента съ пребольшими бородами, въ платьяхъ древняго нѣмецкаго покроя. Подлѣ меня сидѣлъ одинъ весьма словоохотливый нѣмецъ; мы разговорились съ нимъ о политикѣ и . . .

Теперь, прощай на нѣсколько часовъ: я ѣду на дачу г. Бетмана, сегодня будетъ тамъ почти весь городъ

. Завтра-же чѣмъ свѣтъ уѣзжаю изъ этого проклятаго города. Ахъ, мой другъ, сегодняшній день едва не былъ послѣднимъ днемъ моей жизни! Я гулялъ уже около часу на дачѣ г. Бетмана; время было прекрасное; народъ прогуливался толпами по всему саду. Въ одной аллеѣ, гдѣ менѣе чѣмъ въ другихъ было гуляющихъ, сѣлъ я отдохнуть на скамейку подлѣ человека, весьма опрятно одѣтаго; лицо его было до половины закрыто надвинутою на глаза шляпою, изъ подъ которой онъ робко посматривалъ во всѣ стороны, и, казалось, боялся быть узнаннымъ; я началъ съ нимъ говорить, онъ отвѣчалъ очень вѣжливо. Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ кто-то кричалъ недалеко отъ насъ: *шт! шт!* Въ одну минуту множество голосовъ повторили эти слова; сосѣдъ мой вскочилъ съ ужасомъ и, сказавши мнѣ торопливо: *уйдемте отсюда!* потащилъ меня за собою къ небольшой рожицѣ, которая была у насъ въ виду. Мы не успѣли сдѣлать десяти шаговъ, какъ насъ окружила цѣлая толпа народа; товарищъ мой пустился бѣжать, человекъ двадцать бросились за нимъ, а другіе, схвативъ меня за волосы, ударили о землю, и прежде, чѣмъ я опомнился, такъ меня оборвали, что я не походилъ на самага себя. Къ счастью, полицейскій офицеръ, прибѣжавшій на шумъ, успѣлъ меня высвободить изъ ихъ рукъ.

— Кто вы?—спросилъ онъ меня, когда мы вышли изъ сада.

— Русскій путешественникъ.

— Такъ ступайте-же скорѣй домой, васъ приняли здѣсь за жида.

— Помилуйте! Да если-бы я былъ и жидъ, такъ за что-же меня бить?

— Да развѣ вы не знаете? Здѣсь, по примѣру многихъ нѣмецкихъ городовъ, началось гоненіе на жидовъ; а такъ какъ вы были вмѣстѣ съ извѣстнымъ евреемъ, да не погнѣвайтесь, и лицо у васъ походить нѣсколько на жидовское...

— Что вы говорите? Возможно-ли, чтобы въ нашемъ вѣкѣ, въ просвѣщенной Германіи, были гоненія?

— Что-же дѣлать, сударь мой! Вдругъ этого безпорядка прекратить невозможно; впрочемъ, будьте увѣрены, что тѣ самые, которые поступили съ вами такъ дурно, будутъ первые жалѣть, когда узнають о своей ошибкѣ.

Прекрасное утѣшеніе! думалъ я, потрогивая избитыя свои плечи. Меня гораздо болѣе утѣшаетъ мысль, что я разстанусь скоро, и вѣроятно навсегда, съ землею, гдѣ одни прославляютъ либеральныя идеи, а другіе бьютъ жидовъ за то только, что они жида. Прощай, мой другъ! Завтра я буду во Франціи.

Письмо 3.

Парижъ.

Что за городъ! Что за люди! Ахъ, мой другъ, только въ Парижѣ умѣютъ наслаждаться жизнью; мы, дѣти сѣвера, не имѣемъ и понятія о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя встрѣчаются здѣсь на каждому шагу; мы кое-какъ, съ горемъ пополамъ, убиваемъ время и не живемъ, а считаемъ дни; но здѣсь! представь себѣ..... Я затѣваю пустое! Парижъ нельзя описывать, его надобно видѣть. Вотъ ужъ три дня, какъ я бѣгаю по городу, смотрю на все, люблюсь всѣмъ: Пантеонъ, Лувръ, Тюльери, Палерояль, Тиволи, все это такъ перемѣшалось въ моемъ воображеніи, что я не могу тебѣ ничего о немъ сказать. Шумъ, многолюдство, разнообразіе новыхъ предметовъ до того меня развлекаютъ, что я до сихъ поръ хожу, какъ будто въ чаду. Вообрази себѣ большую аллею Лѣтняго сада въ Духовъ день; точно также толпится народъ на бульварѣ—не по праздникамъ, а каждый день. Ты удивишься, когда я скажу тебѣ, что не былъ еще въ театрѣ; что-же дѣлать? До сихъ поръ не могъ рѣшиться, съ котораго начать. Сегодня буду однаковъ въ Одеонѣ, тамъ даютъ новую пьесу; билетъ прислалъ мнѣ хозяинъ дома, въ которомъ я стою. Признаюсь, я восхищенъ французской вѣжливостю: они такъ услужливы, такъ добры! Мнѣ скажутъ, что это одна только наружность. Быть можетъ; но какое мнѣ до этого дѣло? Они ласковы, пріятны въ обращеніи, а что у нихъ на сердцѣ, того я знать не хочу. Шесть часовъ, пора въ театръ.

Я сейчасъ изъ театра и, признаюсь, не очень доволенъ. Французы не всегда бываютъ вѣжливы; за мои грѣхи я это испыталъ сегодня на себѣ. Пріѣхавши въ театръ, насилу могъ я добраться до моихъ кресель; отъ роду не видывалъ я такой гѣсноты. Предъ новой пьесой давали маленькую комедію *Модный балъ*. Я спросилъ одного изъ моихъ сосѣдей:

— Хороша-ли эта комедія?

— Презабавная,—отвѣчала онъ,—да неужели вы ее видите въ первый разъ?

— Я недавно сюда пріѣхалъ.

— Право! Такъ вы иностранецъ?

— Я русскій.

— Русскій! Какъ я радъ! Въ этой комедіи выходитъ на сцену русскій офицеръ; надѣюсь, вы не откажетесь перевести мнѣ на французскій языкъ то, что онъ говоритъ?

— Съ величайшею охотою.

Тутъ заиграла музыка и чрезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ поднялся. Въ концѣ пьесы появился на сцену какой-то затянутый, какъ куколка, офицеръ въ синемъ мундирѣ.

— Вотъ русскій офицеръ!—сказаль мой сосѣдь, постойте, онъ сейчасъ заговорить, слушайте! *Нема млеботишь попоиско рускофъ*. Какой странный языкъ!

— Подлинно странный!

— Скажите, что это значить по-французски?

— Это, я думаю, ни на какомъ языкѣ ничего не значить.

— Какъ ни на какомъ? Да вѣдь это по-русски?

— Что не по-русски—въ этомъ могу васъ увѣрить, можетъ быть, по-татарски...

— Ну да, по-татарски или по-русски,—вѣдь это одно и то же?

— Нѣтъ, сударь! Совсѣмъ не одно и то же. Мнѣ кажется, сочинитель смѣется надъ вами; онъ выдумаль свой собственный языкъ и хочетъ васъ увѣрить, что говорить по-русски.

— Да, сударь, по-русски,—сказаль маленький человѣчекъ, въ кругломъ парикѣ, сидѣвшій позади меня.—Я знакомъ съ сочинителемъ комедіи, онъ дѣлаль послѣднюю кампанію, былъ въ Москвѣ и говорить самъ очень хорошо по-русски.

— О чемъ тутъ спорить? Это точно по-русски,—подхватилъ мой сосѣдь,—*попоиско млеботишь*—настоящія русскія слова, я самъ тысячу разъ слышалъ отъ казаковъ, когда русскіе были въ Парижѣ.

Не имѣя возможности переувѣрить этихъ господъ, я рѣшилса молчать. Занавѣсъ поднялся снова, первое явленіе слушали со вниманіемъ; потомъ началса глухой ропотъ, и вдругъ, при одномъ остромъ словцѣ на счетъ нынѣшняго правленія, буря разразилса; съ одной стороны загремѣли рукоплесканія, съ другой раздалса громкій свистъ. При семъ незнакомомъ для меня звукѣ, сердце мое забилось отъ радости. «Наконецъ,—думаль я,—слава Богу, удалось мнѣ побывать въ театрѣ, гдѣ зритель есть настоящій и верховный судья актеровъ и сочинителей; у насъ публика связана; ей по позволяютъ даже громко шикать; а здѣсь—какая разница! Я могу свистать, шумѣть, кричать, дѣлать все, что мнѣ угодно! Между тѣмъ, зрители шумѣли часъ отъ часу болѣе; *à bas le rid! à bas la cavale!* раздалось по всѣмъ угламъ залы; въ партерѣ, мѣстахъ въ трехъ происходили уже рукопашныя побоища; съ лѣвой стороны, подлѣ меня, человѣкъ пять свистали какъ сумасшедшіе. Признаюсь въ моемъ грѣхѣ! Мнѣ смерть захотѣлось посвистать въ первый разъ отъ роду; но лишь только было я принялся помогать своимъ сосѣдамъ, какъ вдругъ кулакъ, тяжелый какъ свинець, обрушилса на мою голову; искры посыпалса у меня изъ глазъ, и прежде, чѣмъ могъ опомниться, началось вокругъ меня ужасное побоище. Не знаю, какъ это сдѣлалось, только въ одну минуту получилъ я дюжины двѣ толчковъ и пощечинъ. Кой-какъ вырвалса я изъ залы, добѣжалъ, не оглядываясь, до перваго фіакра и отпра-

вился домой. Вскорѣ за мною возвратился мой хозяинъ съ побитымъ глазомъ: онъ былъ въ партерѣ и храбро сражался за пьесу. Когда я сталъ ему говорить о нашемъ несчастномъ заключеніи, то онъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Это бездѣлица! Такія-ли бываютъ схватки въ нашихъ театрахъ; посмотрѣли-бы вы первое представленіе *Германика*: вотъ тутъ было настоящее сраженіе! Кромѣ изувѣченныхъ и раненыхъ, одинъ остался убитымъ на мѣстѣ.

Сейчасъ ложусь въ постель; боюсь, какъ бы не занемочь, у меня болитъ все: голова, грудь, бока... Нѣтъ, мой другъ, право, хорошо, что у насъ не свищутъ!

Письмо 4.

Кале.

— Какъ?—скажешь ты,—пріятель мой, который такъ восхищался Парижемъ, не прожилъ въ немъ и трехъ мѣсяцевъ? Что же дѣлать, мой другъ! Мѣсяца два назадъ, я самъ былъ увѣренъ, что Парижъ никогда не можетъ надоесть; но когда первый восторгъ прошелъ, я почувствовалъ такую пустоту въ душѣ, такую тоску, что готовъ былъ убѣжать на край свѣта. Мы, рускіе, привыкли жить въ обществахъ, а здѣсь, особливо для иностранца, нѣтъ другого общества, кромѣ того, которое онъ встрѣчаетъ на улицахъ и въ ресторацияхъ; притомъ-же, вообрази себѣ, во всемъ Парижѣ ты не найдешь уголка, гдѣ-бы не замутили тебя политикою. Въ трактирахъ, кофейныхъ домахъ, садахъ, театрахъ, вездѣ слышишь слова: *дкоституція*, *представитель палаты*, *выборы* и проч.; каждый ень новыя распри между *ультрами и либеральными*, того и гляди, что здѣсь начнутся безпокойства и гоненія, а я еще, благодаря Бога, не забылъ и того, которое бѣдные евреи претерпѣваютъ въ Германіи. Съ недѣлю тому назадъ, отъ нечего дѣлать, вздумалъ я, право для одной забавы, поиграть въ рулетку: дня въ два я такъ себя потѣшилъ, что остался почти безъ копѣйки. У меня есть векселя на лондонскихъ банкировъ,—вмѣсто того, чтобъ перевести ихъ на здѣшнихъ, я ѣду туда самъ. Можетъ быть, ошибаюсь, но, мнѣ кажется, проживу тамъ гораздо болѣе. Я всегда любилъ этихъ гордыхъ островитянъ, ихъ свободу, мудрые законы и даже самый образъ жизни.

Я позабылъ тебѣ сказать, что давно уже не продолжаю моихъ путевыхъ записокъ: воображеніе мое истощилось. Впрочемъ, я увѣренъ, тебѣ многое въ нихъ понравится, напримѣръ: описаніе моихъ чувствъ и восторговъ при видѣ Рейнскаго водопада, отъ котораго, между нами будь сказано, былъ я въ пятидесяти

миляхъ. Въ Лондонѣ попытаюсь начать новый журналъ не для публики, а для одного тебя.

Письмо 5.

Лондонъ. Вторникъ.

Съ какимъ радостнымъ чувствомъ ступилъ я на берегъ счастливой Британіи! Мнѣ казалось, что я даже и дышать начинаю свободно. Нѣтъ, мой другъ, вѣтренные французы долго не поравняются съ своими сосѣдями, которые умѣютъ пользоваться свободою, и не употребляютъ ее во зло; однакожь, изъ сего общаго числа я исключаю здѣшнихъ таможенныхъ смотрителей: они еще грубѣе и нахальнѣе нѣмецкихъ. Разсмотрѣвъ мой чемоданъ, эти господа принялись было и меня обыскивать, но помиловали, когда я вручилъ имъ полновѣсную гинею, за которую впрочемъ, не сказали мнѣ даже и спасибо. Это-бы еще не бѣда, да вотъ что досадно: ты помнишь мой дорожный серебряный сервизецъ? Вообрази себѣ, мой другъ, какая жалость! У меня его отобрали и возвратили на другой день изломаннымъ. Я было началъ шумѣть, но мнѣ прочли законъ, которымъ запрещается ввозить въ Англію серебро и золото въ издѣляхъ; послѣ этого мнѣ нечего было говорить. Дорога отъ Дувра до Лондона очаровательна; прелестныя дачи, бархатные луга, все веселитъ взоры путешественника; жаль только, что по дорогѣ, а особливо на станціяхъ, множество нищихъ. Способъ ихъ просить милостыню дозольно страненъ; когда я сажусь въ коляску, со всѣхъ сторонъ приступаютъ ко мнѣ съ просьбами: «дайте мнѣ крону, — гозорить одинъ, — вы чихнули, а я сказалъ вамъ здравствуй!» «Дайте шилингъ, — кричитъ другой, — я снялъ у васъ съ плеча соломинку», и, что всего досаднѣе, имъ дашь, а они и шляпы не приподнимутъ. Лондонъ сдѣлалъ на меня большое впечатлѣніе, но только не совсѣмъ пріятное. Въ Парижѣ совѣтовали мнѣ остановиться въ одномъ трактирѣ, до котораго я долженъ былъ ѣхать почти всѣмъ городомъ: длинныя улицы, закопченные кирпичные дома, какъ двѣ капли воды другъ на друга похожіе, площади правильныя, но дурно обстроенныя, и цѣлыя облака угольнаго дыма, который, какъ густой туманъ, лежалъ на черныхъ кровляхъ, — все это вмѣстѣ придавало городу видъ отменно мрачный. Надобно сказать правду, мой другъ, что касается до красоты и великолѣпія публичныхъ зданій, другого Петербурга нѣтъ въ цѣлой Европѣ. На одной изъ площадей, по большому стеченію народа, карета моя должна была на время остановиться, посреди многолюдной толпы, на пустой фурѣ, стоялъ какой-то ораторъ; онъ говорилъ съ большимъ жаромъ и размахивалъ руками; отъ времени до времени народъ принимался

кричать съ такимъ отвратительнымъ визгомъ, что я заткнулъ себѣ уши; ко мнѣ безпрестанно заглядывали въ карету звѣрскія, полупьяныя рожи и растрепанныя безобразныя твари, которыхъ по одному только платью я счелъ за женщинъ. Наконецъ добрался я кое-какъ до моей квартиры.

Хозяинъ, довольно ласковый старикъ, отвелъ мнѣ двѣ прекрасныя комнатки и для перваго знакомства проговорилъ со мною цѣлый вечеръ. Говоря объ ораторѣ, котораго я видѣлъ мимоѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что въ Манчестерѣ, въ подобныхъ собраніяхъ, иногда бываетъ народу тысячь по двадцати и болѣе.

— Какъ же полиція позволяетъ такія сходбища?—спросилъ я.

— Полиція! У насъ полиція? Нѣтъ, благодаря Бога, мы ея не знаемъ. Притомъ-же, по нашимъ законамъ, народъ имѣетъ право собираться для совѣщаній.

— Но я думаю, эти совѣщанія не всегда оканчиваются спокойно!

— Напротивъ, они никогда не имѣютъ дурныхъ слѣдствій; правда, изрѣдка случаются небольшіе безпорядки: чело-вѣкъ пять, шесть убьютъ до смерти; но объ этихъ мелочахъ и журналисты не пишутъ.

Я не совсѣмъ согласенъ съ моимъ хозяиномъ. Впрочемъ, всякое правленіе имѣетъ свои неудобства; но не всякое можетъ похвалиться законами, которые, подобно англійскимъ, охраняютъ личную свободу каждаго гражданина и ручаются за цѣлость его собственности.

Сейчасъ иду прогуливаться. Отѣзжая изъ Парижа, я купилъ прекрасный Мальтійскій крестикъ, хочу его обновить.

Худо не знать обычаевъ города, въ которомъ живешь. Я пошелъ было посмотреть въ церковь Св. Павла; но съ половиною дороги долженъ былъ воротиться. Почему?—спросишь ты; а вотъ послушай: Я шелъ довольно спокойно по тротуару, не замѣчая сначала, что почти всѣ встрѣчающіеся со мной англичане заглядывали мнѣ въ лицо и косились. Наконецъ необычайный шумъ заставилъ меня оглянуться; толпа испачканныхъ, оборванныхъ мальчишекъ бѣжала вслѣдъ за мною; многіе изъ нихъ показывали на меня пальцами и кричали: French dog! French dog! Я не могъ понять, что это значило. Къ счастью, одинъ англичанинъ сжалился надо мною.

— Снимите вашъ орденъ,—сказалъ онъ мнѣ.

— Для чего?—спросилъ я.

— А для того, чтобъ васъ не закидали грязью.

— Грязью? Помилуйте! За что?

— За то, что вы хотите отличаться отъ другихъ, въ лондонскихъ улицахъ всѣ должны казаться равными.

Я снялъ мой крестикъ, но проклятыя мальчишки не хотѣли отъ меня отстать и заставили поневолѣ воротиться домой. Минуть пять; я подосадовалъ, но какъ подумалъ хорошенько, то мнѣ очень понравилась эта гордость англійской свободы.

Воскресенье.

Не думаю, чтобъ я пробылъ здѣсь долго. Воспитанный англичаниномъ, я привыкъ съ ребячества уважать и любить Англию, и конечно-бы любилъ ее и уважалъ до самой смерти, если-бы случай не привелъ меня увидѣть вблизи эту землю, которая издали казалось мнѣ земнымъ раемъ. Къ чему это предисловіе?—спросишь ты; а къ тому, мой другъ, чтобъ сказать тебѣ, что по моему мнѣнію здѣшняя вольность очень походить на своевольство; я скоро буду бояться выходить на улицу; не проходитъ ни одного дня, чтобъ я не имѣлъ какихъ-нибудь неприятностей. Гордость англичанъ и презрѣніе ихъ ко всѣмъ другимъ народамъ несносны; самый послѣдній ремесленникъ, нищій считаетъ себя важнѣе всякаго иностранца и старается доказывать это весьма неприятнымъ образомъ.

Въ Петербургѣ прогуливаюсь я ничего не опасаясь, и если никого не толкаю, то и меня никто не толкаетъ; а здѣсь, повстрѣчавшись съ какимъ-нибудь запачканнымъ англичаниномъ, я тотчасъ даю ему дорогу, для того только, чтобъ онъ не столкнулъ меня въ грязь, или, что и того хуже, не предложилъ для забавы подраться на кулакахъ. Нѣтъ, мой другъ, я никогда не рѣшусь назвать истинно свободнымъ государство, гдѣ порядочный человѣкъ не можетъ быть ни на минуту увѣренъ въ своей безопасности.

Суббота.

Пожалѣй обо мнѣ, мой другъ! Вотъ уже пятый день, какъ я лежу въ постелѣ. Голова у меня проломлена, а лицо такъ обезображено, что я не похожу на самого себя, и все это потому, что живу въ землѣ свободной, подъ защитою премудрыхъ законовъ. Вотъ исторія сего несчастнаго приключенія: я обѣдалъ у моего банкира; возвращаясь домой въ наемной каретѣ, я былъ остановленъ недалеко отъ парламента цѣлою толпою народа; въ одну минуту человѣкъ десять пьяныхъ англичанъ окружили мою карету, одни осыпали меня проклятіями и ругательствами, другіе, крича во все горло hear! hear! дразнили языкомъ. Кучеръ мой ударилъ по лошадямъ, толпа разступилась, и я думалъ, что этимъ и отдѣлался; не тутъ-то было, въ меня начали кидать грязью, я поднялъ стекла и, вмѣсто грязи, каменный градъ посыпался на мою карету, куски стекла полетѣли мнѣ прямо въ лицо и одинъ камень попалъ въ голову. Приѣхавъ на квартиру, я насилу могъ дотащиться до постели; чрезъ полчаса явился ко мнѣ хозяинъ.

— Я пришел васъ утѣшать,—сказаль онъ,—мнѣ извѣстно теперь все,—успокойтесь! Народъ изувѣчилъ васъ ошибкою!

— Вотъ забавно! Да развѣ мнѣ отъ этого легче?

— Васъ приняли за одного парламентарскаго члена, котораго партія *радикальныхъ* терпѣть не можетъ.

— Да неужели вашъ народъ имѣеть право кидать грязью и камнями въ того, кто ему не нравится?

— Кидать грязью онъ можетъ; по крайней мѣрѣ правительство не обращаетъ на это никакого вниманія, да и стоитъ-ли эта бездѣлица того, чтобъ стѣснять для нея права свободнаго народа? Но кидать камнями у насъ не позволено!

— Поэтому, если-бы я зналъ, кто проломилъ мнѣ голову, то могъ-бы на него пожаловаться?

— Конечно, могли-бы.

— И онъ былъ-бы наказанъ?

— Безъ сомнѣнія. Разумѣется, если вы докажете, что онъ точно хотѣлъ бросить въ васъ камнемъ, а не захватилъ его нечаянно вмѣстѣ съ грязью.

— И послѣ этого вы смѣете хвалиться вашими законами?

— Да что-же тутъ страннаго? Они даютъ только возможность обвиняемому оправдаться. Впрочемъ, ни у кого не отнята свобода: въ васъ кидаютъ грязью, кидайте сами.

— Помилуйте! Неужели порядочный и просвѣщенный человѣкъ захочетъ драться?

— Почему-же нѣтъ? Вы вѣрно не откажете въ просвѣщеніи Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ; а посмотрите, что у нихъ дѣлается. Недавно въ законодательномъ ихъ сословіи, одинъ членъ плюнулъ въ лицо другому; на слѣдующій день обиженный вызвалъ своего противника на поединокъ, мѣсто сраженія назначено въ самомъ собраніи; они дрались кулаками и кочергами изъ камина и валялись по полу передъ всѣми депутатами. Мы еще до этого не дошли,—прибавилъ, со вздохомъ, мой хозяинъ,—наши парламентарскіе члены только что ругаютъ другъ друга, а не дерутся.

Какъ я ни былъ огорченъ, но не могъ удержаться отъ смѣха; гордый англичанинъ разсердился и, сказавши сквозь зубы раза два *god dam*, ушелъ.

Дай Богъ, чтобъ я скорѣе выздоровѣлъ; съ первымъ кораблемъ отправлюсь непременно въ Россію. У насъ хоть холодно, да спокойно. Я не побѣду даже и въ Италію; говорятъ, тамъ цѣлыя шайки разбойниковъ грабятъ всѣхъ не на большой дорогѣ, а у самыхъ городскихъ воротъ. Въ Германіи меня изувѣчили за то, что я прогуливался съ жидомъ, во Франціи прибили потому, что я свисталъ вмѣстѣ съ другими, въ Англии проломилъ голову оттого, что я похожъ на парламентарскаго члена; чего добраго—въ Италіи зарѣжутъ.

Прощай, мой друг! Богъ милостивъ, надѣюсь скоро съ тобою увидѣться.

Этимъ письмомъ кончилась наша переписка. Теперь пріятель мой давно уже въ своемъ отечествѣ и любить его отъ всего сердца. О Германіи не говорить никогда, о Франціи вспоминаетъ иногда съ удовольствіемъ; но объ Англии не можетъ подумать безъ ужаса. «Если-бъ мнѣ предложили,—говорить онъ всегда,—выбрать любое: жить въ Англии или повѣситься, то конечно я попросилъ бы нѣсколько дней на размышленіе».

3.

Опытъ новыхъ разговоровъ на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Третьяго дня поутру зашелъ я къ моему сосѣду—тому самому г. Б..., съ которымъ познакомилъ уже моихъ читателей въ статьѣ о любителяхъ словесности. Я засталъ его за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукахъ, въ глубокомъ размышленіи. «Чѣмъ вы занимаетесь?»—спросилъ я. А вотъ посмотрите!—отвѣчалъ г. Б..., показывая на книги, разбросанныя по всему столу. Я взялъ одну—«Разговоры для дѣтей»; другую:—«Россійская азбука», третью—опять разговоры, четвертую—опять азбука. «Что это значитъ?»—сказалъ я съ улыбкою—«не заводите-ли вы школы?»

— А почему бы и не такъ? Вѣдь это нынѣ въ модѣ.

— Поэтому я отгадалъ?

— Нѣтъ, не отгадали.

— Для чего-же эти книги?

— Мнѣ нужно было имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о предметѣ, которымъ занимаюсь. Я пишу разговоры на русскомъ и французскомъ языкахъ.

— Разговоры?

— Да, и русскую азбуку.

— Вы шутите!

— Нимало. Мнѣ уже давно хотѣлось испытать, нельзя-ли сухіе школьные разговоры сдѣлать хотя нѣсколько занимательными.

— А что хотите вы перемѣнить въ азбукѣ?

— Говорите тише!... Я хочу... но нѣтъ, я не смѣю вамъ повѣрить этой тайны. Почему знать, вы не остережетесь, откроете ее другимъ, и тогда, чего добраго, прежде, нежели моя книга выйдеть въ свѣтъ, какой-нибудь любитель ижицы убьетъ меня изъ-за угла камнемъ.

— По крайней мѣрѣ, разговоры ваши не тайна?

— Вотъ это другое дѣло и, если хотите, я прочту вамъ первые пять разговоровъ, разумѣется, безъ французскаго перевода.

— Вы меня очень одолжите.

Г. Б... взялъ со стола тетрадь и началъ читать слѣдующее:

Разговоръ 1.

О домѣ, домашнихъ уборахъ и доходахъ.

— Какая у васъ прекрасная квартира.

— Да, это правда. Я плачу за нее очень дешево: четыре тысячи.

— Это не дорого! Во всѣхъ комнатахъ паркетъ; въ окнахъ цѣлыя стекла.—А мебель у васъ хозяйская!

— Нѣтъ, моя!

— Что стоятъ эти столовые часы?

— Полторы тысячи.

— А эта горка съ фарфоромъ?

— Около трехъ.

— А эта бронзовая люстра и канделябры?

— Безъ малаго пять.

— Позвольте спросить, въ которой губерніи ваши деревни?

— У меня нѣтъ деревень.

— Такъ поэтому вы живете процентами съ капитала?

— У меня нѣтъ и капитала.

— Понимаю: у васъ фабрика?

— Извините! Мнѣ некогда этимъ заниматься.

— Некогда? Такъ вы служите? Гдѣ, если смѣю спросить?

— Въ

— А много ли получаете жалованья?

— рублей.

Разговоръ 2.

Требованіе совѣта.

— Здравствуйте, мой почтеннѣйшій!—Я просила васъ къ себѣ за важнымъ дѣломъ. Мнѣ должно съ вами посоветоваться.

— Очень радъ, сударыня, что могу вамъ быть на что-нибудь полезнымъ; но я желалъ бы очень, чтобъ мой совѣтъ былъ совершенно согласенъ съ собственнымъ вашимъ мнѣніемъ.

— И, сударь! Да можетъ-ли быть у меня собственное мнѣ-

ніе, когда я хочу съ вами совѣтоваться; я во всемъ на васъ полагаюсь. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло:—я намѣрена выдать дочь свою замужъ.

— Какъ, сударыня? Да ей всего тринадцать лѣтъ!

— Такъ чтожъ?

— Она еще ребенокъ.

— Послушайте, мой почтеннѣйшій!—Объ этомъ говорить нечего—я рѣшилась и она будетъ замужемъ.

— Подумайте!

— Да нечего думать, сударь,—я ужъ вамъ сказала, что это рѣшено.

— О, если такъ, то, въ самомъ дѣлѣ, выдайте ее замужъ.

— И такъ, вы мнѣ совѣтуете?

— Да, да! Я вамъ совѣтую—выдавайте, и какъ можно скорѣе!

— Теперь еще бѣда: у нея три жениха; пожалуйста, батюшка, не откажите мнѣ въ совѣтѣ: не знаю, котораго выбрать.—Первый полковникъ Разрубаевъ.

— Ну, чтожъ! Малый очень хорошій.

— И, сударь! На что онъ годится—только и умѣетъ курить трубку, да стучать шпорами. Второй,—нашъ дворянскій предводитель.

— Прекрасный молдой человекъ, съ добрымъ сердцемъ.

— Да что въ немъ добраго? Настоящій мотъ! Того и гляди: раздастъ все имѣнье нищимъ.—Третій, совѣтникъ гражданской палаты, Кутейкинъ.

— Кутейкинъ? Да ему за пятьдесятъ лѣтъ.

— Тѣмъ лучше, сударь, тѣмъ лучше! Такого то мужа моей дочери и надобно.

— Никто его не любитъ.

— Неправда, сударь!—Я его люблю.

— Но его поведеніе...

— Какъ-бы то ни было—онъ мнѣ нравится, и я говорю рѣшительно: дочь моя ни за кѣмъ другимъ не будетъ.

— Теперь, мой почтеннѣйшій, скажите откровенно, что вы мнѣ совѣтуете?

— Я, сударыня?—Я совѣтую вамъ выдать дочь вашу за Кутейкина.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И безъ малѣйшаго отлагательства.

— Ну вотъ, такъ и есть, я знала напередъ—вы мнѣ дурного не посоветуете—я всегда была увѣрена, что вы человекъ умный, почтенный...

— Прощайте, сударыня!

— Прощайте, мой батюшка! Покорнѣйше васъ благодарю! Прощу и впредь не оставлять меня вашими совѣтами.

Разговоръ 3.

Разные наѣвы.

— Какое чистое небо, какой чистый ароматическій воздухъ! Не правда-ли, мой другъ!

— Да, погода порядочная.

— Мнѣ такъ весело, такъ приятно! По чести, я не понимаю, какъ есть люди, которые скучаютъ жизнью? Скучать жизнью тогда, когда отъ насъ зависитъ безпрестанно веселиться—встрѣчать на каждомъ шагу новыя удовольствія! Признаюсь, мой другъ, я всегда буду любить свѣтъ и, мнѣ кажется, напрасно описываютъ его такими черными красками. Если-бъ я не читалъ романовъ, то не зналъ-бы даже, что есть на свѣтѣ злые люди: всѣ мои знакомые, приятели, друзья,—а у меня ихъ очень много,—добры, откровенны, любезны—и я во всю жизнь ни разу не имѣлъ причины сомнѣваться въ ихъ искренней ко мнѣ привязанности.

— Во всю твою жизнь? А, кстати, мой другъ, который тебѣ годъ?

— Восемнадцатый, мой милый!

— Ахъ, батюшка! Какой холодъ, какой пронзительный вѣтеръ: ну ужъ погода! Часъ отъ часу все хуже; не только люди, да и климатъ-то перемѣнился. Бывало, я, въ октябрѣ мѣсяцѣ, хожу въ одномъ фракѣ, а теперь въ петровки забну; бывало, яснымъ-то днямъ счету нѣтъ, а нынѣ поглядишь—всегда небо въ туманѣ. Нѣтъ, все идетъ подъ гору! Всѣ стали какъ-то печальны: никто не веселится—и даже громко говорить боятся; все шепчутъ—рѣдко слово услышишь. Да что и говорить: все перемѣнилось,—гостепрѣимства нѣтъ, друзей не бывало, и всякій о себѣ только думаетъ; нечего сказать, такого грустнаго времени никогда еще не бывало.

— А, позвольте спросить, много-ли вамъ лѣтъ отъ роду?

— Да безъ году девяносто, батюшка!

Разговоръ 4.

Хозяйка и гости.

— Какъ я вамъ благодарна, мои почтенные гости, что вы вздумали меня сегодня посѣтить! Куда-же вы, милая Вельская, неужели ѣдете?

— Извините, я боюсь опоздать къ обѣднѣ.

— Позвольте-же обнять себя! Ваничка, проводи, мой другъ!..

Отправилась — счастливый путь! Не правда-ли, господа, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ твари несноснѣй этой старой богомолки? Дома всѣ ея занятія состоятъ только въ одномъ: до обѣда молиться Богу, а послѣ обѣда бить своихъ дѣвокъ. Никто ея терпѣть не можетъ, даже нищіе, которыхъ она за каждую копейку принуждаетъ класть по сто земныхъ поклонновъ за свое здоровье. Какъ, Ленскій, и вы хотите насъ оставить?

— Мнѣ, право, некогда: надобно заѣхать въ Губернское Правленіе.

— Да погодите... Ушелъ... тѣмъ лучше! Одинъ видъ этого человѣка наводитъ на меня тоску — настоящей ябедникъ!.. О, я увѣрена, онъ охотно вытерпитъ побои для того только, чтобъ завести процессъ и имѣть удовольствіе таскаться по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ!

— Какъ вамъ не стыдно, Любскій! Куда вы торопитесь?

— Я сегодня не былъ у тетушки, — она не очень здорова.

— О, если такъ, то я не смѣю васъ удерживать, — прощайте. Любскій! Вотъ истинно хорошій родственникъ! Какъ онъ любить и уважаетъ свою тетку! Правда, говорятъ, что двѣ тысячи душъ, которыя тетушка намѣрена оставить ему послѣ смерти, поддерживаютъ эту родственную любовь; но я этому не вѣрю, также какъ и тому, будто бы онъ прошлаго года, во время ея болѣзни, служилъ благодарственный молебень, когда ему сказали, что она не проживетъ и двухъ дней. — И вы бѣжите, г. Эрastовъ? Куда это?

— Въ университетъ — слушать лекцію, сударыня!

— Да не торопитесь, — успѣете... Посмотрите, Ваничка, — ушелъ-ли онъ? — Ушелъ! — Слава Богу! Теперь я дышу свободно. Какъ я рада, г. Мирославскій, что осталась съ вами одна, — ну, скажите, у кого достанетъ терпѣнія просидѣть съ этимъ чловѣкомъ нѣсколько минутъ сряду? Признаюсь, обыкновенный глупецъ въ тысячу разъ для меня сноснѣе ученаго дурака, — тотъ, по крайней мѣрѣ, молчитъ, а этотъ Эрastовъ — этотъ подвижной шкапъ съ книгами, хочеть блистать своимъ умомъ: говорить сентенціями, душить всѣхъ латинскимъ языкомъ, и всякій разъ, лишь только эта воплощенная скука появится ко мнѣ — у меня въ ту-же минуту явится зѣвота. — Что вы, Мирославскій, куда спѣшите? Побудьте со мною!

— Пора домой — да и вамъ надобно дать просторъ, сударыня: — вѣдь очередь-то теперь за мною.

— Что вы хотите сказать?

— Такъ, ничего, сударыня, — ничего!... Слуга покорный!

— Что это значить? Негодный насмѣшникъ! Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! Сколько разъ я говорила, чтобъ всегда отказывать этому проклятому чловѣку!

- Мирославскому? Что ты, мой друг? — Онъ такъ любезень, умень...
- Не спорю.
- Отмѣнно честень.
- Быть можетъ.
- Богатъ, хорошей фамили.
- Все такъ,—да у него, сударь, злой языкъ, а я терпѣть не могу злословія.

РАЗГОВОРЪ 5.

Посѣщеніе больного.

— Ахъ, батюшка, милости просимъ! Извините, что застали меня за обѣдомъ,—я человекъ больной, такъ ѣмъ тогда, когда аппетитъ придетъ. Да не угодно-ли вамъ чего-нибудь?

— Покорнѣйше благодарю: для меня еще рано. Ну, скажите, каково ваше здоровье?

— О, охъ, отецъ мой, плохо—странная болѣзнь—толстѣю, да и только—Богъ знаетъ отчего—часъ отъ часу становлюсь тяжелѣе. Кажется, я ли не морю себя голодомъ—подайте-ка еще подовыхъ пирожковъ! А все нѣтъ прибыли; одышка страшная, желудокъ не варитъ—подвиньте-ка сюда боженину! Не знаю, что дѣлать,—одной только умѣренностію себя и поддерживаю—ну, что стали: подавайте осетрину! Никогда до сыта не наѣдаюсь, и оттого ѣмъ раза четыре въ день—такъ—по кусочку. Ванька, принеси ка съ кухни еще блинковъ пять, — да смотри, съ припекою! Недавно еще новое открылось: докторъ говоритъ, что у меня подагра—ну, отчего-бы, кажется? Ужъ подлинно: на кого пойдеть несчастье—ну, что ротъ разинулъ—наливай въ стаканъ, дуракъ!—Это, батюшка, мадера, для желудка пью—налей-ка, другой—какъ, лѣкарство, сударь, какъ лѣкарство; иногда также выпью бутылочку шампанскаго: говорятъ, оно жидитъ кровь,—а впрочемъ совсѣмъ отъ вина отсталъ.

— Въ самомъ дѣлѣ чудно, что вы, при такомъ образѣ жизни, страдаете толстотою, одышкою и подагрою.

— Вотъ то-то и есть, что чудно, а говорятъ, что здоровье отъ насъ зависитъ—пустяки, сударь, пустяки: въ здоровьѣ не мы, а Богъ воленъ.—Бутылку портеру!

— Прощайте, сударь! Я не хочу васъ болѣе беспокоить.

— Помилуйте, что за беспокойство? —Извините: не встаю, батюшка, ноги не держатъ.—До свиданія, отецъ мой, до свиданія.

Тутъ К. В.... пересталъ читать. Я началъ было просить, чтобъ онъ показалъ мнѣ свою азбуку, но упрямый мой сосѣдь не хотѣлъ никакъ согласиться. «Если вы такъ любопытны,—сказалъ онъ, прощаясь со мною,—то пріѣзжайте ко мнѣ на будущей недѣлѣ въ субботу: у меня будетъ торжественное собраніе преобразователей русской азбуки—вы увидите и услышите тутъ много любопытнаго и смѣшнаго».—Я обѣщался у него быть, и безъ сомнѣнія сдержу свое слово.

III.

ИЗЪ АЛЬМАНАХА „ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ“ 1844 года.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ.

Первая книга, напечатанная по приказанію Петра I го гражданскими буквами, появилась въ свѣтъ въ 1708 году, подъ названіемъ: «Приклады, како пишутся комплименты». Вотъ одно письмо, взятое изъ этой книги, на удачу:

Поздравленіе къ предстоящему празднику:

«Понеже предстоящіе Святые дни, меня о моей должности напоминають, то не могу я оставить вашей любви, къ показанію моего ревностнаго желанія, на сіи Святые дни радостныя мысли, бодрюю силу тѣлесную и что еще по Бози ко успокоенію души и тѣла, принадлежить усердственно желати, — Божеское милосердіе да свободитъ вашу любовь многіе еще такіе торжественные дни увидѣть, въ желаемомъ состояніи, и да подасть мнѣ случай, вашей любви, многопріятныя услуги показати, понеже я вящего увеселенія имѣть не могу, яко оное, еже состоитъ въ дѣйствительномъ пребываніи вашей любви вѣрный сродственникъ, N. N.»

Нерукотворная здѣсь русская гора,
Вявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
И паза подъ стопы Великаго Петра.

Кто не знаетъ этихъ превосходныхъ стиховъ изъ надписи къ монументу Петра I-го, по милости которыхъ имя Рубана не совсемъ еще забыто. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, не имѣющій никакого таланта, можетъ ошибкою сочинить нѣсколько

хорошихъ стиховъ, точно также, какъ человѣкъ съ величайшимъ дарованіемъ напишетъ иногда дурные; и вотъ почему нерѣдко рифмачъ, не рожденный поэтомъ, пользуется какою-то извѣстностію и даже славю.

Ему посчастливилось написать гладкими стихами пѣсенку, элегію, или посланіе, въ которыхъ есть чувство, свѣжія мысли, удачныя выраженія, и если сверхъ того у него много друзей, то-есть если онъ богатъ, то во всѣхъ журналахъ начнутъ его называть знаменитымъ писателемъ и ставить на ряду съ лучшими поэтами нашего времени, — и тогда горе журналистамъ, наборщикамъ, корректорамъ и книгопродавцамъ, — ничто не спасетъ ихъ отъ его преслѣдованія!

Дурного стихотворца, которому удалось написать порядочную пѣсенку, столь же легко увѣрить, что онъ гений, сколь трудно ему доказать впослѣдствіи, что всѣ прочіе стихи его никуда не годятся.

Я приведу здѣсь еще одинъ примѣръ въ доказательство, что нѣсколько хорошихъ стиховъ не всегда служатъ признакомъ истиннаго таланта, — вотъ двѣ строфы, написанныя однимъ и тѣмъ же авторомъ:

Строфа 1-я.

Вонми, о небо! — и реку,
Земля да слышитъ усть глаголы,
Какъ дождь я словомъ потеку,
И спидуть, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.

Кто не скажетъ, что эта строфа достойна Ломоносова? — Вотъ вторая, которая слѣдуетъ тотчасъ за первую:

Строфа 2-я.

Какъ туча падаетъ на знакъ,
Или какъ иней гдѣ на сѣно,
Господня имя есть мнѣ въ знакъ,
То мысли сказано не въ мракъ;
С авъ Бога всяко въ насъ колѣно.

Прочтя эту строфу и послѣдующія, написанныя такими-же стихами, не трудно догадаться, что сочинитель ихъ, несмотря на то, что первая строфа прекрасна, не Ломоносовъ, а Третьяковскій. Говоря вообще о пристрастіяхъ въ литературѣ и незаслуженной знаменитости нѣкоторыхъ писателей нашихъ, нельзя не замѣтить, что въ семь отношеніи мы менѣ заблуждались, чѣмъ просвѣщенные французы; называющіе себя законодателями

вкуса. Кому придетъ въ голову (если онъ уже этого не знаетъ), что лучшая трагедія Расина, «Гоголія», спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти знаменитаго трагика, когда всѣ партіи и самая зависть должны были умолкнуть, считалась худшею трагедіею Французскаго театра и что, играя въ фанты, наказывали тѣхъ, которые ошибались, заставляя ихъ прочесть нѣсколько стиховъ изъ этой трагедіи. У насъ нѣкогда дѣлали то-же употребленіе изъ Телемахиды Третьяковскаго, и, кажется, въ семь случаевъ мы нѣсколько правѣе французовъ. Еще одинъ примѣръ. Въ книгѣ, подъ названіемъ «*Pièces interessantes at peu connues*», помѣщенъ списокъ поэтовъ, получавшихъ пенсіоны при Людовикѣ XIV. Въ этомъ списокѣ я нашелъ имена трагика Расина и Шапелина, сочинителя поэмы «Орлеанская Дѣва», который, какъ стихотворецъ, можетъ стать на ряду съ нашимъ Третьяковскимъ; вотъ, что сказано объ этихъ двухъ писателяхъ:

Au sieur Racine Poète Français—800 livr. de pension.

A sieur Chapelain le plus grand Poète Français, qui ait jamais été et du plus solide jugement—3000 livr. de pension.

Изъ числа книгъ, печатанныхъ гражданскими буквами, при Петрѣ I-мъ, весьма любопытна изданная въ С. П. въ 1422 году, Дмитріемъ Кантемиромъ, подъ названіемъ: Система, или состояніе Мухамеданскія религіи. *) Вотъ посвященіе сей книги, которое въ свое время, вѣроятно, казалось весьма краснорѣчивымъ.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Освященнаго Россійскаго Государства, Освященнѣйшему Автократору, вѣры православныя всебодреннѣйшему защитителю, Императору Благочестивнѣйшему, Преплагому Отцу Отечества; злодѣяній прогонителю, добродѣтели и свободныхъ наукъ и художествъ насадителю, Славянскихъ народовъ вѣчной славы начальнѣйшему Автору, Великому Князю, побѣдителю, Царства пребавителю и распространителю, Ордена Св. Андрея Апостола основателю, смотрѣливнѣйшему и иныхъ Орденъ Кавалеру, предостойннѣйшему Преображенскаго полка верховному Хиліарху, обоего войска Марсу и Архистратигу Генеральнѣйшему, нашего вѣка державнѣйшему Нептуну, на четырехъ моряхъ, Россійскаго флота Вице-Адмиралу, Англиканскаго же, Голландскаго и Дацкаго Адмиралу избранному и проч. и проч. Государю и Повелителю своему Всемилостивнѣйшему и прекротчайшему, *Словоприношеніе.*

*) Экземпляръ этой рѣдкой книги можно видѣть въ Императорской публичной библиотекѣ, въ С.-Петербургѣ.

Первымъ основаніемъ законовъ долженъ быть здравый смыслъ; эта аксіома не подвержена никакому сомнѣнію. Но иногда законы и постановленія непросвѣщенныхъ народовъ до того противны здравому смыслу, что нѣтъ никакой возможности добраться, основываясь даже на однихъ догадкахъ, какъ могла подобная нелѣпость придти въ голову законодателя.

Шведскій писатель Олафъ Далинь въ 1-й части исторіи своего отечества, на страницѣ 357, выписываетъ слѣдующій законъ изъ 4 главы Вестготландскаго узаконенія: «Если музыкантъ убить будетъ, то убійца повиненъ дать его наслѣднику трехлѣтняго неукротимаго теленка, у котораго былъ-бы хвостъ остриженъ и намазанъ саломъ. Убійца обязанъ также дать ему перчатки и башмаки, намазанные саломъ. Потомъ наслѣдникъ вести долженъ теленка на бугоръ и взять хвостъ въ руки; тогда одинъ изъ присутствующихъ зрителей ударить теленка три раза плетью,—и если наслѣдникъ удержитъ его, то теленокъ дѣлается его собственностію, если же выпуститъ изъ рукъ, то весь искъ его пропадаетъ. — Есть люди, которые жалуютъ, что европейскіе нравы и обычаи совершенно измѣнились и что мы ни въ чемъ не походимъ на нашихъ предковъ. Не понимаю, какъ можно жалѣть о вѣкахъ, въ которые существовали и выполнялись подобные законы.

О Т Р Ы В К И И ЗЪ З А П И С О КЪ .

Girouettisme—выраженіе, котораго нельзя перевести на русскій языкъ, а можно замѣнить словомъ также иностраннымъ, но болѣе для насъ понятнымъ. Кусокъ листового желѣза, укрѣпленный на концѣ длиннаго шеста, для показанія направленія вѣтра называется у насъ флюгеромъ, а на французскомъ языкѣ—*girouette*; слѣдовательно флюгерство будетъ значить то-же самое, что *girouettisme*. Слово это вошло въ употребленіе у французовъ въ теченіе достопамятной войны Россіи съ Наполеономъ, за свободу и независимость всей Европы; политическіе перевороты, которые тогда столь быстро слѣдовали одинъ за другимъ, имѣли необходимо большое вліяніе на мнѣнія и поступки французовъ, и, надобно сказать правду, никогда положеніе парижскихъ журналистовъ не было столь затруднительнымъ. Изъ тысячи примѣровъ флюгерства этихъ господъ, я приведу здѣсь одинъ, который на дняхъ попался мнѣ нечаянно въ одномъ извѣстномъ парижскомъ журналѣ:

Journal des debats, 1815 года, марта 20 числа.

«Франція ненавидитъ Бонапарте; это чувство не подвержено никакому сомнѣнію, оно общее и явное: чего можно ожидать отъ тигра, который умѣетъ царствовать не иначе, какъ проливая кровь своихъ подданныхъ... Самое ничтожество выгодыѣ

для Франціи, чѣмъ стыдъ подпасть снова подъ позорный яремъ своего палача...»

Journal des debats, 1815 года, марта 21 дня, (т. е. на другой день).

«Фамилія Бурбоновъ выѣхала прошедшую ночь изъ Парижа».

«Парижъ представляетъ сегодня картину всеобщаго спокойствія и радости. Бульвары покрыты безчисленными толпами народа, ожидающаго съ нетерпѣніемъ вступленія войскъ подъ предводительствомъ героя, имъ возвращеннаго. Небольшое число воиновъ, которыхъ имѣли сумасшествіе ему противопоставить, присоединилось къ орламъ, и все войско Франціи, сдѣлавшись снова національнымъ, выступаетъ подъ знаменами славы и отечества. Императоръ прошелъ двѣсти миль съ быстротою молніи, посреди народа, пораженнаго чувствами удивленія и почтенія, увѣреннаго въ настоящемъ и будущемъ своемъ счастья... Таковъ былъ возвратъ его, или, лучше сказать, торжественное шествіе, въ которомъ Императоръ не встрѣтилъ другихъ враговъ, кромѣ презрительныхъ пасквилей, представлявшихъ забавную противоположность съ истинными чувствами народа, восхищеннаго его присутствіемъ...»

Не дѣлая на это никакихъ замѣчаній, я прибавлю только, что листокъ журнала, въ которомъ напечатана эта краснорѣчивая статья, и предыдущій номеръ, любопытные могутъ видѣть въ оригиналъ—въ С.-Петербургской публичной библиотекѣ.

Было время, когда французскіе писатели не хотѣли насъ признавать за европейцевъ, не называли даже русскими, и мы почти во всѣхъ старинныхъ географіяхъ именуемъя Москвитянами (*les Moscovites*); теперь, благодаря войнѣ 1812 года, они иногда удостоиваютъ насъ названіемъ полупросвѣщенной націи, и не всѣ обычаи наши называютъ азіатскими. Можно-бы написать цѣлую книгу о смѣшныхъ ошибкахъ и кривыхъ толкахъ, которыми наполнены почти всѣ путешествія иностранцевъ въ Россіи. Будучи за границею, я имѣлъ случай прочесть въ сочиненіяхъ этихъ господъ много кой-чего новаго о моемъ отечествѣ; напримѣръ, по милости какого-то Миллера, бывшаго въ 1811 году въ Россіи, я узналъ, что лучшіе пѣвцы С.-Петербургскаго театра, — Яковлевъ и Колосова; что въ С.-Петербургѣ нѣтъ ни одной пригожей россиянки, что русскіе ничего не могли выдумать сами, и впередъ ничего не выдумаютъ, и наконецъ, что имя націи неприлично для народа, составленнаго изъ Татаръ, Калмыковъ и какихъ-то Славянъ. Изъ путешествія Англичанина Джона Кари, написаннаго въ 1804 году, я увидѣлъ, что въ Россіи нѣтъ соловьевъ; что, по нашимъ законамъ, жена, съ которою мужъ поступаетъ сурово, можетъ быть ему не вѣрна, и

что обыкновенная забава русскихъ господъ состоитъ въ слѣдующемъ: они выходятъ послѣ обѣда пить кофе въ круглую залу, въ которой для ихъ забавы дерутся между собой волки, собаки и медвѣди.

Но всѣхъ болѣе порадовалъ меня французъ Жанъ Кастера. Въ книгѣ его нашелъ я любопытный, а намъ, русскимъ, совершенно неизвѣстный, анекдотъ о знаменитомъ Суворовѣ; я увѣренъ, что всякому будетъ пріятно прочесть это драгоценное дополненіе къ жизнеописанію безсмертнаго князя Италійскаго, тѣмъ болѣе, что этотъ анекдотъ, по словамъ Жанъ Кастера, даетъ ясное понятіе о неукротимомъ нравѣ великаго полководца.

— Въ первую Турецкую войну, — говоритъ почтенный историкъ, — Суворовъ, служившій еще простымъ офицеромъ, во время одного жаркаго дѣла, бросился въ ряды непріятельскіе, зарѣзалъ своими руками нѣсколько янычаръ отрѣзалъ имъ головы, набилъ ими большой мѣшокъ и, возвратясь въ свои ряды, опорознилъ его къ ногамъ главнокомандующаго генерала».

Очень жаль, что Жанъ Кастера, который не сомнѣвается ни мало въ достовѣрности этого анекдота, не хотѣлъ пояснить читателямъ, какимъ образомъ Суворовъ имѣлъ неукротимость нрава рѣзать головы и набивать ими мѣшокъ, находясь посреди янычаръ, которые, вѣроятно, не протягивали ему шеи.

Вотъ довольно забавный разговоръ о Вольтерѣ, хотя за достовѣрность его нельзя поручиться, потому что онъ помѣщенъ въ современныхъ запискахъ извѣстнаго противника Вольтера, Сабатеро-де-Кастро; но мнѣ кажется, что въ немъ соблюдено все должное вѣроподобіе.

Однажды вечеромъ нѣсколько ученыхъ и философовъ, будучи въ гостяхъ у Дюкло, непремѣннаго секретаря Французской Академіи, разговаривали о Вольтерѣ. Одинъ извѣстный нѣмецкій юристъ, повторяя вмѣстѣ съ прочими, что Вольтеръ былъ всеобъемлющій гений, началъ говорить слѣдующимъ образомъ:

— Да, господа! Вольтеръ необыкновенный человекъ: поэзія, исторія, математика, медицина, натуральная исторія, критика, однимъ словомъ, нѣтъ познаній, нѣтъ науки, въ которой онъ не превзошелъ бы своихъ соперниковъ. Жаль только, что Вольтеръ не слишкомъ силенъ въ юриспруденціи. Лишь только начнетъ онъ говорить о правленіи, политикѣ, законодательствѣ, то я не узнаю его, и мнѣ кажется, онъ точно изъ зависти нападалъ на нашего Гроціуса и Пуффендорфа и вашего Монтескю, которые гораздо болѣе знали толку въ юриспруденціи, чѣмъ онъ. Впрочемъ, это замѣчаніе ничего не значитъ и г. Вольтеръ истинный гений всеобъемлющій.

— Да, — сказалъ одинъ знаменитый математикъ, — г. Вольтеръ:

чудный, непостижимый гений! Потомки наши не повѣрятъ, что столь различныя произведенія писаны однимъ человѣкомъ. Жаль, очень жаль, что онъ хотѣлъ также быть и математикомъ; между нами будь сказано, онъ судить о геометріи, какъ ученикъ. Посмотрите его начала Ньютоновой философіи. Несмотря на это, г. Вольтеръ единственъ! Нѣтъ! Никогда еще не существовалъ человѣкъ съ такимъ обширнымъ и всеобъемлющимъ гениемъ.

— Враги Вольтера, — подхватилъ г. де Меранъ, извѣстный физикъ, — могутъ говорить все, что имъ угодно. Они никогда не отнимутъ у него славы — всезнанія. Какой человѣкъ! Какая веселость, острота! Я обязанъ сочиненіямъ его пріятнѣйшими минутами моей жизни, они забавляютъ меня, восхищаютъ всякій разъ, когда ихъ читаю. Вольтеръ говоритъ о всемъ съ такимъ умомъ, съ такою любезностію. Собраніе сочиненій его можетъ назваться Энциклопедіею. Желательно бы было, чтобъ онъ столь же хорошо зналъ физикъ, какъ всѣ другія науки; но, къ сожалѣнію, онъ почти не имѣетъ о ней понятія. По мнѣнію моему, ему недостаетъ только этого, чтобъ дѣйствительно быть всеобщимъ и превосходнымъ гениемъ своего времени.

Одинъ англійскій историкъ, который молчалъ во все время, началъ говорить въ свою очередь. «Признаюсь, г. Вольтеръ не имѣетъ себѣ равнаго. Англія не можетъ ему никого противопоставить. Нашъ Попе ничто передъ нимъ. Вольтеръ соединяетъ въ себѣ таланты: Свифта, Аддисона, Отвая и Болиброка. Жаль, истинно жаль, что онъ писалъ исторію; слогъ его прекрасенъ, но совсѣмъ не приличенъ для исторіи. Эпиграммы, мысли, портреты, ложныя показанія, не должны имѣть въ ней мѣста. О! Мы пишемъ совсѣмъ иначе исторію, мы никогда не жертвуемъ истиною для остраго словца. Вольтеръ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ не выдавалъ себя за историка; но что касается до другихъ частей словесности, надобно отдать ему справедливость: онъ неподражаемъ. У васъ никогда уже не будетъ такого философа, такого критика, такого остраго писателя, такого... Однимъ словомъ, такого всеобщаго, обширнаго гения!

— Какъ, господа! — вскричалъ одинъ теологъ, который добивался себѣ мѣста въ академіи, — когда всѣ восхваляютъ любимца музъ и грацій, я одинъ буду хранить преступное молчаніе? Нѣтъ! Я хочу и долженъ, также какъ и всѣ, принести ему дань удивленія. Г. Вольтеръ, по мнѣнію моему, соединяетъ въ себѣ одномъ познанія и таланты, которые сдѣлали бессмертными Аріоста, Плутарха, Цицерона, Тацита, Софокла, Анакреона, Лукреція, Виргилія, Горация и обоихъ Плиніевъ.

— Благодаря его твореніямъ, языкъ нашъ сдѣлается классическимъ, подобно греческому и римскому. Одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ сего великаго мужа состоитъ въ томъ, что онъ.

имѣлъ смѣлость возстать противъ предрасудковъ, считаемыхъ священными. Луціанъ, въ семь отношеніи, ничто передъ нимъ. Никто не умѣлъ лучше его употреблять оружіе насмѣшки, столь страшное для предрасудковъ и заблужденій. Но онъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ только шутилъ, потому что всякій разъ, когда Вольтеръ пускался въ разсужденія, то дѣлалъ непростительныя ошибки, которыя не могли скрыться отъ непроницательныхъ взоровъ критики, и я долженъ по справедливости признаться, что по замѣчаніямъ моимъ, Вольтеръ не имѣетъ понятія о европейскомъ языкѣ, не знаетъ греческаго, слѣдовательно не могъ не ошибаться въ критическихъ своихъ замѣчаніяхъ объ Авраамѣ, Моисеѣ, Давидѣ, Соломонѣ, Пророкахъ, Законахъ и нравахъ Еврейскихъ. Я сомнѣваюсь даже, читалъ-ли онъ сочиненія святыхъ отцовъ нашихъ, на коихъ онъ часто ссылается; но и какъ требовать, чтобъ столь великій геній сталъ углубляться въ розысканіе сухихъ истинъ. Непріятели его могутъ сказать, что ему не должно бы было писать о томъ, чего онъ не понимаетъ, или по-крайней-мѣрѣ выбирать людей, которые дѣлали бы выписки повѣрнѣе и не сочиняли бы своихъ собственныхъ текстовъ; но имъ можно отвѣчать, что нѣтъ никого безъ слабостей, и г. Вольтеръ, несмотря на то, что имѣлъ слабость писать о томъ, чего не зналъ, все останется Вольтеромъ, то-есть первымъ изъ ученыхъ, историковъ, философовъ, поэтовъ и геніевъ.

Находявшіеся въ числѣ прочихъ гостей комикъ, лирическій стихотворецъ и глубокомысленный испытатель естества хотѣли было говорить въ свою очередь, какъ вдругъ всѣ гости, взглянувъ другъ на друга, начали смѣяться, и очень кстати: все-объемлющій геній остался бы скоро почти не причемъ.

Г. Дюкло, молчавшій во все время изъ вѣжливости, прервалъ разговоръ, прося всѣхъ не вспоминать никогда, что въ домѣ его осмѣлились дѣлать такія дерзкія сужденія о главѣ и патриархѣ всѣхъ философовъ и что онъ, слушая ихъ, смѣялся также какъ и другіе.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ПОСЛАНИЕ КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

Разстался я надолго съ вами,
Брега священные Невы!
Уже исчезли предъ глазами,
Среди туманной синевы,
Небесъ Петрополя унылыхъ
Послѣднія главы церквей.

И я, какъ вихрь, лечу, друзей оставя милыхъ,
На тройкѣ удалыхъ коней,

И въ первый разъ, живя досель съ весельемъ въ дружбѣ,
Узналъ я горе не шутя.

А ты, товарищъ мой по чувствамъ и по службѣ,

Безсмертныхъ дѣвъ любимое дитя,
О, Гнѣдичъ, можетъ быть, съ тобою
На вѣкъ, мой другъ, простился я!
Увы! сей грустною мечтою
Полна теперь душа моя!
Кто знаетъ, что въ своемъ свѣтѣ
Творецъ небесный мнѣ предрекъ?

Слѣпые смертные на этомъ жалкомъ свѣтѣ,

Играемъ въ жмурки мы весь вѣкъ!
Грядущаго никто не знаетъ:

Оно сокрыто отъ людей;

Таясь во мракѣ, какъ злодѣй,

Судьба ударъ свой совершаетъ.

Сегодня я здоровъ, а завтра билъ мой часъ!

И часто, можетъ быть, забывъ, о, другъ мой милый,
Что жизнь зависитъ не отъ насъ,
Мы пляшемъ надъ своей могилой!

Такъ думалъ я, и духъ невольно унывалъ,
Предчувствіемъ во мнѣ таинственнымъ смущенный;
Казалось мнѣ, что я, на скорби обреченный,
И счастье и друзей навѣки покидалъ—
Далеко ужъ за мной роскошная столица;
И я, сквозь легкой сонъ, закутавшись въ шинель,
Мечтаю о тебѣ, о, сѣвера царица,
О, юныхъ дней моя вторая колыбель!
Въ тебѣ я началъ жить, въ тебѣ я встрѣтилъ друга;
Въ тебѣ я въ первый разъ знакомъ съ любовью сталъ,
И счастье въ тебѣ-жъ семейственно позналъ,
Названіе принявъ священное супруга.
Ты скрылася, но мнѣ остались мечты:

Средь ихъ ищу я утѣшенья.

И вдругъ, о чудо воображенья!

Моимъ глазамъ явилась снова ты.

Въ тебѣ опять съ друзьями я встрѣчаюсь,

Иду опять бродить по улицамъ твоимъ;
Любуюсь снова всѣмъ и молча восхищаюсь
Или спѣшу съ утра къ занятіямъ моимъ,
И свой окончивъ трудъ, народное теченье

Иду смотрѣть на Невскій тротуаръ.

Какая пестрота и чудное смѣшенье.
Тутъ вижу персіанъ, бухарцевъ и татаръ,
Французовъ вѣтренныхъ и англичанъ степенныхъ;
Тамъ храбры воины, отечества сыны,

Въ одеждахъ, златомъ испещренныхъ,

И мирный квакеръ здѣсь, незнающій войны,
Или окрестности градскія посѣщаю.
Вотъ въ Царскомъ я селѣ, въ волшебныхъ сяхъ мѣстахъ,
Гдѣ всякій разъ пѣвца Торквато вспоминаю,
Мечтая быть въ его Арמידиныхъ садахъ.

Иль, въ шумномъ жить наскуча мѣрѣ,

Я мыслями лечу въ унылый Петергофъ,
И тамъ на берегу морскомъ я въ Монплезиръ,

Дремлю подъ шумъ сѣдыхъ валовъ,

Гляжу, какъ блѣдная Геката

Верхи деревъ сребрить въ саду.

Или, въ часъ солнечна заката,

Въ обитель Невскую иду;

Люблю смотрѣть я тамъ на чудное сближенье
Предметовъ двухъ, столь разныхъ межъ собой.
Вотъ здѣсь въ моихъ глазахъ, теряясь въ отдаленьи,

Та улица, куда веселою толпой

Стремятся всё: гдѣ роскошью все дышитъ;
Гдѣ пышность дивную—Причудницы Творца
Волшебное перо едва-ли намъ опишетъ;
Гдѣ вѣчной суетѣ и шуму нѣтъ конца;

Гдѣ все сулить намъ вѣкъ счастливый,
Среди пріятныхъ жизни сновъ!

И чтожъ въ концѣ сей гордой перспективы?
Жилище смерти, рядъ гробовъ!

Невольно здѣсь душой я возвышаюсь,
Мирскую суету, ничтожность всю узрѣвъ.
Но день уже протекъ; я далѣ отправлюсь,
Съ холоднымъ чувствомъ осмотрѣвъ
Умершихъ пышныя могилы,

Предметъ тщеславія и роскоши живыхъ.
Теперь я на мосту, склонившись на перила,
Встрѣчаю сумерки. Вотъ шумъ градской затихъ;
Вечернія мольбы ужъ кончились во храмахъ,
И я смотрю, ночной любясь тишиной,
Какъ свѣгится Нева въ своихъ гранитныхъ рамахъ,
Чуть-чуть волнуясь, течетъ передо мной;
Луна и рядъ палатъ, какъ будто-бы въ картинѣ,
На гладкомъ зеркалѣ ея прозрачныхъ водъ.

«Давно-ль, подумалъ я, въ ужасной здѣсь пустынѣ
Лишь вѣтеръ вылъ? Теперь кипитъ вездѣ народъ.
Давно-ли здѣсь, среди болотъ, лѣсовъ дремучихъ,
Не смѣлъ и дикій звѣрь прокладывать слѣда?
Явился градъ Петровъ, краса царей могучихъ,
Прошли немногіе года,

И слава ужъ его вселенну наполняетъ!
О, Русскій Царь, ты былъ воистину великъ!
Ты восхотѣлъ—и флотъ твой море покрываетъ;
Сказалъ - и новый Римъ на сѣверѣ возникъ!»
Вотъ такъ-то, милый другъ, мечтою обольщенный,
На краткій мигъ я горе забывалъ.

«О если-бъ, я сказалъ, восторгомъ увлеченный,
Небесъ священный даръ тобой я обладалъ!
Когда-бъ я могъ, пѣвецъ Оморова рожденья,
Во слѣдъ тебѣ, на лирѣ золотой,

Воспѣть душевны наслажденья,
Бесѣды всё съ волшебною мечтой;
Когда-бы могъ»... Но вдругъ, незнаемый дотолѣ,
По членамъ трепетъ пробѣжалъ;
Уста сомкнулись по-неволѣ,
Въ груди священный огонь вспылалъ;
Все стало для меня пріятнѣй;

Свѣжѣ зелень на лугахъ,
И воздухъ чистый ароматнѣй,
И тѣнь прохладнѣе въ лѣсахъ;
Всей, всей природы обновленной
Казался мнѣ прелестный видъ!
О, радость... наконецъ, восторгомъ упоенный,
Позналъ я въ первый газъ безсмертныхъ Пьеррибъ;
Позналъ небесно наслажденье,
Поэтовъ счастливыхъ кумиръ,
Тебя, святое вдохновенье!
И новый мнѣ открылся міръ;
И новымъ озарилась свѣтомъ
Моя душа и другъ твой сталъ поэтомъ!

II.

АВТОРСКАЯ КЛЯТВА.

Какъ часто я слыхаль, что главный нашъ порокъ—
Любовны клятвы всѣ и нѣжны увѣренья
Писать лишъ на пескѣ: повѣтъ вътерокъ,
И мигомъ страстныя исчезнуть выраженья,
А съ ними и любовь. Такъ точно иногда
Поэтъ, обиженный судомъ несправедливымъ,
Клянется съ Музами разстаться навсегда,
Навѣкъ прости сказать мечтамъ любимымъ,
И чтобъ вѣрнѣй свой выполнить обѣтъ,
Объ этомъ онъ друзьямъ въ посланьи объявляетъ,
И разругавъ путемъ коварный злобный свѣтъ,
Стиховъ онъ написать... стихами обѣщаетъ.
Что эту истину не трудно доказать,
Въ томъ спора нѣтъ ни мало,
Лишь только-бъ въ васъ, друзья, терпѣнія достало
То выслушать, что вамъ хочу я рассказать.
Однажды въ скукѣ я (тому назадъ недѣлю)
Дремалъ у комелька, десятый часъ пробилъ,
И я сбирался на постелю,
Какъ вдругъ вбѣжалъ ко мнѣ Людмилъ,
Старинный мой пріятель,
Изрядный малый и съ умомъ,
А ремесломъ
Комическій писатель.
«Что вижу,—я вскричалъ,—ты блѣденъ и смущен!»

Взглянувши на тебя нельзя не испугаться». Ахъ, дай придти въ себя и съ мыслями собраться!

Я такъ замучень, разбѣшенъ!
Да сказывай скорѣй, что сдѣлалось съ тобою?
Ничтожный вздоръ; къ чему рассказывать его?
Я только въ дуракахъ—и больше ничего!—
Осмѣянь, посрамлень и самъ тому виною!
Какой нечистый духъ... «Да полно не тужи!
Садись-ка лучше здѣсь—и все мнѣ расскажи!»
— Ты хочешь знать?—«Весьма желаю».
— Такъ слушай же, мой другъ, и смѣйся надо мною!
Отъ Вельскаго вчера письмо я получаю,
Въ которомъ просить онъ—любовію одной
Къ коимъ талантамъ побужденный—
Прочестъ въ кругу его лишь искреннихъ друзей
Мой новый трудъ и что, заранѣ восхищенный,
Творца онъ завтра ждетъ съ супругою своею.
Попуталъ грѣхъ меня: подумалъ, соблазнилъ
И, давши мой отвѣтъ на сей проклятый зовъ,
Сегодня вечеромъ я ровно въ семь часовъ
Съ пьесою моею у Вельскаго явился.
Вхожу - и чтожь? Полна гостиная людей.
Кой чортъ, подумалъ я, поклоны раздавая,
Какъ много искреннихъ у Вельскаго друзей!

Межь тѣмъ хозяйка пожилая,
Извѣстная своимъ умомъ,

Ужасно суетилась

Вокругъ стола, покрытаго сукномъ.
И вотъ толпа гостей по кресламъ размѣстилась,
Умолкли всѣ—и началъ я читать.
Увы! языкъ гостей не долго былъ спокоенъ!
Чтобъ тонкій вкусъ вполне свой оказать,
Знатокъ прямой ничѣмъ не долженъ быть доволенъ.
Хвалить! и—кстати ли себя унижить такъ,

Хвалить вѣдь можетъ и дуракъ;

Но тотъ, кто смѣло все бранить и осуждаетъ,
Ужъ вѣрно умница и все на свѣтѣ знаетъ.
Едва лишь первый актъ окончить я успѣлъ,
Какъ вдругъ одинъ, словесности любитель,
Извѣстный меценатъ, талантовъ покровитель,
Своимъ блеснуть умомъ и вкусомъ захотѣлъ.

Окинувъ взоромъ всѣхъ надменно,

«Я вамъ—сказалъ онъ мнѣ—признаюсь откровенно,
Что экспозиція ужасно не ловка.»
Быть можетъ, что долга? «О, нѣтъ! Ее бы можно
Еще порастянуть.» Что, вижу, коротка?

«И этого въ ней нѣтъ, признаться должно». Скучна? «Нимало, нѣтъ!» Такъ видно не вѣрна, Фальшива, сбивчива? «О, нѣтъ, совсѣмъ другое! И лучше-бъ быть могла конечно вдвое...»
Позвольте мнѣ сказать—пристала тутъ одна

Премудрая жена,

Которая вездѣ по городу считалась
Игрицей первою въ бостонъ и модный вистъ —
Мнѣ кажется, у васъ языкъ не очень чистъ:
Я это замѣчать, по чести, не старалась,
Но, признаюсь, мой слухъ давно уже отвыкъ
Отъ всѣхъ тяжелыхъ выражений.

Въ комедии у васъ слуга совсѣмъ мужикъ,
Вездѣ онъ говоритъ безъ всякихъ украшеній
Такимъ преподлымъ языкомъ;

Признайтесь сами въ томъ!

Вѣдь я не вовсе виновата,

И если критика вамъ кажется строга...
Помилуйте! да онъ не принцъ—простой слуга!—
Такъ чтожъ не важная утрата —
Могли бъ и выкинуть его!

А впрочемъ,—знаете-ли, прочтите Мариво!
Вотъ истинный талантъ—вездѣ въ немъ превосходство!
Какой прелестный тонъ, какое благородство!
Служанка, госпожа, лакей и господинъ.

«А я совсѣмъ не то замѣтить вамъ желаю—
Прервалъ съ улыбкою и нюхая табакъ
Мудрецъ, котораго на зло вездѣ встрѣчаю,
Педантъ несносный и чудакъ—

Искусствомъ вы меня своимъ не обманули:
Сюжетъ въ Теренціѣ вы точно почерпнули». —
Въ Теренціѣ? «Ну, да! Я вздора не скажу;
Повѣрьте, сходство есть большое;

Вы спросите какое? —

Постойте, докажу:

У васъ...» Нѣтъ силъ терпѣть, хозяйка закричала:
Вы только спорите, а время все идетъ! —
«Позвольте доказать!» Нѣтъ, нѣтъ! Уже я устала
И этотъ долгій споръ тоску лишь наведетъ.

Прошу васъ, продолжайте!

Успѣемъ можетъ быть... Ахти, десятый часъ!
Что если-бы вы... иль нѣтъ, послушайте: для васъ
Конечно все равно, вы все-таки читайте,
А я межъ тѣмъ могу гостей занять въ бостонъ!—
Хотя терпѣнъемъ я изряднымъ одаренъ,
Однакожъ, чортъ возьми, всему вѣдь есть граница:

Я вышелъ изъ себя, вскочилъ, схватилъ тетрадь —
И прежде, чѣмъ могла проклятая игрица
Опомниться путемъ, ударился бѣжать,
Кой-какъ до улицы добрался;
Забывши о гостяхъ, не помня о себѣ,
Прыгнувъ въ карету и помчался
Прямехонько къ тебѣ.

И вотъ, мой милый другъ, судьи, которыхъ мнѣня,
Вездѣ всеобщаго достойныя презрѣнья,
Оракуломъ, закономъ чтутъ;
Которые къ стыду насъ всѣхъ, признаться должно,
Хвала безъ толку все, иль все браня безбожно,
Безславие и славу раздають!

И послѣ этого за славою гоняйся!
Забудь веселье и покой,

Пиши комедіи—будь мученикъ—старайся,
Но льстить себя не смѣй наградой никакой!
Читать въ домахъ—бѣда! отдать играть—другая;
Да что и говорить—скажу безъ дальнихъ словъ,
Театръ, гдѣ царствуетъ посредственность золотая,
Страшнѣе для меня и самыхъ знатоковъ.
У насъ хоть не пройдетъ безъ новости недѣли,
За то ужъ ничего, не ѣзди подъ качели,
Играютъ мастерски—ну, любо посмотрѣть!
А если примутся артисты наши пѣть,
Иль станутъ въ оперѣ при всѣхъ мѣнять кулисы,
То вонъ бѣги!

И словомъ,—отъ царя до самаго слуги—
Пѣвицы и пѣвцы,—актеры и актрисы,
И даже самая суфлера западня
Терзаетъ все и мучитъ лишь меня.

Нѣтъ, кончено! Писать я больше не намѣренъ,
Клянусь —и клятвѣ сей, конечно, буду вѣренъ!
Да, да, мой другъ!—Клянусь... а жаль! вѣдь есть сюжетъ,
И еслибъ только я рѣшиться могъ... да нѣтъ!
Все кончено!.. А планъ и сцены ужъ готовы—

Придуманъ и конецъ,

И всѣ характеры такъ новы!

Прекрасный резонеръ—чувствительный отецъ;
Контрасты рѣзкіе—съ природы, а не съ сказки!
Тутъ будетъ все: и плуть, и честный человѣкъ,
Интрига чудная... а веселій развязки

Нельзя придумать въ вѣкъ,

И интересныхъ сценъ конечно будетъ съ двадцать!
Да впрочемъ... почему-жь? ага, ужъ бьетъ двѣнадцать!
Пора домой! «Такъ ты рѣшилъ не шутя?»

—Прощай!—«Да погоди, карета не готова!»
Но мой Людмилъ въ отвѣтъ ни слова;
Поклонъ и, шляпу ухвата,
Отправился домой — домой? Конечно, спать?
Ахъ, нѣтъ, мои друзья: комедію писать!

III.

ВЫБОРЪ ЖЕНЫ.

Въ дурачествахъ своихъ намъ трудно сознаваться,
Мы всё помѣшаны на томъ,
Что сами никогда ни въ чемъ
Не можемъ ошибаться.
Причиной неудачъ, всѣхъ горестей и бѣдъ,
Иль случай, иль судьба, иль что-нибудь другое,
Но только ужъ не мы. Одинъ несчастье злое
Клянетъ, съ дурной игрой поставивши лабетъ;
Другой, хотя блеснуть съ умѣреннымъ доходомъ,
Вступаетъ съ богачемъ въ неровную борьбу
И послѣ, не сведя никакъ приходъ съ расходомъ,
Винить во всемъ жестокою судьбу.
Какъ будто бы она и въ томъ ужъ виновата,
Что бѣдный человѣкъ не долженъ жить богато;
А съ взяткою одной бостонъ нельзя играть.
Но чтобы вы, друзья, не начали дремать
Отъ сихъ преважныхъ поученій,
Не лучше-ль мнѣ, на мѣсто разсужденій,
Отъ скуки вамъ кой-что поразсказать?
Сюда, друзья, въ кружокъ—я сказку начинаю:
Въ одной изъ двухъ столицъ, а точно гдѣ не знаю,
Положимъ что въ Москвѣ, для сказки все равно,
Тому назадъ не такъ чтобы давно,
Среди веселья жилъ счастливецъ,
Фортуны баловень, по имени Клеонъ.
И подлинно былъ счастливъ онъ,
Красотъ московскихъ всѣхъ любимецъ,
Душа ихъ общества и зависти предметъ;
Всѣ маменьки его ласкали
И часто дружескій совѣтъ
Безъ умысла ему давали
(Хваля своихъ любезныхъ дочерей)
Жениться поскорѣй.

И послѣ этого—кому повѣрить можно,
Счастливецъ сей, признаться должно,
Природой былъ не слишкомъ одаренъ:

Красавцемъ онъ не могъ назваться,
Отлично не былъ и уменъ,

И даже—я стыжусь по чести вамъ признаться—

И даже не умѣлъ въ мазуркѣ рисоваться;
А несмотря на то, какъ будто-бъ на подрядъ
Невѣсты скромныя его ловили взглядъ.
За чтожь, вы спросите, Клеона уважали?
Хотите знать? Онъ былъ... я вижу отгадали!

Да, да, друзья, онъ былъ богатъ.
Но участью своею кто въ мѣрѣ сямъ доволенъ?
Клеонъ вдругъ сдѣлался задумчивъ, безпокоенъ;
Сталь рѣдко ѣздить со двора,

Вздыхать, грустить, томиться,
Иль, попросту сказать, ему пришла пора жениться.
Повѣрите, въ тридцать лѣтъ пріятнѣй жить вдвоемъ!
И такъ счастливецъ нашъ, обдумавъ все путемъ,
Рѣшился общему послѣдовать закону
И, чтобъ сомнѣнья всѣ вѣрнѣе истребить,
Отправился тотчасъ къ пріятелю Честону

И такъ съ нимъ началъ говорить:
Жениться никогда, мой другъ, шутить не должно!
Ужь надо поступать отмѣнно осторожно:

Ты опытенъ и знаешь свѣтъ,
Такъ въ этомъ можешь дать полезный мнѣ совѣтъ!
Изъ всѣхъ невѣстъ я двухъ сестеръ предпочитаю:
Послушай, я тебѣ точъ-въ-точъ ихъ опишу;
Знать мнѣнїе твое, Честонъ, весьма желаю,
Но только, милый другъ, быть искреннимъ прошу!
Онѣ фамиліи не знатной, но извѣстной:
Аглая, старшая сестра, тиха, скромна

Имѣетъ нравъ прелестный
И даже, говорятъ, умна,
Но только утверждать я этого не смѣю:
Съ тѣхъ поръ, какъ ѣзжу я къ нимъ въ домъ,
Едва-ли удалось, какъ помнится, о томъ
Сказать словъ шесть мнѣ съ нею,
Что время скверное и дождь идетъ съ утра.
Какая разница, мой другъ, ея сестра!
Представь себѣ, Честонъ, Киприду для примѣра:
Какъ слабо и тогда сравненіе твое!
Нѣтъ, нѣтъ! Эмилиа конечно не Венера,

А лучше во сто разъ ее!
Остра, умна, талантовъ бездна

А какъ ловка, мила, любезна!
Пускай иной въ ней слабости найдетъ:
Она, не спорю я, какъ будто бы спесива,
Немножко вѣтренна, немножко прихотлива,
Да только вотъ бѣда! все это къ ней идетъ;
Насмѣшлива—нельзя и въ этомъ не признаться,
И если ужъ надъ кѣмъ она шутить начнетъ,

То мертваго заставить разсмѣяться!
Все это хорошо, да только не въ женѣ;
Вѣдь сердцу доброму таланты не замѣна!
Повѣрь, Клеонъ, какъ другу, мнѣ:
Коварство, злоба и измѣна
Всегда насмѣшниковъ удѣль!

И, милый другъ,—ну что за преступленье!
Какъ будто-бы грѣшно
Надъ тѣмъ смѣяться, что смѣшно?
Да гдѣ-же взять терпѣнья
Съ глупцомъ безъ смѣха говорить?
При томъ же, съ клятвою могу я утвердить:
Чувствительнѣй ея не можетъ быть;
Она добрѣе, чѣмъ Аглая:
Та любить лишь людей,
А эта даже и звѣрей.

Эмилія на дняхъ, лишившись попугая,
Почти изсохла отъ тоски...
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, она совсѣмъ не злорѣчива,
А любить изрѣдка глупцамъ давать щелчки!
Сестра-жъ ея ужъ слишкомъ молчалива.

Ты скажешь, что она скромна
Чтожъ толку въ томъ? За то вѣдь вовсе невидна;
А я хочу, чтобы жена моя блистала,
Чтобъ свѣтъ не только красотой,
Талантами, умомъ и всѣмъ обворожала,
Чтобъ праздникъ тотъ считался за пустой,
Который ей самой украсить не угодно.
А если-жъ вздумаю явиться всенародно,
Пущусь въ собранье съ ней...

Какое торжество!—Среди толпы людей,
Въ глазахъ у всѣхъ она, какъ Грація, танцуетъ;
Не только что умы—сердца у всѣхъ волнуется:
Того-то и хочу.

Всѣ вокругъ нея тѣснятся,
Всѣ ахаютъ, дивятся.

А я—стою спокойно и молчу;
Гляжу на всѣхъ съ улыбкой сожалѣнья
И думаю:—ей дань платите удивленья

А мнѣ — завидуйте, друзья!

И вотъ ужъ шепчутъ, слышу я:

Вотъ мужъ ея, вотъ онъ, и вокругъ меня народу

Ужасная толпа, и мнѣ ужъ нѣтъ проходу!

— Умѣрь его, мой другъ, — сказала Честонъ, вставая, —

И выслушай совѣтъ — я въ двухъ словахъ скажу:

Супругой доброй быть способнѣ Аглая.

Повѣрь, блистать всю жизнь не можетъ человѣкъ,

Съ женою жить не годъ, не два, а цѣлый вѣкъ.

Теперь, прощай — въ деревню ѣду —

Мнѣ хочется поспѣть на станцію къ обѣду;

Смотри-жь, Клеонъ, — держи совѣтъ мой въ головѣ! —

Простилися, Клеонъ подумать общался...

И на Эмилии спустя недѣли двѣ

Съ большимъ парадомъ обвѣнчался.

Три года минуло и вотъ опять Честонъ

Въ столицу возвратился;

Оправиться едва успѣлъ съ дороги онъ,

И тотъ-же часъ къ пріятелю пустился.

— Ну вотъ, Клеонъ, опять въ Москвѣ я наконецъ;

Куда, мой другъ, давно съ тобой мы не видались!

Ты былъ женихъ, когда разстались,

Теперь любовникъ, мужъ и счастливый отецъ...

Но ты нахмурилъ лобъ, молчишь, не отвѣчаешь?

Какой ужасный взглядъ — ты сталъ совѣтъ другимъ —

Тебя по чести не узнаешь!

Давно-ли чудакомъ ты сдѣлался такимъ?

«Давно-ль? Съ тобой на что таяться...

Съ тѣхъ поръ, какъ за грѣхи задумалъ я жениться!»

— Возможно-ли, Клеонъ? — Да развѣ ужъ жена

Твоя въ собраньяхъ не блистаетъ?

«По прежнему всегда толпой окружена

И всѣхъ собой обворожаетъ».

— Талантовъ что-ль убавилось число?

«О, нѣтъ... вѣдь правиться желанье не прошло:

Въ мазуркѣ и пѣньѣ она весьма успѣла!»

— Такъ чтожь? — Неужели богиня подурнѣла?

«Богиня, скажешь, красоты?...»

— Да это говорилъ не я, мой другъ, а ты! —

«Не можетъ быть! — Я толкъ немного въ этомъ знаю!

И что въ ней нравится — никакъ не понимаю?

У ней во всемъ лицѣ нѣтъ правильной черты».

— Скажи-же наконецъ, что сдѣлалось такое? —

«А то, Честонъ, что добрая моя жена

Долгъ матери считаетъ за пустое:

По баламъ каждый день, въ гостяхъ разряженъ;

Супружеской любви въ ней даже нѣтъ и тѣни;
Со всѣми страхъ мила, но только не со мной;
И если я когда останусь съ ней одной,

Тотчасъ пойдуть и спазмы, и мигрени...

И сверхъ того злодѣйка такъ хитра,
Что въ свѣтъ прожила предоброку женою—
Я мученикъ—и всё-жъ смѣются надо мною!»

— А гдѣ теперь ея сестра? —

«Давно ужъ замужемъ—Людмилъ на ней женился:

Ну, видно Богу онъ молился!

Какъ счастливо живеть онъ съ ней!

Она всегда съ дѣтьми, всегда въ семьѣ своей.

Въ женитьбѣ испыталь Людмилъ одно блаженство;

За чтожъ такое неравенство?

Одинъ счастливъ, другой судьбою угнетенъ;

За чтожъ не онъ, а я жить долженъ не счастливо?

Куда, подумаешь, судьба несправедлива!»

— Напрасно ты винишь судьбу,—прервалъ Честонъ,—

Вини себя въ своей печали:

Съ Людмиломъ оба вы нашли чего искали!

Аглая, попросту, безъ пышныхъ всѣхъ затѣй,

Живеть для мужа и дѣтей;

За то твоя ловка, по модѣ разодрѣта,

Плѣняетъ всѣхъ, а мучить лишь тебя;

Но кто-же виновать—ты взялъ жену для свѣта,

А онъ женился для себя.

IV.

ПОСЛАНИЕ КЪ ЛЮДМИЛУ.

Съ какимъ торжественнымъ и радостнымъ лицомъ,
Съ какимъ восторгомъ мнѣ, Людмилъ, ты объявляешь,
Что, рѣзвой Галли рѣшившись быть жрецомъ,
Досуги ты свои театру посвящаешь.
Повѣрь, въ томъ жалости, мой другъ, нимало нѣтъ,
Кто вздумалъ дать тебѣ столь пагубный совѣтъ!
Скажи: какой злой духъ, конечно въ наказанье
За тяжкіе грѣхи, внушилъ тебѣ желанье
На этомъ поприщѣ твоихъ извѣдать силъ?
Иль участь горькую не знаешь ты, Людмилъ,
Въ удѣлъ сужденную комическимъ поэтамъ?
Веселя всѣ забывъ, разставшись съ цѣлымъ свѣтомъ,
Трудамъ всю жизнь свою ты долженъ посвятить,
Съ терпѣньемъ слушать вздоръ, безъ ропота сносить

Насмѣшки остряковъ, нападки журналистовъ,
Сужденія купцовъ, лакеевъ, копѣистовъ,
И словомъ, всей Москвѣ отдавъ себя на судъ,
За милость почитать, когда изъ снисхожденья,
Порядкомъ осмѣивъ твоё произведенье,
Съ нимъ вмѣстѣ и тебя забвенью предадутъ.
Все это-бъ доказать я могъ легко примѣромъ,
«Но участи другихъ тебѣ не можно ждать,
«Ужъ вѣрно будешь ты у насъ вторымъ Мольеромъ;
«Всѣ стануть - и должны тебѣ рукоплескать».
Согласенъ и на то. Не скажемъ мы ни слова,
Какъ много ты ночей провелъ совсѣмъ безъ сна;
Положимъ, что твоя комедія готова,
Отдать ее въ театръ—забота лишь одна
Осталася тебѣ,—и вотъ изъ доброй воли,
Мытарства всѣ пройдя, успѣешь наконецъ;
Пьеса принята, расписаны всѣ роли,
Друзья заранѣ плетуть тебѣ вѣнецъ,
Враги до времени свою скрываютъ злобу,
И ты, довольный всѣмъ, я, вляешься на пробу,
Спѣшишь ее начать... О, бѣдный мой Людмилъ!
Крѣпись, мой другъ, терпи! Часъ бѣдствій наступилъ.
Какихъ ты перенести не долженъ испытаній,
Препятствій и досадъ, несносныхъ истязаній...
Ты вѣрно скажешь мнѣ: «все это не бѣда,
Награду приобрѣсть не можно безъ труда»
Она передъ тобой—твоя, въ томъ нѣтъ сомнѣнья!
И вотъ насталъ ужъ день желанный представленья;
На сценѣ ты давно—въ ужасныхъ суетахъ,
Съ смущеньемъ на челѣ, съ улыбкой на устахъ.
Къ актерамъ всѣмъ въ глаза съ поклономъ забѣгаешь,
Здѣсь руку жмешь слугѣ, тамъ дядю обнимаешь,
И даже самъ суфлеръ, попавъ къ тебѣ въ друзья.
Бросаетъ вкругъ себя взглядъ важный и спѣсивый.
Но вотъ шумитъ партеръ, —сей грозный судія,
Въ сужденіяхъ своихъ нерѣдко торопливый;
Пробило шесть часовъ—знакъ поданъ роковой;
Хлопочетъ режиссеръ, актеровъ всѣхъ сзывая,
Оркестръ гремитъ и ты, съ поникшей головой,
Смятеніе свое и страхъ едва скрывая,
Спѣшишь среди кулисъ прижаться въ уголокъ.
Хоть скромность лишняя не авторскій порокъ,
Повѣрь, Людмилъ, въ сіи минуты ожиданья
Исчезнуть всѣ твои надменные мечтанья,
Надежда пропадетъ,—твой трудъ, въ которомъ ты
Доселѣ находилъ однѣ лишь красоты,

Представится тебѣ столь мелкимъ и ничтожнымъ,
Что, всякій ужь успѣхъ считая невозможнымъ,
Предвидишь торжество завистниковъ твоихъ,
Погрѣшности забыть стараешься напрасно,
Ошибка каждая и каждый слабый стихъ,
Все-все придетъ на умъ теперь ты видишь ясно:
Завязка сбивчива—интрига не вѣрна—
Такъ точно—Боже мой! Комедія дурна!
Все зрители должны дремать, заснуть отъ скуки...
Уже ты чувствуешь начало адской муки—
Ты слышишь злобный смѣхъ, и шиканье, и свистъ,—
Ты видишь предъ собой—о, страшное явленье!
Какъ съ сердцемъ ледянымъ, холодный журналистъ,
Подробно описавъ постыдное паденье,
И подписью скрѣпивъ твой смертный приговоръ,
Въ листахъ своихъ тебя выводитъ на позоръ!
Тогда, Людмилъ, съ какимъ душевнымъ сокрушеньемъ
Ты вспомнишь мой совѣтъ—винишь, клянeshь себя.
Но вдругъ затихнетъ все, и вмѣстѣ съ представленьемъ
Мученья новаго начнутся для тебя.
Ты съ трепетомъ глядишь на каждого актера...
Не даромъ за себя боишься и за нихъ.
Тотъ выйти опоздалъ, тотъ скушалъ цѣлый стихъ.
А здѣсь другой, отстать не смѣя отъ суфлера,
Безъ точки съ запятой не скажетъ ничего.
Терпи, Людмилъ!—терпи, а болѣе всего
Показывать не смѣй ни гнѣва, ни досады.
Но вотъ ужь наступилъ желанный часъ награды:
Могущество свое доказывать любя,
Партеръ шумить, кричить и требуетъ тебя,
Все эти вызовы между собой похожи:
Съ приличной скромностью, согнувшись весь въ кольцо,
Пріятелямъ своимъ покажешь ты изъ ложи
Давно уже для нихъ знакомое лицо,—
Доволенъ,—счастливъ ты! не спорю съ тобою.
Не знаешь-ли, какой ужасною цѣною
За этотъ счастья мигъ ты долженъ заплатить?
Жрецъ истины святой, всегдашній бичъ порока,
Поэтъ комическій льстецомъ не можетъ быть,
И если не успѣлъ хорошаго урока
Онъ дать насмѣшникамъ, надменнымъ богачамъ,
Иль кистью вѣрною изображая намъ
Безстыднаго хавжи смиренную личину,
Не смѣлъ сорвать съ него обманчивый нарядъ,
Не смѣлъ сказать въ глаза большому господину:
Что гордость есть порокъ—что славныхъ предковъ рядъ,

Безъ собственныхъ заслугъ, до тойныхъ уваженья,
Несла для него — и стыдъ и поношенье,
Коль хитрость и обманъ, злословье и вражда
Судью не строгаго найдуть въ тебѣ, — тогда
Напрано ты себя поэтомъ называешь;
Но если ты сей долгъ священный исполняешь,
И смѣло обличать пороки вездѣ готовъ,
То знай, мой другъ: полки безчисленныхъ враговъ
Возстануть на тебя всеобщимъ ополченьемъ.
Весь умъ свой изострять надъ бѣднымъ сочиненьемъ,
Найдуть погрѣшности, не сыщутъ въ немъ красота,
И, чтобъ вѣрнѣй убить едва возникшій геній,
Твореніе твое, прекрасный, зрѣлый плодъ
Ужаснѣйшихъ трудовъ, глубокихъ размышлений,
О, стыдъ! съ какимъ-нибудь посланіемъ сравнять.
Проснется клевета — зоилы зашипятъ.
Тогда, при помощи услужливыхъ журналовъ,
Презрѣнная толпа новѣйшихъ ювеналовъ,
Тяжелыхъ, какъ свинецъ, педантовъ и вралей,
И словомъ, сборище парнасскихъ всѣхъ шмелей
Какъ туча надъ тобой развернется и грянетъ;
Подъ тяжкимъ, желчью ихъ напитаннымъ перомъ
Твой юный, свѣжій лавръ безвременно завянетъ;
И ты, Людмилъ, повѣрь, согласенъ будешь въ томъ,
Что лучше вѣкъ не быть комическимъ поэтомъ,
Безъ славы умереть, — чѣмъ сдѣлаться предметомъ
Злословья, клеветы и злобныхъ эпиграммъ.
Ты хочешь мнѣ сказать: — «я знаю это самъ;
«Поэтамъ истиннымъ прилична-ль боязливость?
«Что значить въ ихъ глазахъ враговъ пристрастный судъ?
«И рано-ль, поздно-ли, а вѣрно справедливость
«Таланту твоему потомки отдадутъ:
«Забвеніе твоимъ не можетъ быть удѣломъ;
«Остатки за собой въ твоёмъ полетѣ смѣломъ;
«Ничтожныхъ всѣхъ пѣвцовъ — театръ украсивъ нашъ,
«Творенія свои вѣкамъ ты передашь!»
— Прекрасно, милый мой! Большое утѣшенье,
Награда лестная — всю жизнь терпя гоненье,
По смерти быть въ чести! Не лучше ли хотѣть,
Безвѣстный кончивъ вѣкъ, спокойно умереть,
Чѣмъ жертвой вѣчной быть интригъ и вѣроломства?
Къ чему намъ льстить себя безсмертія мечтой?
Что слава мнѣ тогда, и что мнѣ до потомства,
Когда въ сырой землѣ и прахъ истлѣетъ мой,
Что нужды мнѣ, что свѣтъ и лживый и коварный
Раскается тогда въ сужденіи своемъ?

Нѣтъ, нѣтъ, Людмилъ! Оставь сей трудъ неблагодарный!
Коль славнымъ хочешь быть, ступай инымъ путемъ!
Извѣстность не всегда подруга дарованья:
Будь лирикомъ, мой другъ! Примись-ка за посланья,
Писателей друзей хвалить не уставай!
Хорошимъ—потому, что ихъ хвалить не стыдно,
Дурныхъ же—для того, чтобъ не было обидно;
Описывай пиры, а чаще ихъ давай;
А такъ какъ здравый смыслъ давно уже не въ модѣ,
То можешь иногда писать и въ мрачномъ родѣ:
Поймутъ тебя, иль нѣтъ... что нужды—все равно!
А лучше и того, пѣвецъ любви счастливой,
Воспой прелестный взглядъ Лайсы прихотливой,
Забавы юности безпечность и вино.—
«Да это, скажешь ты, не новые предметы,
«Въ семь родѣ есть давно отличные поэты.»
Отъ нихъ-то и живись! Гражданскія права
Не значать ничего въ республикѣ словесной.
Талантъ украсть нельзя—такъ выкради слова,
Лети во слѣдъ мечты—крылатой и прелестной,
Всѣ сны волшебные чувствительной души,
И нѣги празднои сонъ описывай въ тиши,
Оплачь потерю дней, въ чужбинѣ проведенныхъ,
Кипящей младости отцвѣтшіе года.
Короче модныхъ словъ, талантомъ освященныхъ,
Будь полнымъ словаремъ—описывай всегда
Души растерзанной всѣ бури и ненастья,
Цвѣтъ жизни молодой, грядущаго обѣтъ,
Бывалыя мечты, а пуще сладострастье:
Безъ этого словца въ стихахъ спасенья нѣтъ.
Хоть это все старо—не спорю я нимало,
За то, Людмилъ, чернилъ лишь только-бы достало,
А то, мой другъ, пиши!—Стихи твои жестки?
Не бойся ничего! Друзья найдутъ въ нихъ силу.
Разбавлены водой?—такъ чтожь? Они легки.
Ошибки всѣ простятъ богатому Людмилу.
Шампанскимъ кто поить, того никто не тронь!
Нѣтъ смыслу наконецъ—за то какой огонь!
И словомъ: ты рожденъ писателемъ чудеснымъ!
Ты долженъ славнымъ быть, ты долженъ быть извѣстнымъ!
Стихамъ твоимъ гремитъ повсюду похвала;
И вскорѣ, можетъ быть, безъ всякихъ затрудненій,
По милости друзей и сытнаго стола,
Ты будешь все—талантъ, поэтъ и даже геній.

К О Н Е Ц Ъ .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Женатый женихъ	1
День перваго представленія новой пьесы.	105
Столичные жители въ провинціи.	111
Павъ Твардовскій.	129
Аскольдова могила.	169
Тоска по родинѣ	227
Журнальныя статьи.	283

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ

М. Н. ЗАГОСКИНА.

	Стр.
Авторская клятва—т. X.	406—410
Англійскій клубъ (Москва и москвичи)—т. VII.	164—184
Андрей Евстафьевичъ Дыбковъ (Москва и москвичи)—т. VII.	389—396
Аскольдова могила—т. V.	1—285
Аскольдова могила—т. X.	169—225
Бабій городокъ (Москва и москвичи)—т. VII.	399—401
Благодарный воръ (Москва и москвичи)—т. VII.	484—494
Благородный театр—т. IX.	1—118
Богатовъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ—т. VIII.	251—315
Братъ и сестра (Москва и москвичи)—т. VII.	258—263
Брынскій лѣсъ—т. II.	1—255
Ванька (Москва и москвичи)—т. VII.	215—231
Вечеринка ученыхъ—т. VIII.	131—180
Вечеръ на Хопрѣ—т. VI.	331—428
Взглядъ на Москву (Москва и москвичи)—т. VII.	20—31
Выборъ жениха (Москва и москвичи)—т. VII.	31—44
Выборъ жены—т. X.	410—414
Городскіе слухи (Москва и москвичи)—т. VII.	140—164
Г-нъ Богатовъ или провинціалъ въ столицѣ—т. VIII.	47—124
Два московскихъ бала въ 1801 году (Москва и москвичи)— т. VII.	63—75
Два слова о нашей древней и современной одеждѣ (Москва и москвичи)—т. VII.	401—406
День перваго представленія новой пьесы—т. X.	105—110
Деревенскій философъ—т. VIII.	365—398
Дешевые товары (Москва и москвичи)—т. VII.	263—266
Добрый малый—т. VIII.	207—250

	Стр.
Добрый малый (Изъ „Сѣвернаго Наблюдателя“ 1817 г.)—т. X.	285—287
Женатый женихъ—т. X.	1—103
Живописецъ (Москва и москвичи)—т. VII.	90—104
Знатоки или исторія одного дня—т. X.	319—332
Изъ альманаха „Литературный вечеръ“ 1844 г.—т. X.	395—402
Искуситель—т. VI.	1—257
Испытаніе (Изъ „Сѣвернаго Наблюдателя“ 1817 г.)—т. X.	287—291
Канцеляристъ (Москва и москвичи)—т. VII.	515—526
Карты (Москва и москвичи)—т. VII.	277—286
Комедія противъ комедіи—т. VIII.	1— 46
Контора дилижансовъ (Москва и москвичи)—т. VII.	53— 63
Кузьма Петровичъ Мирошевъ—т. III.	1—348
Кузьма Рошинъ—т. I.	269—341
Купеческая свадьба (Москва и москвичи)—т. VII.	410—426
Бъ читателямъ (Москва и москвичи)—т. VII.	407—410
Лебедянская ярмарка—т. VIII.	125—130
Литературный вечеръ (Москва и москвичи)—т. VII.	185—214
Логическій выводъ (Москва и москвичи)—т. VII.	384—388
Лѣварскій дипломъ (Москва и москвичи)—т. VII.	495—515
Любители словесности (Изъ „Соревнователя просвѣщенія и благотворенія“) —т. X.	367—375
Марьина роца (Москва и москвичи)—т. VII.	104—113
Миновать судъ—т. X.	315—319
Мирошевъ, Кузьма Петровичъ—т. III.	1—348
Московскіе балы нашего времени (Москва и москвичи)—т. VII.	76— 89
Московскія гостиницы (Москва и москвичи)—т. VII.	388—389
Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго—т. V.	1—526
Москва-рѣка (Москва и москвичи)—т. VII.	397—399
Московскіе сводчики (Москва и москвичи)—т. VII.	444—458
Московская старина (Москва и москвичи)—т. VII.	44— 53
Московский старожилъ (Москва и москвичи)—т. VII.	11— 20
Наслѣдники или урокъ холостымъ—т. VIII.	317—364
Недовольные—т. IX.	119—227
Неравный бракъ (изъ „Современнаго Наблюдателя“ 1817 г.)— т. X.	291—312
Нескучное (Москва и москвичи)—т. VII.	427—443
Новорожденный (Москва и москвичи)—т. VII.	231—263
Новорожденный—т. IX.	285—312
Нѣсколько словъ о нашихъ провинціалахъ (Москва и москви- чи)—т. VII.	287—295
Опытъ новыхъ разговоровъ на русскомъ и французскомъ языкахъ—т. X.	388—394
Осенніе вечера (Москва и москвичи)—т. VII.	458—472
Отвѣтъ на письмо неизвѣстнаго (изъ „Современнаго Наблю- дателя“) —т. X.	364—366

	Стр.
Официальный обѣдъ—т. VI.	259—329
Панъ Твардовскій—т. X.	129—167
Первое мая (Москва и москвичи)—т. VII.	317—329
Первыя театральныя представленія въ Москвѣ (Москва и москвичи)—т. VII.	263—269
Петровский парк и вокзалъ (Москва и москвичи)—т. VII.	126—139
Письмо изъ Арзамаса (Москва и москвичи)—т. VII.	355—367
Письмо чувствительной женщины—т. X.	332—334
Посланіе къ Людмилу—т. X.	414—418
Посланіе къ Н. И. Гвѣдичу—т. X.	403—406
Поѣздка за границу—т. IX.	313—374
Поѣздка за границу (Москва и москвичи)—т. VII.	329—354
Прогулка въ Симоновъ монастырь (Москва и москвичи)—т. VII.	367—384
Путешественникъ (изъ „Соревнователя просвѣщенія и благо- творенія“) — т. X.	376—388
Разговоры въ царствѣ живыхъ и мертвыхъ—т. X.	312—366
Репетиція на станціи или доброму служить—сердце лежитъ— т. VIII.	399—427
Романъ на большой дорогѣ—т. VIII.	181—206
Рославлевъ или русскіе въ 1812 году—т. IV.	1—354
Рошинъ, Кузьма—т. I.	69—341
Русскіе въ началѣ восемнадцатаго столѣтія—т. II.	257—502
Русскіе въ 1612 году или Юрій Милославскій—т. I.	1—264
Русскій магазинъ (Москва и москвичи)—т. VII.	269—277
Смѣсь (Москва и москвичи)—т. VII.	113—125
(Визитныя карточки.—Московскія фабрики.—Дураки.— Большой колоколъ и царь-пушка. — Бульварный разго- воръ.—Кремль при лунномъ свѣтѣ.—Вороны).	
Столичные жители въ провинціи—т. X.	111—128
Сюрпризъ самому себѣ или Богатововъ въ деревнѣ—т. VIII.	251—315
Театръ (изъ „Сѣвернаго Наблюдателя“) — т. X.	334—364
Театральныя сѣны—т. X.	312—314
Тоска по родинѣ—т. X.	227—282
Тоска по родинѣ—т. V.	287—471
Три жениха—т. VI.	429—494
Урокъ матушкамъ—т. IX.	229—283
Урокъ холостымъ или наслѣдники т. VIII.	317—364
Четыре визита (Москва и москвичи)—т. VII.	296—317
Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году—т. I.	1—264
Эмигрантъ (Москва и москвичи)—т. VII.	472—483

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

~~STALL-STUDY
CHARGE~~

STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED

